

2024. Vol. 17. Is. 6

ISSN 2619-0990 (Print)
ISSN 2619-1008 (Online)

oriental Studies (Elista)

КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Элиста

ISSN 2619-0990 (print version)
ISSN 2619-1008 (online version)

Oriental Studies

2024. Т. 17. № 6

Журнал «Oriental Studies» — рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий результаты комплексных исследований по проблемам востоковедения в области исторических и филологических наук, посвященных истории и культуре восточных народов, которые определяют их уникальный социокультурный облик.

Миссия журнала «Oriental Studies» — содействие развитию отечественного и зарубежного востоковедения; публикация оригинальных и переводных статей, обзоров по востоковедению и рецензий книг, сборников, материалов конференций, а также повышение уровня научных исследований и развитие международного научного сотрудничества в рамках актуальных проблем востоковедения.

Цель журнала заключается в формировании высокого уровня востоковедных научных исследований, опирающихся на современные научные подходы и максимально широкий круг доступных источников и полевых материалов, осмысление событий, явлений и процессов прошлого и современности.

Значительное внимание уделяется разработке различных дискуссионных аспектов истории и культуры тюрко-монгольских народов, их месту в России и в мире, а также сравнительно-историческому анализу взаимодействия и взаимовлияния кочевых культурных сообществ. Редакционная коллегия приветствует междисциплинарные исследования и академическую полемику на страницах журнала, рассматривая его как площадку для презентации различных точек зрения, мировоззренческих концепций, методологических подходов к решению проблем ориенталистики.

В «Oriental Studies» публикуются научные работы по востоковедной тематике: истории, археологии, этнологии и антропологии, источниковедению, языкознанию, фольклористике, литературоведению, а также обзорные статьи ведущих специалистов по основным направлениям журнала. Также печатаются материалы лингвистических, фольклорных, археологических, этнографических экспедиций; вводятся в научный оборот архивные и иные документы; сообщается информация о новых изданиях, научных конгрессах, конференциях, семинарах.

Журнал публикует статьи на русском, монгольском, калмыцком и английском языках.

Разделы журнала:

история (всеобщая история, отечественная история, источниковедение, этнология и антропология, археология);
языкознание; литературоведение и фольклористика

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

Журнал зарегистрирован 02 августа 2019 г. в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер ПИ № ФС77-76487

Выходит 6 раз в год

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Калмыцкий научный центр Российской академии наук» (адрес: д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия)

Редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; сайт: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

The *Oriental Studies* is an open access peer-reviewed scientific journal that publishes results of comprehensive research works dealing with Oriental studies in the fields of historical and philological sciences, including ones investigating history and culture of Eastern peoples and defining their unique sociocultural appearances.

The **mission** of the *Oriental Studies* journal is to facilitate development of domestic and foreign Oriental studies; to publish original and translated articles, reviews on Oriental studies and reviews of books, collections, conference proceedings, as well as to increase the level of scientific research and develop the international scientific cooperation on current problems of Oriental studies.

The **goal** of the journal is to establish a high level of Oriental scientific research that would involve the use of modern scientific approaches and a maximum wide range of available sources and field materials, interpretation of events, phenomena and processes of the past and the present.

Considerable attention is paid to the elaboration of various debatable aspects of history and culture of the Turko-Mongols, their place in Russia and in the world, special focus to be laid on comparative historical analysis of interactions and mutual influences of nomadic communities. The Editorial Board welcomes cross-disciplinary studies and academic polemics on pages of the journal, considering the latter as a platform for the presentation of various viewpoints, worldview concepts, and methodological approaches to the solution of topical issues of Oriental studies.

The *Oriental Studies* publishes scholarly papers that deal with a range of East-related topics, such as history, archaeology, ethnology and anthropology, source studies, linguistics, folklore studies, literary studies, including review articles by leading experts on the primary focus areas of the journal. It also contains materials of linguistic, folklore, archaeological and ethnographic expeditions, sociological surveys and polls; introduces archival documents into scientific discourse; provides information about new publications, scientific congresses, conferences and seminars.

The journal publishes articles in the Russian, Mongolian, Kalmyk and English languages.

Journal Sections:

History (World History, National History, Source Studies, Ethnology and Anthropology, Archaeology);
Linguistics; Literary and Folklore Studies

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

The Journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on August 02, 2019.

Registration record III No. ФС77-76487

Published six times a year

Founding Institution: Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
(8, Ilshkin Street, 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation)

Editorial Board, Publisher — Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
Editorial Board, Founding Institution and Publisher's address:
8, Ilshkin Street, 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation
Phone No. +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15
E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; web-site: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

Главный редактор

канд. филол. наук *В. В. Куканова*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Заместитель главного редактора

д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:

- чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов*, Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (Россия, г. Махачкала);
д-р ист. наук *М. М. Балзер*, Джорджтаунский университет (США, г. Вашингтон);
проф. филологии *А. Барей-Старжинска*, Варшавский университет (Польша, г. Варшава);
канд. филол. наук *А. Т. Баянова* (Россия, г. Элиста);
акад. Академии наук Монголии *Л. Болд*, Институт языка и литературы Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор); д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай*, Институт российской истории РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Вэй Цзянь*, Пекинский народный университет (КНР, г. Пекин);
д-р филол. наук *Л. С. Дампилова*, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ); проф. антропологии *Ц. Дариева*, Центр восточноевропейских и международных исследований (ZOiS) (Германия, г. Берлин); чл.-кор. РАН *А. В. Дыбо*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская*, Институт этнологии и антропологии РАН (Россия, г. Москва);
д-р филол. наук *В. Л. Кляус*, Институт мировой литературы РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *М. Е. Колесникова*, Северо-Кавказский федеральный университет (Россия, г. Ставрополь);
д-р, проф. *Ю. Конагая*, генеральный инспектор Японского Общества содействия науке (Япония, г. Токио);
д-р ист. наук *И. В. Крючков*, Северо-Кавказский федеральный университет (Россия, г. Ставрополь);
д-р филол. наук *И. В. Кульганек*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук *О. А. Мудрак*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р филол. наук *Ю. В. Норманская*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
канд. ист. наук *В. В. Овсянников*, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Россия, г. Уфа);
д-р ист. наук *У. Б. Очиров*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);
д-р ист. наук *И. Ф. Попова*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
д-р геогр. наук *А. В. Псянчин*, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Россия, г. Уфа);
д-р филол. наук *Г. Ц. Пюрбеев*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *А. Г. Ситдиков*, Институт археологии Академии наук Республики Татарстан (Россия, г. Казань);
д-р филол. наук *Е. К. Скрибник*, Мюнхенский университет (Германия, г. Мюнхен);
д-р ист. наук *На. Сухбаатар*, Монгольский государственный университет образования (Монголия, г. Улан-Батор);
проф. *Т. Уяма*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро);
д-р филол. наук *А. Д. Цендина*, Институт классического Востока и античности НИУ «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Н. В. Цыремпилов*, Назарбаев Университет (Республика Казахстан, г. Нур-Султан);
акад. Академии общественных наук КНР *Чао Геджин*,
Институт национальных литератур Академии общественных наук КНР (КНР, г. Пекин);
д-р филол. наук *Чао Гету*, Университет национальностей КНР (КНР, г. Пекин);
акад. Академии наук Монголии *С. Чулуун*, Институт истории и археологии Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор);
д-р ист. наук *Д. Шорковиц*, Институт социальной антропологии им. Макса Планка (Германия, г. Берлин);
д-р филол. наук *А. Юкиясу*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро);
канд. филол. наук *Г. М. Ярмаркина*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста).

Редактор: *Р. Г. Саряева*

Переводчик: *С. В. Джагрунов*

Дизайн: *Д. В. Татнинов*

Компьютерная верстка: *А. Н. Когданов*

Ответственный секретарь: *И. Б. Манджиева*

Editor-in-Chief

Cand. Sc. (Philol.) *V. Kukanova*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Deputy Editor-in-Chief

Dr. Sc. (Hist.) *E. Bakaeva*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Editorial Board

- Corr. Member of the RAS *Kh. Amirkhanov*, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the RAS (Makhachkala, Russia);
Ph. D. (Hist.) *M. Balzer*, Georgetown University (Washington, USA);
Ph. D. Habil. *A. Bareja-Starzynska*, University of Warsaw (Poland, Warsaw);
Cand. Sc. (Philol.) *A. Bayanova*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *L. Bold*, Institute of Language and Literature (Ulaanbaatar, Mongolia);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Bugay*, Institute of Russian History of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *Wei Jian*, Renmin University of China (Beijing, China);
Dr. (Anthrop.) *Ts. Darieva*, Centre for East European and International Studies (ZOiS) (Berlin, Germany);
Corr. Member of the RAS *A. Dybo*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Zhukovskaya*, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *V. Klyaus*, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *M. Kolesnikova*, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Dr. Prof. *Yu. Konagaya*, Inspector General of Japan Society for the Promotion of Science;
Dr. Sc. (Hist.) *I. Kryuchkov*, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *I. Kulganek*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *O. A. Mudrak*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *Yu. V. Normanskaya*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Cand. Sc. (Hist.) *V. Ovsyannikov*, Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of the RAS (Ufa, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *U. Ochirov*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *I. Popova*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
Dr. Sc. (Geogr.) *A. Psyanchin*, Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of the RAS (Ufa, Russia); Dr. Sc. (Philol.) *G. Ts. Pyurbeev*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *A. Sitdikov*, Institute of Archeology, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *E. Skribnik*, Ludwig Maximilian University of Munich (Munich, Germany);
Dr. Sc. (Hist.) *Na. Sukhbaatar*, Mongolian State University of Education (Ulaanbaatar, Mongolia);
Prof. *T. Uyama*, Slavic-Eurasian Research Center (Japan, Sapporo);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Tsyrempilov*, Nazarbayev University (Nur-Sultan, Kazakhstan);
Acad. of the Chinese Academy of Social Sciences *Chao Gejin*, Institute of Ethnic Literature (Beijing, China);
Dr. Sc. (Philol.) *Chao Getu*, Minzu University of China (Beijing, China);
Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *S. Chuluun*, Institute of History and Archeology (Ulaanbaatar, Mongolia); Ph. D. Habil. (History) *D. Schorkowitz*, Max Planck Institute for Social Anthropology (Berlin, Germany);
Dr. Sc. (Philol.) *A. D. Tsendina*, National Research University Higher School of Economics (Russia, Moscow);
Cand. Sc. (Philol.) *G. Yarmarkina*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
Ph. D. (Philol.) *A. Yukiyasu*, Slavic Research Center of Hokkaido University (Japan, Sapporo).

Editor: *R. Saryeva*

Translator: *S. Dzhagrunov*

Design: *Dz. Tatinov*

Page layout: *A. Kogdanov*

Executive Secretary: *I. Mandzhieva*

СОДЕРЖАНИЕ

Отечественная история	<i>Тепкеев В. Т., Каманджаев Н. А.</i> Новые документы об участии калмыков в Персидском походе 1722 г.	1176
	<i>Абазов А. Х.</i> Миграция как фактор преобразования системы приставских управлений на территории Центрального Кавказа и Юга Степного Предкавказья в 1800–1803 гг.	1184
	<i>Мацакова Н. П., Мухлаева Д. Ю., Амаева Д. В.</i> О состоянии лесоразведения в степной части Российской империи в середине XIX в. (на примере Калмыцкой степи Астраханской губернии)	1196
	<i>Саряева Р. Г.</i> «Неоспоримое и вечно потомственное владение землями, под Сарептскую колонию отведенными»: поселение немцев-гернгутеров в Калмыцкой степи.	1209
	<i>Федоров С. И., Винокурова Л. И.</i> Промысловики Крайнего Севера: труд охотников Якутии в 1960–1980-е гг.	1228
Этнология и антропология	<i>Тиникова Е. Е., Винокурова А. В.</i> Социокультурные практики метисации в Хакасии: брачно-партнерские отношения	1241
	<i>Айыжы Е. В., Донгак В. В.</i> Трансформация в названиях родовых групп под влиянием процесса паспортизации в Туве	1253
	<i>Мигранова Э. В., Псянчин А. В., Зарипов А. Я.</i> Патриотизм как компонент мировоззрения молодежи Республики Башкортостан	1267
	<i>Бадмаева Н. В., Чимбеева И. Э.</i> Экспорт образования: почему иностранцы едут учиться в российские регионы?	1279
Литературоведение	<i>Таджиев Х. Х., Шакенова М. Т.</i> Традиция «Мавлид» в творчестве поэтов Средней Азии начала XX в.: историко-литературный аспект	1295
Лингвистика	<i>Байкалов Н. С., Варфоломеева Ю. Н.</i> Топонимическое пространство новых городов Забайкалья: советское наследие и современные номинации.	1309
	<i>Мазарчук А. В., Мухаринов В. М.</i> Монгольская лексика материальной культуры, связанная с традиционным скотоводством: названия седел и их элементов	1331
	<i>Мирзаева С. В.</i> Особенности графо-фонетики калмыцкого языка второй половины XVIII – начала XIX в. (на материале словариков Г. Ф. Миллера (1760–1762) и Б. Бергмана (1804–1805))	1343
	<i>Манджиева И. Б.</i> Словарь П. С. Палласа: архаичные и инновационные черты	1357
	<i>Дыбо А. В., Куканова В. В., Лиджиев Л. А., Бембеев Е. В., Голубева Е. В.</i> Названия ветра в монгольских языках: этимология и семантика	1369

CONTENTS

National History	<i>Tepkeev V. T., Kamandzhaev N. A.</i> Kalmyks in the Persian Campaign of 1722: Introducing Some Newly Discovered Documents.	1176
	<i>Abazov A. Kh.</i> Pristav Directorates in the Central Caucasus and Southern Steppe Ciscaucasia, 1800–1803: Migration as a Transformation Factor	1184
	<i>Matsakova N. P., Mukhlaeva D. U., Amaeva D. V.</i> On Mid-Nineteenth Century Forestation Endeavors across Steppe Areas of the Russian Empire: The Case of Kalmyk Steppe, Astrakhan Governorate	1196
	<i>Saryaeva R. G.</i> ‘Undisputed and Eternal Hereditary Possession of Lands Assigned to the Colony of Sarepta’: On the Settlement of Herrnhut Brethren in Kalmyk Steppe.	1209
	<i>Fedorov S. I., Vinokurova L. I.</i> Industrial Hunting and Fishing in the Far North: Labor and Everyday Life of Yakutia’s Hunters, 1960s–1980s.	1228
Ethnology & Anthropology	<i>Tinikova E. E., Vinokurova A. V.</i> Sociocultural Practices of Miscegenation in Khakassia: Marriage and Partnership Relations	1241
	<i>Aiyzhy E. V., Dongak V. V.</i> Passportization in Tuva and Transformation of Clan/Tribal Names	1253
	<i>Migranova E. V., Psyanchin A. V., Zaripov A. Ya.</i> Patriotism as a Component of Youth’s Worldviews: The Case of Bashkortostan	1267
	<i>Badmaeva N. V., Chimbeeva I. E.</i> Export of Education: Why Foreigners Prefer to Study in Russian Regions	1279
Literary studies	<i>Tadzhiev Kh. Kh., Shakenova M. T.</i> The Mawlid Tradition in Works of Early Twentieth-Century Central Asian Poets: Historical and Literary Aspects	1295
Linguistics	<i>Baikalov N. S., Varfolomeeva Yu. N.</i> Toponymic Environments of New Urban Settlements in Transbaikalia: Soviet Legacy and Contemporary Nomenclature	1309
	<i>Mazarchuk A. V., Mukharinov V. M.</i> Mongolian Material Culture Vocabulary for Traditional Animal Husbandry: Saddles and Their Elements	1331
	<i>Mirzaeva S. V.</i> On Some Graphophonetic Features of Old Kalmyk, Mid Eighteenth to Early Nineteenth Centuries: Analyzing Kalmyk Wordlists by G. F. Müller (1760–1762) and B. Bergman (1804–1805).	1343
	<i>Mandzhieva I. B.</i> Dictionary of P. S. Pallas: Archaic and Innovative Features	1357
	<i>Dybo A. V., Kukanova V. V., Lidzhieva L. A., Bembeev E. V., Golubeva E. V.</i> Wind-Related Terms in Mongolic Languages: Etymology and Semantics	1369

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 6, Pp. 1176–1183, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 94(47)

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1176-1183

Новые документы об участии калмыков в Персидском походе 1722 г.

Владимир Толтаевич Тепкеев¹, Нарма Арслангович Каманджаев²

- 1 Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
 0000-0002-4140-8358. E-mail: [tvt75\[at\]mail.ru](mailto:tvt75[at]mail.ru)
- 2 Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
младший научный сотрудник
 0000-0002-2012-0312. E-mail: [narmakam\[at\]gmail.com](mailto:narmakam[at]gmail.com)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Тепкеев В. Т., Каманджаев Н. А., 2024

Аннотация. *Введение.* В последнее время в историографии наблюдается возрастающий интерес к письменному наследию русско-калмыцких отношений XVII–XVIII вв. Поэтому в настоящей статье впервые публикуется выдержки из текстов указов и грамот Петра I и калмыцкого хана Аюки в период подготовки и проведения Персидского похода 1722 г. *Целью работы* является введение в научный оборот новых письменных свидетельств русско-калмыцких отношений в петровский период. *Источниковой базой* для данной работы послужили материалы Российского государственного архива древних актов и Архива внешней политики Российской империи, где отложились уникальные документы, касающиеся переписки калмыцкого хана с русским императором. *Результаты.* Публикация подобных документов внесет серьезный вклад в изучение русско-калмыцких отношений XVII–XVIII вв. В документе упоминаются довольно интересные сведения о подготовке и участии калмыцкой конницы в Персидском походе 1722 г. *Выводы.* Содержание указов и грамот Петра I, а также писем хана Аюки свидетельствует о серьезной осведомленности российского правительства о ситуации на южных границах государства. В тексте грамоты видно, что правительство уделяло особое внимание подготовке воинских иррегулярных формирований, их обеспечению и выплате денежного жалованья за службу.

Ключевые слова: Петр I, хан Аюка, письменное наследие, калмыки, русско-калмыцкие отношения, донские казаки

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта «Встреча Петра I и хана Аюки в 1722 г.: новые источники по истории русско-калмыцких отношений» (№ 23-28-01190, <https://rscf.ru/project/23-28-01190/>).

Для цитирования: Тепкеев В. Т., Каманджаев Н. А. Новые документы об участии калмыков в Персидском походе 1722 г. // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 6. С. 1176–1183. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1176-1183

Kalmyks in the Persian Campaign of 1722: Introducing Some Newly Discovered Documents

Vladimir T. Tepkeev¹, Narma A. Kamandzhaev²

1 Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Leading Research Associate
 0000-0002-4140-8358. E-mail: tvt75[at]mail.ru

2 Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Junior Research Associate
 0000-0002-2012-0312. E-mail: narmakam[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2024

© Tepkeev V. T., Kamandzhaev N. A., 2024

Abstract. *Introduction.* Recent times witness an increased interest in the written heritage of the seventeenth- and eighteenth-century Russian-Kalmyk interactions. So, the paper introduces some collections from a variety of previously unpublished orders and edicts of Peter I and Khan Ayuka from the period of (including preceding arrangements) the 1722 Persian Campaign. *Goals.* The work seeks to present a number of newly discovered document narratives pertaining to Russian-Kalmyk relations in Peter the Great's era. *Materials.* The article focuses on collections of the Russian State Archive of Ancient Acts and Archive of Foreign Policy of the Russian Empire that contain unique correspondence materials between the Kalmyk ruler and the Russian emperor. *Results.* Publications of such documents shall essentially contribute to the study of the seventeenth- and eighteenth-century Russian-Kalmyk contacts. The text mentions most interesting details of how Kalmyk cavalry units would prepare and participate in the Persian Campaign of 1722. *Conclusions.* Essentials of Peter the Great's orders and edicts — as well as those of Khan Ayuka — attest to the Russian government was perfectly aware of the actual situation along its southern borders. The edict's text shows the government did pay particular attention to military training of irregular troops, and sought to secure the latter receive comprehensive support and stipulated combat pays.

Keywords: Peter I, Khan Ayuka, written heritage, Kalmyks, Russian-Kalmyk relations, Don Cossacks

Acknowledgments. The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 23-28-01190 'The 1722 Meeting of Peter the Great and Khan Ayuka: Newly Discovered Sources on Russian-Kalmyk Relations'. Available at: <https://rscf.ru/project/23-28-01190>.

For citation: Tepkeev V. T., Kamandzhaev N. A. Kalmyks in the Persian Campaign of 1722: Introducing Some Newly Discovered Documents. *Oriental Studies*. 2024; 17(6): 1176–1183. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1176-1183

1. Введение

Русско-калмыцкие отношения в период проведения Персидского похода 1722 г. переживали наивысший политический взлет. Свидетельством тому служат исторические встречи российского императора Петра I и калмыцкого хана Аюки под Саратовом и Черным Яром, которые отражены во многих источниках как документального, так и личного характера. Фонды различных государственных архивов предоставляют массу документальных материалов о русско-калмыцких отношениях XVII–XVIII вв., что, несомненно, представляет для исследователя хорошую возможность реконструировать многие исторические события того времени. Но наибольший интерес для нас представляет дошедшее до нас богатое письменное наследие главных исторических персо-

нажей русско-калмыцких отношений того времени — российского императора Петра I и калмыцкого хана Аюки. Поэтому одна из главных задач современного исследователя, занимающегося петровской эпохой, — это введение в научный оборот письменных свидетельств, раскрывающих в первую очередь характер этих отношений, развивающихся в довольно сложных военно-политических условиях.

Данная работа является продолжением публикаций по истории русско-калмыцких отношений в период Персидского похода 1722 г. Богатое документальное наследие, отложившееся в российских архивах и библиотеках, довольно подробно раскрывает суть этих отношений. И в этой связи публикация подобных исторических источников в наши дни вполне актуальна и востребована,

причем наибольший приоритет в этом направлении имеют документы, связанные с перепиской первых лиц Российского государства и Калмыцкого ханства, в качестве которых можно выделить письменные послания (указы и грамоты) к Аюке и калмыцким тайшам, а также «листы» калмыцкого хана и многих других владельцев. Все эти материалы дают богатейшую историческую информацию. Особо следует отметить материалы фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) и Национального архива Республики Калмыкия (НА РК). Так, в фонде 119 («Калмыцкие дела») АВПРИ и фонде 9 («Кабинет Петра I») РГАДА отдельным блоком документов обнаружены указы российского императора Петра I к поручику лейб-гвардии Преображенского полка Нефеду Кудрявцеву, сопровождавшего калмыцкое войско к местам боевых действий. В частности это указы о выдаче калмыцкому войску денежного жалования, маршруте движения войска и т. д.

В историографии можно отметить целый ряд работ, где затрагивается тема русско-калмыцких отношений в период Персидского похода 1722 г. [Бакунин 1995: 35–37; Батмаев 1993: 194–195; Пальмов 1929: 95–96; Тепкеев 2018а: 312–320; Тепкеев 2018б; Цюрюмов 2007: 161–162]. Однако публикация новых документальных материалов, на наш взгляд, имеет большую научную перспективу в исследовании истории России XVIII в.

2. Материалы и методы

Источниковой базой настоящей статьи послужили материалы Российского государственного архива древних актов и Архива внешней политики Российской империи [РГАДА. Ф. 9; АВПРИ. Ф. 119]. В основном это указы и грамоты императора Петра I и письма канцлера Г. И. Головкина, ведавшего Коллегией иностранных дел, в чьем ведении находились и «Калмыцкие дела». Достоверность информации в изученных архивных документах проверялась посредством определения их происхождения, сверки и сличе-

ния с другими материалами, содержащими похожую информацию.

3. «... Быть к службе во всякой готовности, куда военной случай позовет»

Накануне Персидского похода российское командование особое внимание уделяло формированию не только регулярной, но и иррегулярной конницы, которую должны были составить украинские и донские казаки, а также калмыки [Курукин 2010: 51]. Поэтому с начала 1722 г. из российского правительства к хану Аюке неоднократно поступали грамоты и указы о подготовке 10-тысячного калмыцкого войска, чтобы в дальнейшем выступить к местам боевых действий. Так, из письма канцлера графа Гавриила Ивановича Головкина к Аюке от 29 марта 1722 г. видно, как накануне Персидского похода он его ставит в известность и обнадеживает государевым жалованьем: *А тем калмыком приказать к службе Его императорского величества готовитца, дабы по получении повторительного указа, когда им будет идти повелено, могли они без умедления в тот поход идти* [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1722 г. Д. 1. Л. 2–2об.].

В другом письме от 19 апреля граф Г. И. Головкин просит хана Аюку поспособствовать в укреплении материальной базы предстоящей военной кампании. В частности он просит от лица государя продать для русской армии калмыцкий скот, а именно 300 верблюдов. Выполнение этого поручения было возложено на капитана В. П. Беклемишева, который должен был лично прибыть для покупки скота в калмыцкие улусы [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1722 г. Д. 1. Л. 5]. В дальнейшем гужевой калмыцкий скот сыграл большую роль в обеспечении русской армии, поскольку в дальнейшем водные транспортные суда потерпели крушение в шторм на Каспийском море.

Обращает на себя внимание и тот факт, что изначально правительство и император рассчитывали на участие в Персидском походе именно 10-тысячного калмыцкого войска. Это видно из императорского указа, вышедшего 29 марта 1722 г. В нем к хану Аюке и калмыцким владельцам, в частности, повелевалось: *Указали мы, великий государь,*

наше императорское величество, калмыком твоего подданого нашего владения десяти тысячам человеком сей наступающей весны быть к службе нашей во всякой готовности, военной случай позовет [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1722 г. Д. 1. Л. 7–8].

По информации шотландского врача на русской службе Джона Белла, одним из главных вопросов при личной встрече Петра I и хана Аюки под Саратовом в июне 1722 г. являлось участие калмыцкой конницы в Персидском походе. В том же источнике указано, что на запрос Петра I о посылке в поход 10 тысяч калмыцких конников Аюка уклонился от прямого ответа, заметив, что хватит и половины запрашиваемого количества калмыцкого войска. В дальнейшем по распоряжению калмыцкого хана в сторону Терок двинулось 5 тыс. конников с целью дальнейшего соединения с российской армией [Bell 1763: 333; Белль 1896: 231].

Н. Н. Пальмов предположил, что 5-тысячная калмыцкая конница обладала достаточно высокими боевыми качествами, чего было достаточно для этого похода [Пальмов 1929: 95]. Кроме того, в качестве причин отказа Аюки отправить более многочисленный контингент калмыков можно рассматривать, вероятно, имевший место падеж конского состава в улусах в зимний период, а также то, что хан Аюка придавал большое значение безопасности улусов, поскольку сохранялась угроза нападения с восточного направления казахов и каракалпаков [Тепкев 2018б: 17]. В последующие годы эта угроза, действительно, стала одной из реальных событий, связанных с казахско-джунгарскими войнами.

Среди документов имеются и грамоты императора к хану Аюке, призывавшие помириться с донскими казаками, конфликт с которыми у калмыков начал разгораться в предыдущие годы. Атаманы жаловались в правительство на неоднократные случаи участия отдельных «воровских» калмыков в набегах на казачьи городки и грабеж казаков. Поскольку Петр I рассчитывал на совместное их участие в предстоящем Персидском походе, он призывал хана Аюку всячески пресекать среди своих подвластных калмыков подобные действия. Со своей стороны,

как отмечает в своей грамоте Петр I, правительство строго запретило донским казакам на какие-либо ответные действия в отношении калмыцких улусов [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1722 г. Д. 1. Л. 17–19об.].

После смещения с должности саратовского коменданта Дмитрия Бахметева, обвиненного в коррупции, управляющим «калмыцкими делами» по распоряжению Коллегии иностранных дел, как это было отмечено в грамотах от 20 июля и 26 августа 1722 г., и приставом при хане Аюке был назначен князь Никифор Иванович Львов, а в его введение переходила и воинская казачья команда из 600 человек. В государевой грамоте от 16 июня 1722 г. отмечалось: *И повелели мы, великий государь, ему, подполковнику нашему, при тебе, подданном нашем, быть всегда неотлучно. И о делах и о верных твоих службах нам подлинно и правдиво доносить. И тебе, нашего Императорского величества подданному, Аюкаю хану, ему, подполковнику нашему, Никифору Львову, во всем верить. И что он, когда по указу нашему будет тебе, подданному нашему, объявлять, по тому исполнять* [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1722 г. Д. 1. Л. 15–15об.].

Особый интерес представляет инструкция из 14-ти пунктов, выданная по указу российского императора из Коллегии иностранных дел подполковнику Н. И. Львову 16 июня 1722 г. Подполковник обязан был не только охранять с казаками хана Аюку, но и тайно наблюдать за его действиями, особенно за контактами калмыцких владельцев с кубанскими ногайцами, в частности с султаном Бахта-Гиреем [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1722 г. Д. 9. Л. 31–35об.].

Однако в дальнейшем хан Аюка считал, что подполковнику в зимнее время будет весьма тяжело находиться в калмыцких улусах и предложил правительству его временно направить в Саратов до особых распоряжений [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1722 г. Д. 2. Л. 47]. Стоит отметить, что Н. И. Львов пробыл на этой должности недолго, так как в этом же году по настоянию астраханского губернатора А. П. Вольнского он был заменен В. П. Беклемишевым, ранее выполнявшим вполне успешно подобные поручения.

Из письма хана Аюки, датированного 20 сентября 1722 г., известен и размер еже-

годного жалованья, выдаваемого калмыцкой стороне со стороны государя и правительства. В начале осени 1722 г. в калмыцкие улусы прибыл подполковник Н. И. Львов с государевым жалованьем. Ниже приводим перечень подарков, перечисленных в ханском ответном письме: *1 000 червонных, 443 4/3 сукна, 20 пар соболей, 35 черных лисиц, 10 мехов лисьих, 50 мехов белых хребтовых да 50 черевых, 2 пуда чаю* [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1722 г. Д. 2. Л. 47].

4. «... И будучи в пути, смотри за ними, чтоб они шли смирно»

По указу Петра I от 14 июня 1722 г. поручик лейб-гвардии Преображенского полка Нефедя Никитич Кудрявцев был прикомандирован к входившему в состав воинской части бригадира Я. С. Шмордина калмыцкому войску. Из содержания указа становится известно, что инициатива назначения особого офицера при калмыцком войске все-таки шла от хана Аюки: *Понеже Аюка хан сам нас просил, чтоб при войске ево, которое велено ему отправить к Астрахани, был наш Афицер, того для поезжай ты к нему назад, и, приняв у него войска ево, 7 000 человек з добрым командиром, и поди с ними к Астрахани. И будучи в пути, смотри за ними, чтоб они шли смирно* [РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. 1722 г. Д. 15. Л. 87–87об.].

Получив приказ калмыцкого хана, по направлению к Северному Дагестану через Волгу в начале августа 1722 г. выдвинулось войско под началом Бату и Ямана [Пальмов 1929: 96]. В фонде «Кабинет Петра I» встречаются несколько указов российского императора к поручику Н. Н. Кудрявцеву касательно маршрута переброски к местам боевых действий калмыцких конников. В одном из них приводятся довольно четкие инструкции по дислоцированию калмыцкого соединения в Северном Дагестане: *Когда с калмыками приближишься к Курдюкову казачью городку, тогда поди с ними к Андреевой деревне, которая ныне от наших разорена. И для лутчей безопасности от их набегов поставь калмыков против оной деревни на дороге, которая лежит от Курдюкова городка к Таркам, чтоб оную дорогу от того места на обе стороны, как к Курдю-*

кову, так и к Таркам, безопасну содержали для наших проезжих. Также и искали над остальными андреевцами, которые ушли [от] поиску сколько возможно [РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. 1722 г. Д. 15. Л. 105об.].

По пути движения калмыцкого войска на поручика Н. Н. Кудрявцева возлагалась обязанность и его обеспечения. Например, именно он должен был забрать у саратовских «кабацких бурмистров» 200 ведер вина и 15 пудов табака, предназначенного для хана Аюки и калмыцкого войска. На этот счет даже вышел отдельный указ императора от 14 июня 1722 г. [РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. 1722 г. Д. 15. Л. 87].

Среди прочих документов особого внимания заслуживает и указ императора от 30 августа 1722 г. к господину поручику Н. Н. Кудрявцеву о выдаче калмыцкому войску денежного жалованья. Из его содержания известно и о размере выдаваемого денежного жалованья калмыцким владельцам и воинам: *Писали мы в Астрахань, к обер-итер-крикскомиссару Панину, чтоб он на дачю калмыкам отослал денег морем в Терки десять тысяч рублей с нарочным комиссаром. И когда он, комиссар, на Терек придет, тогда велено ему писать к тебе, куды их лутче с Терек к вам привести. И как те деньги к вам привезут, тогда из оных роздайте калмыкам: каждому по рублю, да владельцам, первому Яману пятьдесят рублей, а прочим, которые по нем первые двум или трем, по рассмотрению своему. И притом их обнадеживать, что достальные деньги им будут выданы впредь* [РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. 1722 г. Д. 15. Л. 111].

В работе В. М. Бакунина, который был не только очевидцем, но и непосредственным участником Персидского похода, поскольку был приставлен к калмыцкому войска в качестве переводчика, сохранилось довольно интересное описание процедуры выдачи того самого денежного жалованья за военную службу, в частности, на территории Северного Дагестана: *Рота драгунская расставлена была в одну линию, а в середине оной оставлено было небольшое порожнее место, наподобие ворот, чрез которые то калмыцкое войско по одному человеку пропускаемо и давано было при том опре-*

деленное жалованье каждому по одному рублевику, а дабы калмыки не могли, объехав расположение помянутой драгунской роты [и], вдругорядь у означенных ворот для получения жалованья явиться, для того по обоим крылам той роты постановлены были казацкие команды [Бакунин 1995: 37].

Благодаря такой процедуре удалось выяснить и точную численность калмыцкого войска, которая была меньше заявленных 4 тыс. человек и насчитывала 3 727 человек, не считая двух убитых в бою [Бакунин 1995: 37].

Несмотря на это, в целом российское командование и император были довольны военными действиями 4-тысячного калмыцкого войска в Дагестане. Об этом свидетельствует и указ императора Петра I к калмыцкому хану Аюке от 27 октября 1722 г., подписанный в Астрахани тайным советником П. А. Толстым. В ответ на письменное ханское послание, доставленное Олдоксоном, в указе отмечалось: *И что ты во оном доносил об отпращивании и посылкою на нашу императорского величества службу внука твоего, Бату, с калмыки, и мы, великий государь, наше императорское величество, тою присылкою и службою внука твоего с калмыки, которую они показали в бытность свою в нашем походе, довольны и принимаем оную милостиво* [АВПРИ. Ф. 19. Оп. 1. 1722 г. Д. 1. Л. 23].

Однако не обошлось и без инцидента, когда в ходе боевых действий к Петру I с коллективной жалобой обратились лояльные к России отдельные кумыкские владельцы, пострадавшие из-за карательных действий в северной части Дагестана донских казаков и калмыков. В частности, согласно жалобе аксаевского Султан-Махмуда в Коллегию иностранных дел, стало известно, что ханский внук Бату, командовавший калмыцким войском, захватил не только некоторое количество скота, но и увел с собой 1 000 кибиток кундровских ногайцев [Бакунин 1995: 37; Русско-дагестанские 1988: 448].

По этому поводу в архиве сохранилась грамота российского императора Петра I к калмыцкому хану Аюке от 10 ноября 1722 г., где указывалось вернуть указанных ногайцев на прежнее место кочевания: *Ведомо нам учинилось, что при калмыках владения*

твоего много обретается разных народов татар и всегда оные приумножаются. Також и внук твой, Бату, в бытность ныне в походе взял у Салтан Маамута Аксайского татар же несколько кибиток, к которому послан указ наш, чтоб он тех татар оставил при Терке... И впредь смотреть тебе, дабы во владении твоём из татарских народов как возможно умялось, а не приумножалось, о чем всем тебе, подданному нашему, ведать [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1722 г. Д. 1. Л. 31–31об.].

По всей видимости, Бату действовал не самовольно, а по указу своего деда, хана Аюки, поскольку указанные ногайцы, по мнению калмыцкой стороны, были давние калмыцкие подданные. Однако российское правительство весьма чувствительно относилось к тому, что под властью калмыцкого хана продолжало находиться некоторое количество ногайцев, и стремилось, как это видно из императорской грамоты, всячески вывести их из-под его контроля. Стоит отметить, что кундровских ногайцев калмыкам под давлением правительства все-таки пришлось отпустить обратно, и через несколько лет они были насильно захвачены и уведены на Кубань крымско-ногайскими войсками [Бакунин 1995: 37, 40].

5. «... Служите и впредь его величеству с своими детьми и улусными людьми верно и непоколебимо»

По возвращении русской армии из Персидского похода император в ноябре 1722 г. Петр I со своей свитой у Черного Яра вновь встретился с ханом Аюкой и его семейством. Наделив его подарками, Петр I и в дальнейшем рассчитывал на поддержку калмыцкой стороны в продвижении российских интересов на южном направлении. Поэтому здесь большую роль играло и дальнейшее материальное поощрение представителей калмыцкой знати.

Особый интерес представляет указ российского императора Петра I от 4 марта 1723 г. о выделении жалованья калмыцкому хану Аюке за его верную службу в «Низовом походе» [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1723 г. Д. 1. Л. 3–4об.]. Из его содержания видно, что император пожаловал калмыцкому хану

в качестве жалованья пушнину («мягкую рухлядь») стоимостью в 1 тыс. рублей. Примечательно, что императрица Екатерина Алексеевна также со своей стороны пожаловала ханше Дарме-Бале пушнину на такую же стоимость, подчеркивая ей свое особое монаршее расположение. Без внимания не остался и ханский сын Церен-Дондук, которому было выделено той же пушнины на 200 рублей [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1723 г. Д. 1. Л. 3об.]. Это жалованье выделялось сверх положенного ежегодного жалованья, выдаваемое калмыцким владельцам.

По решению Коллегии иностранных дел жалованье отправлялось с ранее присланным от хана Аюки посланником Денджином. В государевой грамоте, подписанной канцлером графом Г. И. Головкиным, в частности, отмечалось: *А в прошлом 1722-м году в Низовом нашем походе нашему императорскому величеству ты, подданной наш, Аюкай хан, с улусными своими людьми показал свою верную службу. И за то мы, великий государь, наше императорское величество, тебя, подданного нашего, Аюкая хана, жалуем [и] милостиво похваляем. Да за ту ж службу мы, великий государь, наше императорское величество, тебя, подданного нашего, Аюкая хана, пожаловали [и] повелели послать к тебе нашего императорского величества жалованья — мягкой рухляди. И жене твои, Дарма-Бале, особливо, да сыну, Черен Дундуку, особливо, по приложенной при сем описи с присланными твоими посланцы, Денджином с товарищи. И тебе б, подданному нашему, Аюкаю, хану калмыцкому, видя к себе сию нашу императорского величества милость, и впредь нашему императорскому величеству со все-*

ми своими улусными людьми служить во всякой верности непоколебимо. А служба твоя у нашего императорского величества забвенна и милость, и жалованье, никогда отъемлема не будет [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1723 г. Д. 1. Л. 4-4об.].

6. Заключение

Тема участия калмыков в Персидском походе 1722 г. требует привлечения широкого круга источников, которые как дополняют, так и противоречат друг другу. Изучение синхронных источников личного происхождения по этой теме, к сожалению, не только не может полностью объяснить произошедшее, но и зачастую создает еще большие сложности в правильной исторической реконструкции событий 1722 г. Обширность источниковой базы по петровскому периоду предоставляет уникальные возможности более тщательного исследования обстоятельств подготовки и проведения Персидского похода. Прежде всего, это касается архивных документов, при использовании которых можно существенно обогатить фактологию этого события и тем самым окончательно исключить имеющиеся в различных источниках расхождения касательно участия калмыков в Персидской кампании 1722 г. Приведенное содержание указов и грамот Петра I, а также писем хана Аюки свидетельствует о высокой степени осведомленности российского правительства касательно ситуации на южных границах государства. Из текста грамот можно заключить, что царские власти уделяли особое внимание подготовке воинских иррегулярных формирований, их обеспечению и выплате денежного жалованья за службу.

Источники

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

Литература

Бакунин 1995 — Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 153 с.

Sources

Archive of Foreign Policy of the Russian Empire.

Russian State Archive of Ancient Acts.

References

Bakunin V. M. Description of the Kalmyk Peoples, in Particular, Torgout People, and Deeds of Their Khans and Landlords. Second ed. Elista: Kalmykia Book Publ., 1995. 153 p. (In Russ.)

- Батмаев 1993 — *Батмаев М. М.* Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт: в 2 кн. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 382 с.
- Батмаев M. M. Kalmyks in the Seventeenth and Eighteenth Centuries: Events, Personalities, Everyday Life. In 2 vols. Elista: Kalmykia Book Publ., 1993. 382 p. (In Russ.)
- Белль 1896 — *Белль Дж.* Извлечение из описания путешествия (1716–1722 гг.) // Астраханский сборник, издаваемый Петровским обществом исследователей Астраханского края. Вып. 1. Астрахань: Петровское Общество, 1896. С. 219–236.
- Bell J. Some collections from his Travels (1716–1722). In: The Astrakhan Collection [by Peter the Great Society]. Vol. 1. Astrakhan: Peter the Great Society, 1896. Pp. 219–236. (In Russ.)
- Курукин 2010 — *Курукин И. В.* Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М.: Квадрига; Объединенная редакция МВД России, 2010. 381 с.
- Kurukin I. V. Persian Campaign of Peter the Great: Lowland Corps in the Caspian, 1722–1735. Moscow: Kvadriga, Ministry of Internal Affairs, 2010. 381 p. (In Russ.)
- Пальмов 1929 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. 3–4: Ограничительные мероприятия правительства в отношении к калмыкам. Астрахань: Калмыцкий обл. испол. ком., 1929. 391 с.
- Palmov N. N. The Volga Kalmyks: Historical Essays. Pts. 3–4: Government’s Restrictive Measures against Kalmyks. Astrakhan: Kalmyk Oblast Executive Committee, 1929. 391 p. (In Russ.)
- Русско-дагестанские 1988 — Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: сб. докум. / отв. ред. В. Г. Гаджиев. М.: Наука, 1988. 355 с.
- Gadzhiev V. G. (ed.) Russian-Dagestani Relations, Eighteenth to Early Nineteenth Centuries. Collected documents. Moscow: Nauka, 1988. 355 p. (In Russ.)
- Тепкеев 2018а — *Тепкеев В. Т.* Аюка-хан и его время. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 366 с.
- Тepkeev V. T. Khan Ayuka and His Era. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2018. 366 p. (In Russ.)
- Тепкеев 2018б — *Тепкеев В. Т.* Участие калмыков в Дербентском походе 1722 г. // *Oriental Studies*. 2018. № 3. С. 15–22. DOI: 10.22162/2619-0990-2018-37-3-15-22
- Тepkeev V. T. Kalmyks in the Derbent Campaign of 1722. *Oriental Studies*. 2018. Vol. 11. No. 3. Pp. 15–22. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2018-37-3-15-22
- Цюрюмов 2007 — *Цюрюмов А. В.* Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: Джангар, 2007. 464 с.
- Tsyuryumov A. V. Kalmyk Khanate as Part of Russia: Political Relations Revisited. Elista: Dzhangar, 2007. 464 p. (In Russ.)
- Bell 1763 — *Bell, John.* Travels from St. Petersburg, in Russia, to diverse parts of Asia. Vol. 2. Glasgow: Printed for the author by R. and A. Foulis, 1763. 442 p. (In Eng.)
- Bell J. Travels from St. Petersburg, in Russia, to Diverse Parts of Asia. Vol. 2. Glasgow: R. & A. Foulis, 1763. 442 p. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 6, Pp. 1184–1195, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(47)

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1184-1195

Миграция как фактор преобразования системы приставских управлений на территории Центрального Кавказа и Юга Степного Предкавказья в 1800–1803 гг.

Алексей Хасанович Абазов¹

¹ Кабардино-Балкарский научный центр РАН (д. 2, ул. Балкарова, 360004 Нальчик, Российская Федерация)

доктор исторических наук, доцент, заместитель генерального директора

 0000-0003-4004-7009. E-mail: [alex_abazov\[at\]list.ru](mailto:alex_abazov[at]list.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Абазов А. Х., 2024

Аннотация. *Введение.* В статье изучен миграционный фактор преобразования системы приставских управлений на территории Центрального Кавказа и Юга Степного Предкавказья в 1800–1803 гг. *Цель* исследования — выявить особенности решения вопроса со стороны органов власти и должностных лиц о расселении калмыков Большого Дербета, перекочевавших с территории Войска Донского в Астраханскую губернию в 1800 г., определить специфику преобразований в системе приставских управлений в 1800–1803 гг. на примере учреждения должности главного пристава и последующего обособления Главного калмыцкого приставства. *Материалы и методы.* Исследование выстраивалось с опорой на проблемно-хронологический, историко-генетический, историко-системный методы и институциональный подход. Материалом для работы послужили впервые вводимые в научный оборот архивные материалы Российского государственного исторического архива и Национального архива Республики Калмыкия. *Результаты.* В ходе исследования были рассмотрены обстоятельства и основные направления деятельности органов власти по определению территориальной подведомственности Главного приставского управления в 1800–1801 гг., выявлены особенности определения территориальной подведомственности приставских управлений после образования Главного приставского управления калмыков в 1801 г. *Выводы.* В начале XIX в. внутренние миграции оставались одним из важных факторов, которые учитывались в ходе преобразований системы приставских управлений на территории Центрального Кавказа и Юга Степного Предкавказья. Предпринятые властями меры способствовали укреплению российского аппарата власти на Юге страны и созданию комфортных условий для инкорпорации коренных народов региона в политико-правовое пространство Российской империи.

Ключевые слова: Центральный Кавказ, Степное Предкавказье, Астраханская губерния, приставское управление, пристав, калмыки, миграция, этническая территория, территориальная подведомственность

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Народы Центрального Кавказа в политико-правовом пространстве Российской империи в конце XVIII – начале XX в.: документальное измерение» (№ 23-28-10232, <https://rscf.ru/project/23-28-10232/>).

Для цитирования: Абазов А. Х. Миграция как фактор преобразования системы приставских управлений на территории Центрального Кавказа и Юга Степного Предкавказья в 1800–1803 гг. // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 6. С. 1184–1195. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1184-1195

Pristav Directorates in the Central Caucasus and Southern Steppe Ciscaucasia, 1800–1803: Migration as a Transformation Factor

Alexey Kh. Abazov¹

¹ Kabardino-Balkarian Scientific Center of the RAS (2, Balkarov St., 360004 Nalchik, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor, Deputy General Director

 0000-0003-4004-7009. E-mail: alex_abazov[at]list.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Abazov A. Kh., 2024

Abstract. Introduction. The article examines migration as a factor for the transformation of the system of *pristav* directorates in the Central Caucasus and southern steppe Ciscaucasia between 1800 and 1803. **Goals.** The work seeks to identify some specifics of how authorities and officials would approach the issue of resettling Iki-Dorbet Kalmyks that had left lands of the Don Host for those of Astrakhan Governorate in 1800, to outline certain features inherent to the transformation of *pristav* directorates in 1800–1803 through the example of the established position of Chief *Pristav* and subsequent separation of the latter's office. **Materials and methods.** The study employs the chronological, historical genetic, historical systemic methods, and involves an institutional approach to analyze some newly discovered documentary narratives from the Russian State Historical Archive and National Archive of Kalmykia. **Results.** Particular attention is given to the circumstances and key directions of activities undertaken by authorities to determine the territorial jurisdiction (subordination) of the Chief *Pristav*'s Office in 1800–1801, with due regard of how territorial jurisdictions of other *pristav* directorates would be reshaped after the Kalmyk People's Chief *Pristav*'s Office was established in 1801. **Conclusions.** In the early eighteenth century, internal migrations remained an important factor when it came to transform the then system of *pristav* directorates across the Central Caucasus and southern steppe Ciscaucasia. The measures undertaken by authorities did contribute to the strengthening of the Russian government apparatus in the south of the country, and yielded somewhat comfortable conditions for the incorporation of the region's indigenous peoples — into Imperial Russia's political and legal environments.

Keywords: Central Caucasus, steppe Ciscaucasia, Astrakhan Governorate, *Pristav* Directorate, *Pristav*, Kalmyks, migration, ethnic territory, territorial jurisdiction

Acknowledgements. The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 23-28-10232 'Peoples of the Central Caucasus in Political and Legal Environments of the Russian Empire, Late Eighteenth to Early Twentieth Centuries: The Dimension of Documents'. Available at: <https://rscf.ru/project/23-28-10232>.

For citation: Abazov A. Kh. *Pristav Directorates in the Central Caucasus and Southern Steppe Ciscaucasia, 1800–1803: Migration as a Transformation Factor*. *Oriental Studies*. 2024; 17(6): 1184–1195. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1184-1195

1. Введение

В начале XIX в. для российских властей одним из важных вопросов на этапах преобразований системы приставских управлений на территории Центрального Кавказа и Юга Степного Предкавказья было уточ-

нение их территориальной подведомственности. Это имело определенное значение при расширении аппарата российского государства на его южной окраине, так как в это время подведомственность приставских управлений в больше мере совпадала с эт-

ническими территориями проживавшего здесь населения, и в меньшей — зависела от административно-территориального устройства. В самой системе приставских управлений наметились качественные изменения, которые выражались в появлении двухуровневой иерархии, когда в подчинении главного пристава состояло несколько частных (локальных) приставов. Так, в 1800 г. для управления делами калмыцкого, кабардинского, трухменского, ногайского и других народов региона была учреждена должность Главного пристава, которому подчинялась целая группа частных приставов. В 1801 г. из его структуры было выделено Главное приставское управление калмыцкого народа [Марзей 2021: 55]. Поэтому определение или уточнение территории расселения народов региона было одним из основных направлений деятельности учреждений общеимперской и региональных властей при реформировании этих управлений. Именно эти вопросы рассматривались властями в отношении калмыцкого населения в Астраханской губернии и некоторых сопредельных с ней территорий в 1800–1803 гг. на фоне значимых административно-территориальных преобразований: принятие Высочайшего указа об отводе земель калмыкам, учреждение и упразднение должности калмыцкого наместника, учреждение должности Главного пристава и ее преобразование путем выделения должности Главного калмыцкого пристава, отнесение калмыков к ведению Министерства внутренних дел после реформы 1802 г. и к ведению астраханского губернатора в 1803 г. В связи с этим деятельность органов власти по учету внутренних миграций, определение территории для расселения части калмыцкого народа в Астраханской губернии и отнесение их к подведомственности Главного пристава является актуальной темой научного исследования в теоретическом и прикладном отношении.

В теоретическом плане такое исследование позволяет уточнить некоторые детали динамики миграционной политики государства на разных этапах истории, расширить представления о формах и способах управления на окраинах Российской империи и

интеграции в ее политико-правовое пространство их коренных жителей. В прикладном — охарактеризовать некоторые особенности решения вопроса со стороны органов власти и должностных лиц о расселении калмыков Большого Дербета¹, перекочевавших с территории Войска Донского в Астраханскую губернию в 1800 г., специфику преобразований в системе приставских управлений в 1800–1803 гг. на примере образования Главного приставского управления и последующего обособления Главного калмыцкого пристава, уточнение их территориальной подведомственности и т. п.

2. Материалы и методы

Общие вопросы истории калмыков и деятельности Главного приставского управления рассматривались в трудах Н. И. Страхова, С. Э. Эсадзе [Страхов 1810; Эсадзе 1907], Н. Н. Пальмова [Пальмов 1922: 87–89], И. Х. Калмыкова, Р. Х. Керейтова и А. И. Сикалиева [Калмыков и др. 1988], К. Н. Максимова, Д. С. Кидирниязова [Максимов 2002; Кидирниязов 2005], В. В. Трепавлова, Л. П. Абрамян [Трепавлов 2009: 60–73; Абрамян 2009], М. С. Горяева, В. В. Батырова, М. С. Горяева, А. Н. Команджаева, Е. А. Команджаева [Горяев 2009; Команджаев 2009; Батыров и др. 2014; Команджаев 2019; Команджаев и др. 2023], О. Н. Абеевой, В. А. Скиба, И. В. Лиджиевой, И. К. Очир-Гаряевой и Н. В. Ятаевой, И. Р. Марзей [Абеева 2012; Скиба 2012; Лиджиева 2016; Очир-Гаряева, Ятаева 2018; Марзей 2021] и др.

Однако вопросы уточнения территории расселения калмыков в условиях образования Главного приставского управления в 1800 г. и последующего обособления Глав-

¹ Название «Большие Дербеты» закрепилось за калмыками-дербетами (их было большинство), в 1788 г. откочевавшими на Дон. Не последовавшие за ними получили название «Малые Дербеты». Но в 1800 г. 2 тыс. большедербетовцев откочевали обратно к Волге, поэтому вторая группа стала численно превосходящей. В историографии эти группы называют Большедербетовским и Малодербетовским улусами [История Калмыкии 2009: 449–450]. В статье используются термины в том виде, как они присутствуют в использованных нами архивных источниках: «Большой Дербет» и «Малый Дербет».

ного приставского управления калмыцкого народа в 1801 г. до сих пор не становились предметом специального исследования. Вместе с тем такую возможность дают нормативно-правовые акты того времени и делопроизводственные источники, извлеченные из фондов Российского государственного исторического архива (Ф. 1350 «Третий департамент Сената») и Национального архива Республики Калмыкия (Ф. 1 «Главный пристав калмыцкого народа при Астраханском губернаторе»), а также опубликованные сборники документов [АКАК 1866; АКАК 1868].

Исследование выстраивалось с опорой на проблемно-хронологический (исследование проблемы территориальной подведомственности Главного приставского управления в хронологической последовательности), историко-генетический (анализ учреждения и динамики деятельности Главного приставского управления, его функционала в условиях реструктуризации), историко-системный (для изучения особенностей динамики системы приставских управлений в начале XIX в. в административно-территориальных преобразованиях на южной окраине Российской империи) методы и институциональный подход (при характеристике деятельности совокупности учреждений и институтов власти, участвовавших в разработке и подготовке проектов управленческих решений — в данном случае император, Правительствующий Сенат, Коллегия иностранных дел до 1802 г., Министерство иностранных дел после 1802 г., Государственное казначейство и региональные казенные палаты, главнокомандующий войсками на Кавказкой линии, военные и гражданские губернаторы и губернские правления, межевые конторы, главные и частные приставы и т. п.). Это позволило рассмотреть обстоятельства и основные направления деятельности общеимперских и региональных органов власти по определению территориальной подведомственности Главного приставского управления в 1800–1801 гг., а также — в 1801–1803 гг. после образования Главного приставского управления калмыцкого народа.

3. Обстоятельства и основные направления деятельности органов власти по определению территориальной подведомственности Главного приставского управления в 1800–1801 гг.

В начале XIX в. перед властями возникла необходимость определения места для расселения части калмыцких кочевий на территории Астраханской губернии, учреждения Главного приставского управления и последующего обособления Главного приставского управления калмыков. Этому предшествовало возвращение в конце весны – начале лета 1800 г. калмыков Большого Дербета с территории Войска Донского в Астраханскую губернию [АКАК 1866: 726–726]. Там они находились чуть менее 30 лет.

Н. И. Страхов отмечал, что после 1771 г. (времени массового исхода части калмыков за пределы России и упразднения Калмыцкого ханства) состоялся «переход [калмыков] Дербевского улуса из степей Астраханской губернии на земли, принадлежащие Войску Донскому, где они и оставались до 1800 г.» [Страхов 1810: 3–4]. В течение этого периода в астраханском губернском правлении функционировали структуры, ведавшие «калмыцкими делами»: войсковая канцелярия, канцелярия калмыцких дел, калмыцкое управление.

Переселение калмыков Большого Дербета на территорию Астраханской губернии во времени совпало с учреждением должности Главного пристава для группы народов Центрального Кавказа и Юга Степного Предкавказья. Институт приставства функционировал здесь и во второй половине XVIII в. Однако к началу XIX в. по мере расширения сети приставских управлений и увеличения количества отнесенных к их подведомственности народов возникла необходимость учреждения двухуровневой иерархии, когда главному приставу подчинялись несколько частных приставов. Так, в 1800 г. для управления делами калмыцкого, кабардинского, тухменского, ногайского и другого населения региона был введен институт Главного пристава. Поначалу он находился в двойном подчинении и относился к подведомственности Коллегии иностранных дел и регионального военного на-

чальства. Первым главным приставом был назначен коллежский советник И. М. Макаров, который обозначался в нормативной и делопроизводственной документации того времени как «посредник и ходатай в нуждах и делах» между местным населением и российским правительством [АКАК 1866: 727].

Сразу же после назначения на должность пристав И. М. Макаров включился в деятельность по сбору первичной информации о местах кочевий калмыков до 1771 г. При этом под кочевья переселившихся с территории Войска Донского калмыков предлагалось отвести места «11 бугров» по дороге из Астрахани в Кизляр. Сведения об этом с перечислением их названий приведены во мнении Астраханской казенной палаты, направленном в Правительствующий Сенат 12 мая 1800 г. [РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 270а. Л. 438]. В документе также приводились сведения о том, что в 90-е гг. XVIII в. эта территория уже была отведена под кочевья калмыков и передавалась им в пользование при условии периодического внесения платы в казну, а власти по запросам населения обсуждали возможность исключения ее из оброчных статей и сходились во мнении о невозможности принятия такого решения, так как она была отведена именно под кочевья калмыков на основании соответствующего Высочайшего распоряжения [РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 270а. Л. 438].

Переселение калмыков Большого Дербета в 1800 г. в пределы Астраханской губернии стало одной из центральных тем во взаимодействии высшей имперской и региональных властей. В рескрипте императора ведавшему пограничными делами на Кавказской линии генерал-лейтенанту К. Ф. Кноррингу от 13 июня 1800 г. по этому факту было предписано одобрить их расселение в Малом Дербете и не допускать пересечения ими российских границ [АКАК 1866: 724].

30 июня 1800 г. К. Ф. Кнорринг рапортовал императору о том, что калмыки Большого Дербета, прибывшие в Астраханскую губернию к урочищу Калаус, выразили нежелание вернуться [АКАК 1866: 726]. Он также выразил мнение, что вопрос об их расселении следовало решать исключи-

тельно в соответствии с волей императора [АКАК 1866: 727].

Некоторые вопросы о формах взаимодействия главного пристава И. М. Макарова с населением, отнесенным к его подведомственности (калмыцким, кабардинским, тухменским, ногайским и др.), правовом статусе переселившихся в Астраханскую губернию калмыков и подходы к уточнению границ для их кочевий были определены в «Наставлении», выданном ему Коллегией иностранных дел 29 августа 1800 г. [АКАК 1866: 727–731]. Однако, по данным Н. И. Страхова, 9 августа 1800 г. император приказал депутатам Калмыцкой орды Большого Дербета избрать себе начальника и быть независимыми от «донцов» [Страхов 1810: 6]. В «Наставлении» же закреплялись права калмыков быть российскими подданными, проживать в пределах Астраханской губернии, самостоятельно избирать депутатов и начальника, взаимодействовать с Коллегией иностранных дел по основным вопросам их жизнеобеспечения, а с генерал-прокурором — главой Правительствующего Сената — по вопросам пользования ими земель [АКАК 1866: 727].

Вместе с тем все это влекло к необходимости нормативного закрепления территории расселения этой части калмыцкого населения в пределах Астраханской губернии и допуске их к пользованию теми землями, «на коих они до ухода за границу имели свое кочевье», а также подготовки для Высочайшего утверждения специальной Грамоты, о чем был дан соответствующий указ императора Правительствующему Сенату от 24 сентября 1800 г. [РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 270а. Л. 88]. Указ также дал начало сбору информации по соответствующим инстанциям для подготовки проекта жалованной грамоты. В свою очередь 4 октября 1800 г. Сенат предписал Межевой канцелярии изыскать возможность для переселения калмыков на прежние места жительства и после отмежевания земель подготовить план расселения с подробным описанием [РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 270а. Л. 119об.]. Однако решение этого вопроса осложнялось невозможностью точного определения территории прежних кочевий и отсутствием пись-

менных свидетельств об этом, заселением прежней территории другими народами и казенными и помещичьими крестьянами и т. п. Это стало причиной для направления Сенатом астраханскому военному губернатору специального предписания собрать подготовить справочную информацию о покинутых калмыками территориях и заселении их представителями других народов, их численности, основаниях предоставления им земель, особенностях хозяйственного быта [РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 270а. Л. 123–123об.] и т. п.

В свою очередь астраханский военный губернатор предписал находившемуся «при делах калмык и при делах кабардинцев, ногайцев, трухменцев и других азиатских в Астраханской губернии кочевых народов коллежскому советнику Макарову» собрать необходимую информацию, о чем астраханское губернское правление рапортовало в Правительствующий Сенат 9 апреля 1801 г. [РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 270а. Л. 1–3]. В рапорте также говорилось и о готовности землемеров приступить к межеванию земель с помощью землемеров, прикомандированных от Казанской и Симбирской межевых контор. Сведения для решения обсуждаемого вопроса представляли исключительную ценность, так как без них межевая комиссия не имела бы возможности приступить к исполнению своих обязанностей.

И. М. Макаров должен был получить сведения о динамике этнической карты региона от «наместника калмыцкого народа». Однако в последующем пристав, астраханские губернское правление и казенная палата сообщали по подведомственности, что точные сведения о численности и количестве занимаемых в прошлом земель калмыками и представителями других народов региона установить не удалось [РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 270а. Л. 390].

В последующем при обсуждении этих вопросов предполагалось учитывать все локальные миграции населения Центрального Кавказа и Юга Степного Предкавказья в прошлом и опыт функционирования здесь приставских управлений в последней трети XVIII – начале XIX в. В качестве примера рассматривался опыт приставского управ-

ления Кабарды, образованного в 1769 г., и принципы выстраивания им коммуникации с населением Моздока (населенного пункта, в котором располагались присутственные места пристава и пограничного суда) и его окрестностей (кабардинцами, осетин, ногайцев, абазин и др.). Кроме того, в рапортах И. М. Макарова в астраханское губернское правление содержались сведения о переводе в казачье сословие или приобщении к деятельности приставских управлений некоторых представителей местного населения и выплате им жалования за счет российской казны [РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 270а. Л. 184–196], а также о том, что некоторые эти принципы применялись главнокомандующим войсками на Кавказской линии в начале XIX в. при учреждении новых приставских управлений [РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 270а. Л. 214].

Между тем поиск решений на вопросы об отведении территории для кочевий части калмыцкого населения в Астраханской губернии не приостанавливался. 27 сентября 1800 г. был направлен указ Павла I Правительствующему Сенату об отводе калмыкам земель. В указе предписывалось определить для расселения калмыцких кочевий Малого и Большого Дербета на территории от Царицына по рекам Волге, Сарпе, Салу, Маньчу, Куме и части каспийского морского побережья (т. е. те места, на которых они располагались до 1771 г.) и определении населенного пункта для расположения присутственного места их пристава вблизи этих территорий. Кроме того, Сенат организовал дополнительный сбор информации о конкретных территориях, на которых расселились калмыки до 1771 г., и на основе этой информации планировал подготовить для утверждения императором соответствующую Грамоту [Страхов 1810: 7].

В середине осени 1800 г. император сделал ряд распоряжений по приобщению представителей знатных родов калмыцкого населения и духовных лидеров к сотрудничеству и назначению их на ключевые позиции в своих обществах. 14 октября 1800 г. на основании Грамот императора Сойбюнг¹-Бакши был утвержден в статусе кал-

¹ Также встречается написание Сойбинг-бакши.

мыцкого ламы [АКАК 1866: 722] и Чучей тайши Тундутов — калмыцкого наместника [АКАК 1866: 723] (должность наместника было предложено упразднить после его смерти в 1803 г.; старший сын Ч. Тундутова не был утвержден в этой должности [НА РК. Ф. И-1. Оп.1. Д. 7. Л. 1–25; История Калмыкии 2009: 484]).

Несмотря на это, получение точных сведений по запросам общеимперских властей было по-прежнему затруднительным. 23 сентября 1801 г. И. М. Макаров в рапорте в Астраханское губернское правление еще раз сообщал о невозможности сбора сведений о точной численности трухменского и ногайского населения [РГИА. Ф. 1350. Оп. 6. Д. 270а. Л. 309]. Свою информацию он основывал в основном на сведениях, полученных от частных приставов подведомственных ему народов. Однако рапорт был подкреплен сведениями о том, на какой именно территории Астраханской губернии на тот момент проживало ногайское и трухменское население, их численности и особенностях хозяйственного быта (специфике мест расселения, количестве отводимой земли под хлебопашество, скотоводство и т. п.) [РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 70а. Л. 314–316]. В рапорте также были приведены аналогичные сведения об абазинах, темиргоевцах, башильбаевцах, ногайцах каспулатовской фамилии, а также о джембулуковских и едиганских ногайцах [РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 270а. Л. 314]. Анализ приведенных в нем сведений и их сопоставление с данным других источников могут быть предметом специального исследования.

Между тем для проведения межевых работ на местах 18 ноября 1801 г. Правительствующий Сенат дал ряд рекомендаций астраханскому губернскому правлению. Основная из них заключалась в учете определенных в Высочайшем указе от 24 сентября 1800 г. территориальных границ и полученных от местного населения сведений. Для исключения конфликта интересов и снижения уровня возможных разногласий на планы предлагалось наносить только те участки земли, которые бесспорно принадлежали этому народу и на момент обмежения не были заселены представителями других на-

родов. Выявленные излишки земли могли быть зарезервированы для представителей коренного населения или казенных поселян из других губерний. Представителям региональных властей запрещалось самовольно ликвидировать существовавшие владения и утверждать новые границы «формальными межами». Землемерам предписывалось ежемесячно отчитываться о проделанной работе военному губернатору и в саратовскую межевую контору, а по окончании работ — подготовить планы и необходимые свидетельства. Межевая контора по окончании работ должна была предоставить в Сенат на утверждение генеральный план. Саратовскому губернатору в случае необходимости предписывалось обеспечить равномерное предоставление калмыкам земель в пределах подведомственной территории [РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 270а. Л. 392–394].

4. Особенности определения территориальной подведомственности приставских управлений после образования Главного приставского управления калмыков в 1801 г.

Спустя год после учреждения Главного приставского управления возникла необходимость выделения из его структуры Главного приставского управления калмыцкого народа, что фактически и состоялось в 1801 г. 26 октября 1801 г. император Александр I подписал указ «Об утверждении прав и преимуществ, калмыцкому народу присвоенных...» [Избасарова, Любичанковский 2018: 19], в котором в должности главного пристава калмыцкого народа упоминался коллежский советник Н. И. Страхов. Штатная расстановка нового приставского управления была аналогичной, что и в прежних приставствах. В штате управления предусматривались должности главного пристава, 2 толмачей, 3 писцов, переводчика и секретаря (цит. по: [Команджаев и др. 2023: 31]).

При назначении на должность Н. И. Страхову, помимо прочего, была поставлена задача установить, какие ранее принадлежавшие калмыкам земли в Астраханской губернии могут быть отведены с учетом того, чтобы их было достаточно для удов-

летворения их хозяйственных нужд [РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 270а. Л. 321об.]. Финансовое обеспечение его деятельности производилось также за счет средств российской казны. Позже в именном указе императора государственному казначею от 11 марта 1802 г. определялась конкретная сумма казенных ассигнований.

Территориальная подведомственность остального населения приставу И. М. Макарову также подлежала дополнительному уточнению. Информацию об этом можно почерпнуть из его рапорта в Коллегию иностранных дел от 23 января 1802 г. и приложенной к нему записки о переданных в его подведомственность «кабардинцах, ногайцах, трухменцах и прочих кочующих в Астраханской губернии магометанского закона народах» [РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 270а. Л. 304–304об.]. В записке содержались сведения о расселении и численности калмыцкого, ногайского, трухменского, абазинского, темиргоевского, башильбаевского населения (с указанием в большинстве случаев их локальных групп) [РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 270а. Л. 304].

В целом к подведомственности главного пристава И. М. Макарова по-прежнему относилась обширная территория, на которой проживало как оседлое, так и кочевое население Центрального Кавказа и Юга Степного Предкавказья и которая охватывала как некоторые внутренние российские территории (часть Астраханской губернии), так и отнесенные международными актами порубежные территории (расположенные за пределами Кавказской линии).

2 апреля 1802 г. из Коллегии иностранных дел Н. И. Страхову было направлено уведомление о невозможности передачи калмыкам установленной в грамоте Павла I земли в полном объеме, так как, по мнению служащих, на тот момент необходимость в отводе столь обширной территории отпала [История Калмыкии 2009: 465]. В свою очередь в указе императора от 10 сентября 1802 г. говорилось о невозможности калмыкам занять прежние территории, так как часть из них была заселена уже другими народами. Взамен в случае необходимости предлагалось отвести им территорию от

Царицына до берегов Каспийского моря, необходимую для пастьбы скота и лошадей. Распределение земель планировалось возложить на астраханского и саратовского губернаторов [РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 270а. Л. 398].

После этого начался поиск альтернативных решений. В частности по итогам проделанных межевых работ саратовский губернатор рапортовал в Сенат о том, что поскольку основная часть калмыцкого народа кочевала в Астраханской губернии, то следовало бы сначала определить их кочевья там, а недостающие земли в случае необходимости восполнить за счет земельного фонда подведомственной ему губернии [РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 270а. Л. 399об.]. 28 апреля 1802 г. был издан указ императора об отводе калмыкам достаточного количества земли от Царицына до берегов Каспийского моря для пастьбы их стад и табунов, не ущемляя интересы других народов [Страхов 1810: 12].

5 мая 1802 г. было утверждено Наставление Коллегии иностранных дел главному калмыцкому приставу Н. И. Страхову [Команджаев и др. 2023: 33]. В нем уточнялся перечень его полномочий, в числе которых были защита интересов калмыцкого народа (покровительство), надзор за деятельностью калмыцкого наместника и Зарго [История Калмыкии 2009: 483], наблюдение за доступом к объектам хозяйственного природопользования, превенции споров и конфликтов и содействие их решению, обеспечение коммуникации местных этноэлит с представителями российского начальства в регионе, контроль за их миграционными процессами [АКАК 1866: 746].

При этом решение об уточнении территориальной подведомственности главного калмыцкого пристава не приостанавливалось. В рапорте генерал-лейтенанта К. Ф. Кнорринга в Правительствующий Сенат от 28 июня 1802 г. [РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 270а. Л. 321] сообщалось о намерении региональных властей к началу осени 1802 г. завершить межевые работы. 23 июля 1802 г. межевой департамент Сената рассмотрел донесение Коллегии иностранных дел и приложенные к нему документы (ко-

пии с высочайше конфирмованных докладов, выписок из московских архивов, рапорта Астраханского губернского правления и Главных приставов и т. п.) [РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 270а. Л. 317–318об.]. Однако к осени 1802 г. проект этого решения не был готов.

В это время в административно-территориальном устройстве региона произошло еще одно значимое событие, которое внесло определенные коррективы и в решение вопросов о территориальной подведомственности Главного приставского управления калмыцкого народа. 15 ноября 1802 г. Астраханская губерния была разделена на две губернии — Астраханскую и Кавказскую [АКАК 1868: 919]. Высшим должностным лицом обеих губерний был главнокомандующий войсками Кавказской линии и управляющий в Грузии. Другим важным преобразованием — одним из последствий министерской реформы 1802 г. была передача Главного приставского управления калмыцкого народа в подведомственность Министерства внутренних дел. Деятельность главного пристава Н. И. Страхова выстраивалась на прежних основаниях, вопрос об отмежевании земель оставался открытым.

Подведение итогов многолетней работы по уточнению территориальной подведомственности главного приставского управления калмыцкого народа началось ранней весной 1803 г. 24 марта 1803 г. Сенат направил на рассмотрение императора доклад по отводу калмыкам земли в Астраханской и Саратовской губерниях [РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 270а. Л. 389–436]. В нем отмечалось, что все подготовительные работы к тому времени были проведены. Сенат, рассмотрев донесения астраханского и саратовского гражданских губернаторов, излагая коллективное мнение императору, посчитал целесообразным ходатайствовать о выделении в случае необходимости сверх обозначенных нормативов дополнительной территории на горной стороне р. Волги. При этом уточнялось, что они имели «надобность кочевать там, где издревле кочевали» [РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 270а. Л. 389–436].

24 июня 1803 г. император внес в Сенат предложение, в котором распорядился

направить на исполнение межевого департамента с учетом содержания Высочайшего указа, данного астраханскому военному губернатору П. Д. Цицианову о нарезке земель калмыкам, кочевавшим в Астраханской, Кавказской и Саратовской губерниях, и предписать Саратовской межевой конторе выделить необходимое число землемеров [РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 270а. Л. 466]. 25 июня 1803 г. император подписал именной указ астраханскому военному губернатору и главноуправляющему в Грузии генерал-лейтенанту П. Д. Цицианову [РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 270а. Л. 467–472], в котором говорилось о том, что министр внутренних дел подготовил сведения и представления об уточнении территории для калмыцких кочевий в Астраханской губернии. В документе также сообщалось о том, что земли в объеме, определенном в Высочайшем указе от 24 сентября 1800 г., передать им не представлялось возможным, так как многие из них уже находились в частном пользовании. П. Д. Цицианову предлагалось дополнительно собрать сведения о том, какое именно количество калмыков может занимать территории кочевий в зависимости от времени года, а после — отвести им необходимое количество земли с тем расчетом, чтобы в их число не входили территории, уже переданные в пользование помещикам или заселенные иным законным способом. В случае возникновения необходимости перераспределения, помимо территорий Кавказской и Астраханской губерний, еще и территории Саратовской губернии, то это следовало решать согласованно с ее губернатором, при этом из отвода исключить земли, переданным казенным поселянам, колонистам и соляным вощикам. На основании неоднократных просьб от калмыцкого населения о том, что владельцы земель по нагорным берегам Волги препятствовали им в прогоне скота, предписывалось предпринять необходимые меры для отвода им места для прогонов таким образом, чтобы это не нарушало прав собственников.

Далее после очередного этапа административно-территориальных преобразований решение этого вопроса было переведено в иную плоскость, что в свою очередь

может быть предметом специального исследования. В конце ноября 1803 г. после смены главнокомандующего войсками на Кавказской линии главный пристав калмыцкого народа был передан в подведомственность астраханского губернатора [НА РК. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–33]. С этого времени вопрос определения территориальной подведомственности Главного приставского управления калмыцкого народа был локализован, и его рассмотрение перешло преимущественно в область его непосредственного взаимодействия с астраханским губернатором. Основная часть калмыцкого населения по-прежнему проживала в Астраханской губернии в Нижнем Поволжье и относилась к подведомственности их главного пристава Н. И. Страхова. К его же подведомственности были отнесены и калмыки Юга Степного Предкавказья в приграничье с образованной в 1802 г. Кавказской губернией, уточнение территории кочевий которых стало предметом длительных обсуждений общеимперских и региональных властей. К подведомственности прежнего главного пристава И. М. Макарова относилось прежнее кавказское население, проживавшее как на территории Кавказской губернии, так и за пределами Кавказской линии.

5. Заключение

В начале XIX в. внутренние миграции оставались одним из важных факторов, которые учитывались в ходе преобразований системы приставских управлений на территории Центрального Кавказа и Юга Степного Предкавказья. Возвращение в конце весны – начале лета 1800 г. калмыков Большого Дербета с территории Войска Донского в Астраханскую губернию послужило основанием для начала широкого обсуждения во властных структурах вопроса о территории их расселения, в котором принимали участие Правительствующий Сенат, Коллегия иностранных дел до ее реорганизации в 1802 г.,

Министерство внутренних дел после министерской реформы 1802 г., Государственное казначейство и региональные казенные палаты, главнокомандующий войсками на Кавказской линии, военные и гражданские губернаторы Астраханской, Саратовской и Кавказской губерний и губернские правления, межевые конторы, главный и частный приставы и т. п.

Роль главного и частных приставов в этом вопросе сводилась в основном к сбору первичной информации о расселении и численности народонаселения, его хозяйственном быте и роде деятельности и т. п. Однако само обсуждение вопроса протекало в условиях постоянных административно-территориальных преобразований: учреждения должности Главного пристава для целой группы народов Астраханской губернии и порубежных с Кавказской линией территорий, последующее обособление должности главного пристава калмыцкого народа, смена его вышестоящей инстанции путем передачи из ведомства, курировавшего иностранные дела, ведомству, курировавшему внутренние дела и т. п. Межведомственное взаимодействие по этому вопросу выстраивалось на принципах исключения конфликта интересов, обеспечения коммуникации местных этноэлит с представителями российского начальства в регионе, эффективного использования земельного фонда, гарантирования прав добросовестных пользователей земельными угодьями и т. д. Для принятия оптимального решения власти учитывали исторический опыт деятельности приставских управлений на Центральном Кавказе в последней трети XVIII – начале XIX в., особенности миграции и динамики этнических территорий и т. п. Все это способствовало укреплению российского аппарата власти на Юге страны и созданию комфортных условий для инкорпорации коренных народов региона в политико-правовое пространство Российской империи.

Источники

АКАК 1866 — Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 1. Тифлис: Тип. Гл. Управления Наместника Кавказского, 1866. 827 с.

Sources

Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission. Vol. 1. Tiflis: Executive Office of the Caucasus Viceroy, 1866. 827 p. (In Russ.)

- АКАК 1868 — Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 2. Тифлис: Тип. Гл. Управления Наместника Кавказского, 1868. 1238 с.
- НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.
- РГИА — Российский государственный исторический архив.
- Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission. Vol. 2. Tiflis: Executive Office of the Caucasus Viceroy, 1868. 1238 p. (In Russ.)
- National Archive of the Republic of Kalmykia.
- Russian State Historical Archive.

Литература

- Абеева 2012 — *Абеева О. Н.* Система управления кочевниками Прикаспия в XIX в. (на материалах Калмыкии) // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. 2012. № 3. С. 77–86.
- Абрамян 2009 — *Абрамян Л. П.* Государственное управление внешними инородцами Степного Предкавказья во второй половине XVIII – первой половине XIX в.: дисс. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2009. 201 с.
- Батыров и др. 2014 — *Батыров В. В., Горяев М. С., Команджаев А. Н., Команджаев Е. А.* Изменения в системе управления Калмыкией в конце XVIII – начале XX века. Элиста: Джангар, 2014. 159 с.
- Горяев 2009 — *Горяев М. С.* Калмыкия в составе Российской империи: особенности социально-экономического и политического положения (1771–1825 гг.). Элиста: Джангар, 2009. 131 с.
- Избасарова, Любичанковский 2018 — *Избасарова Г. Б., Любичанковский С. В.* Приставства на окраинах Российской империи в XVIII – первой половине XIX в.: от административного лица к системе управления // Российская история. 2018. № 2. С. 13–21.
- История Калмыкии 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х тт. Т. 1. Элиста: Герел, 2009. 848 с.
- Калмыков и др. 1988 — *Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И.* Ногайцы: историко-этнографический очерк. Черкесск: Ставроп. кн. изд-во, Карачаево-Черкесское отд., 1988. 230 с.
- Кидирниязов 2005 — *Кидирниязов Д. С.* Ногайцы Северо-Восточного Кавказа в XIX – начале XX в. (Исследование экономического развития и социально-политического строя). Махачкала: [б. и.], 2005. 219 с.
- Команджаев 2009 — *Команджаев Е. А.* Административная система Калмыкии в XVIII–XIX вв. Элиста: Калм. гос. ун-т, 2009. 100 с.

References

- Abeeva O. N. Administrative systems for Caspian nomads, nineteenth century: The case of Kalmykia. *Vestnik Prikaspiya: arkheologiya, istoriya, etnologiya*. 2012. No. 3. Pp. 77–86. (In Russ.)
- Abramyan L. P. Government Control over Outer Non-Russian Populations of Northern Ciscaucasia, Mir-Eighteenth to Mid-Nineteenth Centuries. Cand. Sc. (history) thesis. Pyatigorsk, 2009. 201 p. (In Russ.)
- Batyrov V. V., Goryaev M. S., Komandzhaev A. N., Komandzhaev E. A. Changes in Kalmykia's Administrative System, Late Eighteenth to Early Twentieth Centuries. Elista: Dzhangar, 2014. 159 p. (In Russ.)
- Goryaev M. S. Kalmykia as Part of the Russian Empire: The Specific of Socioeconomic and Political Environments, 1771–1825. Elista: Dzhangar, 2009. 131 p. (In Russ.)
- Izbassarova G. B., Lyubichankovskiy S. V. Pristavstva on the outskirts of the Russian Empire in the 18th — first half of the 19th century: From a personal position to a management system. *Russian History*. 2018. No. 2. Pp. 13–21. (In Russ.)
- Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days. In 3 vols. Elista: Gerel, 2009. Vol. 1. 848 p. (In Russ.)
- Kalmykov I. Kh., Kereytov R. Kh., Sikaliyev A. I. The Nogai: An Essay in History and Ethnography. Cherkessk: Stavropol Book Publ., 1988. 230 p. (In Russ.)
- Kidirmiyazov D. S. Nogais of the Northeast Caucasus, Nineteenth to Early Twentieth Centuries: A Study of the Economic and Sociopolitical Agenda. Makhachkala, 2005. 219 p. (In Russ.)
- Komandzhaev E. A. Kalmykia's Administrative System, Eighteenth–Nineteenth Centuries. Elista: Kalmyk State University, 2009. 100 p. (In Russ.)

- Команджаев 2019 — *Команджаев Е. А.* Институты публичной власти в Калмыкии в XVII – начале XX в. с позиции цивилизационно-культурного подхода // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2019. Т. 23. № 2. С. 219–243.
- Команджаев и др. 2023 — *Команджаев Е. А., Команджаев А. Н.* Назначение Н. И. Стрехова Главным приставом калмыцкого народа (по материалам российского законодательства 1801–1802 гг.) // *Nomadic Civilization: Historical Research*. 2023. Т. 3. № 3. С. 25–38.
- Лиджиева 2016 — *Лиджиева И. В.* Местное самоуправление калмыков в XIX – начале XX в. (историко-этнографический аспект). Элиста: КалмНИЦ РАН, 2016. 328 с.
- Максимов 2002 — *Максимов К. Н.* Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX вв.). М.: Наука, 2002. 524 с.
- Марзей 2021 — *Марзей И. Р.* Система приставских управлений на Северном Кавказе в 1769–1864 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2021. 193 с.
- Очир-Гаряева, Ятаева 2018 — *Очир-Гаряева И. К., Ятаева Н. В.* К вопросу о правовом оформлении приставства в Калмыкии (первая четверть XIX в.) // *Право и государство: теория и практика*. 2018. № 12 (168). С. 30–34.
- Пальмов 1922 — *Пальмов Н. Н.* Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Астрахань: Калмгосиздат, 1922. 137 с.
- Скиба 2012 — *Скиба В. А.* Правовой статус Калмыкии после ликвидации Калмыцкого ханства (1771 г. – XIX в.) // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2012. № 2(31). С. 182–185.
- Страхов 1810 — *Страхов Н. И.* Нынешнее состояние калмыцкого народа, с присовокуплением калмыцких законов и судопроизводства, десяти правил их веры, молитвы, нравочительной повести, сказки, пословиц и песни Савардин. СПб.: Тип. Шнора, 1810. 95 с.
- Трепавлов 2009 — *Трепавлов В. В.* «Национальная политика» в многонациональной России XVI–XIX веков // *Историческая психология и социология истории*. 2009. Т. 2. № 1. С. 60–73.
- Эсадзе 1907 — *Эсадзе С. Э.* Историческая записка об управлении Кавказом. Т. 1. Тифлис: Тип. «Гуттенберг», 1907. 616 с.
- Komandzhaev E. A. Institutes of public authority in Kalmykia in the 17th – early 20th centuries from the perspective of civilization and cultural approach. *RUDN Journal of Law*. 2019. Vol. 23. No. 2. Pp. 219–243. (In Russ.) DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-2-219-243
- Komandzhaev E. A., Komandzhaev A. N. Appointment of N. I. Strakhov as the Chief Bailiff of the Kalmyk people (Based on the materials of Russian legislation of 1801–1802). *Nomadic Civilization: Historical Research*. 2023. Vol. 3. No. 3. Pp. 25–38. (In Russ.) DOI: 10.53315/2782-3377-2023-3-3-25-38
- Lidzhieva I. V. Local Governance in Kalmyk Steppe, Nineteenth to Early Twentieth Centuries: A Perspective from History and Ethnography. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2016. 328 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Kalmykia in Russia's Past and Present National Policies and Administrative System. Moscow: Nauka, 2002. 524 p. (In Russ.)
- Marzei I. R. A System of Pristav (Commissioner) Directorates in the North Caucasus, 1769–1864. Cand. Sc. (history) thesis. Nalchik, 2021. 193 p. (In Russ.)
- Ochir-Garyeva I. K., Yataeva N. V. Legal formalization of the Pristav's authority in Kalmykia, 1800s – 1820s. *Law and State: The Theory and Practice*. 2018. No. 12 (168). Pp. 30–34. (In Russ.)
- Palmov N. N. Kalmyks within Russia's Borders: A Historical Essay. Astrakhan: Kalmgosizdat, 1922. 137 p. (In Russ.)
- Skiba V. A. Legal status of Kalmykia after the abolition of Kalmyk Khanate, 1771–1890s. *Vestnik Severo-Kavkazskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 2012. No. 2 (31). Pp. 182–185. (In Russ.)
- Strakhov N. I. Present-Day Conditions of the Kalmyk People, Their Laws and Procedures, Ten Precepts of Their Faith, a Prayer, a Didactic Novel, a Folktale, Proverbs and Sarvadin Song. St. Petersburg: Schnor, 1810. 95 p. (In Russ.)
- Trepavlov V. V. 'Ethnic policies' in polyethnic Russia, sixteenth–nineteenth centuries. *Historical Psychology & Sociology*. 2009. Vol. 2. No. 1. Pp. 60–73. (In Russ.)
- Esadze S. E. Administering the Caucasus: A Historical Essay. Vol. 1. Tiflis: Guttenberg, 1907. 616 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 6, Pp. 1196–1208, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(470.47):630*232

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1196-1208

О состоянии лесоразведения в степной части Российской империи в середине XIX в. (на примере Калмыцкой степи Астраханской губернии)

Наталья Петровна Мацакова¹, Данара Юрьевна Мухлаева²,
Дагларя Владимировна Амаева³

1 Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент

 0000-0001-8586-1632. E-mail: matsakova_np[at]mail.ru

2 Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

ассистент

 0009-0002-0662-5557. E-mail: imirdykova[at]mail.ru

3 Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент

 0000-0003-0534-9554. E-mail: amaevadv[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Мацакова Н. П., Мухлаева Д. Ю., Амаева Д. В., 2024

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается проблема лесоразведения в Калмыцкой степи Астраханской губернии в середине XIX в., актуальная и в настоящее время. Республика Калмыкия относится к малолесным регионам и характеризуется отсутствием естественной древесно-кустарниковой растительности. Без лесовосстановительных работ территория региона может прийти к полному опустыниванию. Поэтому главная цель искусственного лесовосстановления и лесоразведения в регионе — увеличение площади лесов на территории Калмыкии и предотвращение распространения песков. Республика участвует в федеральном проекте «Сохранение лесов» в рамках национального проекта «Экология». В силу климатических особенностей региона приживаемость лесных культур чрезвычайно низкая. Необходимо осуществлять целый комплекс лесохозяйственных работ по агротехническому уходу за лесными культурами, расчистке и раскорчевке лесных участков, подготовке почвы под посадку и заготовку лесных семян, а также пополнять парк специальной техники и создавать новые рабочие места в лесном хозяйстве региона. *Цель статьи* — рассмотрение состояния лесоразведения в Калмыцкой степи в середине XIX в., что позволит изучить опыт решения данного вопроса в дореволюционный период. *Материалы и методы.* Большое значение лесонасаждения отмечали многие исследователи XIX в., в том числе представители местной администрации. В основу данной статьи легли путевые заметки ученого лесничего И. К. Санкевича, составленные осенью 1856 г. при обзоре лесоразведения, садоводства и самородных лесов в калмыцких

улусах. Методологическим инструментарием выступили принципы историзма и системности. Принцип историзма позволяет проанализировать состояние лесоразведения в Калмыцкой степи Астраханской губернии в XIX в. во взаимосвязи с историческими условиями того периода. Благодаря принципу системности проблема искусственного лесовосстановления изучена комплексно в контексте российской действительности. *Результаты.* В работе дано описание лесных плантаций ряда калмыцких улусов, обозначены основные проблемы облесения калмыцких земель, представлены предложения по улучшению дальнейшей деятельности. Данная работа лесничего дает возможность получить представление о состоянии лесоразведения в степной части Российской империи в середине XIX в., на начальном этапе развития этого дела, с использованием официальной информации. Большое значение имеют предложения И. К. Санкевича по организации лесоустроительных работ, развитию службы лесничих и сторожевой службы. Лесоразведение в калмыцких степях носило защитный характер и было сопряжено со значительными трудностями. Важно изучать опыт людей, приложивших немалые усилия для развития лесного дела в Калмыкии.

Ключевые слова: Российская империя, Астраханская губерния, Калмыцкая степь, улус, степь, полупустыня, облесение, лесоразведение, лесные плантации, лесничество

Благодарность. Исследование введено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Между Востоком и Западом: цивилизационно-культурное развитие калмыцкого общества в составе дореволюционной России» (№23-18-20019, <https://grant.rscf.ru/project/23-18-20019/>).

Для цитирования: Мацакова Н. П., Мухлаева Д. Ю., Амаева Д. В. О состоянии лесоразведения в степной части Российской империи в середине XIX в. (на примере Калмыцкой степи Астраханской губернии) // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 6. С. 1196–1208. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1196-1208

On Mid-Nineteenth Century Forestation Endeavors across Steppe Areas of the Russian Empire: The Case of Kalmyk Steppe, Astrakhan Governorate

Natalya P. Matsakova¹, Danara U. Mukhlaeva², Daglela V. Amaeva³

1 Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0001-8586-1632. E-mail: matsakova_np[at]mail.ru

2 Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Assistant Lecturer

 0009-0002-0662-5557. E-mail: imirdykova[at]mail.ru

3 Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0003-0534-9554. E-mail: amaevadv[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Matsakova N. P., Mukhlaeva D. U., Amaeva D. V., 2024

Abstract. Introduction. The article deals with the issue of afforestation in Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate throughout the mid-eighteenth century which remains topical enough to date. The Republic of Kalmykia clusters with sparsely forested regions and is characterized by absence of natural tree and shrub structures. So, any lack of reforestation can lead to complete desertification of the territory. Therefore, re- and afforestation efforts in the region primarily seek to increase forested areas and prevent the spread of sand. The Republic participates in the federal program ‘Forest Conservation’ integral to the National Project ‘Ecology’. The region’s climate patterns result in extremely low survivability of planted trees, which requires a wide range of forestry measures, including clearing and grubbing, pit digging and seed harvesting. It is also urgent to acquire special equipment and create new jobs in the forestry sector. *Goals.* The paper seeks to examine the mid-eighteenth century forestry efforts across Kalmyk Steppe for an insight into how the question would be solved in the pre-revolutionary period. *Materials and methods.* Quite a number of nineteenth-century researchers — including local officials — would emphasize the utmost importance of afforestation in Kalmyk Steppe. The article

focuses on travel notes made by the academic forester I. Sankevich in the autumn of 1856 when he arrived to review forestry/gardening efforts and analyze native forests in Kalmyk-inhabited districts. The notes describe tree plantations in a number of Kalmyk *uluses*, outline key afforestation problems, and articulate proposals for the improvement of further activities. This forester's narrative provides an opportunity to assemble a documented picture of forestry affairs across steppe areas of the mid-eighteenth century Russian Empire, i.e. in earliest stages of such endeavors. I. Sankevich did utter quite essential proposals on forestry management, development of foresters and watchmen's services. In terms of methodology, our study rests on the principles of historicism and systemacity. The principle of historicism secures the insight into Kalmyk Steppe's (Astrakhan Governorate) afforestation affairs be complete enough in relation to the actual historical conditions, while that of systemity makes it possible to comprehensively examine the reforestation issue with due regard of then Russia' contexts. *Results.* Afforestation in Kalmyk-inhabited steppes was largely protective and associated with significant difficulties. It is crucial to investigate experiences of professionals who had made considerable forestry efforts in Kalmykia before.

Keywords: Russian Empire, Astrakhan Governorate, Kalmyk Steppe, ulus, steppe, semi-desert, afforestation, tree plantations, foresters

Acknowledgements. The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 23-18-20019 'Between East and West: Civilizational and Cultural Development of Kalmyk Society in Pre-Revolutionary Russia'. Available at: <https://grant.rscf.ru/project/23-18-20019>.

For citation: Matsakova N. P., Mukhlaeva D. U., Amaeva D. V. On Mid-Nineteenth Century Forestation Endeavors across Steppe Areas of the Russian Empire: The Case of Kalmyk Steppe, Astrakhan Governorate. *Oriental Studies*. 2024; 17(6): 1196–1208. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1196-1208

1. Введение

На современном этапе в Калмыкии остро стоит проблема опустынивания. Одним из главных инструментов ее решения является искусственное лесовосстановление. Лесистость Калмыкии колеблется от 0 % до 0,9 % в разных районах, в среднем этот показатель в республике составляет 0,2 % [Рослесхоз 2023; В Калмыкии 2023]. С 2021 г., согласно указу Президента Российской Федерации от 4 ноября 2020 г. № 666 «О сокращении выбросов парниковых газов» [Указ Президента] и поручению Правительства РФ, данному по результатам рабочей поездки Председателя Правительства Российской Федерации в Республику Калмыкию 2 февраля 2021 г., в республике проводится работа по восстановлению лесов. Общая площадь земель лесного фонда Калмыкии составляет 55,7 тыс. га, на площадь лесных земель, занятую деревьями, приходится только 15,4 тыс. га (28%) [Рослесхоз 2022; Без искусственного лесовосстановления]. В 2023 г. в планы лесного хозяйства входило провести искусственное лесовосстановление на 1,4 тыс. га, и к августу 2023 г. была уже проведена работа на более чем 650 га [В Калмыкии 2023]. Республика участвует в федеральном проекте «Сохране-

ние лесов» в рамках национального проекта «Экология» [Бедяева, Тельмеев 2023].

При этом региональные климатические условия обуславливают то, что лесные культуры очень плохо приживаются. На этот процесс может повлиять использование специальной технологии, которая позволяет оценить уровень состояния и лесопригодности почвы, которую предполагается использовать для насаждения лесных культур. Подведомственные учреждения Рослесхоза — Всероссийский научно-исследовательский институт лесоводства и механизации лесного хозяйства и Всероссийский научно-исследовательский институт лесной генетики, селекции и биотехнологии — занимаются такими разработками [В Калмыкии 2023]. Таким образом, проблема облесения Калмыкии на данный момент является актуальной, ее решением занимаются и федеральные, и республиканские органы власти.

Следует заметить, что данный вопрос стоит на повестке дня уже второе столетие. Еще в середине XIX в. российское правительство обратило внимание на необходимость разведения лесов на калмыцкой территории для защиты сельскохозяйственных животных от климатических невзгод. В 1845 г. Астраханской палатой государствен-

ных имуществ было принято решение, которое положило начало процессу облесения Калмыцкой степи. Работы по искусственному лесоразведению в Калмыцкой степи начались в 1846 г., первые посадки леса в южной части Ергенинской возвышенности были сделаны в 1853 г. [[Защитное лесоразведение 1997: 6](#)].

2. Материалы и методы

Важнейшей эмпирической базой исследования выступают архивные материалы, хранящиеся в фондах Национального архива Республики Калмыкия [[НА РК](#)], Государственного архива Астраханской области [[ГА АО](#)], Российского государственного исторического архива [[РГИА](#)]. В частности в калмыцком архиве сохранились путевые заметки ученого-лесничего И. К. Санкевича. Данные материалы содержат ценный материал по изучению состояния Калмыцкой степи в середине XIX в. по вопросам облесения калмыцких земель и пути их решения. В статье к анализу привлечена обширная российская и краеведческая историография, вышедшая в дореволюционный, советский и постсоветский периоды (к примеру: [[Михайлов 1851](#); [Костенков 1870](#); [Черкасов 1895](#); [Крывда 1959](#); [Крывда 1961](#); и др.]).

Методологическим инструментарием выступили принципы историзма и системности. Принцип историзма позволяет проанализировать состояние лесоразведения в Калмыцкой степи Астраханской губернии в XIX в. во взаимосвязи с историческими условиями того периода. Благодаря принципу системности проблема искусственного лесовосстановления в середине XIX в. изучена комплексно в контексте российской действительности.

3. История изучения вопроса

На важность развития лесов в степной и полупустынной полосе обращали внимание многие авторы как XIX в., так и XX – начала XXI вв. В числе первых стоит упомянуть имена ученых, которые исследовали историю, хозяйство и культуру калмыцкого народа — И. Михайлов [[Михайлов 1851: 129](#)], К. И. Костенков [[Костенков 1868: 60](#); [Костенков 1870: 118](#)], И. Г. Черкасов [[Чер-](#)

[касов 1895: 156](#)], Г. Н. Высоцкий [[Высоцкий 1915: 1185–1186](#)]. В своих трудах они обращали внимание на природные и климатические факторы, влиявшие на экономическую деятельность калмыков, давали подробное описание растительности региона. Также ими предпринимались попытки обоснования причин низкой результативности лесоразведения.

В советский период ученые продолжили исследования в данном направлении, учитывая при этом предшествующий опыт [[Якубов 1951](#); [Крывда 1959](#); [Крывда 1961](#)]. С. А. Крывда разделил историю лесного дела в регионе на определенные этапы и обозначил факторы, ставшие предпосылками лесоразведения в Калмыкии [[Крывда 1959](#); [Крывда 1961](#)].

Современные ученые большое внимание уделяют вопросам лесоразведения, при этом спектр изучаемых вопросов существенно расширился. Они подчеркивают, что лесоразведение будет способствовать развитию хозяйства региона, закреплению песков и в целом — борьбе с опустыниванием и проведению эффективной экологической политики [[Богун 2000: 86–91](#); [Дорджиева 2005: 144–146](#); [Бакташева, Босхамджиева 2012: 10–12](#); [Команджаев, Манджиева 2013: 64–72](#); [Дрыгина 2018: 99–110](#); [Мацакова и др. 2021: 594–601](#); [Бедяева, Тельмеев 2023: 21–22](#)].

4. Из истории лесоразведения в Калмыкии в середине XIX в.

4.1. Начало лесоразведения в Калмыцкой степи

Опыт лесоразведения в Калмыкии в XIX–XX вв. показал, что без постоянного и качественного ухода за почвой на протяжении всей жизни древостоя вырастить насаждения до его естественной спелости невозможно. В решении этой задачи и в прошлом, и в настоящем времени большую роль играют лесничие — люди, от ответственности которых зависело состояние лесного дела в регионе.

В 1845–1853 гг. ученый лесничий Зауцинский¹ составил первые инструкции по осуществлению лесопосадок на калмыцких

¹ Здесь и далее, если отсутствуют инициалы у фамилий, они не указаны в архивных документах..

землях. Первые облесительные работы в низменной части Калмыцкой степи, по отчетам Заусцинского, оказались малоуспешными. Наиболее удачным опыт лесных посадок был на Элистинской плантации, где имелись родники пресной воды и использовалось приспособление для полива — чигирь [НА РК. Ф. И-7. Оп. 4. Д. 62. Л. 17].

Разведению и сохранению лесов в регионе способствовала деятельность Лесоохранительного комитета, который следил за состоянием лесов, за соблюдением лесного законодательства, представлял к награждениям лесных стражников и т. д. [ГА АО. Ф. 752. Оп. 1. Д. 1. Л. 3–40].

4.2. Обследование лесоразведения, садоводства и самородных лесов на калмыцких степях И. К. Санкевича

В Национальном архиве Республики Калмыкия сохранилось интересное дело 1856 г. — «О путевых заметках по обозрению ученым лесничим Санкевичем калмыцких земель и вообще о садоводстве и лесоводстве» [НА РК. Ф. И-7. Оп. 4. Д. 78. Л. 3–13]. Автор заметок, на наш взгляд, является примером образцового, трудолюбивого и ответственного лесничего. И. К. Санкевич подошел к делу довольно основательно: в его обзоре представлен не просто перечень имевшихся в Калмыцкой степи лесных плантаций, но он также попытался найти причины неудач и выдвинул ряд предложений, направленных на устранение недостатков в лесном деле на рассматриваемой территории.

Прежде всего, обращает на себя внимание его основательное обследование лесоразведения, садоводства и самородных лесов в калмыцких степях. Он изучил территорию четырех улусов — крупных административных единиц Калмыцкой степи: Хошеутовского, Багацохуровского, Малодербетовского и Эркетеневского.

В первом улусе лесничий выделил три плантации: Хошеутовскую, Крестовскую плантацию станицы Хошеутовки, крестьянскую плантацию станицы Княжей. Он отмечал, что для разведения леса на землях калмыков Хошеутовского улуса в течение пяти последних лет ежегодно производились по-

садки деревьев, от которых к моменту обследования не осталось никаких следов, потому что калмыки означенного улуса умышленно уничтожают созданные на территории их кочевий насаждения [НА РК. Ф. И-7. Оп. 4. Д. 78. Л. 5]. Подтверждением этому служит следующий факт: весной 1856 г. на вновь избранном удобном месте, вблизи летнего дома владельца улуса, было посажено несколько сот ивовых кольев и саженцев, но калмыки посадку выбили скотом, поломали и повыдергивали деревья из земли так, что культивированное пространство осталось без следов посадки [НА РК. Ф. И-7. Оп. 4. Д. 78. Л. 5].

Лесоразведение при Крестовской плантации станицы Хошеутовки несколько лет подряд производилось исключительно по берегу реки Шулука, на солонцеватой почве, от чего культуры не прижились и погибли. В 1856 г. под плантации были избраны два новых места: одно около реки Ахтубы, а другое — при речке Грязной. Места эти, хоть и не представляли обширной площади, но были удобны для лесоразведения, и произведенные на них весной посадки удались. Других мест, удобных для заведения плантаций, на землях станицы Хошеутовки найдено не было [НА РК. Ф. И-7. Оп. 4. Д. 78. Л. 5об.].

При станице Княжей так же, как и при Хошеутовке, посадки производились по реке Шулуку — но все они пропали из-за солонцеватости почвы и постоянного затопления водой. В 1856 г. было выбрано новое место для лесоразведения около реки Грязной — с почвой, не содержащей в себе солей — где произведенные посадки ивовых кольев хорошо удались [НА РК. Ф. И-7. Оп. 4. Д. 78. Л. 5–6].

В Багацохуровском улусе И. К. Санкевичем были обследованы: сад при домах ставки улуса, плантация Бачин-боро, крестьянская плантация станицы Удачной. Лесничий пришел к выводу о том, что сад при домах улусной ставки заложен на слишком возвышенной местности, на почве плотной, глинистой, притом сухой и очень бедной; а потому без тщательной и глубокой обработки грунта, интенсивного удобрения и полива существовать не сможет. Он писал: «В

прошлом году переданы были мною Господину попечителю Рудину некоторые меры для улучшения сада, но они не выполнены, и сад по-прежнему представляет пустую площадь, на которой кое-где торчит десяток болезненных и никуда не годных деревьев» [НА РК. Ф. И-7. Оп. 4. Д. 78. Л. 6].

Плантация Бачин-боро, по мнению И. К. Санкевича, заложена на такой же местности, где при значительной сухости почвы подпочва содержит в излишестве соли и щелочи, и поэтому сажаемые там древесные растения хотя и принимаются в первый год, но растут плохо и на втором году засыхают [НА РК. Ф. И-7. Оп. 4. Д. 78. Л. 6об.].

На землях крестьян станицы Удачной И. К. Санкевичем найдено несколько мест, весьма удобных для лесоразведения. На одном из них, около реки Ахтубы, в 1856 г. были сделаны значительные посадки ивовых кольев и черенков. Лесничий считал, что от посадок прежних лет можно заготавливать черенки и колья для новых насаждений [НА РК. Ф. И-7. Оп. 4. Д. 78. Л. 6об.].

Плантации Альмата, Амта-Зельмень, Тавальта, Осиновая балка, Водяная балка, сады станиц Тундутовой, Садовой, Крестовой находились в Малодербетовском улусе и также подверглись тщательному осмотру И. К. Санкевичем. Он обратил внимание на тот факт, что плантация Альмата находится на земле крестьян станицы Тундутово, тогда как ее разводят калмыки Малодербетовского улуса, поэтому допускал возможность, что со временем крестьяне могут выдвинуть претензии на плантацию [НА РК. Ф. И-7. Оп. 4. Д. 78. Л. 7].

Другая проблема, которую он обнаружил, заключалась в том, что устроенный при плантации чигирь, снабжавший заложенный здесь постоянный питомник, разрушен полый водой и требует ремонта и переноса на новое место. Лесничий отмечал, что эта плантация ежегодно страдает от затирания льдом, для предотвращения которого он предложил построить ледорезы. Эти ледорезы на момент обзора еще не были сделаны, но, он считал, возведение 2–3 ледорезов для всех насаждений, которые растут по руслу речки Алматы, бесполезно и затратно [НА РК. Ф. И-7. Оп. 4. Д. 78. Л. 7].

Плантация Амта-Зельмень находилась на землях крестьян станицы Садовой, но ее разводили калмыки Малодербетовского улуса, а потому на владение этой плантацией также вероятны были притязания садовских крестьян. В вершинах балки Амта-Зельмень на земле крестьянской, отмечал И. К. Санкевич, произрастает единично ничтожный самородный кустарник боярышника, терна, дикой яблони и шиповник [НА РК. Ф. И-7. Оп. 4. Д. 78. Л. 8об.].

Сад станицы Тундутовой был заложен в глубокой балке (овраге) Альмата, отчего ежегодно затирался льдом и затоплялся водою. Весной 1856 г. по этой причине в саду погибло 84 фруктовых дерева.

Плантация Тавальта принадлежала тундутовским крестьянам, которые ежегодно в ней косили сено, а тем самым причиняли большой вред посадкам и молодым всходам.

Плантация Осиновая балка относилась к крестьянам станицы Плодовитой, но для ее охраны был назначен сторож от общества малодербетовских калмыков — калмык Бичкин Манджи Самаев, который получал жалованье из калмыцкого капитала. Возле станицы Плодовитой И. К. Санкевич обнаружил места, весьма подходящие для разведения фруктовых садов и огородов [НА РК. Ф. И-7. Оп. 4. Д. 78. Л. 9об.].

Плантация Водяная балка принадлежала крестьянам станицы Абганеровой. Она ежегодно страдала от затирания льдом, для устранения которого при новых посадках, по мнению лесничего, следовало поступать таким же образом, как было предложено для плантации Альмата.

Сад станицы Садовой сначала заложен был в ложине на солонцеватой почве, поэтому посаженные в нем деревья росли плохо, находились в болезненном состоянии и с каждым годом пропадали. В 1856 г. весь сад был перенесен в гору, разбит по вновь составленному плану и окопан канавою. Из старого сада пересажены все уцелевшие там деревья, которые на новых местах принялись хорошо и в первый год уже дали побеги длиной в $\frac{1}{2}$ и $\frac{3}{4}$ аршина [НА РК. Ф. И-7. Оп. 4. Д. 78. Л. 10].

На момент обзора И. К. Санкевичем сад станицы Крестовой, заложенный всего лет

девять назад, находился в самом жалком состоянии: все деревья в нем были болезненного роста, корявые, покрытые лишаями и попорчены скотом [НА РК. Ф. И-7. Оп. 4. Д. 78. Л.10об.].

В Малодербетовском улусе лесничий выявил проблему небрежной высылки рабочих станичными крестьянами на принадлежавшие им плантации:

– волостные и сельские начальства не составляют очередных списков рабочих, а высылают их беспорядочно, поэтому на работу приходят в основном 10- и 12-летние мальчики и девочки, а также женщины, старики и старухи;

– рабочие никогда не выходят на работу в определенное законом время, а обычно приходят в 11 и 12 часов утра и нередко позже и, пробыв час или два часа, самовольно уходят с работы;

– жалобы лесных надзирателей при плантациях на неаккуратную высылку рабочих или на их самовольную отлучку с работ и слушание, волостные и сельские начальства обычно оставляют без последствий. Лесные надзиратели, сторожа плантаций вынуждены по несколько дней ходить с требованиями о высылке рабочих то к голове, то к старосте, то к десятскому, что приводит к потере времени;

– последствием же небрежной высылки рабочих стали затягивание и безуспешность культурных работ в плантациях [НА РК. Ф. И-7. Оп. 4. Д. 78. Л. 10–11].

В Эркетеневском улусе обследована была плантация Элистинская. Для нее в 1856 г. было устроено естественное орошение из речки Элисты, путем строительства на речке плотины длиной 15 сажень. Поэтому имевшийся здесь чигирь оказался не нужным.

И. К. Санкевич выделил отдельно самородные леса. Из всех самородных лесов, открытых до середины столетия на калмыцких степях Астраханской губернии, самая большая часть находилась в Малодербетовском улусе. Эти леса расположены исключительно в глубоких балках (оврагах) и представляли собой:

– мелкий тальник балки Яблонная, большая и малая Тенгута, Кардон-булук, Тенгу-булук и Нижняя Уласта;

– ничтожный корявый кустарник боярышника, терна, шиповника, вяза, черноклана и дикой яблони балки: Каменная, Крутая, Широкая, Россыпная, Бровкина, Голодная, Осиновая, Бридкина, Урадык, Шамба, Ялмата, Амта-Зельмень, Кугульта и Овата;

– молодой дубняк, осину, осокорт и тополь балки Лесная — балки, которая по качеству насаждения считалась самой лучшей из всех самородных лесов, открытых в калмыцких степях.

Некоторые балки с самородным лесом сняты уже на план, но съемка, по-видимому, делалась не инструментально, а глазомерно, поэтому в планах И. К. Санкевич обнаруживал несоответствие с натурой [НА РК. Ф. И-7. Оп. 4. Д. 78. Л. 12].

Для надзора за самородной порослью был назначен сторож от общества калмыков Малодербетовского улуса, было построено 5 стражнических домов. Дома эти были не достроены, в них не хватало крыш, окон, полов и надворных строений. Из-за отсутствия у домов крыш третий год, потолки в них от сырости перекоробились и отчасти сгнили, а печки и дымовые трубы, размытые дождем, развалились. Лесничий отметил проблему надзора за самородными лесами сторожами-калмыками, он нашел его весьма слабым и неудовлетворительным — везде были заметны порубки и хищение леса, а также самовольные распашки, не только по краям лесных балок, но даже в самих балках. Распашки постоянно производили крестьяне селений Цацы, Дубового Оврага, Чапурников — они имели здесь свои гумна, бахчи, огороды и почти круглый год, проживая со скотом в калмыцких степях, самовольно пользовались не только чужой землей, но и лесом, поэтому последний не поправлялся и оставался мелким ничтожным кустарником [НА РК. Ф. И-7. Оп.4. Д.78. Л. 12об.].

4.3. Предложения И. К. Санкевича по улучшению лесоразведения в Калмыцкой степи

Следует отметить, что И. К. Санкевич после тщательного обследования не только выделил существовавшие проблемы, но и составил рекомендации по их устранению, которые можно условно объединить в две группы:

1) советы по осуществлению лесоустроительных работ;

2) предложения по организации лесничей и сторожевой службы [НА РК. Ф. И-7. Оп.4. Д.78. Л. 5об.–13].

Усовершенствовать работы по лесоразведению он предлагал следующим образом:

1) он отдал приказ станичному старосте, чтобы он на будущую весну заставил каждого домохозяина станицы Княжей Хошеутовского улуса посадить у своего дома по 3 деревца, при этом указал, откуда можно получить нужные для этого саженцы;

2) в саду ставки в Багацохуровском улусе, исходя из свойств почвы и местных условий, он предложил выращивать преимущественно вишневые деревья, а также содержать при саде двух постоянных рабочих и две поливальные бочки с лошаадьми;

3) на плантации Бачин-боро осенью рассматриваемого года были осуществлены опыты особой подготовки почвы и высадки в ней таких древесных пород, которые лучше всех переносят солонцеватость грунта. В случае неудачи опытов И. К. Санкевич считал необходимым эту плантацию закрыть;

4) возле станицы Удачной Багацохуровского улуса лесничий указал крестьянам места, подходящие для разведения садов, объяснил им некоторые правила садоводства и меры сохранения заводимых садов от затопления водой. Он считал, что для того, чтобы приучить станичных крестьян к садоводству, необходимо оказать им содействие, отправив в станицу несколько десятков фруктовых деревьев, виноградных черенков и ягодных кустов для раздачи крестьянам, изъявившим желание заняться садоводством;

5) при плантации Алматы Малодербетовского улуса, которая ежегодно страдала от затирания льдом, по его мнению, проблему можно было устранить в достаточной мере следующим образом: русло реки Алматы не засаживать деревьями, а оставлять в нем свободный, для прохода льда, фарватер шириною от 8 до 10 сажень¹, затем по обеим сторонам фарватера в первые три

¹ Сажень — русская единица измерения, равна 213,36 см. 1 сажень = 1 / 500 версты = 3 аршина = 12 пядей = 48 вершков.

ряда сажать самые толстые ивовые колья не менее 1 ¾ вершка² в диаметре и в течение первых трех лет, ежегодно на зиму обворачивать их потолще травой или баткаком. При таком распределении посадок куски пльвущего льда, ударяясь о первые ряды хорошо завернутых кольев, будут отталкиваться в свободный фарватер реки и не причинять вреда посадкам. Когда посаженные колья хорошо укрепятся в почве и кора на них отвердеет, тогда их обвязку можно было бы прекратить. Таким же образом И. К. Санкевич предлагал поступать и на плантации Водяная балка, которая также ежегодно страдала от затирания льдом;

6) в саду станицы Тундутовой для устранения проблемы затопления водой И. К. Санкевич предложил окопать сад канавой и обнести земляным валом высотой в 1 ½ аршина³. Но, несмотря на крайнюю необходимость данных работ, крестьяне станицы Тундутовой отказались дать рабочих. Полив тундутовского сада производился чигирем из речки Алматы, которая летом совершенно высыхала, а потому он считал, что необходимо построить плотину, чтобы с ее помощью с весны задержать в речке достаточное количество воды. И. К. Санкевич напомнил, что состоявший при тундутовском саде сторож получал жалованье не от крестьян станицы Тундутовой, как и следовало, а из калмыцкого капитала;

7) в Малодербетовском улусе возле станицы Плодовитой лесничий нашел места, подходящие для разведения фруктовых садов и огородов, но они были испещрены ямами и рытвинами. Он предлагал вырыть вокруг всей этой местности правильную канаву, разбить ее по числу крестьянских домов на прямоугольники, раздать их домохозяевам для того, чтобы каждый из них свой прямоугольник по краям обсадил деревьями, и только тогда уже приступал к устройству в нем огорода или сада. По его мнению, это позволило бы не только вос-

² Вершок — русская единица измерения, равна около 4,5 см. С 1835 г. в России действовали следующие соотношения между вершком и другими единицами длины: 1 вершок = 1 / 48 сажени = 1 / 16 аршина.

³ Аршин — русская единица измерения, около 71 см.

становить внешний вид местности, но и улучшить качество огородных растений. Из этой же площади он считал возможным выделить 2 или 3 десятины¹ под устройство общественного фруктового сада;

8) для полного насаждения площади нового сада станицы Садовой потребуется еще до 400 шт. разных фруктовых деревьев, приобрести которые И. К. Санкевич предлагал в колонии Сарепте. По новому плану этот сад предполагалось со временем увеличить на площади около 4 десятин. С этой целью осенью 1856 г. планировались некоторые подготовительные работы, но крестьяне не согласились;

9) сад станицы Крестовой, по его предложению, необходимо было окопать канавой и назначить туда особого садовника, обеспечить сад 500 хорошими фруктовыми деревьями и принять меры для принуждения крестьян к высылке рабочих [НА РК. Ф. И-7. Оп. 4. Д. 78. Л. 6–12].

Предложения И. К. Санкевича по организации лесничей и сторожевой службы были следующие:

1) принять меры против умышленного истребления культур в найденных в Хошеутовском улусе нескольких местах, удобных для лесоразведения. Для этого, по его мнению, достаточно для начала при вновь учреждаемой плантации иметь одного благонадежного сторожа с условием, что жалование он будет получать от общества хошеутовских калмыков;

2) для охраны самородного ивового кустарника по берегу реки Ахтубы, ежегодно повреждаемого скотом и уничтожаемого порубками, и для вновь разводимой плантации предложил назначить сторожа, который бы получал жалование от крестьян станицы Хошеутовки;

3) в Багацохуровском улусе для надзора за плантациями станицы Удачной он считал необходимым назначить сторожа с жалованием от общества станичных крестьян;

4) состоявший при плантации Алматы лесной кондуктор Голубев оказался нерадивым и неблагонадежным, поэтому И. К. Санкевич предложил Голубева вызвать

в г. Астрахань и, подвергнув наказанию, отправить под ближний надзор в Яндыки, а на его место прислать кондуктора Васильева. При этой же плантации находился сторож — калмык Церен Шалхаев. Неизвестно, кем он был определен на эту должность в 1854 г., но жалования не получал до 1856 г. Но так как Ц. Шалхаев плохо следил за плантацией, не исполнял даваемых ему приказаний и часто находился в отлучках по своим делам, то И. К. Санкевич его рассчитал и назначил на его место другого сторожа;

5) сторожу самородного леса в балке Амта-Зельмень Малодербетовского улуса Гайдукову было предложено прекратить выплату жалования из калмыцкого капитала сторожу самородного леса в балке Амта-Зельмень Малодербетовского улуса Гайдукову и обязать общество садовских крестьян предоставить ему содержание;

6) И. К. Санкевич считал, что следует запретить тундутовским крестьянам сенокосение в плантации Тавальта, для надзора назначить сторожа с условием получения жалования от общества этих крестьян;

7) сторожа плантации Осиновая балка Бичкин Манджи Самаева, по предложению лесничего, следовало перевести для улучшения надзора за самородными лесами или плантациями, принадлежавшими непосредственно малодербетовским калмыкам, а на его место избрать из среды крестьян станицы Плодовитой другого сторожа и назначить ему от них жалование;

8) надзирателю Элистинской плантации необходимо было построить помещение, а поэтому И. К. Санкевич предложил тот дом, который предполагалось поставить для сторожа на урочище Кугульта, как не нужный там, перевести в Элисту;

9) по мнению лесничего, размещение сторожей, назначенных для надзора за самородными лесами, было сделано неправильно: некоторые из них, получая жалование из калмыцкого капитала, назначены смотреть за лесом, не принадлежавшим калмыкам. Для охраны самородных лесов и приведения их по возможности в лучшее состояние он предлагал: а) как указывалось выше, сторожей из урочищ Осиновая балка, Ялмата и Амта-Зельмень перевести в плантацию

¹ Десятина — русская мера площади. Равна 1,092 га.

или самородный лес, непосредственно принадлежащий калмыкам Малодербетовского улуса, а затем на их места обществам тех крестьян, которым принадлежат упомянутые лесные урочища, следовало определить своих сторожей и назначить им от себя содержание; б) обеспечить лесную стражу оружием, например: ружьем, саблей и пикой; в) сторожайше запретить крестьянам селений Цаца, Дубовый Овраг и Чапурники производить самовольные распашки около балок, насажденных лесом [НА РК. Ф. И-7. Оп. 4. Д. 78. Л. 13].

Отдельно по проблеме высылки рабочих И. К. Санкевич предложил всем станицам, при которых находятся плантации, заранее сделать наряд рабочих, в котором обозначить, сколько каждой станице следует выставлять людей, в какое время и на какой пункт — причем предоставить крестьянам право, что если они пожелают натуральную повинность заменить в денежную, то должны составить об этом приговор и предоставить его на утверждение начальства. Снабдить каждую станицу для записи в ней крестьян, направленных для работ, шнуровой книгой, в которой должна была быть особая графа для росписи получателя рабочих. В начале этой книги он предложил поместить инструкцию, в которой подробно изложить: обязанности сельских начальств при наряде и высылке рабочих; обязанности рабочих во время работ; меры взыскания за невыполнение таковых обязанностей или за совершение противозаконных действий. Шнуровыми книгами необходимо было снабдить также лесных надзирателей для того, чтобы они в эти книги ежедневно вписывали списки приходящих на работу крестьян с обозначением в особых графах, сколько времени они находились на работе и что делали [НА РК. Ф. И-7. Оп. 4. Д. 78. Л. 6–12об.].

Представленный лесничим И. К. Санкевичем обзор лесоразведения в Калмыцкой степи характеризуется не только описательной частью, но содержит подробный анализ существовавших проблем и предложения по их решению.

Впоследствии, в 1859 г., главный попечитель калмыцкого народа В. Н. Струков, указывая на затратность лесоразведения в

Калмыцкой степи, предложил Министерству государственных имуществ закрыть плантации. В ноябре того же года Лесной департамент с учетом материала лесничего И. К. Санкевича отверг предложение В. Н. Струкова и, наоборот, посоветовал расширить границы существующих, обратив внимание на разведение быстрорастущих пород, а не фруктовых садов [НА РК. Ф. И-7. Оп. 3. Д. 7. Л. 441]. В 1861 г. лесничий совместно с другим главным попечителем калмыцкого народа К. И. Костенковым объехал все 27 лесных плантаций и подвел 15-летние итоги лесоразведения в калмыцких степях: из 743 засаженных десятин сохранилось около 200 десятин леса, хорошими были не более 100 десятин. Лучшими были признаны посадки на Элистинской лесной плантации. За эти годы было потрачено около 130 тыс. руб. [Защитное лесоразведение 1997: 7].

В 1865 г. по представлению К. И. Костенкова Министерство государственных имуществ распорядилось прекратить лесоразведение в Калмыцкой степи и поддерживать только те лесные и садово-лесные плантации, которые признаны полезными в будущем, а все работы по лесоразведению, осуществлявшиеся ранее, предписывалось отнести на счет общественного калмыцкого капитала [РГИА. Ф. 381. Оп. 14. Д. 8394. Л. 20].

5. Заключение

С самого начала своего зарождения лесоразведение в калмыцких степях носило защитный характер, его целью было оградить калмыцкие стада от зимних бурь и летней жары. В условиях сухой степи и полупустыни это представляло нелегкую задачу. К. И. Костенков отмечал в своем исследовании: «растительность может существовать здесь только в таких местностях, где почва устранена от влияний солей и где есть влажность... Следовательно, для успешного лесоразведения в калмыцкой степи существует весьма мало мест таких, где труды человека могли бы только помогать природе...» [Костенков 1870: 119]. Тем большее значение имели люди, приложившие немалые усилия для развития лесного дела в Калмыкии, их

опыт и наработки представляют огромную ценность для современного лесовода.

Сегодня искусственные лесные насаждения республики являются уникальным примером разведения леса в условиях степных и полупустынных пространств, они оказывают благотворное влияние на жизне-

деятельность человека, значительно повышают урожайность сельскохозяйственных угодий, предотвращают деградацию верхнего слоя почвы и пастбищ. Необходимость продолжения лесоустроительных и лесовосстановительных работ на данный момент несомненна.

Источники

- ГА АО — Государственный архив Астраханской области (г. Астрахань).
 НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия (г. Элиста).
 РГИА — Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург).

Литература

- Бакташева, Босхамджиева 2012 — *Бакташева Н. М., Босхамджиева С. Г.* Основные критерии успешного лесоразведения в аридных условиях Ергенинской возвышенности // Вестник Калмыцкого университета. 2012. № 3 (15). С. 10–12.
- Бедяева, Тельмеев 2023 — *Бедяева Б. С., Тельмеев Э. Ю.* Реализация регионального проекта «Сохранение лесов в Республике Калмыкия» // Современные социальные и экономические процессы: проблемы, тенденции, перспективы регионального развития. 2023. № 1. С. 21–22. DOI: 10.24412/cl-37063-2023-21-22
- Безискусственного лесовосстановления — Безискусственного лесовосстановления Калмыкии грозит полное опустынивание // МК в Калмыкии. 23.08.2023 [электронный ресурс] // URL: <https://www.mk-kalm.ru/social/2023/08/23/bez-iskusstvennogo-lesovosstanovleniya-kalmykii-grozit-polnoe-opustynivanie.html> (дата обращения: 20.08.2024).
- Богун 2000 — *Богун А. П.* Лесные насаждения Калмыкии как объект долговременного биомониторинга // Вестник института. Элиста: Джангар, 2000. С. 86–91.
- В Калмыкии 2023 — Рослесхоз: в Калмыкии лесовосстановление проведено на более 650 га [электронный ресурс] // Федеральное агентство лесного хозяйства. Федеральные новости. 22 августа 2023 г. URL: <https://rosleshoz.gov.ru/news/2023-08-22/n10672> (дата обращения: 17.08.2024).
- Высоцкий 1915 — *Высоцкий Г. Н.* Природные условия и результаты лесоразведения на Ергенях Астраханской губернии (отчет о командировке) // Ежегодник лесного департамента. Т. 1. Пг.: Якорь, 1915. С. 2–98.

Sources

- State Archive of Astrakhan Oblast.
 National Archive of the Republic of Kalmykia.
 Russian State Historical Archive.

References

- Baktasheva N. M., Boskhamdzhieva S. G. The main criteria for successful afforestation in arid conditions of Ergeny. *Bulletin of Kalmyk University*. 2012. No. 3 (15). Pp. 10–12. (In Russ.)
- Bedyayeva B. S., Telmeev E. Yu. Forest Preservation in the Republic of Kalmykia: Implementing the regional project. *Sovremennye sotsial'nye i ekonomicheskie protsessy: problemy, tendentsii, perspektivy regional'nogo razvitiya*. 2023. No. 1. Pp. 21–22. DOI: 10.24412/cl-37063-2023-21-22. (In Russ.)
- Kalmykia to face complete desertification without artificial afforestation. On: MK v Kalmykii (newspaper website). Posted on 23 August 2023. Available at: <https://www.mk-kalm.ru/social/2023/08/23/bez-iskusstvennogo-lesovosstanovleniya-kalmykii-grozit-polnoe-opustynivanie.html> (accessed: 20 August 2024). (In Russ.)
- Bogun A. P. Kalmykia's forests as object of long-term biomonitoring. In: Herald of the Institute (Vestnik Instituta). Elista: Dzhangar, 2000. Pp. 86–91. (In Russ.)
- Rosleskhoz: Over 650 ha of forests restored in Kalmykia. On: Federal Agency for Forestry of Russia (official website). Federal News. Posted on 22 August 2023. Available at: <https://rosleshoz.gov.ru/news/2023-08-22/n10672> (accessed: 17 August 2024). (In Russ.)
- Vysotsky G. N. Natural conditions and outcomes of forest cultivation efforts in the Yergeni of Astrakhan Governorate: A trip report. *Ezhegodnik lesnogo departamenta*. Vol. 1. Petrograd: Yakor', 1915. Pp. 2–98. (In Russ.)

- Дорджиева 2005 — *Дорджиева С. Г.* Опыт и итоги защитного лесоразведения в Калмыкии // Проблемы сохранения и рационального использования биоразнообразия Прикаспия и сопредельных регионов: мат-лы III Междунар. заочной науч. конф. Элиста: КалмГУ, 2005. С. 144–146.
- Дрыгина 2018 — *Дрыгина Н. Н.* Пески наступают: из истории защитного лесонасаждения в Астраханской области // Новый исторический вестник. 2018. № 3 (57). С. 99–110.
- Защитное лесоразведение 1997 — Защитное лесоразведение в Калмыкии: прошлое, настоящее, будущее. II съезд лесоводов Калмыкии / сост. В. А. Иванников и др. Элиста: Джангар, 1997. 92 с.
- Костенков 1868 — *Костенков К. И.* Статистико-хозяйственное описание Калмыцкой степи начальника экспедиции полковника Костенкова // Калмыцкая степь Астраханской губернии по исследованиям Кумо-Мангычской экспедиции. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1868. 162 с.
- Команджаев, Манджиев 2013 — *Команджаев А. Н., Манджиев О. С.* Опустынивание Калмыцких степей в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Калмыцкого университета. 2013. № 1(17). С. 64–72.
- Костенков 1870 — *Костенков К. И.* Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. СПб.: Тип. С. Нусвальта, 1870. 170 с.
- Крывда 1959 — *Крывда С. А.* Лесоразведение в засушливых степях Калмыкии. Элиста: Калмиздат, 1959. 30 с.
- Крывда 1961 — *Крывда С. А.* Зеленый наряд столицы Калмыкии. Элиста: Калмиздат, 1961. 44 с.
- Мацакова и др. 2021 — *Мацакова Н. П., Окорова Л. В., Амаева Д. В.* Деятельность российского правительства по лесоразведению в Калмыцкой степи Астраханской губернии в XIX веке // Былые годы. 2021. № 16 (2). С. 594–601.
- Михайлов, 1851 — *Михайлов И.* Хозяйственно-статистические очерки Астраханской губернии. СПб.: Тип. Мин-ва гос. имуществ, 1851. 176 с.
- Рослесхоз 2022 — Рослесхоз: в Калмыкии займутся лесовосстановлением и лесоразведением [электронный ресурс] // URL: <https://rosleshoz.gov.ru/news/federal/rosleskhoz-v-kalmykii-zaymutsya-lesovosstanovleniem-i-lesorazvedeniem-n10391/> (дата обращения: 20.08.2024).
- Dordzhieva S. G. Protective forest cultivation in Kalmykia: Experiences and outcomes. In: Borlikov G. M. (ed.) Preservation and Rational Use of Biodiversity across the Caspian and Adjacent Regions. Conference proceedings (Elista, 31 May 2004). Elista: Gorodovikov Kalmyk State University, 2005. Pp. 144–146. (In Russ.)
- Drygina N. N. The sand is coming: From the history of protective forest planting in the Astrakhan Region. *The New Historical Bulletin*. 2018. No. 3 (57). Pp. 99–110. (In Russ.) DOI: 10.24411/2072-9286-2018-00025
- Ivannikov V. A. et al. (comps.) Protective Forestry in Kalmykia: Past, Present, Future. Congress proceedings. Elista: Dzhangar, 1997. 92 p. (In Russ.)
- Kostenkov K. I. Kalmyk Steppe: Statistical and economic accounts by Colonel K. Kostenkov. In: The Kuma-Manych Expedition and Its Investigations of Kalmyk Steppe (Astrakhan Governorate). St. Petersburg: V. Bezobrazov & Co., 1868. 162 p. (In Russ.)
- Komandzhaev A. N., Mandzhiev O. S. Desertification of Kalmyk Steppe in the late nineteenth and early twentieth centuries. *Bulletin of Kalmyk University*. 2013. No. 1 (17). Pp. 64–72. (In Russ.)
- Kostenkov K. I. Kalmyk Nomads of Astrakhan Governorate: Historical and Statistical Accounts. St. Petersburg: S. Nusvalt, 1870. 170 p. (In Russ.)
- Kryvda S. A. Forestry in Kalmykia's Arid Steppes. Elista: Kalmizdat, 1959. 30 p. (In Russ.)
- Kryvda S. A. Kalmykia's Capital and Its Green Garments. Elista: Kalmizdat, 1961. 44 p. (In Russ.)
- Matsakova N. P., Okonova L. V., Amaeva D. V. The Russian Government activities on afforestation in the Kalmyk Steppe of the Astrakhan province in the XIX century. *Bylye Gody*. 2021. No. 16 (2). Pp. 594–601. (In Russ.) DOI: 10.13187/bg.2021.2.594
- Mikhaylov I. Astrakhan Governorate: Economic and Statistical Accounts. St. Petersburg: Ministry of State Property, 1851. 176 p. (In Russ.)
- Rosleskhoz: Kalmykia to tackle re- and afforestation. On: [Russian] Federal Agency for Forestry (Rosleskhoz; website). Available at: <https://rosleshoz.gov.ru/news/federal/rosleskhoz-v-kalmykii-zaymutsya-lesovosstanovleniem-i-lesorazvedeniem-n10391/> (accessed: 20 August 2024). (In Russ.)

- Рослесхоз 2023 — Рослесхоз: лесовосстановление в Калмыкии проведено почти на тысяче гектаров [электронный ресурс] // URL: <https://rosleshoz.gov.ru/news/federal/rosleskhoz-lesovosstanovlenie-v-kalmykii-provedeno-pochti-na-tysyache-gektarov-n10787/> (дата обращения: 22.08.2024).
- Указ Президента — Указ Президента Российской Федерации от 4 ноября 2020 г. № 666 «О сокращении выбросов парниковых газов» [электронный ресурс] // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45990> (дата обращения: 03.07.2024).
- Черкасов 1895 — Черкасов И. Г. Статистическое и хозяйственное описание Астраханской губернии // Журнал Министерства государственных имуществ. 1895. №№ 5, 7–10. 263 с.
- Якубов, 1951 — Якубов Т. Ф. Опыт облесения и закрепления песков Северного Прикаспия. М.: АН СССР, 1951. 100 с.
- Rosleskhoz: Kalmykia's reforested area to reach 1,000 ha. On: [Russian] Federal Agency for Forestry (Rosleskhoz; website). Available at: <https://rosleshoz.gov.ru/news/federal/rosleskhoz-lesovosstanovlenie-v-kalmykii-provedeno-pochti-na-tysyache-gektarov-n10787/> (accessed: 22 August 2024). (In Russ.)
- Executive Order (Decree) of the President of Russia of 4 November 2020 no. 666 on GHG Reduction [Measures]. On: President of Russia (official website). Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45990> (accessed: 3 July 2024). (In Russ.)
- Cherkasov I. G. Astrakhan Governorate: Statistical and economic descriptions. *Zhurnal Ministerstva gosudarstvennykh imushchestv*. 1895. No. 5, 7–10. 263 p. (In Russ.)
- Yakubov T. F. Sand Fixation Experiences across the Northern Caspian. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1951. 100 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 17, Is. 6, Pp. 1209–1227, 2024
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1209-1227

«Неоспоримое и вечно потомственное владение землями, под Сарептскую колонию отведенными»: поселение немцев- гернгутеров в Калмыцкой степи

Райма Григорьевна Саряева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

0000-0003-2358-3539. E-mail: [raima_s\[at\]mail.ru](mailto:raima_s@mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Саряева Р. Г., 2024

Аннотация. *Введение.* Поселение иностранцев производилось царским правительством, при Екатерине II, Павле I и Александре I, с целью заселения степей Южной России, чтобы обезопасить их от набегов кочевых народов и получить экономическую выгоду от эксплуатации земель. При Екатерине II причиной приглашения иностранцев являлась острая необходимость заселения новых земель — южных территорий, присоединенных в результате двух русско-турецких войн, и части западных земель, полученных при разделе Польши. Поэтому правительство в широких масштабах приглашало иностранных колонистов — французов, шведов, болгар, сербов, немцев и др. *Цель* исследования — реконструкция истории появления первого и единственного поселения на юге России, в Калмыцкой степи, немцев, представителей религиозной общины — Евангелического братства гернгутеров. Для этого необходимо было проанализировать правительственные документы XVIII–XIX вв., этнографические и статистические труды ученых и чиновников рассматриваемого периода, а также травелоги путешественников XVIII–XIX вв. и работы современных исследователей. *Результаты.* Показаны причины и история поселения иностранцев в России, начиная с царствования Петра I и его предшественников, заканчивая правительственными мерами времен Екатерины II и последующих императоров. *Вывод.* Первое и единственное поселение в России Братского евангелического союза из Гернгута (Германия) оказалось удачным опытом колонизации неосвоенных земледелием пространств юга России. Сарепта внесла большой вклад в развитие Нижнего Поволжья, став одним из экономических и культурных центров региона.

Ключевые слова: немцы-гернгутеры, немцы Поволжья, колонизация, поселение, Сарепта, указ, евангелическое братство

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Саряева Р. Г. «Неоспоримое и вечно потомственное владение землями, под Сарептскую колонию отведенными»: поселение немцев-гернгутеров в Калмыцкой степи // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 6. С. 1209–1227. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1209-1227

‘Undisputed and Eternal Hereditary Possession of Lands Assigned to the Colony of Sarepta’: On the Settlement of Herrnhut Brethren in Kalmyk Steppe

Rayma G. Saryaeva¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0000-0003-2358-3539. E-mail: raima_s[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Saryaeva R. G., 2024

Abstract. *Introduction.* Relocations of foreigners would be conducted by the Tsarist government under Catherine II, Paul I and Alexander I to populate steppes of South Russia, secure the latter from attacks launched by nomadic groups, and gain additional economic benefits from land use. Under Catherine II, another reason for inviting the former became the urgent need to populate the newly acquired lands — southern territories captured in the aftermath of the two Russo-Turkish wars, and some western domains obtained through the partitions of Poland. So, the Government tended to welcome foreign colonists en masse — the French, Swedes, Bulgarians, Serbs, Germans and others. *Goals.* The paper attempts a reconstruction of how Germans representing the Unity of Brethren of Herrnhut appeared and settled in Russia’s south. To facilitate these, the work shall analyze eighteenth- and nineteenth-century government documents, examine ethnographic and statistical accounts authored by scholars and officials from the period in question, with due attention be paid to notes of travelers from the period in question and writings of modern researchers. *Results.* The study shows why and how foreigners would choose to settle in Russia — from the reign of Peter the Great and his predecessors to the government measures under Catherine II and subsequent emperors. *Conclusions.* The first and only Russia’s settlement of the Herrnhut Brethren (Germany) proved a successful experience of colonization across the undeveloped agricultural areas of South Russia. Sarepta did make a significant contribution to the development of the Lower Volga — and would serve an important economic and cultural stronghold of the region.

Keywords: Herrnhut Brethren, Volga Germans, colonization, settlement, Sarepta, decree, Evangelical brotherhood

Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 ‘The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups’.

For citation: Saryaeva R. G. ‘Undisputed and Eternal Hereditary Possession of Lands Assigned to the Colony of Sarepta’: On the Settlement of Herrnhut Brethren in Kalmyk Steppe. *Oriental Studies*. 2024; 17 (6): 1209–1227. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1209-1227

1. Введение

Обширные степные пространства на юге и юго-востоке России, не принося государству выгоды, являлись для него источником постоянных беспокойств. Почти незаселенные оседлым земледельческим населением, степи представляли опасность набегами кочевых народов на соседние русские области. По мнению Г. Г. Писаревского, исторический опыт продолжительной борьбы со Степью показал

правительству, что лучшим средством для укрепления за собой степных окраин, извлечения из них возможных выгод и водворения спокойствия является их колонизация, одновременно военная и земледельческая [Писаревский 1898: 101].

Необходимость оградить южные границы империи от вторжения турок побудила Петра I вызвать на русскую службу сербов; то же повторено было императрицей Анной Иоанновной; позже, в царствование Елиза-

веты Петровны, из пришедших волохов¹, грузинов, болгар и греков образованы были военные пограничные поселения; к ним постоянно присоединялись новые партии славянских выходцев, преимущественно сербов, и таким образом в 1765 г. вся Новороссийская Степь была окаймлена цепью военно-земледельческих поселений. С царствования Екатерины II началась «систематическая колонизация в России» [Благовецкий 1850: 6].

Манифест от 4 (15) декабря 1762 г. «О позволении иностранцам, кроме жидов, выходить и селиться в России и о свободном возвращении в свое отечество русских людей, бежавших за границу» стал началом исторического переселения немцев в Россию [Манифест 1762: 126–127; Герман, Плева 2002: 12]. Ожидаемого эффекта манифест не принес, поскольку в нем отсутствовали гарантии и привилегии со стороны государства. Поэтому уже в июле следующего года появляются сразу два документа: «Манифест о даруемых иностранным переселенцам авантажах и привилегиях» и «Указ об учреждении Канцелярии опекунов иностранных переселенцев» [Манифест 1763: 313–316; Именной указ 1763: 312–313].

Вторым манифестом Екатерина II разрешила «въезжать и селиться, где кто пожелает», обещала свободное отправление веры и «всякое вспоможение и удовольствие» [Манифест 1763: 313–314; Дитц 2000: 36]. В Европе, особенно в Германии, уже имелись экономические и политические предпосылки к переселенческому движению из страны в Российскую империю: после бесконечных войн, особенно после Семилетней войны (1756–1763), хозяйство средне-европейских государств было крайне расшатано [Зиннер 1925: 2], раздробленность Европы на мелкие государства и ограничение свободы ремесла тормозили развитие торговли и рост благосостояния, не было и сильной промышленности, которая поглотила бы излишек населения. По мнению Я. Г. Штаха, сказались и высокие таможенные пошлины на грузы через портовые города², особенно

хлебные грузы, а также застой в торговле, обнищание купцов, ремесленников и мелких промышленников [Штах 1916: 14–15]. Из этого положения, по мнению П. И Зиннера, имелся один выход — переселение в Америку или Россию. Агитация агентов русского правительства, посланных за границу для вербовки переселенцев, направила переселенческую волну в Россию [Зиннер 1925: 2].

Опубликованные на нескольких европейских языках манифесты Екатерины II активно распространялись по Европе. В нескольких немецких городах были организованы сборные пункты, откуда переселенцы направлялись в портовые города: Любек, Росток, Бремен. И далее морем на парусных судах в Россию. По прибытии в Ораниенбаум или Петербург они были доставлены на место назначения, в Саратов [Зиннер 1925: 2].

Первые партии поселенцев водворились на территории Саратовской и будущей Самарской губернии, и с 1764 г. по 1766 г. было образовано 102 колонии; кроме того, часть колонистов поселилась в Воронежской, Черниговской, Петербургской и Лифляндской губерниях [Клаус 1869: 14; Энциклопедический словарь 1898: 673].

Более поздний манифест Екатерины (14 июля 1785 г.) «О дозволении иностранцам селиться по городам и селениям Кавказской губернии и отправлять беспрепятственно торги, промыслы и ремесла свои» также был опубликован в заграничных газетах [Манифест 1785]. Документом обещались веротерпимость, права гражданства и освобождение от налогов на 6 лет для вновь прибывших. Энергичные люди из обедневшей массы населения Данцига, откликнувшись на посулы в манифесте, обратились к «тамошнему русскому резиденту Петерсону» с просьбой отправить их на поселение в Россию, причем они выразили желание поселиться не на Кавказе, а в Херсонской губернии, т. е. в Новороссии [Штах 1916: 15]. Скоро об этом движении в Данциге узнал и

причислен к тем польским владениям, которые подпали под господство Пруссии. В то время Данциг играл крупную роль в экспорте хлеба, и половина всего экспорта из Польши прошла через него [Штах 1916: 14].

¹ Влахы (уст. *валахи*, др.-рус. *волохи*) — общее название предков восточнороманских народов.

² Пруссия добила того, что г. Данциг был

генерал-губернатор Новороссийского края князь Г. А. Потемкин, который еще раньше энергично хлопотал о заселении вверенного ему края [Штах 1916: 15].

С учетом изученности темы целью исследования стала реконструкция истории появления первого и единственного поселения на юге России, в Калмыцкой степи, немцев, представителей религиозной общины — Евангелического братства гернгутеров. Для этого проанализированы правительственные документы XVIII–XIX вв., этнографические и статистические труды ученых и чиновников, а также путевые очерки и заметки путешественников XVIII–XIX вв., работы современных исследователей, а также рассмотрены причины иностранной, в частности немецкой, колонизации в России.

2. Материалы и методы

Методика исследования базируется на использовании общенаучных и исторических методов и подходов. Важное значение в работе имеет принцип историзма и метод системного анализа, позволившие не только реконструировать историю поселения гернгутеров на юге России, но и проанализировать причины колонизации иностранцами российских пространств.

2.1. Сведения об иностранцах-колонистах в трудах исследователей

Первые исследователи иностранной колонизации считали, что определенно невозможно сказать, с какого времени начали селиться в России иностранцы. Иван III и почти все после него правители приглашали иностранных ученых, художников и т. п., с целью познакомить «наших предков с европейской цивилизацией» [Благовещенский 1850: 4]. Но, кроме этих так называемых «Cultur-Colonien», до времени Петра I почти не встречаются следы другого рода иностранных поселений. Только в царствование Алексея Михайловича упоминается о карелах, которые вышли «из-за шведского рубежа и поселились на землях вотчинных, помещичьих и монастырских» [Благовещенский 1850: 4–5]. И тем не менее еще до времен Петра I, утверждает неизвестный автор в «Историческом обозрении водворения иностранных поселенцев в России»

(1837), иностранцам был открыт путь к проживанию в России, где «правительство... не чуждалось иноземцев», приносящих ей «или промышленное досужество, или искусство ратное, или плоды образованности, наук и художеств» [Историческое обозрение 1837: 427]. Автор добавляет, что в царствование Иоанна и Петра Алексеевичей, 21 января 1689 г., была издана грамота, согласно которой дозволялось приезжать в Россию французским эмигрантам евангелической веры, оставившим отечество вследствие уничтожения Нантского эдикта (1598 г.)¹. В царствование Петра I и Анны Иоанновны основаны поселения «из грузинцев и волохов, коим были отведены места сначала близ крепости Св. Креста (на Сулаке)», позже на Украине и в Оренбургском крае [Иностранное обозрение 1837: 428].

Одни исследователи отмечают, что изучение истории иностранной колонизации в России начинается с 1830-х гг. [Юракова 2010: 4], другие — с 1860-х [Шайдулов, Гончаров 2019: 8, 14]. Напротив, Г. Г. Писаревский считал, что иностранная колонизация в империи рано стала привлекать внимание ученых, как русских, так и иностранцев [Писаревский 1909: V]. В предисловии к своей работе «Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в.» он замечает: «Уже Иван Лепехин („Дневные записки путешествия доктора и академии наук адъюнкта Ивана Лепехина в 1768–1769 году“. СПб., 1771 г.), Самуил Георг Гмелин (Самуила Георга Гмелина «Путешествие по России, часть вторая. С начала августа 1769 г. по 5 июля 1770 г.». СПб., 1783 г.), Георги („Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich im Jahre 1772 von Joh. Gottl. Georgi. 1-er Band. Sankt-Petersburg, 1775), Петр Симон Паллас (Петра Симона Палласа «Путешествие по разным провинциям Российского государства») посвящают в своих работах ряд страниц только что основанным Екатериной колониям Поволжья» [Писаревский 1909: V]. Добавим и работу И. Н. Болтина² «Хорография Са-

¹ Отменен в 1685 г.

² Иван Никитич Болтин (1735–1792) — русский историк, гуманист, крупный землевладелец, генерал-майор, масон, составитель первого толкового словаря русского языка в соавторстве

рептских целительных вод» [Болтин 1782]. Автор дает в ней сведения о минеральных водах урочища близ Сарепты и советы тем, кто планирует к тем водам ехать, сообщая, что врач Вир из Гернгутерской колонии, «человек довольно искусный в своем звании, а паче трудолюбивый и о всяком благом деле рачительный, узнав от калмыков о целительной силе воды, из любопытства и усердия» [Болтин 1782: 2–3] решил посмотреть и испытать воду. Нашел 5 источников, поиски доктора продолжались все лето: находя новые источники, родники и ручьи, врач исследовал их [Болтин 1782: 2–5].

В следующем столетии интерес к иностранным колониям России усиливается. Не только журналы общелитературные, издававшиеся частными лицами, но и специальные, являвшиеся официальными органами правительства («Журнал Министерства внутренних дел» и позднее — «Журнал Министерства государственных имуществ»), уделяют им немало внимания. Но, по мнению Г. Г. Писаревского, большинство помещенных в этих изданиях статей, подобно предыдущим работам XVIII в., либо дают физико-географическое описание колоний, либо сообщают о них статистические данные [Писаревский 1909: V]. Авторы этих статей зачастую были чиновниками, в чьи обязанности, собственно, и входил сбор статистических сведений о колониях, наблюдение за ними [Заблоцкий 1838: 1–83; Нейдгардт 1838: 245–260; Леопольдов 1839; Нейдгардт 1862; Благовещенский 1850: 3–45; и др.].

А. А. Клаус¹, автор ценного социально-экономического исследования 1869 г. «Наши колонии: Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России» [Клаус 1869], приводит обширный статистический материал о немецких колониях в Российской империи. Позже различные авторы опирались на этот солидный труд, который в 1909 г. был высоко оценен с Д. И. Фонвизиным, Г. Р. Державиным, И. И. Лепёхиным и др.

¹ Александр Августович Клаус (1829–1887) — надворный советник, работал в Министерстве государственных имуществ и в Министерстве путей сообщения, а также (в последние годы жизни) председателем Екатеринославской губернской земской управы

Г. Г. Писаревским: «После работы Клауса, вышедшей сорок лет тому назад, не появилось ни одной серьезной научной работы по истории иностранной колонизации в России, за исключением статьи доктора политической экономии Joh. Von Keussler'a: „Das Grundbesitzrecht in den deutschen Kolonien Südrusslands“», напечатанной в журнале „Russische Revue“ за 1883 г. (23 т., 385–436 стр.)» [Писаревский 1909: VI–VII].

Опыт иностранной колонизации в России исследователями в целом оценивался положительно. Но были и ее противники, например А. А. Палтов, писавший под псевдонимом «А. А. Велицын», И. И. Сергеев² [Велицын 1893; Сергеев 1914] и др.

А. А. Палтов³, посетивший с ревизией свыше 250 немецких поселений, считал немецкие колонии «грозной силой германизма, которая темной тучей надвигается с Запада на наше отечество и послушным и деятельным орудием которой служат наши немецкие колонии» [Велицын 1893: 1]. Несмотря на их предвзятость, заметки А. А. Палтова «Немцы в России. Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на юге и востоке России» (1893) представляют собой ценный материал, который содержит сведения о народонаселении по губерниям, уровне развития сельского хозяйства, табличные данные о количестве земли, доходах колонистов и т. д. Его очерки были опубликованы под псевдонимом отдельными статьями в журнале «Русский вестник» (статьи «Иностранная колонизация в России» и «Немецкое завоевание на юге России»). В них автор пишет, что завоевание России, ее колонизация идет без грохота орудий и войн, а «путем лишь экономического и духовного гнета и

² Сергеев Иван Иванович — преподаватель XI Петроградской гимназии, действительный член «Общества 1914 г.».

³ Александр Александрович Палтов (А. А. Велицын) — чиновник Министерства путей сообщения, выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета, некоторое время работал секретарем С. Ю. Витте, имел звание камергера. В 1918 г. руководил канцелярией гетмана П. Скоропадского и был на дипломатической службе, затем жил в эмиграции (Румыния).

систематическим захватом наших лучших земель» [Велицын 1893: 2].

Г. Г. Писаревский же оценил работы А. А. Палтова так: «Ряд статей Велицына, напечатанных в „Рус. Вестнике“ за 1889–1890 гг. (и затем в 1893 г. переизданных отдельной книгой под заглавием: „Немцы в России. Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на юге и востоке России“) представляет собой одностороннее публицистическое произведение, не дающее ничего нового, с неверными ссылками на Полное Собрание Законов» [Писаревский 1909: VII], заметив попутно, что статьи А. А. Велицына вызвали в свое время критику со стороны «St. Petersburger Zeitung», где напечатано семь больших статей [Писаревский 1909: VII].

Тем не менее к середине XIX в. научное изучение истории немцев России продолжилось, в результате чего накоплена обширная историография, среди которых заметные работы [Леопольдов 1839; Благовещенский 1850; Клаус 1869; Духовников 1893; Велицын 1893; Писаревский 1898; Минх 1901; Писаревский 1909; Сергеев 1914; Штах 1916; и др.], в том числе представляющие интерес работы путешественников начала XIX в. [Измайлов 1805; Салтыков 1827; и др.]. Однако современные авторы обращаются к ней редко, а ее изученность носит фрагментарный характер [Шайдуров, Гончаров 2019: 8–9].

В работах об иностранной колонизации Нижнего Поволжья и отдельных публикациях о Сарепте можно почерпнуть сведения по общинному устройству колонии и хозяйственной деятельности гернгутеров [Леопольдов 1839; Благовещенский 1850; Клаус 1869; Духовников 1893; Писаревский 1898; Минх 1901; Писаревский 1909; и др.; Сарепта 2012; Курьшев, Парфенов 2016; и др.]; среди работ современных авторов отметим работы В. Н. Медведева [Медведев 1996; Медведев 2008; Медведев 2012; Медведев 2018; и др.].

3. Причины иностранной колонизации

Реформы, которые начал Петр I, высветили множество проблем, одной из кото-

рых была нехватка людских ресурсов, в том числе специалистов, что и определило издание манифеста императора о вызове иностранцев в Россию, с обещанием им свободы вероисповедания [Манифест 1702: 192–195]. Прежде всего требовались военные специалисты, поскольку шла Северная война, чтобы «обезопасить пределы Наши от нападения неприятельского» [Манифест 1702: 193]. Манифест должен был побудить иноземцев, которые «к сей цели содействовать и к таковому улучшению способствовать могут, купно с прочими государству полезными художниками к Нам приезжать, и как в Нашей службе, так и в Нашей земле оставаться» [Манифест 1702: 193].

Для привлечения иностранных поселенцев употребляется много усилий, приносятся масса материальных жертв; иностранцы щедро рукою награждаются привилегиями и льготами, которым может только позавидовать коренное русское население. Этот странный факт русской политики может быть понят и рационально объяснен лишь на почве исторических условий того времени [Писаревский 1898: 101].

Приобретенные после русско-турецких войн огромные степные пространства нужно было оживить оседлым земледельческим населением. А. А. Клаус, видевший причину приглашения иностранцев в нехватке людских ресурсов, отмечал, что для осуществления этого не доставало у нас ни людей вообще, ни собственно надежных колонизаторов. Во всяком случае, колонизация исключительно русскими силами тогдашних окраин империи, считал автор, потребовала бы такого периода времени, выждать который казалось правительству несовместным с пользами и потребностями государства [Клаус 1869: 6].

В XVI, XVII и первой половине XVIII вв. правительство содействует колонизации южных, юго-восточных и восточных окраин русскими — великороссами и малороссами, не отказываясь, как отмечает Г. Г. Писаревский, в исключительных случаях и от услуг инородцев [Писаревский 1898: 101]. К середине XVIII в. свой, русский, источник колонизации, по мнению Г. Г. Писаревского, иссякает. Крепостное право, развиваясь

количественно и качественно, лишает крестьян свободы передвижения, задерживает естественное распределение населения по территории, не давая свободным крестьянам заселять нуждавшиеся в этом территории [Писаревский 1898: 101]. Поэтому, ввиду «недостатка туземного колонизационного материала», правительство в царствование Елизаветы Петровны, в начале 1750-х гг., решает обратиться к помощи иностранцев [Писаревский 1898: 101].

«Вдвинутая... в семью первоклассных европейских держав», Россия «тратила свои силы на упрочение политического значения и расширение территориальное». Народ страдал под тяжестью податей и повинностей, от чиновничьих произвола и грабительств, розысков и казней [Клаус 1869: 5]. И при таких условиях потребность в подкреплении пограничных сил России на юго-западе и невозможность достигнуть этого переселением людей из самой России побудили императрицу Елизавету Петровну поручить полковнику австрийской службы Ивану Хорвату-Откуртичу¹, которому был пожалован за услугу чин генерал-майора, завербовать за границей полки «из сербов» [Жалованная грамота 1752: 581–584]. Полтора месяцами ранее, 24 и 29 декабря 1751 г., Елизаветой были подписаны 2 указа: 1) именной «О принятии в подданство сербов, желающих поселиться в России и служить особыми полками, о назначении на границе со стороны Турецкой выгодных мест к поселению; об определении жалования по окладу гусарских полков конным, а пешим оклада полков пехотных, и о подчинении оных полков Военной коллегии» [Именной указ 1751: 552–558], 2) сенатский (вследствие именного) «О поселении на российских границах приходящих сербов» [Указ 1751: 570–577]. Оба указа обозначали границы поселений новых иностранцев. Их поселили на Украине, за Днепром, у бывшей польской границы, особыми округами, называвшимися ротами. Сама местность, ими занятая, часть Екатеринославской губернии,

получила наименование «Новая Сербия» [Клаус 1869: 6]. В 1764 г. Новая Сербия переименована в Новороссийскую губернию.

Иными словами, поначалу приглашенные иностранные колонисты — сербы, болгары, шведы, французы, немцы и т. п. образовали военные поселения, при Екатерине II поселения были аграрными, хотя и первый пример «земледельческого водворения» иностранцев в России также относится ко времени императрицы Елизаветы, и он находился в прямой связи, по мнению А. А. Клауса, с тогдашней политикой государства в отношении Польши и Турции [Клаус 1869: 4] — новые земли нужно было обживать.

П. И. Зиннер в историческом очерке «Немцы Нижнего Поволжья» в главе «Причины колонизации» видит их в стремлении правительства Российской империи к расширению восточных границ: в вековой борьбе с кочевыми народами юго-востока Европы (татарами, киргизами, калмыками и др.) московскому торговому капиталу в XVI в. удалось, наконец, захватить великий водный путь — Волгу. Чтобы удержать за собой всю власть над этим путем, московское и, позднее, петербургское правительство стремилось к продвижению восточных границ возможно далее к востоку, в приуральские, зауральские и даже в передне-азиатские степи. Это делалось с целью оттеснения вглубь Азии полудиких, свободлюбивых народов путем заселения захваченных у них территорий и создания, таким образом, оплота против попыток последних к нападениям, наездам [Зиннер 1925: 1].

В начале XVII в. этнический состав нижеволжского региона пополнился калмыками, перекочевавшими из Центральной Азии. Одни исследователи датируют это событие 1632 г. [Стручалин, Смирнова 2015: 35]. А. Н. Минх в объемном, 5-томном (каждый том имеет несколько выпусков) «Историко-географическом словаре Саратовской губернии» (1898–1902), в томе «Южные уезды» (Вып. 3, 1901 г.) называет другую дату: «С 1616 г. кочует по астраханским степям монгольское племя калмыков, многочисленные единоплеменники которых обитали на северных отрогах Гималайских

¹ Иван Самойлович Хорват-Откуртич (1713–1786) — российский государственный деятель, руководитель заселения Новой Сербии, получившей позже название Новороссии.

гор до берегов озера Балхаша и отсюда далее в северную Сибирь, а к западу их кочевья простирались до границ Русских и Бухарских владений» [Минх 1901: 891]. А. Н. Минх со ссылкой на летопись колонии Сарепта, хранившейся в волостном правлении, сообщает, что все монгольские племена разделяются на 9 знамен или цветов, из коих восточным принадлежат 5, а западным — 4 цвета [Минх 1901: 891].

Интересны «Очерки из истории и современной жизни южнорусских колонистов» пастора Я. Г. Штаха¹ [Штах 1916], выступившего в защиту колонистов. Причинами колонизации, как и выше названные авторы, Я. Г. Штах назвал недостаток трудовых ресурсов и необходимость введения в хозяйственный оборот целинных земель [Штах 1916: 7–8, 14–15].

4. Поселение немцев-гернгутеров на юге Российской империи

Первое поселение немцев, представителей религиозной общины из Гернгута (Саксония, Германия), вблизи калмыцких кочевий появилось в 1765 г., в 26 верстах южнее г. Царицына. Свою колонию новые поселенцы нарекли Сарептой по названию речки и озера Сарпа, созвучному библейскому городу Сарепта Сидонская².

Главной причиной своего переселения в Россию и создания нового форпоста община считала проповедь Евангелия, миссионерскую деятельность среди калмыков и других этнических групп России, поиск «про-

¹ Первая часть опубликована на немецком языке в 1904 г.: J. Stach. Die deutschen Kolonien in Südrussland. I Teil. Prischib, 1904) [Писаревский 1909: VII].

² Сарепта Сидонская (Царфат, Церпата) — город на юге Ливана, между древними городами Сидоном и Тиром (Суром). Ныне на месте Сарепты сохранились лишь руины древних построек. Современный город переместился и называется Сарафанд. В 1920 г. российская колония Сарепта стала поселком (некоторые энциклопедические словари именуют его городом) Красноармейском, вошедшим в состав Сталинграда в 1931 г. В этимологическом словаре М. Фасмера поясняется, что калмыцкое название Сарепты — Saksün (от нем. Sachsen ‘саксонцы, Саксония’) [Фасмер 1971: 562]. По словам П. П. Попова, калмыки называли Сарепту *Саксун Хютр* ‘Саксонский хутор’ [Попов 1994: 151]; калм. *күүтр* (кю́тр) — ‘хутор’ [КРС 1977: 331].

бужденных» среди христианских единоверцев [Медведев 2018: 2; Медведев 2007: 92].

Цель основания этой колонии, как отметил Нейдгардт³, указанный без инициалов, «в стране дикой и в то время опасной была, как и при основании всех других колоний евангелического братского общества, религиозная, именно: ознакомить нехристианские народы Астраханской губернии со священным писанием» [Нейдгардт 1838: 246].

Со ссылкой на [Нейдгардт 1838: 246] В. Благовещенский добавил: «колония эта, получившая название Сарепты, имела еще цель религиозную: Евангелическое Братское Общество желало распространить Христианское учение между нехристианскими народами Астраханской губернии; вследствие чего оно сблизилось было с Калмыками, сбывало им свои произведения и посылало к ним миссионеров, но вскоре, встретив сильные препятствия, принуждено было отказаться от своих благочестивых видов» [Благовещенский 1850: 21].

А. А. Клаус называл Сарепту крайним на востоке форпостом религиозно-экономической ассоциации, известной под наименованием «Общества Евангелических братьев», *Brüderunität* [Клаус 1869: 57]. Сарепта создавалась как миссионерское торгово-промышленное, а не сельскохозяйственное поселение [Медведев 2007: 95].

В докладе президента Канцелярии опекунов иностранных графа Г. Г. Орлова «О правилах для поселения в России братского Евангелического общества» были прописаны пункты прошения, поданного присланным от Братского Евангелического общества Аугсбургского вероисповедания Петром Кодратом⁴ Фризом [О правилах для поселения 1765: 152].

³ Вероятнее всего, Петр Петрович Нейдгардт, статский советник, писатель по статистике в 1862–1869 г.; до 1870 г. секретарь Санкт-Петербургского губернского статистического комитета, автор трудов «Список земельных владений Санкт-Петербургской губернии», «Список земельных владений Новоладожского уезда», составитель путеводителя по Волге (1862 г.) в восьми частях [Нейдгардт 1862].

⁴ Так в документе. Речь о представителе (агенте) Братства во взаимодействии с государственными органами — Петере Конраде Фризе (Peter Conrad Fries).

Своей «Жалованной грамотой Сарептскому Евангелическому обществу Аугсбургского вероисповедания» от 27 марта 1767 г. Екатерина II пожаловала «в вечное владение» территорию, отведенную гернгутерам указом 1764 г., по течению Волги «ниже города Царицына в 27 верстах при реке Сарпа», которая состояла из 4 173 десятин и 2 100 квадратных саженой удобной и 1 633 десятин, 1 070 саженой неудобной земли [Жалованная грамота 1767: 62]. Что подтверждалось спустя 30 лет и жалованной грамотой следующего императора — Павла I — Сарептской колонии «Об утверждении прежних ее прав и преимуществ»: «неоспоримое и вечно потомственное владение землями, под Сарептскую колонию отведенными» [Жалованная грамота 1797: 671–675].

В 1765 г. первые пять братьев-миссионеров из Гернгута (Германия) прибыли через Санкт-Петербург (сначала отметившись в Канцелярии опекунов иностранных переселенцев), Саратов и Царицын на левый берег реки Сарпа. Здесь они и основали свою колонию.

Колонисты были объявлены свободными от содержания ямов и от любых поставок в казну, а их дома — свободными от постоя. Все эти особые права и льготы Братства подтверждены жалованными грамотами Екатерины II и Павла I. Согласно указанным грамотам, колонистам даровались земли «в вечное и потомственное владение», кроме того, «в вознаграждение услуг Братьев Евангелического Общества» им было выделено несколько тысяч десятин земли в Астраханской губернии [Благовещенский 1850: 20–21].

Два «вызывных» манифеста Екатерины II стали основой для развития колонизации, причины которой не были понятны ближайшим соседям прибывших иностранцев — калмыкам. В архиве общины в Гернгуте (Моравский архив), частично представленном К. Лангерфельдом¹ в 2000 г. на международной конференции «Истори-

ческие связи калмыков Нижнего Поволжья и общины Сарепта в XVIII–XX веках. Взаимоотношения в области истории, науки, религии и культуры» (г. Волгоград, апрель 2000) [Исторические связи калмыков 2001], об этом есть записи, к примеру, из инструкции для братьев-миссионеров: «Общайтесь с людьми так, чтобы они обязательно спросили: почему вы здесь и почему вы такие?.. калмыки гадают, почему немцы находятся здесь в Саксуне (калмыки называли Сарепту именно Саксун, т. е. саксонский город). Лама и два гелюнга думали следующим образом: немцы — умный народ, думающий на столетие вперед, посылают сюда так много своих людей, потому что хотят захватить российскую империю» [Лангерфельд 2001: 231]. Выступление на форуме К. Лангерфельда дополнено калмыцким исследователем А. Т. Баяновой в дайджесте газеты «Новости Сарепты»: в документе № 04 Хаммель пишет о том, что калмыки не могут понять истинных причин появления колонистов и теряются в догадках о подлинных намерениях сарептян. Он добавляет: «считаю неуместным знакомить их с истинной целью.., дабы ничего не испортить, пока не будет выбрано подходящее время для Спасителя и общины» [Баянова 2009: 10].

В работе «Исторические и статистические сведения о Сарептской колонии», опубликованной в журнале Министерства внутренних дел за 1838 г., Нейдгардт писал: «Степь и название реки Сарпы напоминали первым основателям колонии о шествии пророка Ильи в город Сарпат, или Сарепту (1 кн. Царств., гл. 17, ст. 9), и они в полной надежде, что бог, который по сказанию пророка не оставил бедной вдовы, не оставит и их, назвали свое поселение также Сарептой» [Нейдгардт 1838: 246]. Спустя 20 лет примерно то же самое П. П. Нейдгардт сообщает и в путеводителе по Волге [Нейдгардт 1862: 90].

В сентябре 1766 г. в Сарепту прибыл «новый транспорт *братьев и сестер* в числе 51 человека. Все члены поселения состояли в услужении *братства*», получали за работу определенную плату и сами покупали «по таксе из общественных заготовлений

¹ Карл-Ойген Лангерфельд (Karl-Eugen Langerfeld, 1942–2022) — потомок известного сарептского рода, почетный опекун исторического и культурного наследия Нижнего Поволжья.

все нужное» [Минх 1901: 894]. В 1768 г. были построены общественные и частные дома, в которых население разместилось корпоративно, «и в корпорациях устроились мастерства» [Минх 1901: 894].

А. Ф. Леопольдов в своем «Статистическом описании Саратовской губернии» (1839 г.) дает следующие сведения о Сарепте: пять братьев братского общества во главе с начальником Даниилом Гейнрихом¹ Фиком, умершим в 1801 г., приехали в Россию в 1765 г., выбрали это место для поселения и дали ему название Сарепта. Данная колония построена на счет казны; употреблено на нее 48 748 руб. 25 коп., которые в 1803 г. все возвращены в казну [Леопольдов 1839: 65].

Первые пять будущих колонистов, «этот первый транспорт братьев», был под руководством брата Вестмана, которому было поручено избрать окончательное место поселения; ни женщин, ни детей в этом потоке переселенцев не было. Саратовский воевода, отправляя колонистов в Царицын, командировал с ними землемеров и военный конвой [Минх 1901: 893].

Миссионеры получили 17 256 гектаров земли, здания колонии, выстроенные русскими солдатами и рабочими, освобождение от податей на 30 лет, освобождение от постоянной, квартирной, рекрутской и подводной повинностей, право свободного пивоварения и винокурения в пределах своего округа и, самое главное, самостоятельное выборное управление, свободное от вмешательства уездных и губернских властей. Гернгутеры оказались трудолюбивыми, предприимчивыми и ловкими людьми, сумевшими использовать все выгоды своего положения [Поволжье 1926: 379].

А. А. Клаус несколько ранее (в 1869 г.), чем в путеводителе 1926 г. под редакцией В. П. Семенова-Тян-Шанского, привел следующие цифры по отведенным колонии землям: 15 821 десятина², в том числе удобной земли — 4 443 десятины, за которые «общество уплачивает казне по 7¹/₄ к. сер. или

25 к. асс. за дес.³» [Клаус 1869: 47 (прим. к прил. II)].

В связи с этим имеются замечания А. Ф. Леопольдова о количестве удобной и неудобной земли у сарептян: «во владении Сарепты 17 170 десятины 181 сажень; из сего количества неудобной, как то: каменистой, болотистой, под поселением, дорогами, озерами и солончака 15 251 десятина и 1 108 саж. Здесь нет ни леса, ни озер, полезных для колонистов, ни тучных пажитей. Край дикий и пустынный, и человек в поте лица добывает себе пропитание» [Леопольдов 1839: 67–68].

5. Сарепта: статистические и иные сведения о колонии

Историография поселения Сарепты достаточно обширна. Особо нужно выделить архивные записки сарептских хронистов Х. Зутера, написанные им в период с 1765 г. по 1775 г., и А. Глича «История братской общины Сарепта в восточной России в течение ее столетнего существования» [Suter 2003; Glitsch 1865], работу Х. Хафы «Братская община Сарепта. К истории немцев Поволжья» [Hafa 1936] и коллективный труд научных сотрудников музея-заповедника «Старая Сарепта» А. В. Курышева, В. Н. Медведова, А. А. Максимова и С. Н. Лосицкого «Сарепта: история успеха: история гернгутской колонии Сарепта от ее основания до превращения в волостной центр Саратовской губернии» [Сарепта 2012] (см. также: [Курышев, Парфенов 2016: 44–45]).

Динамику населения Сарепты за столетие, с 1765 г. по 1864 г., приводит в своей книге «Наши колонии» (1869) А. А. Клаус. Сведения излагаются автором в приложении к книге, названном «Таблица о движении народонаселения в колонии Сарепте за первые 100 лет ее существования» [Клаус 1869: Приложение III]. По данным А. А. Клауса, в 1765–1774 гг. прибыло из-за границы в колонию 190 человек, родилось 32 чел., умерло 26, убыло за границу 6, «наличное население в последний год десятилетия» составило 190 человек [Клаус 1869: Приложение III]. В то же время А. А. Клаус

³ По 7 копеек с четвертью серебром или 25 копеек ассигнациями за десятину земли. — Р. С.

¹ Так у А. Ф. Леопольдова.

² Десятина — русская мера площади, равная 1,092 га.

сообщает, что осенью 1768 г. и в январе, и в ноябре 1769 г. прибыли еще три транспорта, в числе до 160 братьев и сестер, так что все население колонии составляло уже более 200 чел. [Клаус 1869: 73]. С этого времени община стала улучшать свой материальный быт.

В статье «Исторические и статистические сведения о Сарептской колонии» Нейдгардт сообщает, что в 1838 г. число миссионеров в Сарепте «простирается до 383 человек» (163 муж. и 220 жен.). В колонии также проживают: около 30 семейств работников из саратовских колоний, 40 русских, 20 татар и значительное число калмыков [Нейдгардт 1838: 257].

Согласно спискам населенных мест Саратовской губернии по сведениям за 1859 г., составленным и изданным в 1862 г. Центральным статистическим комитетом МВД Российской империи, в Царицынском уезде, в стане № 2, значится: Сарепта, колония немецкая, при реке Волге и устье речки Сарпы, расстояние от уездного города (Царицына) — 28 верст, от становой квартиры — 56 [Саратовская губерния 1862: 109]. Число дворов в колонии указано 63, в них проживало 446 жителей: 215 мужчин и 231 женщина (население колонии выросло по сравнению с тем количеством, которое приводил в своей работе Нейдгардт в 1838 г.). В колонии действовали одна лютеранская церковь, одна фабрика и 7 заводов, из учебных заведений в списках показаны 2 училища. Близ колонии имелись два минеральных источника: Гезундбрунн и Шёнбрунн [Саратовская губерния 1862: 109].

По правую сторону Московского почтового тракта, но ближе к Царицыну, расположена, как указано статистиками, Калмыцкая колония (Каменный буерак) при балке Каменной. Расстояние от уездного города — 4 версты, до становой квартиры — 32. Число дворов — 14. Число жителей: 94 мужчин и 53 женщины [Саратовская губерния 1862: 109].

В 1864 г., по сведениям из «Путеводителя по Волге» Я. Кучина (1865 г.), которые приводит А. Н. Минх, в колонии Сарепта насчитывалось около 450 человек и около

600 посторонних работников [Минх 1901: 908].

А. Н. Минх также ссылается на данные Ф. М. Преображенского за 1880 г., опубликованные в «Саратовском сборнике» губернским статистическим комитетом в 1881 г.: в 1880 г. постоянных и временно проживающих в Сарепте жителей (мужчин и женщин) насчитывалось 1 200 душ, из них русских — 105, татар — 45, калмыков — 50, колонистов других местностей (поселян собственников) — 500 и членов евангелического братства (сарептян) — 500; домов в Сарепте 190, из них каменных — 90, деревянных — 100, крыто железом 36, тесом — 140 и толем — 14, вообще устроены чрезвычайно красиво и опрятно. Скота насчитывалось: 180 лошадей, 500 волов, 300 коров, 400 овец и 250 свиней [Минх 1901: 910].

По данным Саратовского губернского статического комитета за 1891 г., Сарепта принадлежала ко 2-му стану Царицынского уезда, 1-му участку земского начальника и имела 345 дворов, 761 душу мужского пола, 814 — женского, всего 1 575 душ обоего пола всех жителей с пришлым населением [Минх 1901: 911].

В 1838 г. в Сарепте, по данным Нейдгардта, работали винокуренный, пивоваренный, мыльный и свечной, кожевенный, гончарный и кирпичный заводы, а также фабрики: горчичная, табачная, чулочная и колпачная, красильная и 3 ткацких. Кроме того, кузница, бойня, магазин, аптека, гостиница и 2 булочных лавки. Из ремесленников работали: 2 часовых мастера, 2 столяра, переплетчик, золотых дел мастер, слесарь, кузнец, 2 сапожника, 2 портных и кондитер [Нейдгардт 1838: 256–257].

Через 30 с небольшим лет А. А. Клаус подтверждает и дополняет сведения Нейдгардта: «К упомянутым мастерствам и промыслам присоединились заводы свечной и кожевенный, красильня и бойня. Табачная фабрика устроилась вполне, и все изделия и производства Сарепты находили удобный сбыт, возраставший из года в год, особенно на месте, среди калмыцких орд [Клаус 1869: 73]. Постепенно, за счет общинной экономии, были учреждены магазины и склады в главных городах и местечках Нижнего Поволжья, а также в Москве и Петербурге.

6. Сарепта в травелогах

В русской литературе XIX в. значительный пласт занимают путевые заметки (травелоги). Немало их посвящено российским немцам и немецкому миру в Поволжье, особенно Сарепте. Писатель, поэт и журналист В. В. Измайлов в своем «Путешествии в полуденную Россию» (Часть вторая, 1805 г.) восторженно описывает Сарепту как веселое место между дикими пустынями, украшенное не великолепными, но приятными зданиями, писатель гуляет в убежище новых евангелистов, живущих без роскоши, но в изобилии, и радуется «гражданскому и нравственному порядку колонии» [Измайлов 1805: 81–82]. Сарептяне, подчеркивает автор, счастливы не блеском просвещения, а простотою нравов, заняты не важными науками, а полезными ремеслами [Измайлов 1805: 82].

Писатель отмечает чистоту на улицах колонии, «выстроенной хорошо», трудолюбие колонистов и их любовь к порядку, простоту и опрятность в одежде каждого человека, «выражение сердца на всех лицах» [Измайлов 1805: 83–84]. Автору нравится в немцах «кроткий вид» и в то же время «смелый шаг», он видит в них истинно счастливого и свободного человека [Измайлов 1805: 84].

Напротив, граф А. В. Салтыков называет немецкую колонию «печальной Сарептой»: «Это могила 500 мертвецов, еще живущих: каждый из них откупил себе место, где его схоронят; получил номер, под которым он ляжет, и в праздник, все, как тени, гуляют вокруг могил своих. Преугрюмые лица прикрыты престранными париками» [Салтыков 1827: 66–67]. Граф отмечает, что в колонии осуждается смех, а малейшая улыбка почитается неосторожностью. А. В. Салтыков, составивший о Сарепте далеко не лестное мнение, в своих «Записках путешественника в Сарепту», изданных в 1827 г., но написанных, как поясняется редактором, «за 30 лет до оногo» сообщал: «Сарепта, ныне названная городом, имеет в длину 350 сажень, полверсты ширины, и две версты в окружности; она лежит на реке Сарепте, которая в полуверсте от города, впадает в Волгу. В ней 1 церковь и 18 каменных домов, прочие небольшие деревянные. По-

среди площади большой колодезь, который довольствует водою всех жителей. Лучшие дома: братской, сестр, старшин и вдов» [Салтыков 1827: 67], хотя данные, которые приводятся в других работах, противоречат указанным А. В. Салтыковым сведениям.

Если по данным Нейдгардта, приведенным выше, в 1838 г. в Сарепте насчитывалось 56 каменных и 136 деревянных строений, а вне колонии еще одно каменное и 45 деревянных, и проживало 383 человека, то по сведениям А. А. Клауса к январю 1865 г. в Сарепте насчитывалось 470 жителей (239 женщин и 231 мужчина), сверх того, в предместьях постоянно проживало от 500 до 550 рабочих, преимущественно из приволжских колоний. И Сарепта уже располагала 85 каменными и 221 деревянным домами и строениями, колокольня была снабжена общественными часами, а церковь — отличным органом [Клаус 1869: 89–90].

Образ жизни сарептян, по мнению авторов путеводителя «Волга: от Твери до Астрахани», совершенно немецкий: утром пьют они кофе, преимущественно ячменный или пшеничный; за обедом едят картофельную похлебку и овощи, мясо едят по воскресеньям [Боголюбов 1862: 353–354].

Осенью 1835 г. ревизор К. И. Попов проводил в Царицынском уезде проверку народной переписи 1834 г., 8-й ревизии, посетив в октябре Сарепту: «В местную школу отдают своих дочерей многие колонисты и немцы из образованного и богатого класса, живущие в Саратове, и из школы выходят девицы благонравные; их с удовольствием берут в гувернантки русские помещики; мужской пол, образовавшийся в Сарепте, тоже выходит хорошей нравственности и занимает лучшие места в торговых магазинах и конторах, преимущественно немецких» [Попов 1893: 228–230].

По сведениям Нейдгардта, из общественных учреждений в 1838 г. в Сарепте функционировала школа для мальчиков, она помещалась в одном здании с братским домом (Brüderhaus), располагавшемся в каменном двухэтажном доме; в ней работали три учителя. Была также школа для девочек с двумя учительницами, располагалась она в

доме сестер (Schwesternhaus). Для вдов есть особый вдовый дом, который, как и здания обеих школ, выстроен из камня в два этажа [Нейдгардт 1838: 257].

Дело обучения и воспитания детей постоянно обращало на себя внимание общества: по сведениям А. А. Клауса (то же самое пишет и А. Н. Минх), школа для мальчиков в 1780 г. была разделена на 2 класса, «в высшем классе» преподавались русский и латинский языки, история и география; с 1793 г. был открыт и третий класс «со введением в программу преподавания математических и естественных наук, как-то: физики, механики, химии, ботаники и т. д.» [Клаус 1869: 80]. Учебными пособиями служили: аптечная лаборатория, библиотека, гербарий, а также местные заводы и промышленные производства [Клаус 1869: 80; см. также: Минх 1901: 900].

Примерно в то же время были построены еще две элементарные школы: одна для взрослых работников из приволжских колоний, другая — для детей тех из них, что проживали в Сарепте с семьями. Число этих работников в то время достигало до 300–400 человек. Многие из них проживали в Сарепте десятки лет, находя здесь хороший заработок и обучаясь различным ремёслам и промысловым производствам.

В. Н. Медведев называет Сарепту единственной гернгутской колонией, пытавшейся создать товарное сельское хозяйство и вести его по-капиталистически, применяя наемный труд [Медведев 2012: 148].

Колонисты начали строительство скотного двора (вольверка) с молочной фермой, хуторов Шёнбрунн, Чапурники, Гезундбруннен. Но после неурожаев 1770–1780-х гг. аграрная отрасль уступила приоритет ремесленно-промышленному сектору экономики. В. Н. Медведев со ссылкой на Й. П. Фалька¹ сообщает, что хозяйственное освоение территории позволило превратить степной край в местность для нормального проживания [Медведев 2012: 148]. Община

¹ Иоганн (Юхан) Петер Фальк — шведский и русский путешественник, натуралист, исследователь природы России, апостол Карла Линнея и автор труда «Статьи для топографического познания России» в 3 томах [Falk 1785].

Сарепта стала примером рационального, ресурсосберегающего типа хозяйствования. Устав общины 1768 г. предусматривал контроль за природопользованием, ограничения для посторонних и охрану угодий; нарушителей ждал штраф и арест [Медведев 2012: 148].

7. Заключение

Предпринятые Петром I реформы в России высветили множество проблем, одной из которых была нехватка людских ресурсов, в том числе специалистов, что и определило приглашение иностранцев селиться на вновь обретенных пространствах империи, в частности ее юга и юго-востока. Первые поселения были большей частью военными, затем — земледельческими, поскольку правительством ставились задачи обживать целинные земли, вводить их в хозяйственный оборот, извлекать из них выгоду. Кроме того, преследовались цели расширения страны на восток и на юг.

Братская община на новом, непривычном (засушливом и безводном) месте смогла в короткие сроки освоить его, создать экономическую базу, сформировать рынки сбыта и закупки сырья, включиться в российский рынок. В период 1790–1800 гг. Сарепта играла роль экономического и торгового центра Поволжья, втягивая в товарно-производственные отношения местное население и приезжих купцов [Медведев 2012: 151]. Община развивала централизованную мануфактуру с элементами цеховой структуры, капитализма, с наемным трудом. Общинные и частные предприятия колонии прошли эволюцию от кустарного промысла к ремесленно-фабричной мануфактуре. Сарепта — это пример хозяйственно-экономической адаптации небольшой этноконфессиональной протестантской группы в новых для себя условиях, в иноконфессиональном, многонациональном государстве [Медведев 2012: 151]. Это было первое и единственное поселение братьев-гернгутеров в России, внесших огромный вклад в развитие Нижнего Поволжья, а Сарепта стала одним из экономических и культурных центров региона.

Литература

- Баянова 2009 — *Баянова А. Т.* О дневниковых записях моравских братьев // *Новости Сарепты* (дайджест № 3 газеты). 2009 (январь). С. 10.
- Благовещенский 1850 — *Благовещенский В.* Обзор правительственных мер относительно иностранных поселений в России // *Журнал Министерства внутренних дел*. 1850. Ч. 30. Кн. 4. С. 3–45.
- Боголюбов 1862 — *Боголюбов Н. П., Боголюбов А. П.* Волга: от Твери до Астрахани. СПб.: Самолет, 1862. VIII, 415 с.
- Болтин 1782 — *Болтин И. Н.* Хорография Сарептских целительных вод: С приложениями нужных сведений и советов, для имеющих намерение к тем водам ехать, для своего пользования / сочиненное Иваном Болтиным. СПб.: Тип. Гос. воен. коллегии, 1782. 131 с.
- Велицын 1893 — *Велицын А. А.* Немцы в России. Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на юге и востоке России. СПб.: Тип. тов-ва «Обществен. польза», 1893. 282 с.
- Герман, Плева 2002 — *Герман А. А., Плева И. Р.* Немцы Поволжья: Краткий исторический очерк. Саратов: Саратов ун-т, 2002. 144 с.
- Дитц 2000 — *Дитц Яков (Я. Е.)*. История поволжских немцев-колонистов. 3-е изд. М.: Готика, 2000. 496 с.
- Духовников 1893 — *Духовников Ф. В.* Немцы, другие иностранцы и пришлые люди в Саратове // *Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы*. Саратов: Паровая скоропечатня Губернского Правления, 1893. С. 237–264.
- Жалованная грамота 1767 — Жалованная грамота Сарептскому Евангелическому обществу Аугсбургского вероисповедания // *Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание (1649–1825)*. 1767. Т. 18. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. С. 61–66.
- Жалованная грамота 1752 — Жалованная грамота генерал-майору Ивану Хорвату «Об учреждении двух гусарских и двух пандурских полков, о даче им земель, жалования, привилегий и прав, о наименовании новозаселенной ими страны Новою Сербиею // *Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание (1649–1825)*. 1752. Т. 17 (1749–1753). СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. С. 581–584.
- Жалованная грамота 1797 — Жалованная грамота Сарептской колонии «Об утверждении прежних ее прав и преимуществ» // *Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание (1649–1825)*. 1797. 20 июня. Т. 24. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. С. 671–675.

References

- Bayanova A. T. Unity of the Brethren: More on diary notes by its members. *Novosti Sarepty*. 2009 (January). No. 3. P. 10. (In Russ.)
- Blagoveshchensky V. Foreign settlements in Russia: A review of government measures. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del*. 1850. Vol. 30. No. 4. Pp. 3–45. (In Russ.)
- Bogolyubov N. P., Bogolyubov A. P. The Volga: From Tver to Astrakhan. St. Petersburg: Samolet, 1862. VIII, 415 p. (In Russ.)
- Boltin I. N. Healing Waters of Sarepta: A Chorography. St. Petersburg: College of War, 1782. 131 p. (In Russ.)
- Velitsyn A. A. Germans in Russia: Essays on Historical Development and Present-Day Conditions of German Colonies in South and East Russia. St. Petersburg: Obshchestvennaya Polza, 1893. 282 p. (In Russ.)
- German A. A., Pleve I. R. The Volga Germans: A Brief Historical Essay. Saratov: Saratov State University, 2002. 144 p. (In Russ.)
- Ditz J. E. History of the Volga German Colonists. Third edition. Moscow: Gotika, 2000. 496 p. (In Russ.)
- Dukhovnikov F. V. Germans, other foreigners and immigrants to Saratov [Governorate]. In: *Saratov Krai. Historical Essays, Memoirs, Materials*. Saratov: Saratov Governor's Executive Office, 1893. Pp. 237–264. (In Russ.)
- Letter of Grant to Sarepta Evangelical Society of the Augsburg Confession. In: *Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. One: 1649–1825*. Vol. 18. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancellery, 1830. Pp. 61–66. (In Russ.)
- Letter of Grant to Major General Ivan Khorvat [on] Establishing Two Hussar and Two Pandur Regiments, Assigning Lands, Wages, Privileges and Rights, [on] Naming Their Newly-Inhabited Territory 'Novaya Serbia'. In: *Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. One: 1649–1825*. Vol. 17: 1749–1753. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancellery, 1830. Pp. 581–584. (In Russ.)
- Letter of Grant to the Colony of Sarepta [on] Confirming Its Erstwhile Rights and Benefits. In: *Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. One: 1649–1825*. Vol. 24. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancellery, 1830. Pp. 671–675. (In Russ.)

- Заблоцкий 1838 — *Заблоцкий А.* Статистические сведения об иностранных поселениях в России (географическое размещение колоний и пространство земли, занимаемое оными) // Журнал Министерства внутренних дел. 1838. Ч. 28. Кн. 5. С. 1–83.
- Зиннер 1925 — *Зиннер П. И.* Немцы Нижнего Поволжья: исторический очерк. Выдающиеся деятели из колоний Поволжья. Саратов, 1925. 20 с.
- Измайлов 1805 — *Измайлов В. В.* Путешествие в полуденную Россию Владимира Измайлова. Ч. 4. М.: Тип. Христоф. Клаудия, 1805 (2016). 104 с.
- Именной указ 1751 — Именной, данный Сенату указ «О принятии в подданство сербов, желающих поселиться в России и служить особыми полками, о назначении на границе со стороны Турецкой выгодных мест к поселению; об определении жалованья по окладу гусарских полков конным, а пешим оклада полков пехотных, и о подчинении оных полков Военной коллегии // Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание (1649–1825). 1751. Т. 13 (1749–1753). СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. С. 552–558.
- Именной указ 1763 — Именной, данный Сенату указ «Об учреждении Канцелярии опекунов иностранных колонистов» // Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание (1649–1825). 22 июля 1763. Т. 16 (28 июня 1762–1764). СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. С. 312–313.
- Историческое обозрение 1837 — Историческое обозрение водворения иностранных поселенцев в России [электронный ресурс] // Журнал Министерства внутренних дел. 1837. Ч. 24. № 12. С. 427–453.
- Исторические связи калмыков 2001 — Исторические связи калмыков Нижнего Поволжья и общины Сарепта в XVIII–XX веках. Взаимоотношения в области истории, науки, религии и культуры: мат-лы междунар. науч. конф. (г. Волгоград, 6–13 апр. 2000 г.). Волгоград: МЗ «Старая Сарепта», 2001. 368 с.
- Клаус 1869 — *Клаус А.* Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. Вып. 1. СПб.: Тип. В. В. Нусвальта, 1869. 516 с.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- Zablotsky A. Statistical accounts of foreign settlements in Russia: Geographical whereabouts and inhabited areas. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del.* 1838. Vol. 28. No. 5. Pp. 1–83. (In Russ.)
- Sinner J. P. The Lower Volga Germans: A Historical Essay. Prominent Colonists of the Volga Region. Saratov, 1925. 20 p.
- Izmailov V. V. Travels to South Russia. Pt. 4. Moscow: C. Claudia, 1805 (2016). 104 p.
- Imperial Order to the [Governing] Senate [on] Receiving Ethnic Serbs Eager to Live in Russia and Serve in Special Regiments into Russian Allegiance, Assigning Them Lands along the Russia-Turkey Border, Providing Them with Wages Identical to Ones for Members of Cavalry or Infantry Units, and Bringing Them under Control of the College of War. In: Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. One: 1649–1825. Vol. 13: 1749–1753. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancellery, 1830. Pp. 552–558. (In Russ.)
- Imperial Order to the [Governing] Senate [on] Establishing Chancellery for Supervision over Foreign Colonists. In: Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. One: 1649–1825. Vol. 16: 28 June 1762 – 1764. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancellery, 1830. Pp. 312–313. (In Russ.)
- How foreigners settled in Russia: A historical review. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del.* 1837. Vol. 24. No. 12. Pp. 427–453.
- Lower Volga Kalmyks and Community of Sarepta, Eighteenth to Twentieth Centuries: [A Review of] Historical Ties. Conference proceedings (Volgograd, 6–13 April 2000). Volgograd: Staraya Sarepta, 2001. 368 p. (In Russ.)
- Klaus A. Our Colonies: Experiences and Materials in the History and Statistics of Foreign Colonization in Russia. Vol. 1. St. Petersburg: V. Nusvalt, 1869. 516 p. (In Russ.)
- Muniev B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)

- Курьшев, Парфенов 2016 — *Курьшев А. В., Парфенов А. Е.* Эволюция общинного уклада колонии Сарепта на протяжении XIX века // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. Т. 21. № 3. С. 43–53. DOI: 10.15688/jvolsu4.2016.3.5
- Лангерфельд 2001 — *Лангерфельд К.-О.* Калмыцкие первоисточники в Гернгуте // Исторические связи калмыков Нижнего Поволжья и общины Сарепта в XVIII–XX веках. Взаимоотношения в области истории, науки, религии и культуры: мат-лы междунар. науч. конф. (г. Волгоград, 6–13 апр. 2000 г.). Волгоград: МЗ «Старая Сарепта», 2001. С. 228–232.
- Леопольдов 1839 — *Леопольдов А. Ф.* Статистическое описание Саратовской губернии. СПб.: Тип. Деп. внеш. торг., 1839. Ч. 2. С. 64–72.
- Манифест 1702 — Манифест Петра I «О вызове иностранцев в Россию, с обещанием им свободы вероисповедания» (16 апреля 1702 г.) // Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание (1649–1825). Т. 4 (1700–1712). СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. С. 192–195.
- Манифест 1762 — Манифест Екатерины II «О позволении иностранцам, кроме жидов, выходить и селиться в России и о свободном возвращении в свое отечество русских людей, бежавших за границу» // Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание (1649–1825). Т. 16 (28 июня 1762 – 1764). 4 декабря 1762 г. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. С. 126–127.
- Манифест 1763 — Манифест Екатерины II о дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах // Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание (1649–1825). Т. 16 (28 июня 1762 – 1764). 22 июля 1763 г. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. С. 313–316.
- Манифест 1785 — Манифест Екатерины II «О дозволении иностранцам селиться по городам и селениям Кавказской губернии и отправлять беспрепятственно торги, промыслы и ремесла свои» // Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание (1649–1825). Т. 22 (1784–1788). 14 июля 1785 г. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. С. 428–429.
- Kuryshv A. V., Parfenov A. E. Evolution of communal order of the Sarepta missionary settlement throughout the 19th century. *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. 2016. Vol. 21. No. 3. Pp. 43–53. (In Russ.) DOI: 10.15688/jvolsu4.2016.3.5
- Langerfeld K.-O. Original texts from Kalmyk-inhabited lands in Herrnhut. In: Lower Volga Kalmyks and Community of Sarepta, Eighteenth to Twentieth Centuries: [A Review of] Historical Ties. Conference proceedings (Volgograd, 6–13 April 2000). Volgograd: Staraya Sarepta, 2001. Pp. 228–232. (In Russ.)
- Leopoldov A. F. Saratov Governorate: A Statistical Account. St. Petersburg: Foreign Trade Department, 1839. Pt. 2. Pp. 64–72. (In Russ.)
- Manifesto of Peter I [on] Inviting Foreigners to Russia with Guarantees of Religious Liberty [of 16 April 1702]. In: Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. One: 1649–1825. Vol. 4: 1700–1712. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancellery, 1830. Pp. 192–195. (In Russ.)
- Manifesto of Catherine II [on] Permitting Foreigners (Except for Jews) to Freely Settle in Russia, and Securing Rights of Ethnic Russians Who Have Fled Abroad to Free Repatriation. In: Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. One: 1649–1825. Vol. 16: 28 June 1762 – 1764. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancellery, 1830. Pp. 126–127. (In Russ.)
- Manifesto of Catherine II [on] Permitting All Arriving Foreigners to Settle in Any Governorate at Their Choice and [on] Confirming Their Rights. In: Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. One: 1649–1825. Vol. 16: 28 June 1762 – 1764. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancellery, 1830. Pp. 313–316. (In Russ.)
- Manifesto of Catherine II [on] Permitting Foreigners to Settle in Towns and Villages of Caucasus Governorate, Engage in Trade and Crafts of Theirs. In: Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. One: 1649–1825. Vol. 22: 1784–1788. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancellery, 1830. Pp. 428–429. (In Russ.)

- Медведев 1996 — *Медведев В. Н.* Евангелическая братская община гернгутеров и Евангелическо-лютеранская община Сарепты // *Unsere Kirche* (Наша церковь). 1996. № 1–2. С. 32–35.
- Медведев 2007 — *Медведев В. Н.* Миграционные процессы населения (гернгутеров) Сарепты. Вторая половина XVIII – середина XIX вв. // Сарепта: Историко-этнографический вестник. Вып. 3. Волгоград: МЗ «Старая Сарепта», 2007. С. 92–125.
- Медведев 2008 — *Медведев В. Н.* Традиционное жилище гернгутера Сарепты второй половины XVIII – середины XIX в. // Вопросы краеведения. Волгоград: Волгогр. гос. ун-т, 2008. С. 158–163.
- Медведев 2012 — *Медведев В. Н.* Община Сарепта в Российской империи в XVIII – начале XIX в. // Вопросы истории. 2012. № 8. С. 147–152.
- Медведев 2018 — *Медведев В. Н.* Сарепта на Волге. Из истории Моравской (гернгутской) миссии в России. 1740–1765 годы // Новости Сарепты: Областная газета межнационального общения. 2018. № 38. С. 2.
- Минх 1901 — *Минх А. Н.* Историко-географический словарь Саратовской губернии / сост. А. Н. Минх. Саратов, 1898–1902. 5 т. (Прил. к Трудам Саратовской ученой архивной комиссии). Т. 1: Южные уезды: Камышинский и Царицынский. Вып. 3: Лит. Л–Ф / сост. А. Н. Минх; печ. под наблюд. С. А. Щеглова. Саратов: Тип. губерн. земства, 1901. С. 557–1094.
- Нейдгардт 1838 — *Нейдгардт.* Исторические и статистические сведения о Сарептской колонии // Журнал Министерства Внутренних Дел, 1838. Ч. 28. № 5. С. 245–260.
- Нейдгардт 1862 — *Нейдгардт П. П.* Путеводитель по Волге. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1862. (18 с., 102 с., 120 с.)
- О правилах для поселения 1765 — Высочайше утвержденный доклад президента Канцелярии опекунов иностранных графа Орлова «О правилах для поселения в России братского Евангелического общества» // Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание (1649–1825). Т. 17 (1765–1766). 7 июня 1765 г. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. С. 151–160.
- Писаревский 1898 — *Писаревский Г. Г.* Очерки по иностранной колонизации в России в XVIII в. (по неизданным архивным документам) // Русский вестник. Т. 253. М.: Тип. В. В. Чичерина, 1898. С. 100–124.
- Medvedev V. N. Unity of the Brethren [of Herrnhut] and Evangelical Lutheran Community in Sarepta. *Unsere Kirche*. 1996. No. 1–2. Pp. 32–35. (In Russ.)
- Medvedev V. N. Unity of the Brethren [of Herrnhut] and their migration to Sarepta, mid-eighteenth to mid-nineteenth centuries. *Sarepta: Istoriko-etnograficheskiy vestnik*. 2007. Vol. 3. Pp. 92–125. (In Russ.)
- Medvedev V. N. Unity of the Brethren [of Herrnhut]: A traditional dwelling of its member in Sarepta, mid-eighteenth to mid-nineteenth centuries. In: *Local History and Lore Studies*. Volgograd: Volgograd State University, 2008. Pp. 158–163. (In Russ.)
- Medvedev V. N. Community of Sarepta in Imperial Russia, eighteenth to early nineteenth centuries. *Voprosy Istorii*. 2012. No. 8. Pp. 147–152. (In Russ.)
- Medvedev V. N. Sarepta on the Volga: A historical review of the Moravian Church in Russia, 1740–1765. *Novosti Sarepty: Oblastnaya gazeta mezhnatsional'nogo obshcheniya*. 2018. No. 38. P. 2. (In Russ.)
- Minkh A. N. (comp.) *Saratov Governorate: A Dictionary of Historical and Geographical Terms*. Saratov, 1898–1902. In 5 vols. Vol. 1: Southern Districts. Pt. 3: L–F. S. Shcheglov (ed.). Saratov: Zemstvo of Saratov Governorate, 1901. Pp. 557–1094. (In Russ.)
- Neidhardt. Sarepta colony: Historical and statistical accounts. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del*. 1838. Vol. 28. No. 5. Pp. 245–260. (In Russ.)
- Neidhardt P. P. *A Guide to the Volga [Region]*. St. Petersburg: V. Bezobrazov & Co., 1862. 18 p., 102 p., 120 p.
- Imperially Approved Report of the President of Chancellery for Supervision over Foreign [Colonists] Graf Orlov on Settlement Regulations for the [Evangelical] Unity of the Brethren in Russia. In: *Complete Collection of Laws of the Russian Empire*. Coll. One: 1649–1825. Vol. 17: 1765–1766. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancellery, 1830. Pp. 151–160. (In Russ.)
- Pisarevsky G. G. Essays on foreign colonies in eighteenth-century Russia: [Analyzing] some unpublished archival documents. *Russkiy vestnik*. 1898. Vol. 253. Pp. 100–124. (In Russ.)

- Писаревский 1909 — *Писаревский Г. Г.* Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. (по неизданным архивным документам). М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1909. 438 с.
- Поволжье 1926 — Поволжье: Природа, быт, хозяйство. Путеводитель по Волге, Оке, Каме, Вятке и Белой / под ред. проф. В. П. Семёнова-Тян-Шанского, при близж. участии проф. Д. А. Золотарева. 2-е изд., испр. и доп. Л.: Волжское гос. пароходство, Транспечать НКПС, 1926. VIII, 591 с.
- Попов 1893 — *Попов К. И.* Записки о Саратове // Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов: Паровая скоропечатня Губернского Правления, 1893. С. 155–236.
- Попов 1994 — *Попов П. П.* Слово о «Старой Сарепте». Волгоград: Комитет по печати, 1994. 160 с.
- Салтыков 1827 — *Салтыков А. В.* Записки путешественника в Сарепту (Журнал графа С-ва) // Памятник отечественных муз, изданный на 1827 год, Борисом Федоровым. СПб.: Тип. А. Смирдина, 1827. С. 47–80.
- Саратовская губерния 1862 — Саратовская губерния: ... по сведениям 1859 года / сост. и изд. Центр. стат. ком. МВД; обраб. А. Артемьевым. СПб.: изд. Центр. стат. ком. Мин. внутр. Дел в тип. К. Вульфа, 1862. XLVII, 130 с.
- Сарепта 2012 — Сарепта: история успеха: история гернгутской колонии Сарепта от ее основания до превращения в волостной центр Саратовской губернии / А. В. Курьшев, С. Н. Лосицкий, А. А. Максимов, В. Н. Медведев; науч. ред. И. О. Тюменцев. Волгоград: Издатель, 2012. 272 с.
- Сергеев 1914 — *Сергеев И. И.* Мирное завоевание России немцами: доклад, прочитанный в чрезвычайном общем собрании г.г. членов «Общества 1914 года» (13 марта 1915 г.) / издание Общества 1914 г. (Борьбы с немецким засильем). Петроград: Типо-лит. Н. И. Евстифеева, 1915. VI, 68 с.
- Стручалин, Смирнова 2015 — *Стручалин П. И., Смирнова Н. А.* Межкультурное взаимодействие в процессе хозяйственного освоения Нижневолжского региона // Труд и социальные отношения. Т. 25. № 5. 2015. С. 33–43.
- Указ 1751 — Сенатский указ (вследствие именованного) «О поселении на российских границах приходящих сербов» // Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание (1649–1825). 1751. Т. 13 (1749–1753). С. 570–577.
- Фасмер 1971 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Т. III: Муза–Сят. М.: Прогресс, 1971. 827 с.
- Pisarevsky G. G. More on Foreign Colonies in Eighteenth-Century Russia: [Analyzing] Some Unpublished Archival Documents. Moscow: A. Snegireva, 1909. 438 p.
- Semyonov-Tyan-Shansky V. P., Zolotarev D. A. (eds.) The Volga Region: Nature, Everyday Life, Economy (A Guide to the Rivers Volga, Oka, Kama, Vyatka and Belaya). Second edition, rev. & suppl. Leningrad: Volga Shipping Company, NKPS, 1926. VIII, 591 p. (In Russ.)
- Popov K. I. Notes on Saratov. In: Saratov Krai. Historical Essays, Memoirs, Materials. Saratov: [Saratov] Governorate Press, 1893. Pp. 155–236. (In Russ.)
- Popov P. P. A Word about Staraya Sarepta. Volgograd: Committee for Publishing, 1994. 160 p. (In Russ.)
- Saltykov A. V. Travel notes to Sarepta. In: Fedorov B. (comp., ed.) The Monument to Russia's Muses — 1827. St. Petersburg: A. Smiridin, 1827. Pp. 47–80. (In Russ.)
- Artemyev A. (ed.) Saratov Governorate: Accounts of 1859. St. Petersburg: K. Wulf, 1862. XLVII, 130 p. (In Russ.)
- Kuryshov A. V., Lositsky S. N., Maksimov A. A., Medvedev V. N. Sarepta and Its History of Success: From a Herrnhuter Colony to a Volost Center of Saratov Governorate. I. Tyumentsev (ed.). Volgograd: Izdatel, 2012. 272 p. (In Russ.)
- Sergeev I. I. The Peaceful German Conquest of Russia. Petrograd: N. Evstifeev, 1915. VI, 68 p. (In Russ.)
- Struchalin P. I., Smirnova N. A. Cross-cultural interaction in the course of development of the Lower Volga Region. *Labour and Social Relations*. 2015. Vol. 25. No. 5. Pp. 33–43. (In Russ.)
- Order of the [Governing] Senate [on] Locating Immigrant Serbs along Russia's Borders. In: Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. One: 1649–1825. Vol. 13: 1749–1753. Pp. 570–577. (In Russ.)
- Vasmer M. Russian Etymological Dictionary. O. Trubachev (transl., suppl.). Col. 3: Муза–Сят. Moscow: Progress, 1971. 827 p. (In Russ.)

- Шайдуров, Гончаров 2019 — *Шайдуров В. Н., Гончаров Ю. М.* История немецкой колонизации в России второй половины XVIII в. в отечественных публикациях (1860–1917 гг.) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10. № 4. С. 7–16. DOI: 10.18721/JHSS.10401
- Штах 1916 — *Штах Я.* Очерки из истории и современной жизни южнорусских колонистов. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1916. 266 с.
- Энциклопедический словарь 1898 — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона / под ред. проф. И. Е. Андреевского. 1890–1907. Т. 24а(48): Полярные сияния – Прая. СПб.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1898. С. 476–958.
- Юракова 2010 — *Юракова О. В.* Немецкие и греческие поселенцы на Северо-Западном Кавказе: сравнительно-исторический анализ (середина XIX в. – 1917 г.) автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2010. 21 с.
- Falk 1785 — *Falk J. P.* Beiträge zur topographischen Kenntniss des Russischen Reichs (1768–1773) (= Статьи для топографического познания Российской империи, 1768–1773). Bd. 1: Welcher die Geschichte seiner Reise von den Jahren 1768 bis 1773 und Beyträge zur physikalischen und politischen Erdbeschreibung etc. enthält (Т. 1: Содержит историю его путешествия с 1768 по 1773 г., а также статьи к физическому и политическому описанию Земли и т. д.). St. Petersburg: gedruckt bey der Kayserl. Akademie der Wissenschaften, 1785. 402 S. (СПб.: отпечатано при Имп. акад. наук, 1785. 420 с.).
- Glitsch 1865 — *Glitsch A.* Geschichte der Brüdergemeine Sarepta im Östlichen Russland während ihres hundertjährigen Bestehens. Niesky: Verlag von A. Glitsch, 1865. 410 s. (*Глич А.* История братской общины Сарепта в Восточной России в течение ее столетнего существования. Ниски: Изд-во А. Глича, 1865. 400 с.
- Hafa 1936 — *Hafa H.* Die Brüdergemeine Sarepta. Ein Beitrag zur Geschichte des Wolgadeutschums von Dr. phil. Herwig Hafa. Breslau: Verlag Priebatsch's Buchhandlung, 1936. 216 s.
- Suter 2003 — *Suter Ch.* Geschichte der Brüdergemeine Sarepta 1765–1775 // Unitas Fratrum. 2003. Beiheft UF 8. S. 1–49
- Shaidurov V. N., Goncharov Yu. M. History of German colonization in Russia during the second half of the 18th century presented in domestic publications (1860–1917). *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki.* 2019. Vol. 10. No. 4. Pp. 7–16. (In Russ.) DOI: 10.18721/JHSS.10401
- Stach J. Colonists in South Russia: Essays on Their Past and Present Life. Moscow: A. Mamontov, 1916. 266 p.
- Brockhaus and Efron Encyclopaedic Dictionary. I. Andreevsky (ed.). Vol. 24a (48): Полярные сияния – Прая. St. Petersburg: F. Brockhaus & I. Efron, 1898. Pp. 476–958. (In Russ.)
- Yurakova O. V. German and Greek Settlers in the Northwest Caucasus, 1850s – 1917: A Comparative Historical Analysis. Cand. Sc. (History) thesis abstract. Krasnodar, 2010. 21 p. (In Russ.)
- Falk J. P. Beiträge zur topographischen Kenntniss des Russischen Reichs (1768–1773). Vol. 1: Welcher die Geschichte seiner Reise von den Jahren 1768 bis 1773 und Beyträge zur physikalischen und politischen Erdbeschreibung etc. enthält. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1785. 402 p. (In Germ.)
- Glitsch A. Geschichte der Brüdergemeine Sarepta im östlichen Russland während ihres hundertjährigen Bestehens. Niesky: A. Glitsch, 1865. 410 p. (In Germ.)
- Hafa H. Die Brüdergemeine Sarepta. Ein Beitrag zur Geschichte des Wolgadeutschums von Dr. phil. Herwig Hafa. Breslau: Priebatsch's Buchhandlung, 1936. 216 p.
- Suter Ch. Geschichte der Brüdergemeine Sarepta 1765–1775. In: Unitas Fratrum. 2003. Beiheft UF 8. Pp. 1–49. (In Germ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 6, Pp. 1228–1240, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(571.6)

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1228-1240

Промысловики Крайнего Севера: труд охотников Якутии в 1960–1980-е гг.

Святослав Игоревич Федоров^{1,2}, Лилия Иннокентьевна Винокурова³

- 1 Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (д. 1, ул. Петровского, 677027 Якутск, Российская Федерация)
младший научный сотрудник
- 2 Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (д. 58, ул. Белинского, 677027 Якутск, Российская Федерация)
старший преподаватель
 0000-0002-8610-3689. E-mail: [fedorov.si\[at\]mail.ru](mailto:fedorov.si[at]mail.ru)
- 3 Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (д. 1, ул. Петровского, 677027 Якутск, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
 0000-0002-5779-6893. E-mail: [lilivin\[at\]mail.ru](mailto:lilivin[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Федоров С. И., Винокурова Л. И., 2024

Аннотация. *Введение.* В условиях Крайнего Севера, где суровый климат и дисперсность расселения создают особые вызовы для жизни и деятельности человека, охота остается одним из важных видов хозяйственной деятельности. Изучение труда и повседневности охотников Якутии позволяет лучше понять специфику адаптации человека к экстремальным природным условиям, а также оценить вклад промысловиков в развитие региона. *Целью* данной статьи является анализ труда и повседневной жизни охотников Якутии в период 1960–1980-х гг. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи: исследовать влияние государственной политики на деятельность промысловиков; изучить особенности охотничьего промысла в условиях Крайнего Севера; выявить основное содержание их повседневного, преимущественно автономного, труда. *Материалы и методы.* В основу исследования легли разнообразные материалы, которые позволили всесторонне изучить труд и повседневную жизнь охотников Якутии в 1960–1980-е гг. Так, были изучены документы из государственных и ведомственных архивов, содержащие информацию о развитии охотничьего промысла в Якутии, условиях труда охотников, их социально-экономическом положении. Кроме того, одним из важных источников информации стали интервью с охотниками Якутии, их истории жизни. Использовались краеведческие работы и источники устной истории малых сел республики, в которых охота остается по настоящее время важной частью жизнеобеспечения. Исследование основано на комплексном подходе, включающем анализ исторических источников, сравнительный анализ, а также методы этнографии и устной истории. *Результаты и выводы.* Данные источники позволили получить представление о повседневной жизни промысловиков, их трудовых буднях, проблемах и трудностях, с которыми они сталкивались. Были изучены научные публикации и неопубликованные работы по теме охоты и охотничьего хозяйства в Якутии, что дало возмож-

ность ознакомиться с результатами предыдущих исследований, выявить актуальные вопросы и направления для дальнейшего изучения. Комплексное использование собранных материалов и изученной литературы позволило создать целостное представление о труде и повседневной жизни охотников Якутии в исследуемый период, выявить особенности и закономерности развития охотничьего промысла в условиях Крайнего Севера.

Ключевые слова: Якутия, Арктика, Крайний Север, охотничий промысел, государственная политика, повседневность

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке в рамках гранта Главы Республики Саха (Якутия) молодым ученым, специалистам и студентам Республики Саха (Якутия).

Для цитирования: Федоров С. И., Винокурова Л. И. Промысловики Крайнего Севера: труд охотников Якутии в 1960–1980-е гг. // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 6. С. 1228–1240. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1228-1240

Industrial Hunting and Fishing in the Far North: Labor and Everyday Life of Yakutia’s Hunters, 1960s–1980s

Svyatoslav I. Fedorov^{1,2}, Liliya I. Vinokurova³

¹ Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the RAS (1, Petrovsky St., 677027 Yakutsk, Russian Federation)
Junior Research Associate

² Ammosov North-Eastern Federal University (58, Belinsky St., 677027 Yakutsk, Russian Federation)
Senior Lecturer

 0000-0002-8610-3689. E-mail: fedorov.si[at]mail.ru

³ Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the RAS (1, Petrovsky St., 677027 Yakutsk, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-5779-6893. E-mail: lilivin[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Fedorov S. I., Vinokurova L. I., 2024

Abstract. Introduction. In the Far North, where harsh climate conditions and underpopulation pose specific challenges to human life, hunting remains an important economic activity. The study of labor and daily life of Yakutia’s hunters provides further insights into the specifics of human adaptation to severe environments and evaluates the contribution of hunters to the region’s development. *Goals.* The article attempts an analysis into the labor agenda and everyday life of hunters in Yakutia throughout the 1960 to 1980s. To facilitate this, the paper shall investigate the impacts of state policies on hunting arrangements, examine some peculiarities of hunting in the Far North, identify key essentials of their daily (mostly autonomous) work. *Materials and methods.* The study examines a variety of materials that secure a comprehensive understanding of labor and daily routine of hunters in the 1960s to 1980s. These include documents from state and departmental archives containing data on the development of industrial hunting in Yakutia, working and socioeconomic conditions for hunters, a significant supplement thereto be interviews with hunters proper and their life stories. Special attention is paid to local history works and oral narratives of small villages where hunting remains an important part of the life-support system to date. The research is based on an integrated approach that comprises analyses of historical sources, comparative evaluations, use of ethnographic and oral history tools. *Results.* The sources have proved instrumental in outlining the daily life of hunters, their working routine, problems and challenges they faced. From the 1960s to late 1980s, hunting and animal husbandry were important sectors of the Soviet economy. Those would bring the so much required income and currencies to the government, which is confirmed by constant attention of highest agencies to hunting arrangements and management. So, hunting was considered an independent and important branch of the national socialist economy. The examined period witnessed a number of important steps aimed at supporting the activity in the Yakut ASSR. The work of hunters was necessary for the state, but it was as needed by indigenous populations since hunting remained an integral part of their life sustenance.

Keywords: Yakutia, Arctic, Far North, hunting, state policy, everyday life

Acknowledgements. The reported study was funded by the Grant Program under Head of the Republic of Sakha (Yakutia) for young scientists, specialists and students of the Republic of Sakha (Yakutia).

For citation: Fedorov S. I., Vinokurova L. I. Industrial Hunting and Fishing in the Far North: Labor and Everyday Life of Yakutia's Hunters, 1960s–1980s. *Oriental Studies*. 2024; 17(6): 1228–1240 (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1228-1240

1. Введение

Актуальность выбранной темы обусловлена необходимостью осмысления исторического опыта освоения природных ресурсов в экстремальных условиях Крайнего Севера, что особенно важно в свете современных вызовов, связанных с поиском путей адаптации и сохранения традиционных форм хозяйственной деятельности коренного населения для устойчивого развития Российской Арктики. Изучение истории охотничьего промысла в советской Якутии представляет значительный научный интерес, поскольку позволяет глубже понять механизмы взаимодействия государственной политики и региональных практик в контексте социально-экономического развития отдаленных территорий Арктики и Севера. Труд промысловиков Крайнего Севера, несомненно, заслуживает научного внимания: начиная с 1960-х гг. около 45 % всей пушнины, включая продукцию звероводства, поступало именно из полярных регионов страны [История Якутии 2021: 413].

Необходимость разработки темы подтверждает и существующая историографическая ситуация. Литература, связанная с вопросами охотничьей деятельности в Якутии, обширна, но необходимо указать, что работы по истории пушной добычи досоветского периода являются, по сути, историко-этнографическими первоисточниками. В них сосредоточен ценный материал по содержанию традиционного промысла, зафиксированы методы и приемы охоты, количество принятой добычи промысла и т. д. [Маак 1886; Сабанев 1875; Силантьев 1898].

Характерная особенность трудов советского периода — их идеологическая ангажированность, чем объясняется акцентированное внимание к сюжету колониального ясака, роли пушного обмена в формировании

торгового капитала в Якутии и т. д. [Бахрушин 1927; Токарев 1945; Александров 1962; Павлов 1972]. Тем не менее интерес в них представляют сведения об объемах и ассортименте охотничьей добычи, о состоянии ресурсов фауны.

Для реализации задач статьи наиболее актуальна литература, относящаяся к XX столетию. В вышедшей в 1963 г. «Истории Якутской АССР» [История ЯАССР 1963] был освещен опыт развития всей экономики с позиций марксизма; издание интересно как источник для обзора истории сельского хозяйства и промыслов в начале изучаемого периода.

Кроме исторических, представляют ценность экономические исследования: так, коллективная монография «Экономика и культура народов севера Якутии» содержит отдельную главу, посвященную пушному промыслу. В ней подробно описано состояние пушного промысла в 1960-е гг., предложены разработки по его оптимизации в комплексе, в частности, с рационализацией использования лесных ресурсов. Авторы также остановились на проблеме социально-экономической поддержки местного населения, на общих вопросах его просвещения, культуры и быта [Экономика и культура 1968: 55–63].

Историю сельского хозяйства и промыслов Якутии во второй половине XX в. осветил в своих монографиях С. И. Ковлеков [Ковлеков 1992; Ковлеков 1993], где уделил отдельное внимание экономическим характеристикам промыслов и клеточного звероводства. Известный северовед Ф. С. Донской проанализировал развитие промысловых хозяйств, их роль для благосостояния коренных малочисленных народов Севера и Дальнего Востока [Донской 2003; Донской 2004]. В контексте изучения арктических промыслов Якутии нужно отметить работу

А. Г. Чикачева «Песцовый промысел в Якутии в XX веке» [Чикачев 2003], где освещена практика организации в советский период добычи «мягкого золота» как эффективного инструмента для улучшения социально-культурной жизни коренного населения.

В новейшее время в исследованиях темы обозначилось историко-антропологическое направление: обследование устойчивости и трансформаций содержания охотничьего промысла; резервов адаптации традиционных видов хозяйственной деятельности коренных народов Якутии к новым организационным и управленческим условиям [Винокурова 2016; Санникова 2021]. Истории промыслов и труда охотников эпохи позднего социализма — времени определенного экономического подъема и попыток реформирования системы — уделено внимание в вышедшей в свет в 2021 г. академической «Истории Якутии» [История Якутии 2020: 412].

Изучение содержания промыслового труда, повседневной деятельности охотников Крайнего Севера невозможно без мобилизации знания, накопленного в смежных исторических науках. Здесь особую ценность представляют материалы по этнографии охотничьего промысла коренных народов Якутии, собранные С. И. Николаевым-Сомоготто [Николаев 1996; Николаев 2009]. Ученый считал, что будничные, не «экзотические» стороны жизни охотника-промысловика остаются неизученными до XXI столетия. Оценивая имеющийся массив литературы, С. И. Николаев-Сомоготто отметил, что исследователи охотничьего занятия ограничивались изучением того, что находилось около изб промысловиков [Николаев 2009: 184], ограничиваясь эпизодическими наблюдениями за трудом и бытом охотников.

Обзор научной литературы, прямо или косвенно связанной с темой исследования в ее хронологических рамках, показал, что охотничий промысел рассматривался в качестве отрасли государственной экономики, одного из древнейших традиционных занятий. Недостаточно разработаны актуальные сюжеты изменений в охотничьем промысле, в его месте и роли в сельских сообществах,

по которым в последние годы предприняты отдельные исследования, освещающие трансформации промысла под воздействием социально-экономических и природно-климатических факторов [Федоров 2020; Федоров 2021; Федорова и др. 2021; Гоголев, Федоров 2022; Гоголев, Федоров 2023; Романова, Федоров 2023; Федоров 2023].

В целом вопросы развития охотничьего промысла в Якутии в последние десятилетия социализма не становились объектом специального исследования. Все это указывает на необходимость дальнейшего изучения данной темы, что позволит расширить научные представления о развитии промысла и его влияния на социально-экономическую и культурную сферы жизни региона.

2. Методы и источники исследования

Исследование основано на комплексном подходе, включающем анализ исторических источников, сравнительный анализ, также применялись методы этнографии и устной истории, позволяющие воссоздать историю развития охотничьего промысла как отрасли советской экономики и характеристики повседневного труда охотников в период 1960–1980-х гг. Источником для исследования выступили документы, выявленные в фондах Национального архива Республики Саха (Якутия), Рукописного фонда Архива Якутского научного центра СО РАН, была проанализирована законодательная база, созданная для поддержки промыслов в районах их традиционного функционирования, были изучены документы из государственных и ведомственных архивов, содержащие информацию о развитии охотничьего промысла в Якутии, условиях труда охотников, их социально-экономическом положении. Кроме того, одним из важных источников информации стали интервью с охотниками Якутии, их истории жизни. Использовались в качестве материала и краеведческие работы и источники устной истории малых сел республики, в которых охота остается по настоящее время важной частью жизнеобеспечения. Данные источники позволили получить представление о повседневной жизни промысловиков, их будничных проблемах и трудностях. Были изучены научные пуб-

ликации и неопубликованные работы по теме охоты и охотничьего хозяйства в Якутии, что дало возможность ознакомиться с результатами предыдущих исследований, выявить актуальные вопросы и направления для дальнейшего изучения. Комплексное использование собранных материалов и изученной литературы позволило создать достоверное представление о труде и повседневной жизни охотников Якутии в исследуемый период, выявить особенности и закономерности развития охотничьего промысла в условиях Крайнего Севера.

3. Государственная политика и охотничий промысел в 1960–1980-е гг.

Для успешного развития охотничьей отрасли необходимо было наладить работу хозяйств на местах. Так, в советский период данное направление было поставлено на «поток», разработаны цели и задачи для достижения высоких результатов в пушной промышленности, в том числе были специальные постановления для развития промысловой охоты и звероводства на территории Крайнего Севера.

Одним из первых шагов, заложивших укрепление охотничьих хозяйств на Севере, следует считать постановление Центрального комитета КПСС и Совета министров СССР 1957 г. «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера» [[Постановление Совета 1957а](#)], направленное на усиление мер поддержки промыслового охотничьего хозяйства в целях дальнейшего подъема материального состояния и культурного уровня народностей Севера, в хозяйстве которых основными отраслями были оленеводство и промыслы. Добычу пушнины также поддержало принятое в том же году постановление Совета министров РСФСР «О мерах по улучшению использования кедровых насаждений, развитию промыслов и увеличению заготовок орехов, пушнины, боровой дичи и дикорастущих ягод в таежных районах Сибири, Дальнего Востока и севера европейской части РСФСР» [[Постановление Совета 1957б](#)]. По этому постановлению Роспотребсоюзом в 1958–1960 гг. преимущественно в Сибири, на Дальнем Востоке

и Европейском Севере, частично на базе существовавших охотничьих хозяйств и экономически слабых колхозов, было создано 94 промысловых хозяйства (коопзверопромхозы) с постоянным штатом охотников; в их составе появились пушные зверофермы. К 1981 г. количество таких хозяйств достигло 125. В результате реорганизации мелких колхозов в районах Крайнего Севера появляются совхозы на базе оленеводства, охотничьего и рыболовного промысла, животноводства, звероводства и других отраслей. К 1980 г. в РСФСР всего было 187 совхозов оленеводческо-промыслового и животноводческо-промыслового направления [[Мартынов 2014: 35](#)].

Специальным постановлением Совета министров СССР «О мерах по улучшению ведения охотничьего хозяйства» было решено усилить работу по управлению охотничьим хозяйством по стране [[Постановление Совета 1959](#)]. В правительственном документе было подчеркнuto, что не уделяется достаточного внимания охотничьим хозяйствам, особенно в его общинной форме. Было предложено закрепить охотничьи угодья на период не менее 10 лет за государственными, кооперативными и общинными организациями. Советам министров в промысловых регионах было поручено составить правила охоты и установить порядок выдачи разрешений на охоту членам охотничьих обществ, которые прошли испытания по охотничьему минимуму и оплатили государственную пошлину. Были созданы органы управления закрепленными охотничьими хозяйствами, количество которых в конце 1960-х гг. составило около 7 тысяч [[Охотничье хозяйство 1973: 31](#)].

В 1960 г. было утверждено новое положение «Об охоте и охотничьем хозяйстве РСФСР» [[Постановление Совета 1960](#)], по которому охотничье хозяйство рассматривалось как самостоятельная ветвь народного хозяйства, преследующая цель обеспечения государственных нужд в пушнине и прочих охотничьих товарах. Важными моментами данного Положения, наряду с общими вопросами отрасли, можно считать задачи освоения удаленных охотничьих ареалов Севера, Сибири и Дальнего Востока и фор-

мирования современных, технически оснащенных промыслово-охотничьих хозяйств.

Главное управление охотничьего хозяйства и охраняемых территорий при Совете министров РСФСР (далее в тексте — Главохота) начало создавать государственные коммерческие промысловые предприятия — госпромхозы — в таежных и тундровых зонах, используя для этого охотоведческие экспедиционные группы. Ответственность за управление этими предприятиями была возложена на Управление госпромхозами Главохоты. К 1981 г. в РСФСР функционировало 98 подобных предприятий [Мартынов 2014: 36]. Потребности в валюте диктовали постоянное внимание к пушному промыслу: в 1986 г. было принято постановление о дальнейшем развитии охотничьего хозяйства РСФСР [Постановление Совета 1986]. В этом же году на территории республики был создан еще один госпромхоз «Южно-Якутский».

Наиболее значимой из организаций, занимавшихся производством и заготовкой промысловой продукции в 1970–1980-е гг., была система потребительской кооперации. Она осуществляла свою деятельность посредством кооперативных зверопромышленных предприятий и заготовительных контор. Также активно работали госпромхозы Главного управления охотничьего хозяйства РСФСР, совхозы и колхозы северных районов Минсельхоза РСФСР. Охота для личного потребления осуществлялась в рамках системы добровольных охотничьих сообществ. Таким образом, в изучаемый период государственная власть уделяла большое внимание развитию охотничьего промысла как отдельного направления народного хозяйствования, организовав специализацию профильных хозяйств именно на охотничьей деятельности и поддержку их кадрового и технического оснащения. Была также упорядочена система закупки промысловой добычи.

4. Повседневный труд охотников в Якутской АССР

В начале исследуемого периода на арктических и северных землях Якутской АССР были образованы совхозы, специали-

зирующиеся на оленеводстве и промыслах [Винокурова 2016: 9–11], 21 из 28 новых хозяйств являлись по своему профилю зверопромысловыми наряду с оленеводством. В 1961 г. в хозяйствах республики насчитывалось 8 622 кадровых охотниках [Ковлеков 1992: 176], также практиковалась сезонная охота любителей на мелкую фауну и пернатую дичь. В течение всего рассматриваемого периода количество охотников росло, в том числе за счет охотников госпромхозов, любителей из расположенных на территории республики транспортных, строительных и иных предприятий.

Охотничий промысел оставался частью традиционного комплексного хозяйства коренных народов Якутии. Потребность в белковом питании, в материалах для одежды требовали регулярного промыслового труда [Якутия 2007: 462]. Его место и роль в повседневной жизни зависели от разных факторов: так, для оседлых скотоводов-якутов он выступал вспомогательным хозяйственным занятием, но его место в культуре этноса нельзя недооценивать. В силу специфической сложности материального снабжения отдаленных и арктических районов Якутии охота была необходимостью и как источник питания, и как источник снабжения промысловой и производственной одеждой и обувью. Пушной промысел поддерживался высоким непрерывным спросом на меховую одежду в условиях Крайнего Севера [НА РС(Я). Ф. 50. Оп. 1. Д. 175; НА РС(Я). Ф. Р-499. Оп. 3. Д. 121]. Так, в арктических районах охота на дикого оленя, сезонную дичь и песцовый промысел были важными хозяйственными занятиями наравне с оленеводством. Охотничий промысел занимал особое и важное место в повседневной жизни у жителей Крайнего Севера.

Государственная законодательная и материально-техническая поддержка промыслов, организация и стимулирование труда охотников в период позднего социализма обеспечивали количественный рост занятых и в целом поднимали престиж охотничьего дела. Для охотников по всем арктическим районам Якутии, ведущих промысел в экстремальных природных условиях, такое внимание со стороны власти было значи-

тельным мотивирующим фактором. Опрошенные нами информанты подчеркивали, что всегда ощущали свое особое престижное место в системе разделения труда. Показательно в этом свете интервью охотника, уроженца Булунского улуса (района): «Я хорошо выполнял свой план. Мои шкурки песцовые были хорошего качества, ни один охотвед не имел ко мне претензий. ... Мы, охотники, знали, что лучшие шкурки идут на экспорт и становятся валютой. В те годы охотников Севера уважали, награждали ценными призами, ружьями, печатали в газетах! Было много награжденных орденами и медалями. Нас избирали делегатами на республиканские слеты охотников, передовиков производства. Я ездил в Якутск, мое имя называли прилюдно при всех лучших охотниках Якутии! Охотников избирали депутатами районных советов, даже в Верховный Совет выдвигали. Охотник был человек важный, уважаемый... Наш промысел был нужен государству!» [ПМА: Инф. 1].

Труд охотника на Крайнем Севере был нелегко. Самый выгодный для государства пушной промысел предполагал охоту в зимнее время, так как именно зимний мех считается наиболее качественным. Промысел в условиях экстремально низких температур требовал особых усилий, в первую очередь, для элементарного выживания. В течение короткого северного светового дня охотнику, помимо самого промысла, необходимо было обеспечить себе безопасное место дислокации. Промысловое жилище было необходимо обеспечить топливом, запасами пищи для себя и своих спутников, если таковые имелись. Кроме подготовки к выходу на саму охоту, нужно рассчитать силы на весь маршрут, выделить время для первичной обработки вероятной добычи.

Вся деятельность, связанная с физиологическими потребностями в тепле и еде, занимала важную часть времени. День охотника начинался с обеспечения теплом своего жилища: традиционно в охотничьей избе небольшая печь сконструирована так, чтобы за короткое время прогреть небольшое помещение. В силу этого печь также быстро остывала, в связи с чем необходимо было поддерживать огонь для обеспечения комфортной температуры. Питание было

не сильно разнообразным, зачастую оно состояло из добытой дичи, иногда оно дополнялось привезенными с собой продуктами. В 1960–1980-е гг. охотники с собой брали сахар, крупы, макаронные изделия, рыбные консервы. Старались запастись хлебом, чаще всего домашнего приготовления [ПМА: Инф. 2].

Главную часть времени охотник занимался своими прямыми обязанностями — промыслом. Так, в светлое время суток охотник осматривал свои угодья на предмет наличия добычи в уже установленных ранее ловушках. Во время мониторинга своего обширного участка, если в планах не было преследования крупной добычи, занимался также «попутной» охотой, т. е. охотой, которая не выбивала из основного графика. Чаще всего это были встреченные по пути пернатые или различные мелкие животные (заяц, белка и т. п.). Оружие, охотничьи припасы и, при необходимости, мелкий запасной и ремонтный инвентарь промысловики носили с собой. Начиная с 1960-х гг. обеспечение базовой одеждой, провизией и боеприпасами кадровых охотников осуществлялось совхозами: за каждого зверя полагалось нормированное количество патронов, гильз, пороха и т. п. Расходные материалы и провиант выдавались авансом, согласно поставленным планам, точное же количество высчитывалось при сдаче пушины [Нагрецкий и др. 1977: 42].

Орудия, употребляемые при охоте на пушных зверей, зачастую являлись «бесконтактными», это давало возможность одновременно ставить сотни ловушек и безостановочно добывать пушного зверя на протяжении всего короткого сезона охоты. Были распространены разнообразные самодельные орудия, к ним относились: удавливающее орудие охоты «тусак», с мертвой петлей, которая наглухо затягивалась; зажимные, добывающие зверя или ударом тяжести, или силой натянутого лука «чачар», под названием «черкан»; стреляющие «айа» — самострелы, убивающие зверя нанесением раны; падающие, убивающие зверя своей тяжестью «сохсо»; железные капканы с цепями для лисиц, волков и без цепи для горностаев и т. п. мелких зверей, причем мелкие капканы ставили и на болотную дичь.

Эти способы бесконтактной охоты в виде «айа», «сохсо» и «туссах» применялись в 1960–1980-е гг. и даже, как обнаружено, в постсоветское время. Так, информант из Среднеколымского улуса в ходе интервью рассказал о том, что орудием «туссах» пользовались долгое время, но вместо веревки из конского волоса стали использовать проволоку [ПМА: Инф. 3]. Информант дополнительно поведал и том, что, кроме взрослых охотников, с «туссах» начинали свою охотничью деятельность и дети, ставя их на зайцев и уток. Без изменений в конструкции в ходу у сельских охотников было также «сохсо», как сообщал информант, в течение почти всего XX столетия.

После возвращения к месту ночлега наступал черед работы по разделке и обработке всей добычи. Начинали с самого ценного: шкуру пушного зверя снимали «чулком». Снятую шкуру (шерстью внутрь, мездрой наружу) плотно натягивали на специальные деревянные колодки-правилки удлиненной треугольной формы, мордочкой вверх, хвостом вниз, и закрепляли при помощи ниток (волосяных или сухожильных) или мелких гвоздей. В таком натянутом виде шкуру очищали от остатков жира, пленок, прирезей мяса и высушивали [Патунский 1931: 10–12]. Далее в оставшееся время охотник занимался подготовкой к наступающему дню, изготовлению нового или ремонту пришедшего в негодность орудия лова.

Говоря об оружии и снаряжении для охоты на Крайнем Севере, можно отметить особенную «консервативность» промыслового инвентаря, она может быть объяснима естественно-экономическими условиями региона. Находившийся часто на автономном промысле охотник, подталкиваемый планом / спросом на пушнину, старался при возможности пользоваться унаследованными от предков орудиями и приемами лова для экономии средств и времени. Как выявлено, в подавляющем большинстве случаев условия труда и быта охотников на Крайнем Севере в рассматриваемый период оставались практически традиционными.

Из новшеств этого периода следует отметить массовое внедрение современных

капканов, возможность приобретать новые ружья, патроны, бинокли: с организацией арктических совхозов открылся широкий доступ к сети государственной торговли. Но даже в благополучные годы позднего социализма были трудности со снабжением охотников Крайнего Севера. Несмотря на то, что северная пушнина была экспортным товаром государственного значения, современное оружие и качественное снаряжение были доступны не всем. Архивные документы свидетельствуют также о перекосах в снабжении сельских жителей, включая промысловиков, товарами массового спроса [НА РС(Я). Ф. 50. Оп. 59. Д. 144. Л. 70–72]. Для охотников отсутствовали современные средства связи, во многих арктических совхозах радиостанции для двусторонней связи оставались дефицитной вещью [РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7. Л. 362]. Дефицитом были радиоприемники для прослушивания новостей страны и республики. Особенным спросом пользовались неприхотливые качественные приемники «Спидола» [ПМА: Инф. 4].

К 1980-м гг. ситуация изменилась в лучшую сторону: охотников стали больше поощрять, а также оказывать им максимально возможную помощь со стороны государства. Вспоминая лучшие годы охотничьих хозяйств, информант из Среднеколымского района, в прошлом промысловик, рассказывал о том, что со второй половины 1970-х гг. поддержка государства усилилась: оплачивали затраты на деятельность, стремились обеспечивать необходимым оборудованием, оружием, амуницией и т. д. Как о случае особого поощрения его как результативного охотника информант сообщил о полученной путевке в санаторий на юге страны [ПМА: Инф. 3], что для северян всегда было явлением редким и престижным. Можно сказать, что тяжелый труд охотников-промысловиков, необходимый для государственной казны, поддерживался и успешно пропагандировался как социально значимая деятельность.

5. Заключение

В исследованный нами период охотничий промысел и звероводство были важны-

ми отраслями советской экономики, приносящими государству необходимый доход и валюту. Заинтересованность власти в результатах труда охотников подтверждается постоянным вниманием высших органов к вопросам организации и управления охоты и охотничьего хозяйства. Охотничье хозяйство рассматривалось как самостоятельная и необходимая ветвь народного хозяйства, нуждающаяся в организационном и материально-техническом совершенствовании. Отдельно отмечались перспективы дальнейшего расширения ареалов добычи пушного зверя на территориях Севера, Сибири и Дальнего Востока. Труд промысловиков Крайнего Севера в период позднего социализма оставался востребованным, так как в нем нуждалось не только государство, но и само население, охотничий промысел являлся одним из необходимых занятий для жизнеобеспечения сельских жителей Якутской АССР.

В содержании труда охотников Якутии устойчиво сохранялось много традиционных компонентов, потому что не все инновации в охотничьем инвентаре или технологии могли сравниться с годами выверенными методами и орудиями, оптимально адаптированными для промысловой деятельности.

Источники

- НА РС(Я) — Национальный архив Республики Саха (Якутия).
- Постановление Совета 1957а — Постановление Совета Министров РСФСР от 16 марта 1957 г. № 300 «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народов Севера» [электронный ресурс] // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/355250> (дата обращения: 05.04.2024).
- Постановление 1957б — Постановление Совета Министров РСФСР от 26 октября 1957 г. № 1177 «О мерах по улучшению использования кедровых насаждений, развитию промыслов и увеличению заготовок кедровых орехов, пушнины, боровой дичи и дикорастущих ягод в таежных районах Сибири, Дальнего Востока и Севера европейской части РСФСР» [электронный ресурс] // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/372721> (дата обращения: 05.04.2024).

Особенно это актуализировалось в условиях длительного сезонного промысла, когда охотнику была необходима полная автономность в промысле. Именно она могла обеспечить высокую результативность охоты, поэтому промысловики должны были считаться с вариантами изготовления и ремонта традиционного инвентаря из доступных и подручных материалов.

Следует заключить, что северный охотничий промысел в рассмотренный период прошел важный этап своего развития, когда отрасль получила большую законодательную, финансовую и материальную поддержку. При этом, несмотря на внедрение новой техники, оружия и инвентаря, в охотничьих процессах сохранялись старинные этнические технологии промысла с устоявшимися методами и приемами. В продолжение темы видится перспективной разработка истории развития и изменений в культуре подготовки и промыслового поведения охотников. Можно утверждать, что в изучаемый период в селах Якутии у охотников и их окружения сохранялось отношение к промыслу не только как простому хозяйственному занятию по добыче пушного товара, но и как к части образа жизни и традиционной культуры.

Sources

- National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia).
- Decree of the RSFSR Council of Ministers of 16 March 1957 no. 300 on Measures for Further Economic and Cultural Development of Northern Minorities. On: Online Library of Historical Documents. Available at: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/355250> (accessed: 5 April 2024). (In Russ.)
- Decree of the RSFSR Council of Ministers of 26 October 1957 no. 1177 on Measures for Improved Use of Cedar Plantations, Production Development and Increased Procurements of Cedar Nuts, Furs, Upland Fowl and Wild Berries in Taiga Areas of Siberia, Soviet Russia's Far East and North European Parts. On: Online Library of Historical Documents. Available at: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/372721> (accessed: 5 April 2024). (In Russ.)

- Постановление Совета 1959 — Постановление Совета Министров РСФСР от 11 мая 1959 г. № 478 «О мерах по улучшению ведения охотничьего хозяйства» [электронный ресурс] // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/409352> (дата обращения: 05.04.2024).
- Постановление Совета 1960 — Постановление Совета Министров РСФСР от 10 октября 1960 г. № 1548 «Об утверждении положения об охоте и охотничьем хозяйстве РСФСР» [электронный ресурс] // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/405245> (дата обращения: 05.04.2024).
- РФА ЯНЦ СО РАН — Рукописный фонд Архива Якутского научного центра СО РАН.
- Постановление Совета 1986 — Постановление Совета Министров РСФСР от 28 марта 1986 г. № 125 «О мерах по дальнейшему развитию и повышению эффективности охотничьего хозяйства РСФСР» [электронный ресурс] // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/420763> (дата обращения: 05.04.2024).
- Decree of the RSFSR Council of Ministers of 11 May 1959 no. 478 on Measures for Improved Hunting Economic Effects. On: Online Library of Historical Documents. Available at: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/409352> (accessed: 5 April 2024). (In Russ.) РФА ЯНЦ СО РАН — Рукописный фонд Архива Якутского научного центра Сибирского отделения РАН.
- Decree of the RSFSR Council of Ministers of 10 October 1960 no. 1548 on Approval of the RSFSR Regulations for Hunting and Hunting Industry. On: Online Library of Historical Documents. Available at: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/405245> (accessed: 5 April 2024). (In Russ.)
- Yakut Scientific Centre (SB RAS), Archive, Manuscript Collection.
- Decree of the RSFSR Council of Ministers of 28 March 1986 no. 125 on Measures for Further Development and Enhanced Efficiency of the RSFSR Hunting Industry. On: Online Library of Historical Documents. Available at: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/420763> (accessed: 5 April 2024). (In Russ.)

Полевые материалы авторов

- ПМА: Инф. 1 — Информант П. С., 1948 г. р., муж. Запись 2019 г., с. Кюсюр Булунского улуса (района) Республики Саха (Якутия).
- ПМА: Инф. 2 — Информант М. С., ок. 60 л., муж. Запись 2021 г., с. Аргахтах Среднеколымского улуса (района) Республики Саха (Якутия).
- ПМА: Инф. 3 — Информант Н. С., 1942 г. р., муж. Запись 2021 г., с. Аргахтах Среднеколымского улуса (района) Республики Саха (Якутия).
- ПМА: Инф. 4 — Информант К. В., 1950 г. р., муж. Запись 2015 г., с. Столбы Верхоянского улуса (района) Республики Саха (Якутия).

Литература

- Александров 1962 — Александров В. А. Роль крупного купечества в организации пушных промыслов и пушной торговли на Енисее в XVII в. // Исторические записки. 1962. Т. 71. С. 158–195.
- Бахрушин 1927 — Бахрушин С. В. Исторические судьбы Якутии. Л.: АН СССР, 1927. 48 с.
- Винокурова 2016 — Винокурова Л. И. Трансформация колхозов в совхозы в Якутии в 1960-х гг.: социальные и экономические последствия // Научный диалог. 2016. № 11(59). С. 193–202.

Authors' Field Data

- Informant 1: P. S., b. 1948, male. Rec. in Kyusyur (Bulunsky District, Republic of Sakha (Yakutia), Russian Federation), 2019. (In Russ.)
- Informant 2: M. S., aged ca. 60, male. Rec. in Argakhtakh (Srednekolymsky District, Republic of Sakha (Yakutia), Russian Federation), 2021. (In Russ.)
- Informant 3: N. S., b. 1942, male. Rec. in Argakhtakh (Srednekolymsky District, Republic of Sakha (Yakutia), Russian Federation), 2021. (In Russ.)
- Informant 4: K. V., b. 1950, male. Rec. in Stolby (Verkhoyansky District, Republic of Sakha (Yakutia), Russian Federation), 2015. (In Russ.)

References

- Aleksandrov V. A. Seventeenth-century fur production and trade arrangements in the Yenisei Valley: The role of major merchants. *Istoricheskie zapiski*. 1962. Vol. 71. Pp. 158–195. (In Russ.)
- Bakhrushin S. V. Historical Destinies of Yakutia. Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1927. 48 p. (In Russ.)
- Vinokurova L. I. Transformation of collective farms in state farms in Yakutia in 1960s: Social and economic consequences. *Nauchnyi dialog*. 2016. No. 11(59). Pp. 193–202. (In Russ.)

- Гоголев, Федоров 2022 — *Гоголев А. И., Федоров С. И.* Охотничья деятельность у якутов на современном этапе // *Человек и культура*. 2022. № 2. С. 30–37. DOI: 10.25136/2409-8744.2022.2.35817
- Гоголев, Федоров 2023 — *Гоголев А. И., Федоров С. И.* «Дефицит холода» и деградация многолетнемерзлых грунтов как фактор трансформации охотничьей деятельности у якутов // *Человек и культура*. 2023. № 6. С. 130–136. DOI: 10.25136/2409-8744.2023.6.69081
- Донской 2003 — *Донской Ф. С.* Интеграция коренных малочисленных народов Сибирского Севера и Дальнего Востока в общероссийскую культуру. Якутск: ЯНЦ СО РАН, 2003. 393 с.
- Донской 2004 — *Донской Ф. С.* Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока во второй половине XX века. Т. 2. Якутск: ЯНЦ СО РАН, 2004. 319 с.
- История ЯАССР 1963 — *История Якутской АССР: в 3 т. / редкол.: В. Н. Антипин и др. Т. III: Советская Якутия. М.: АН СССР, 1963. 365 с.*
- История Якутии 2021 — *История Якутии: в 3 т. / под общ. ред. А. Н. Алексева. Т. III / отв. ред. тома С. И. Боякова. Новосибирск: Наука, 2021. 591 с.*
- Ковлеков 1992 — *Ковлеков С. И.* Сельское хозяйство Якутии (1946–1970). Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1992. 199 с.
- Ковлеков 1993 — *Ковлеков С. И.* Сельское хозяйство Якутии (1971–1985). Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1993. 120 с.
- Маак 1886 — *Маак Р. К.* Вилуйский округ Якутской области. Ч. II. СПб.: Тип. и хромолитография А. Траншеля, 1886. 404 с.
- Мартынов 2014 — *Мартынов Е. Н.* Охотничье дело. Охотоведение и охотничье хозяйство. СПб.: Лань, 2014. 447 с.
- Нагрецкий и др. 1977 — *Нагрецкий Л. Н., Стахровский Е. В., Замахаев В. А., Воробьева М. П., Митрофанова Л. А., Пичугин Ю. В., Москов В. А.* Организация и техника охоты. М.: Лесная промышленность, 1977. 240 с.
- Николаев 1996 — *Николаев С. И.* Обычай народа Саха. Якутск: НИПК «Сахаполиграфиздат», 1996. 48 с.
- Николаев 2009 — *Николаев (Сомоготто) С. И.* Народ саха. Якутск: Якутский край, 2009. 300 с.
- Охотничье хозяйство 1973 — *Охотничье хозяйство СССР / ред. Н. Н. Граков. М.: Лесная промышленность, 1973. 407 с.*
- Павлов 1972 — *Павлов П. Н.* Пушной промысел в Сибири XVIII в. Красноярск: Тип. «Красноярский рабочий», 1972. 408 с.
- Gogolev A. I., Fedorov S. I. Hunting activity among the Yakuts at the present stage. *Man and Culture*. 2022. No. 2. Pp. 30–37. (In Russ.) DOI: 10.25136/2409-8744.2022.2.35817
- Gogolev A. I., Fedorov S. I. “Cold deficiency” and degradation of permafrost soils as a factor of transformation of hunting activity among the Yakuts. *Man and Culture*. 2023. No. 6. Pp. 130–136. (In Russ.) DOI: 10.25136/2409-8744.2023.6.69081
- Donskoy F. S. Minorities of the Siberian North and Far East: The Integration into National Culture. Yakutsk: Yakut Scientific Centre (SB RAS), 2003. 393 p. (In Russ.)
- Donskoy F. S. Minorities of Russia’s North, Siberia and Far East in the Mid-to-Late Twentieth Century. Vol. 2. Yakutsk: Yakut Scientific Centre (SB RAS), 2004. 319 p. (In Russ.)
- Antipin V. N. et al. History of the Yakut ASSR. In 3 vols. Vol. 3: Soviet Yakutia. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1963. 365 p. (In Russ.)
- Alekseev A. N., Boyakova S. I. (eds.) History of Yakutia. In 3 vols. Vol. 3. Novosibirsk: Nauka, 2021. 591 p. (In Russ.)
- Kovlekov S. I. Agriculture of Yakutia, 1946–1970. Yakutsk: Yakut Scientific Centre (SB RAS), 1992. 199 p. (In Russ.)
- Kovlekov S. I. Agriculture of Yakutia, 1971–1985. Yakutsk: Yakut Scientific Centre (SB RAS), 1993. 120 p. (In Russ.)
- Maack R. K. Vilyuysk District of Yakutsk Oblast. Pt. 2. St. Petersburg: A. Transchel, 1886. 404 p. (In Russ.)
- Martynov E. N. Hunting, Game Management and Husbandry. St. Petersburg: Lan, 2014. 447 p. (In Russ.)
- Nagretsky L. N., Stakhrovsky E. V., Zamakhaev V. A., Vorobyova M. P., Mitrofanova L. A., Pichugin Yu. V., Moskov V. A. Hunting Arrangements and Techniques. Moscow: Lesnaya Promyshlennost, 1977. 240 p. (In Russ.)
- Nikolaev S. I. Customs of the Sakha. Yakutsk: Sakhapoligrafizdat, 1996. 48 p. (In Russ.)
- Nikolaev (Somogotto) S. I. The Sakha. Yakutsk: Yakutskiy Krai, 2009. 300 p. (In Russ.)
- Grakov N. N. (ed.) Soviet Hunting Industry. Moscow: Lesnaya Promyshlennost, 1973. 407 p. (In Russ.)
- Pavlov P. N. Fur Production in Eighteenth-Century Siberia. Krasnoyarsk: Krasnoyarskiy Rabochiy, 1972. 408 p. (In Russ.)

- Патушинский 1931 — *Патушинский О. Б.* Как охотнику снять и выправить шкурку. Иркутск: ОГИЗ, 1931. 32 с.
- Романова, Федоров 2023 — *Романова Е. Н., Федоров С. И.* Хищник как актёр в системе жизнедеятельности якутов: между природой и человеком // *Этнография*. 2023. № 4(22). С. 86–101. DOI: 10.31250/2618-8600-2023-4(22)-86-101
- Сабанеев 1875 — *Сабанеев Л. П.* Соболь и соболиный промысел. М.: Тип. В. Готье, 1875. 71 с.
- Санникова 2021 — *Санникова Я. М.* Организация охотничьего промысла в 1990-е гг. в Якутии: деятельность НКОХ «Сахабулт» по заготовке пушнины // *Манускрипт*. 2021. Т. 14. № 12. С. 2534–2540.
- Силантьев 1898 — *Силантьев А. А.* Обзор промысловых охот в России. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1898. 619 с.
- Токарев 1945 — *Токарев С. А.* Общественный строй якутов XVII–XVIII вв. Якутск: Якутское гос. изд-во, 1945. 414 с.
- Федоров 2020 — *Федоров С. И.* Хозяйственная деятельность якутов в условиях изменений климата и «дефицита холода»: традиционные практики и вызовы современности // *Человек и культура*. 2020. № 2. С. 37–48. DOI: 10.25136/2409-8744.2020.2.32566
- Федоров 2021 — *Федоров С. И.* Охота у якутов на современном этапе: традиционные практики и вызовы современности // *Право в контексте устойчивого развития Арктики: вызовы времени и новые возможности*: сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию д-ра юрид. наук, проф. М. М. Федорова (г. Якутск, 17–21 ноября 2020 г.). Казань: ООО «Бук», 2021. С. 276–279.
- Федоров 2023 — *Федоров С. И.* Охотничья деятельность у якутов в условиях изменения климата и «дефицита холода» // *Аргуновские чтения–2023*: мат-лы IX Междунар. конф. (workshop), посвящ. обсуждению основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г.) (г. Якутск, 21 апреля 2023 г.). Якутск: ГКУ РС(Я) «НБ РС(Я)», 2023. С. 172–174.
- Федорова и др. 2021 — *Федорова А. Р., Федоров С. И., Яковлева К. М., Яковлев А. И.* Поверья современных охотников Якутии: село и город // *Современная научная мысль*. 2021. № 6. С. 158–166. DOI: 10.24412/2308-264X-2021-6-158-166
- Чикачев 2003 — *Чикачев А. Г.* Песцовый промысел в Якутии в XX веке / отв. ред. М. К. Слепцов. Якутск: [б. и.], 2003. 83 с.
- Patushinsky O. B. How to Skin a Fur-Bearing Animal. Irkutsk: OGIZ, 1931. 32 p. (In Russ.)
- Romanova E. N., Fedorov S. I. Predator as actor in the Yakut life system: Between nature and man. *Etnografia*. 2023. No. 4 (22). Pp. 86–101. (In Russ.) DOI: 10.31250/2618-8600-2023-4(22)-86-101
- Sabaneev L. P. Sable and Sable Hunting. Moscow: V. Gautier, 1875. 71 p. (In Russ.)
- Sannikova Ya. M. Organization of hunting in Yakutia in the 1990s: Fur harvesting activity of the National Concern “Sakhabult”. *Manuscript*. 2021. Vol. 14. No. 12. Pp. 2534–2540. (In Russ.) DOI: 10.30853/mns20210490
- Silantyev A. A. Commercial Hunting in Russia: A Review. St. Petersburg: V. Kirshbaum, 1898. 619 p. (In Russ.)
- Tokarev S. A. Yakut Social System, Seventeenth–Eighteenth Centuries. Yakutsk: Yakut State Publ. House, 1945. 414 p. (In Russ.)
- Fedorov S. I. Economic activity of the Yakuts in the conditions and climate change and “deficit of cold temperature”: Traditional practices and challenges of modernity. *Man and Culture*. 2020. No. 2. Pp. 37–48. (In Russ.) DOI: 10.25136/2409-8744.2020.2.32566
- Fedorov S. I. Yakut hunting at the present stage: Traditional practices and modern challenges. In: Ushnitsky R. R., Koryakina Z. I. (comps.) *Law and Sustainable Development of the Arctic: New Challenges and Opportunities*. Jubilee conference proceedings (Yakutsk, 17–21 November 2020). Kazan: Buk/Book, 2021. Pp. 276–279. (In Russ.)
- Fedorov S. I. Yakut hunting activities under conditions of climate change and «cold deficit». In: Vinokurova U. A. (ed.) *Argunov Readings – 2023*. Conference (workshop) proceedings (Yakutsk, 21 April 2023). Yakutsk: National Library of the Republic of Sakha (Yakutia), 2023. Pp. 172–174. (In Russ.)
- Fedorova A. R., Fedorov S. I., Yakovleva K. M., Yakovlev A. I. Beliefs of modern Yakut hunters: Countryside and city. *Modern Scientific Thought*. 2021. No. 6. Pp. 158–166. (In Russ.) DOI: 10.24412/2308-264X-2021-6-158-166
- Chikachev A. G. Commercial White Fox Hunting in Twentieth-Century Yakutia. M. Sleptsov (ed.). Yakutsk, 2003. 83 p. (In Russ.)

- Экономика и культура 1968 — Экономика и культура народов севера Якутии / отв. ред.: Н. В. Черский, К. Г. Кондаков, А. П. Моров. М.: Наука, 1968. 173 с.
- Якутия 2007 — Якутия. Историко-культурный атлас: справочник / под ред. В. Н. Иванова. М.: Феория, 2007. 870 с.
- Chersky N. V., Kondakov K. G., Morov A. P. (eds.) Peoples of Yakutia's North: Economies and Cultures. Moscow: Nauka, 1968. 173 p. (In Russ.)
- Ivanov V. N. (ed.) Atlas of Yakutia: A Guide to History and Culture. Moscow: Feoria (Hieros), 2007. 870 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 17, Is. 6, Pp. 1241–1252, 2024
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 7.018.22+94

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1241-1252

Социокультурные практики метисации в Хакасии: брачно-партнерские отношения

Елена Евгеньевна Тиникова¹, Анна Викторовна Винокурова^{2, 3}

¹ Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (д. 23, ул. Щетинкина, 655017 Абакан, Российская Федерация)
 кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
 0000-0002-5501-8940. E-mail: [lena.tinikova\[at\]mail.ru](mailto:lena.tinikova[at]mail.ru)

² Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (д. 23, ул. Щетинкина, 655017 Абакан, Российская Федерация)
 кандидат социологических наук, старший научный сотрудник

³ Дальневосточный федеральный университет (10, п. Аякс, кампус ДВФУ, о. Русский, 690922 Владивосток, Российская Федерация)
 кандидат социологических наук, доцент
 0000-0001-6415-4680. E-mail: [vinokurova77\[at\]mail.ru](mailto:vinokurova77[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Тиникова Е. Е., Винокурова А. В., 2024

Аннотация. *Введение.* Одной из основных тенденций, характеризующих динамику социокультурных процессов в современном обществе, является интеграция, которая в свою очередь сопровождается развитием этнокультурного разнообразия, появлением новых социальных слоев и общностей, в том числе и метисных. На степень выраженности метисации оказывают влияние различные этносоциальные процессы. Прежде всего она обусловлена расширением спектра возможностей для заключения браков и увеличением количества межэтнических союзов, чему способствует высокий уровень миграционной мобильности. *Цель* статьи — охарактеризовать матримониальные практики, приводящие к заключению межнациональных союзов, а также брачно-партнерские отношения, доминирующие среди метисов (потомков обозначенных союзов), в региональном измерении на примере Республики Хакасия. *Материалы и методы.* Исследование выполнено на основе комплексного подхода с опорой на статистические данные, вторичный документальный анализ, в том числе научных публикаций, посвященных проблематике метисации. Используются опросные методы (анкетирование, неформализованное интервью), личные наблюдения авторов. Полевые работы проводились в 2023–2024 гг. *Результаты и выводы.* В ходе исследования были выявлены основные социально-демографические характеристики метисов Хакасии, описаны ситуации и сопутствующие им объективные и субъективные условия, приводящие к заключению межнациональных союзов, а также характеризующие практики брачно-партнерских и семейных отношений как самих метисов, так и их родителей. В данном ключе отметим, что, во-первых, практики знакомства и дальнейший выбор брачного партнера во многом определяется ближайшим окружением, а также этноконтактной средой в аспекте ее гетерогенности или гомогенности. Свой вклад также вно-

сят процессы миграции и урбанизации. Во-вторых, для метисов Хакасии в большей степени характерна ориентация на репрезентацию гражданской и региональной идентичности. Следовательно, уровень проявления этничности у них ниже. Отсюда и спокойное отношение к национально-смешанным бракам, в том числе и к заключению подобных союзов у собственных детей. Предпринятое нами исследование позволяет расширить представления о месте и роли метисации в межнациональном пространстве Хакасии, динамике заключаемых межэтнических союзов, брачно-партнерских практиках метисов, в дальнейшем полученные результаты могут быть использованы для определения направленности и перспектив развития региональных этносоциальных процессов.

Ключевые слова: брачно-партнерские отношения, матримониальное поведение, межнациональные браки, метисация, метисы, Республика Хакасия

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта «Метисация населения как один из ключевых трендов этноэволюционных процессов Хакасии» (№ 23-28-10040, <https://rscf.ru/project/23-28-10040/>).

Для цитирования: Тиникова Е. Е., Винокурова А. В. Социокультурные практики метисации в Хакасии: брачно-партнерские отношения // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 6. С. 1241–1252. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1241-1252

Sociocultural Practices of Miscegenation in Khakassia: Marriage and Partnership Relations

Elena E. Tinikova¹, Anna V. Vinokurova^{2,3}

¹ Khakass Research Institute of Language, Literature and History (23, Shchetinkin St., 655017 Abakan, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0002-5501-8940. E-mail: lena.tinikova[at]mail.ru

² Khakass Research Institute of Language, Literature and History (23, Shchetinkin St., 655017 Abakan, Russian Federation)
Cand. Sc. (Sociology), Senior Research Associate

³ Far Eastern Federal University (10, Ajax Bay, Russky Island, 690922 Vladivostok, Russian Federation)

Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor

 0000-0001-6415-4680. E-mail: vinokurova77[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Tinikova E. E., Vinokurova A. V., 2024

Abstract. Introduction. Integration serves a principal trend characterizing the dynamics of sociocultural processes in modern society, and is accompanied by progressing ethnocultural diversity, emergence of new social strata and communities, including mixed-race ones. Individual miscegenation degrees are influenced by various ethnosocial processes, primarily expanded marriage opportunities and increased interethnic unions, essentially contributed to by high migration mobility. *Goals.* The article seeks to outline matrimonial practices leading to interethnic unions, and attempts insights into marriage and partnership relations that dominate among mestizos (descendants of such unions) — in a regional perspective through the example of Khakassia (Russian Federation). *Materials and methods.* The study employs an integrated approach based on statistical data and secondary document analysis, including that of scholarly publications examining miscegenation. Survey methods (questionnaires, informal interviews) and personal observations have also proved instrumental herein. Interviews and interrogations were conducted in 2023–2024. *Results and conclusions.* The paper identifies some key sociodemographic characteristics of Khakassia's mestizos, describes individual situations and related objective/subjective conditions — prior to interethnic unions and characteristic of marriage, partnership and family patterns (practices) adopted by mestizos proper and their parents. In this regard, it is noteworthy that, firstly, dating and mate choice practices are largely determined by actual environments and — the ethno-contact zone in terms of its heterogeneity or homogeneity, the latter be also contributed to by migration and urbanization. Secondly, the interviewed mestizos of Khakassia tend to focus on manifesting civil and regional identities, which results in lower ethnicity levels and somewhat relaxed attitudes to ethnic intermarriages, including for their own children. The undertak-

en study expands our understanding of the place and role played by miscegenation in Khakassia's cross-cultural agenda, specifies the dynamics of interethnic unions, outlines marriage and partnership practices of mestizos. In the future, the obtained results can be used to calculate directions and prospects for the development of regional ethnosocial processes.

Keywords: marriage and partnership relations, matrimonial behavior, ethnic intermarriage, miscegenation, mestizos, Republic of Khakassia

Acknowledgements. The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 23-28-10040 'Miscegenation as a Key Ethnic Evolution Trend in Khakassia'. Available at: <https://rscf.ru/project/23-28-10040>.

For citation: Tinikova E. E., Vinokurova A. V. Sociocultural Practices of Miscegenation in Khakassia: Marriage and Partnership Relations. *Oriental Studies*. 2024; 17(6): 1241–1252. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1241-1252

1. Введение

В развитии социокультурных процессов в современном российском обществе отчетливо прослеживаются две основные тенденции. С одной стороны, мы можем говорить об интеграции и унификации всех сфер общественной жизни. С другой стороны, имеет место нарастающая дифференциация, характеризующаяся разнообразием своих проявлений как на макро-, так и на микроуровнях. Это справедливо и в отношении этносоциальных процессов. Интеграция сопровождается развитием этнокультурного разнообразия, появлением новых социальных слоев и общностей, в том числе и местных.

В широком смысле под метисацией понимается физическое смешение различных популяций, принадлежащих как к одному, так и разным этносам или расам [Народы и религии 1998: 890]. Потомков от такого смешения называют метисами. На степень выраженности метисации оказывают влияние различные этносоциальные процессы. Прежде всего она обусловлена расширением спектра возможностей для заключения браков и увеличением количества межэтнических союзов, чему способствует высокий уровень миграционной мобильности, характерный для современного социума.

Все это в полной мере относится и к Республике Хакасия. При этом сведения, характеризующие ситуацию относительно числа национально-смешанных семей, очень сильно различаются, варьируются. В данном ключе отметим наработки исследователей новосибирской этносоциологиче-

ской школы. В частности была разработана модель с учетом сведений Всесоюзной переписи населения 1989 г. и Всероссийской переписи населения 2010 г., в соответствии с которой была рассчитана доля межэтнических семей (домохозяйств) в Хакасии, составившая 19,2 % и 14,8 % соответственно [Абрамова и др. 2018: 287].

По оценкам В. П. Кривоногова на 2007–2009 гг., процент национально-смешанных семей значительно выше — 26,3 % сельских и 28,5 % городских семей от общего числа семей в Республике Хакасия являются межнациональными [Кривоногов 2017: 51].

В опубликованных результатах Всероссийской переписи населения 2020 г. (ВПН-2020) указано количество частных домохозяйств, в которых все члены указали разную национальную принадлежность. Доля таковых в Республике Хакасия составила 7,6 % от общего числа частных домохозяйств. В сельской местности их количество выше, чем в городе: 11,7 % против 5,7 % [Частные домохозяйства 2022].

При изучении межнациональных браков исследователями в основном делается акцент на факторах макроуровня, которые влияют на рост их числа. В качестве таковых отмечают: природно-географические условия, устойчивые культурные символы, взаимодействие пространства жизни и жизненного потенциала различных групп населения [Григорьев, Даровских 2016: 29]; миграция и урбанизация [Bessudnov, Monden 2021: 376], национальный состав конкретных населенных пунктов [Кривоногов 2023: 11].

Гораздо меньше внимания уделяется факторам микроуровня, а именно: личным предпочтениям при выборе брачного партнера. Восполнить недостаток сведений в этой области призвана настоящая статья, основной целевой установкой которой является попытка охарактеризовать матримонимальные практики, приводящие к заключению межнациональных союзов, а также брачно-партнерские отношения, доминирующие среди метисов (потомков обозначенных союзов), в региональном измерении на материалах Республики Хакасия.

2. Подходы, методы и материалы

Теоретическая рамка нашего исследования включает в себя следующие основные подходы. Одной из самых первых концепций, объясняющих принятие решения о заключении межэтнического брака, является теория социального обмена [Davis 1941: 376; Merton 1941: 361]. Она подразумевает, что если партнер, представляющий доминирующую группу этнического большинства, вступает в брак с представителем группы этнического меньшинства, при этом ограниченной в правах, то здесь «высокостатусному» супругу необходима «компенсация», которая, например, может быть выражена в форме высокого экономического положения супруга из группы этнического меньшинства.

Концепция, предложенная Г. Беккером [Becker 1973], рассматривает брачные отношения, в том числе и межнациональные, с точки зрения экономической целесообразности. В рамках своего подхода автор определяет домохозяйства как «партнерские фирмы», производящие «товары», к которым можно отнести: детей, сохранение и заботу о здоровье, межличностное общение, еду, чистую одежду и т. п. Другими словами все то, что реализуется через основные функции семьи: репродуктивную, воспитательную, коммуникационную, хозяйственно-бытовую и др. [Becker 1973: 816]. С позиций экономической рациональности для производства этих «товаров» обычно требуются деньги и время, соответственно, модель подразумевает взаимодействие между высокооплачиваемыми мужчинами, ко-

торые специализируются на рынке труда, и низкооплачиваемыми женщинами, специализация которых — домашние компетенции [Becker 1973: 819]. Теория Г. Беккера также подразумевает определенное соответствие по ряду характеристик, когда такой паритет делает пару более эффективной в производстве «товаров». Например, супруги с одинаковым национальным происхождением могут более эффективно «производить» детей, обладающих определенными этническими чертами и ценностями [Becker 1973: 822].

Следует обозначить подход к исследованию брачных отношений, разработанный и И. Д. Лэмом [Lam 1988], который фокусируется не на «производстве» как у Г. Беккера, а на совместном потреблении парами общественных благ [Lam 1988: 462]. Согласно данной теории, наиболее успешные союзы создаются на основе схожих социальных потребностей. И поскольку многие из благ, которыми делятся члены семьи, основаны на национальной принадлежности (этнические черты у детей, этническая еда, язык, культура, традиции и т. п.), то для людей со схожими потребностями как раз и будет оптимальным заключение брака между собой [Lam 1988: 463].

В целом, с учетом появления трудосберегающих бытовых технологий, разветвленного функционирования сферы услуг, которая позволяет семьям передавать на аутсорсинг многие домашние обязанности и т. д., современные пары, по всей вероятности, заключают брак, основанный больше на потребительской взаимодополняемости, представленной в концепции Д. Лэма, нежели на производственной взаимодополняемости, предложенной в теории Г. Беккера [Stevenson, Wolfers 2007: 30].

Тем не менее все рассмотренные нами выше подходы напрямую подразумевают и / или соответствуют высоким показателям этнической эндогамии, но при этом могут дать представление о типах людей, которые с наибольшей вероятностью вступят в смешанные браки. Такая «оптика» позволит нам соединить концептуальную глубину и эмпирическую детализацию.

Эмпирическая часть нашего исследования выполнена с опорой на количественно-качественную методологию. При сборе

эмпирических материалов мы по большей части опирались на опросные методы.

Во-первых, была проведена серия неформализованных интервью с метисами первого и второго поколения, проживающими в городских и сельских населенных пунктах Хакасии. Полевые работы проводились осенью 2023 г., всего было проведено 26 интервью с метисами (N=26) [ПМА 2023]. Основные характеристики информантов можно представить следующим образом (см. табл. 1).

Информанты из числа метисов рекрутировались несколькими методами, через личные связи и знакомства авторов, а также методом «холодного» контакта в различных локациях (в торговых центрах, кафе и других общественных пространствах). Далее был использован метод «снежного кома»,

когда уже сами информанты становились своеобразными проводниками в «метисном» поле. Основным критерием отбора информантов являлось их национально-смешанное происхождение. Анализ данных проводился в логике «обоснованной теории» [Страусс, Корбин 2001: 52–119] через призму социокультурной составляющей, матримониального поведения и брачно-партнерских стратегий, родительско-детских отношений и т. п. [ПМА 2023]

Во-вторых, был проведен анкетный опрос метисов первого и второго поколения, проживающих в городских и сельских поселениях Республике Хакасия. Участие в анкетировании приняли 263 респондента, соответственно, общий объем выборочной совокупности составил 263 чел. (N=263). Выборка целевая (неслучайная), рекрут

Таблица 1. Основные характеристики участников интервью
[Table 1. Basic characteristics of interviewees]

Код	Пол	Возраст, лет	Примечания
И1	М	25	Мать — хакаска, отец — русский
И2	Ж	34	Мать — хакаска, отец — русский
И3	Ж	43	Мать — хакаска, отец — русский
И4	М	35	Мать — хакаска, отец наполовину хакас, наполовину — русский
И5	Ж	40	Мать — метиска (бабушка — хакаска, дедушка — русский), отец — русский
И6	М	25	Мать — хакаска, отец — армянин
И7	Ж	36	Мать — русская, отец — хакас
И8	Ж	31	Отец — хакас, мать — метиска
И9	Ж	41	Мать — метиска, отец — хакас
И10	Ж	35	Мать — хакаска, отец — русский
И11	М	34	Мать — хакаска, отец — шорец
И12	М	42	Мать — кореянка, отец — хакас
И13	Ж	26	Мать — русская, отец — хакас
И14	Ж	32	Мать — хакаска, отец — азербайджанец
И15	М	50	Отец — башкир, мать — хакаска
И16	Ж	33	Мать — русская, отец — хакас
И17	Ж	31	Мать — хакаска, отец — шорец
И18	Ж	32	Мать — хакаска, отец — русский
И19	М	54	Мать — русская, отец — хакас
И20	М	70	Мать — хакаска, отец — русский
И21	М	43	Мать — украинка, отец — хакас
И22	Ж	60	Мать — хакаска, отец — русский
И23	Ж	54	Мать — хакаска, отец — русский
И24	Ж	38	Мать — метиска (наполовину хакаска, наполовину — русская), отец — хакас
И25	М	40	Мать — хакаска, отец — бурят
И26	М	40	Мать — хакаска, отец ¹ — шорец

¹ Примечание: составлено авторами на основе: [ПМА 2023].

респондентов осуществлялся методом «доступных случаев». Анкета включала в себя 46 вопросов, условно разделенных на следующие блоки: «паспортичка» (базовые социально-демографические характеристики респондентов); конструирование и восприятие собственной этнической идентичности; знание хакасского языка, традиций и обычаев, хакасской культуры в целом; повседневные практики, связанные с их реализацией; оценка межэтнических отношений, включая вопросы неформального, дружеского общения, брачного выбора и матримониального поведения, родительско-детских взаимоотношений. Обобщение и анализ анкетных данных выполнены с использованием программного обеспечения SPSS [ПМА 2024].

3. Метисы Хакасии: брачно-семейные отношения

3.1. Социально-демографические характеристики метисов

Предваряя изложение полученных нами в ходе проведения исследования результатов, считаем целесообразным остановиться на описании основных демографических и социально-статусных характеристиках ме-

тисов Хакасии. Участие в опросе приняли 263 чел. Из них метисами первого поколения являются 63,7 %; метисами второго поколения — 32,8 %; также 3,5 % опрошенных затруднились с ответом. Большинство респондентов (76,9 %) являются потомками от смешанных браков между русскими и хакасами, около одной пятой опрошенных (19,6 %) указали на то, что один из их родителей хакас, а второй — представитель другой национальности, в качестве таковых были указаны буряты, тувинцы, немцы, шорцы, евреи, казахи, татары, узбеки, армяне и др. Что касается семейного статуса, то 43,4 % состоят в браке; 32,7 % не состоят в браке; 23,9 % отметили иной статус (проживают вместе, но брак не зарегистрирован; в разводе; вдовы и т. п.). 40,6 % указали на то, что у них нет детей; 22,1 % имеют одного ребенка; 28,5 % — двоих; 4,4 % — троих; 4,4 % — больше трех (см. рис. 1).

3.2. Знакомство и совместная жизнь: межнациональные браки и практики семейных отношений родителей-метисов

Изначально предпочтения в выборе брачного партнера определяются структур-

Рис. 1. Основные социально-демографические характеристики метисов Хакасии, %

Источник: составлено авторами на основе: [ПМА 2024]

[Fig. 1. Basic socio-demographic characteristics of Khakassia's mestizos, %]

ными характеристиками. Если экстраполировать этот тезис на Республику Хакасия, то здесь главную роль будет играть национальный состав конкретных населенных пунктов. Как отмечает В. П. Кривоногов, мы солидарны с мнением которого, доля межнациональных браков варьируется в разных территориальных образованиях Республике Хакасия, также этот показатель колеблется в зависимости от численности представителей титульного этноса (хакасов), проживающих как в сельской, так и в городской местности, особое значение имеет и степень территориального смешения с представителями других национальностей, например с русскими. Так, в южных районах (Аскизский, Таштыпский, Бейский и Алтайский) доля межэтнических браков существенно меньше, чем в северных, поскольку на юге республики численность хакасов больше и многие из них живут компактно, в мононациональных селах. На севере же хакасов меньше и большинство из них проживает в многонациональных населенных пунктах [Кривоногов 2017: 53].

В своих нарративах наши информанты, описывая историю знакомства своих родителей, указывали и на возможности брачного выбора на территории Хакасии, которые как раз и определялись местом жительства их родителей на момент знакомства.

Мои родители познакомились в Саяногорске. Тогда это был молодой город. Это была глобальная стройка, которая привлекала молодежь со всей страны. Туда съезжались специалисты всех уровней. Межнациональные браки там — это нормальное явление. Можно сказать, что мои родители были типичной семьей. Мама приехала работать сюда по распределению как медик в санэпидстанции. Она хакаска по национальности. Папа по национальности русский. Он приехал в Саяногорск многопрофильным строителем, он плотник, бетонщик, электрик, водитель ... Город их и познакомил. Там и родилась наша семья [ПМА 2023: Инф. 10];

Моя мама — хакаска, она поступила в техникум в Саяногорске. А папа приехал из Азербайджана, он был призван в армию и срочную воинскую службу проходил в Саяногорске ... Родители познакомились у общих друзей в об-

щезжитии, почти сразу и поженились [ПМА 2023: Инф. 14];

Родители познакомились на дискотеке в Абакане. Папа у меня шорец. Тогда ему было двадцать семь лет. Возраст, подходящий для женитьбы. А маме было восемнадцать лет. Она хакасочка. После дискотеки он ее проводил, она у него оставила шарфик. Но увиделись они потом только через год. Случайно. И через три месяца уже поженились [ПМА 2023: Инф. 17];

Познакомились родители в Абакане, в клубе» [ПМА 2023: Инф. 11].

Как видим описанные кейсы вполне типичны: ситуация знакомства, послужившего отправной точкой для дальнейшего заключения брака, во многом определялась местом жительства, это были многонациональные города Хакасии с высокой долей лиц молодого возраста.

Представлены сюжеты, когда знакомство и развитие романтических отношений и последующее заключение брачных союзов проходило за пределами республики и было связано с образовательной миграцией, распределением после окончания высших и средних специальных учебных заведений:

Папа из Хакасии ... Он закончил военное училище и был распределен в Узбекистан. Там он встретил маму. Они поженились. Проживали они в Ташкенте. После того, как отец вышел на военную пенсию, они переехали в Абакан [ПМА 2023: Инф. 12];

Мама — хакаска, родилась в Нижних Сирах. Папа — русский, родом из Казахстана, он вообще до тридцати пяти лет не знал о Хакасии. Познакомились родители в Москве во время обучения в аспирантуре. Познакомились через общих знакомых [ПМА 2023: Инф. 1].

Есть и другие кейсы, которые напрямую не связаны с национальным составом населения, а, скорее, опосредованы миграционным опытом предыдущих поколений:

Папа родом из Тувы, но в детстве он проживал в Абазе. А мама родилась и выросла в Красноярске, но ее родители родом из Хакасии. Все лето в школьные годы она проводила в Хакасии у бабушки с дедушкой. После окончания школы она поступила в сельскохозяйственный техникум в Абакане и там познакоми-

милась с папиной родной сестрой. Однажды они поехали вместе в Абазу копать картошку, и вот тогда родители и познакомились. Папа только что вернулся из армии, и его сестра решила познакомиться моих родителей. Им тогда было по двадцать лет. С тех пор они вместе [ПМА 2023: Инф. 6];

Отец мой уроженец Хакасии, хакас по национальности. А мама из Краснодарского края, русская. Но родители мамы на некоторое время приезжали в Хакасию, и мама училась здесь в медицинском училище, так они и познакомились с отцом [ПМА 2023: Инф. 19].

Кроме того, в ходе интервью были описаны ситуации, которые можно рассматривать как выбивающиеся из общих структурных характеристик, но такие исключения, по всей вероятности, еще больше подтверждают устоявшиеся тенденции:

Родители мои из разных сел Аскизского района¹. Они познакомились на семейном торжестве. Сначала они даже думали, что они, возможно, родственники. Но оказалось, что нет. Отец у меня хакас, а мама — русская, но на четвертинку у нее есть хакасская кровь [ПМА 2023: Инф. 13].

Далее в ходе исследования мы попытались выявить, как воспринимались межнациональные браки родителей-метисов со стороны хакасских и нехакасских родственников. В целом по ответам наших респондентов, наиболее частыми являются союзы, где жена — хакаска, а муж — русский, таковых оказалось 28,3 %, следующими по популярности (19,5 %) оказались браки, в которых один из супругов — хакас / хакаска, а второй — представитель другой национальности, среди которых называли бурятов, тувинцев, немцев, шорцев, евреев, казахов, татар, узбеков, армян и др. Далее по распространенности (15,9 %) следуют союзы, где муж — хакас, жена — русская. Около трети межнациональных браков приходится на те, где один или оба супруга являются метисами, — 32,8 %; незначительная доля опрошенных (3,5 %) затруднилась с ответом [ПМА 2024].

Увеличение числа межнациональных браков, когда в смешанных парах жена ха-

¹ Это как раз те территории, для которых характерно компактное проживание представителей хакасского этноса в моноэтнических поселениях.

каска, а муж — представитель нехакасского этноса, отмечается исследователями уже с 1980-х гг. (приводится по: [Кривоногов 2017: 78]).

И в дальнейшем указанная тенденция становится все более и более доминирующей. Так, по данным, которые приводит В. П. Кривоногов, в 2007 г. среди женатых мужчин-хакасов имели жену нехакасской национальности 16,1 %, а среди замужних женщин-хакасок имели мужа иной национальности 19,2 % [Кривоногов 2017: 56]. На сегодняшний день, как показывают уже полученные нами результаты, в межнациональных браках по-прежнему состоит больше женщин-хакасок, чем мужчин-хакасов.

В интервью с метисами, когда мы спрашивали о том, как воспринимался союз родителей со стороны родственников с хакасской и нехакасской стороны, случаев негативного отношения выявлено не было. Но более благосклонно воспринимались браки мужчин-хакасов с русскими женщинами. Очень устойчив нарратив, в соответствии которым отмечалось, что *таких мужчин активнее продвигали по партийной линии и карьерной лестнице, они быстрее добивались высокого социального статуса [ПМА Инф. 26].*

В целом практики знакомства и дальнейший выбор брачного партнера, приводящий к заключению межэтнического брака, во многом определяется этноконтактной средой в аспекте ее гетерогенности или гомогенности. Свой вклад вносят и процессы миграции и урбанизации, связанные с более высокой подвижностью населения, его мобильностью, расширяющие «брачный рынок».

3.3. Матримониальное поведение и брачно-партнерские практики метисов

В ходе исследования мы также остановились на вопросе о том, какое значение уже для самих метисов в процессе выбора брачного партнера имеет этническая идентичность.

Типологизация этнической идентичности метисов проводилась нами на основе методики, разработанной научной школой

под руководством Л. М. Дробижевой [Рыжова 2023: 159]. Считаем, что степень ощущаемой общности с людьми своей национальности позволяет определить актуализированность этнической идентичности, меру значимости этнического фактора в жизни респондентов, в том числе и при реализации их matrimониальных установок [Рыжова 2020: 168].

Метисы в большей степени ориентированы на репрезентацию гражданской (58,4 %) и региональной (61,1 %) идентичности. Варианты ответов, характеризующие их национальную идентичность, менее популярны (23,8%)*, следовательно, уровень проявления этничности у них ниже (см. рис. 2).

Полагаем, что подобные ответы на вопросы анкеты еще раз подтверждают широко распространенное в метисных сообществах мнение, согласно которому национальность в современном мире не определяет личность человека. Отсюда и спокойное отношение к национально-смешанным бракам, в том числе и к заключению подобных

союзов у собственных детей. Так, при ответе на вопрос: «Для вас играет роль национальность при выборе спутника жизни?» для 52,2 % респондентов этот аспект вообще не важен, 32,7 % указали на то, что при выборе спутника жизни важны другие факторы, 3,5 % затруднились с ответом, и 11,6 % отметили, что для них при выборе спутника жизни важно, какой он национальности.

В то же время, описывая свой опыт брачно-партнерских отношений, наши респонденты отмечали некоторые трудности:

У меня есть опыт отношений как с мужчинами-хакасами, так и с русскими ... Так вот, русский говорил: «Как я буду общаться с твоей хакасской родней?». А хакас периодически намекал на мою «нечистокровность» ... Ни с тем, ни с другим не сложилось [ПМА 2024: Инф. 2].

Другие же, наоборот, ни с чем подобным не сталкивались:

Я выросла в хакасской деревне, сама говорю на хакасском ... Сосед — хакас, за него и вышла замуж ... Никогда не было негатива ни со стороны моих, ни со стороны его родственников [ПМА 2024: Инф. 3].

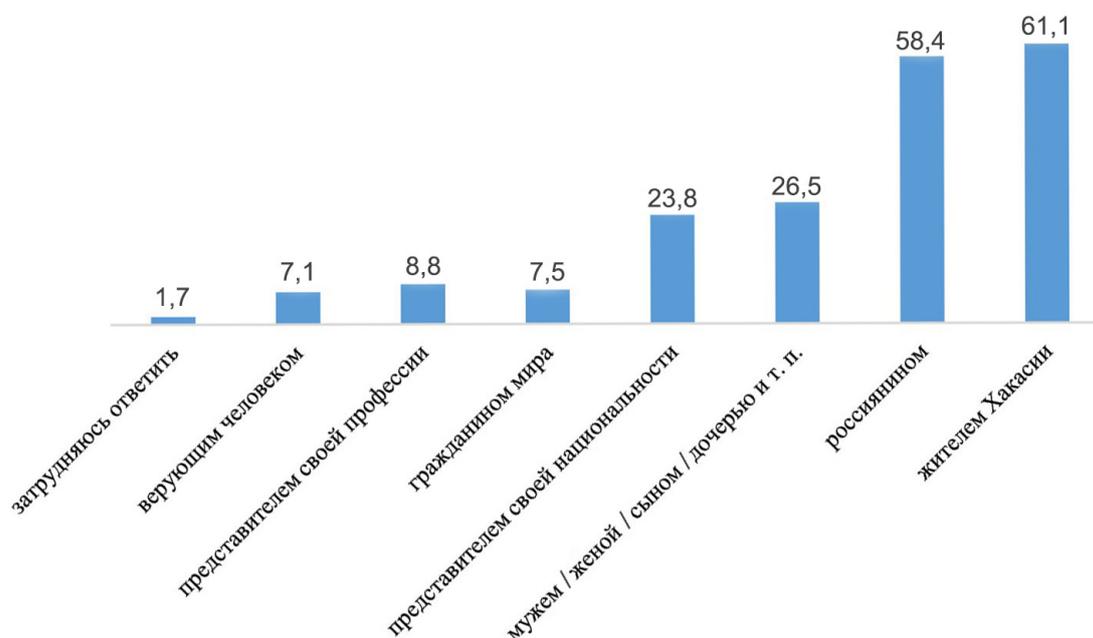

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Кем вы себя ощущаете в первую очередь?», %
Примечание: сумма больше 100 %, так как допускался выбор нескольких вариантов ответов.

Источник: составлено авторами на основе: [ПМА 2024]

[Fig. 2. Answers to the question “How do you primarily identify yourself?”, %]

Note: Total exceeds 100% due to multiple answer options

В целом стратегии матримониального поведения метисов зависят от той среды, в которой они росли и воспитывались, каким было их окружение по национальному признаку, с родственниками кого из родителей установились наиболее прочные связи, насколько активно они приобщались к ценностям одного или двух народов [Тиникова 2024: 15].

4. Выводы

Браки между хакасами и представителями других этносов, в первую очередь с русскими, можно рассматривать как индикатор социальной интеграции и сближения различных культур. Однако в дальнейшем они могут привести к переходу от интеграционных к ассимиляционным процессам. При этом ассимиляция народа в антропо-

логическом аспекте, связанном с ростом количества национально-смешанных браков и метисации, протекает достаточно медленно, на сегодняшний день преждевременно говорить о прорыве эндогамии. Исследование показало, что фенотипические черты не являются определяющими при выборе метисами их этнической идентичности, так как данная группа состоит из людей, имеющих абсолютно разный внешний антропологический тип, порой с ярко выраженным преобладанием монголоидных или европеоидных черт. И, в целом, стратегии матримониального поведения метисов во многом зависят от их окружения и условий воспитания. Важную роль играют такие факторы, как этническая принадлежность родственников и степень приобщения к культуре одного или обоих народов.

Полевые материалы авторов

ПМА 2023 — Интервью с метисами, проживающими в городских и сельских населенных пунктах Республики Хакасия. Участие в интервью приняло 26 чел. (N=26) (2023).

ПМА 2024 — Анкетный опрос метисов, проживающих в городских и сельских населенных пунктах республики Хакасия. Участие в анкетировании приняло 263 чел. (N=263) (2024).

Источники

Частные домохозяйства 2022 — Частные домохозяйства, состоящие из двух и более человек, по национальной однородности членов и размеру домохозяйства. Итоги ВПН-2020. Том 5. Национальный состав и владение языками. 31.12.2022 // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 18.02.2024).

Литература

Абрамова, Гончарова, Костюк 2018 — Абрамова М. А., Гончарова Г. С., Костюк В. Г. Типы идентичности молодежи и взаимодействие в межэтническом пограничье // Русин. 2018. № 1 (51). С. 282–298. DOI: 10.17223/18572685/51/18

Григорьев, Даровских 2016 — Григорьев С. И., Даровских О. В. Социокультурное разнообразие метисов и некоторые аспекты реализации их жизненных возможностей в системе социальных институтов Республики Алтай начала XXI века // Уровень жизни населения регионов России. 2016. № 1. С. 28–38.

Authors' Field Data

Interviews with mestizos residing in urban and rural settlements of the Republic of Khakassia (Russian Federation). N=26. 2023. (In Russ.)

Questionnaire survey of mestizos residing in urban and rural settlements of the Republic of Khakassia (Russian Federation). N=263. 2024. (In Russ.)

Sources

Private households consisting of two or more individuals by ethnic homogeneity and size. In: Outcomes of the 2020 Russian Census. Vol. 5: Ethnic Structure and Language Proficiency. On: Federal State Statistics Service of Russia (website). Available at: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (accessed: 18 February 2024). (In Russ.)

References

Abramova M. A., Goncharova G. S., Kostyuk V. G. Types of youth identity and interaction in the ethnic borderlands. *Rusin*. 2018. No. 1 (51). Pp. 282–298. (In Russ.) DOI: 10.17223/18572685/51/18

Grigoryev S. I., Darovskikh O. V. The sociocultural diversity of the metis and some aspects of realization of their vital opportunities in system of social institutes of Altay Republic in the early 21st century. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2016. No. 1. Pp. 28–38. (In Russ.)

- Кривоногов 2017 — *Кривоногов В. П.* Национально-смешанные браки хакасов // Северные архивы и экспедиции. 2017. Т. 1. № 1. С. 51–65.
- Кривоногов 2023 — *Кривоногов В. П.* Национально-смешанные браки и метисация у коренных малочисленных народов. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2023. 308 с.
- Народы и религии 1998 — Народы и религии мира: энциклопедия / гл. ред. В. А. Тишков. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 928 с.
- Рыжова 2020 — *Рыжова С. В.* Этническая идентичность в общественном измерении // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 3. С. 165–181. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.3.7497
- Рыжова 2023 — *Рыжова С. В.* Этническая идентичность и толерантность в поликультурном обществе: общероссийская перспектива и ситуация в Кабардино-Балкарии // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11. № 4. С. 156–177. DOI: 10.19181/snsp.2023.11.4.7
- Страусс, Корбин 2001 — *Страусс А., Корбин Дж.* Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.
- Тиникова 2024 — *Тиникова Е. Е.* Этносоциальные процессы в Республике Хакасия: динамика и тенденции развития (по материалам экспертного опроса) // Ойкумена. Регионоведческое исследование. 2024. № 1. С. 11–19. DOI: 10.24866/1998-6785/2024-1/11-19
- Becker 1973 — *Becker G.* A theory of marriage: part I. *The Journal of Political Economy*. 1973. Vol. 81. No. 4. Pp. 813–846
- Bessudnov, Monden 2021 — *Bessudnov A., Monden Ch.* Ethnic Intermarriage in Russia: the Tale of four Cities // *Post-Soviet Affairs*. 2021. Vol. 37. No. 4. Pp. 383–403. (In Eng.). DOI:10.1080/1060586X.2021.1957345
- Davis 1941 — *Davis K.* Intermarriage in Caste Societies // *American Anthropologist*. 1941. Vol. 43. Is. 3. Pp. 376–395. URL: <https://anthrosource.onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1525/aa.1941.43.3.02a00030> (дата обращения: 20.11.2024). (In Eng.). DOI: 10.1525/aa.1941.43.3.02a00030
- Lam 1988 — *Lam D.* Marriage Markets and Assortative Mating with Household Public Goods: Theoretical Results and Empirical Implications // *Journal of Human Resources*. 1988. Vol. 23. Is. 4. Pp. 462–487 (In Eng.).
- Merton 1941 — *Merton R.* Intermarriage and the Social Structure: Fact and Theory. *Psychiatry: Interpersonal and Biological Processes*. 1941. Vol. 4. Is. 3. Pp. 361–374. (In Eng.). DOI: 10.1080/00332747.1941.11022354
- Krivanogov V. P. Khakas mixed race marriages. *Northern Archives and Expeditions*. 2017. Vol. 1. No. 1. Pp. 51–65. (In Russ.)
- Krivanogov V. P. Indigenous Minority Peoples: Interethnic Marriages and Miscegenation. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2023. 308 p. (In Russ.)
- Tishkov V. A. (ed.) Peoples and Religions of the World: An Encyclopedia. Moscow: Bolshaya Rossiyskaya Entsiklopediya, 1998. 928 p.
- Ryzhova S. V. Ethnic identity in the social dimension. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2020. Vol. 8. No. 3. Pp. 165–181. (In Russ.) DOI: 10.19181/snsp.2020.8.3.7497
- Ryzhova S. V. Ethnic identity and tolerance in a multicultural society: An all-Russian perspective and research in Kabardino-Balkaria. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023. Vol. 11. No. 4. Pp. 156–177. (In Russ.) DOI: 10.19181/snsp.2023.11.4.7
- Strauss A., Corbin J. Basics of Qualitative Research: Techniques and Procedures for Developing Grounded Theory. Moscow: Editorial URSS, 2001. 256 p. (In Russ.)
- Tinikova E. E. Ethnosocial processes in the Republic of Khakassia: Dynamics and development trends (Based on expert survey materials). *Ojkumena. Regional researches*. 2024. No. 1. Pp. 11–19. (In Russ.) DOI: 10.24866/1998-6785/2024-1/11-19
- Becker G. A theory of marriage: Part I. *The Journal of Political Economy*. 1973. Vol. 81. No. 4. Pp. 813–846.
- Bessudnov A., Monden Ch. Ethnic intermarriage in Russia: The tale of four cities. *Post-Soviet Affairs*. 2021. Vol. 37. No. 4. Pp. 383–403. (In Eng.) DOI:10.1080/1060586X.2021.1957345
- Davis K. Intermarriage in caste societies. *American Anthropologist*. 1941. Vol. 43. No. 3. Pp. 376–395. DOI: 10.1525/aa.1941.43.3.02a00030. Available at: <https://anthrosource.onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1525/aa.1941.43.3.02a00030> (accessed: 20 November 2024). (In Eng.)
- Lam D. Marriage markets and assortative mating with household public goods: Theoretical results and empirical implications. *Journal of Human Resources*. 1988. Vol. 23. No. 4. Pp. 462–487. (In Eng.)
- Merton R. Intermarriage and the social structure: Fact and theory. *Psychiatry: Interpersonal and Biological Processes*. 1941. Vol. 4. No. 3. Pp. 361–374. DOI: 10.1080/00332747.1941.11022354. (In Eng.)

Stevenson, Wolfers 2007 — *Stevenson B., Wolfers J. Marriage and Divorce: Changes and their Driving Forces // Journal of Economic Perspectives*. 2007. Vol. 21. No. 2. Pp. 27–52 [электронный ресурс] // American Economic Association. URL: <https://pubs.aeaweb.org/doi/pdfplus/10.1257/jep.21.2.27> (дата обращения: 20.11.2024). (In Eng.). DOI: 10.1257/jep.21.2.27

Stevenson B., Wolfers J. Marriage and divorce: Changes and their driving forces. *Journal of Economic Perspectives*. 2007. Vol. 21. No. 2. Pp. 27–52. DOI: 10.1257/jep.21.2.27. On: American Economic Association (website). Available at: <https://pubs.aeaweb.org/doi/pdfplus/10.1257/jep.21.2.27> (accessed: 20 November 2024). (In Eng.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 17, Is. 6, Pp. 1253–1266, 2024
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811.512.156

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1253-1266

Трансформация в названиях родовых групп под влиянием процесса паспортизации в Туве

Елена Валерьевна Айыжы^{1,2}, Виктория Викторовна Донгак^{3,4}

- 1 Тувинский государственный университет (д. 5, ул. Ленина, 667000 Кызыл, Российская Федерация)
 доктор исторических наук, профессор
- 2 Институт развития национальной школы Министерства образования Республики Тыва (д. 16, ул. Калинина, 667011 Кызыл, Республика Тыва)
 доктор исторических наук, профессор
 0000-0002-4289-3543. E-mail: [aiygy\[at\]mail.ru](mailto:aiygy[at]mail.ru)
- 3 Региональный центр информатизации образования Республики Тыва (д. 39, ул. Ленина, 667000 Кызыл, Российская Федерация)
 директор
- 4 Тувинский государственный университет (д. 5, ул. Ленина, 667000 Кызыл, Российская Федерация)
 аспирант
 0009-0000-4484-7236. E-mail: [viktoriadongak08\[at\]gmail.com](mailto:viktoriadongak08[at]gmail.com)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Айыжы Е. В., Донгак В. В., 2024

Аннотация. *Введение.* Как известно, в результате паспортизации у тувинцев появились фамилии и отчества. Этническая традиция именованья, бытовавшая у тувинцев, была заменена на именную формулу по советской традиции. Трансформационные процессы в именных формулах тувинцев приводят к исключению из них названий (этнонимов) родовых групп, которые в качестве фамилий часто использовались в годы паспортизации в Тувинской Народной Республике, а реже — в период советской паспортизации, когда были внедрены разные варианты имянаречения. Современный пофамильный состав населения Тувы во многом является подтверждением этих изменений. Соответственно у современных поколений тувинцев возникают трудности в самоидентификации со своей родовой группой, незнание родословной, прямых предков. *Целью* исследования является изучение трансформации этнической традиции именованья в именную формулу по советской традиции в результате паспортизации. Для достижения поставленной цели необходимо изучить особенности имянаречения тувинцев в годы Тувинской Народной Республики и в советской Туве, проследить изменения в традиционном имянаречении под влиянием процессов советской паспортизации. *Материалы и методы.* Важная роль в исследовании отводится работам тувинских ученых — тувиноведов, этнографов, а также, учитывая малоизученность процессов паспортизации и его последствий, — архивным документам, периодике времен Тувинской Народной Республики и советской Тувы 40-х гг. XX в. Материалом для исследования стал пофамильный состав тувинцев, проживающих на территориях, где предположительно происходили наибольшие трансформационные

процессы исключения родовых этнонимов из именной формулы, на примере Эрзинского района. *Результаты*. Паспортизация населения в Тувинской Народной Республике и в советской Туве повлекла за собой изменения в антропонимии современных родовых групп тувинцев. Традиционная система имянаречения тувинцев претерпела изменения, были внедрены разные варианты имянаречения, что подтверждает состояние современного пофамильного состава и именных формул населения Тувы. В частности из именных формул у большинства современных тувинцев, проживающих в Эрзинском районе, исключены были этнонимы родовых групп. **Ключевые слова:** ТНР, советская Тува, паспортизация, тувинцы, родоплеменные группы, родовые группы, этнонимы, антропонимия, именная формула, фамилии, отчества, пофамильный состав

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Комплексные этногенетические, лингвоантропологические исследования родовых групп Тувы: универсальность, локальность, трансграничье» (№ 22-18-20113, <https://rscf.ru/project/22-18-20113/>).

Для цитирования. Айыжы Е. В., Донгак В. В. Трансформация в названиях родовых групп под влиянием процесса паспортизации в Туве // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 6. С. 1253–1266. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1253-1266

Passportization in Tuva and Transformation of Clan/Tribal Names

Elena V. Aiyzhy¹, Victoria V. Dongak²

¹ Tuvan State University (5, Lenin St., 667000 Kyzyl, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Professor

² Ethnic School Development Institute, Ministry of Education of the Tyva Republic (1b, Kalinin St., 667011 Kyzyl, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Professor

 0000-0002-4289-3543. E-mail: aiygy[at]mail.ru

³ Education IT Support Center of the Republic of Tuva (39, Lenin St., 667000 Kyzyl, Russian Federation)
Director

⁴ Tuvan State University (5, Lenin St., 667000 Kyzyl, Russian Federation)
Postgraduate Student

 0009-0000-4484-7236. E-mail: viktoriadongak08[at]gmail.com

© KalmsSC RAS, 2024

© Aiyzhy E. V., Dongak V. V., 2024

Abstract. Introduction. The passportization arrangements resulted in that Tuvans acquired surnames and patronymics: the ethnic naming tradition was thus replaced by a Soviet naming formula. So, the transformation processes led to names (ethnonyms) of clan/tribal groups — that had often been used as last names in the years of the Tuvan People’s Republic (TPR), and not that often during the Soviet passportization — were virtually excluded from Tuvan naming formulas, which is largely evident from present-day surname selections of Tuva’s population. So, modern Tuvans — already generations of them — may (and actually do) face drastic difficulties when it comes to identify themselves with a certain clan/tribe, suffer from being unaware of actual genealogies and names of direct ancestors. **Goals.** The study seeks to examine the transformation of the ethnic naming tradition — into the Soviet naming formula observed after the passportization. To facilitate this, the paper shall specify peculiarities of Tuvan naming practices in the TNR and Soviet Tuva, trace some changes in traditional naming patterns caused by the Soviet passportization. **Materials and methods.** The work pays particular attention to writings of Tuvan scholars — experts in Tuvan studies, ethnographers — and archival documents, periodicals of the TPR and those from the Soviet era (1940s). The study focuses on surnames of Tuvans that resided in territories supposed to have experienced utmost transformation processes of excluding clan/tribal designations from the naming formula, and particularly on ones selected by natives of Erzinsky District. **Results.** The passportization arrangements did entail dramatic changes in anthroponomy of modern Tuvan clan/tribal groups. The traditional naming system has undergone changes only to be replaced by different naming patterns, which is confirmed by present-day surnames and naming formulas of Tuva’s population. In particular, ethnonyms (names of clan/tribal

groups) have been largely excluded from naming formulas of Tuvans residing in Erzinsky District.

Keywords: TPR, Soviet Tuva, passportization, Tuvans, tribal groups, clan groups, ethnonyms, anthroponomy, nominal formula, surnames, patronymics, family structure

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 22-18-20113 ‘Comprehensive Ethnogenetic and Linguoanthropological Research into Clan/Tribal Groups of Tuva: Universal, Local, and Cross-Border Features’. Available at: <https://rscf.ru/project/22-18-20113/>.

For citation: Aiyzhy E. V., Dongak V. V. Passportization in Tuva and Transformation of Clan/Tribal Names. *Oriental Studies*. 2024; 17(6): 1253–1266. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1253-1266

1. Введение

Процесс паспортизации является, как справедливо отмечает Ч. К. Ламажаа, практически не исследованной страницей в истории Тувы [Ламажаа 2021a: 10]. Одним из важных результатов паспортизации в Туве 1940-х гг. стало приобретение тувинцами фамилий и отчеств. Нововведения привнесли определенные коррективы в этническую традицию именования, бытовавшую у тувинцев с давних времен.

В древние времена тувинцы имели только имена и принадлежали к определенным родовым группам, имевшим свои названия — этнонимы. Помимо знания своего имени и названия родовой группы, каждый тувинец должен был знать имя своего отца и при встрече с незнакомыми людьми всегда упоминать его с обязательным указанием принадлежности к определенному роду. Имя матери запрещалось произносить [Кенин-Лопсан 2021: 56-57].

Известный ученый М. Б. Кенин-Лопсан отмечал: «каждый тувинец должен был знать свою родословную вплоть до девятого поколения отцов», «кровных родственников до трех поколений, т. е. от отца до прадеда» и «цепь прародителей от седьмого до девятого поколения — далеких древних предков» [Кенин-Лопсан 2021: 56].

Однако на современном этапе все чаще наблюдается проблема незнания своих родных (корней) до седьмого колена, что не было характерно для тувинцев в прошлом [Дамба и др. 2019: 12]. Наблюдается тенденция исключения из современных именных формул тувинцев названий родовых групп, которые фиксировались в качестве фамилий либо имен и отчеств в именных формулах их предыдущих поколений. Поэтому у

большинства молодого поколения тувинцев в именных формулах ни в качестве фамилии, ни в качестве отчества названия родовых групп уже не фиксируются. Все больше людей испытывают затруднения в идентификации себя со своим родом и путают их названия с современными фамилиями, возникшими от личных имен. В целом такая ситуация приводит к незнанию истории родословной, и более того, не часто, но приводит к бракам с однофамильцами, что чревато последствиями кровосмешения [Дамба и др. 2019: 20–21].

Изложенные проблемы стали возможными вследствие советской паспортизации, когда в силу ограниченности количества названий родоплеменных групп, использовавшихся в качестве фамилий, и во избежание большого количества однофамильцев в одном поселении стали внедрять разные варианты имянаречения по советскому образцу, которые, по мнению А. К. Байбурина, не учитывали многих особенностей функционирования имен в «иностранческих» традициях [Байбурин 2017: 210].

Обозначенные проблемы наталкивают на вывод о том, что результатом советской паспортизации стала трансформация этнической именной формулы в Туве в формулу по советскому образцу, о чем наглядно свидетельствует современный пофамильный состав населения данного региона. Целью данной работы является изучение трансформации этнической традиции именования в именную формулу по советской традиции в результате паспортизации на примере анализа пофамильного состава современных тувинцев, проживающих в Эрзинском районе Республики Тыва.

Специальных комплексных исследований по указанной теме не имеется. Однако отдельные аспекты в рамках предлагаемой темы рассматривались в качестве предмета исследования учеными в разные периоды. Так, вопросам изучения традиций имянаречения у тувинцев и антропонимической системы посвящены работы С. И. Вайнштейна [Вайнштейн 1969], М. Б. Кенин-Лопсана [Кенин-Лопсан 2021], Н. Д. Сувандии [Сувандии 2015а; Сувандии 2015б] и др.

Вопросы родоплеменных групп тувинцев освещены в работах дореволюционных, советских и российских ученых, таких как Г. Н. Потанин, Г. Е. Грумм-Гржимайло, Ф. Я. Кон, Н. А. Аристов, В. И. Дулов, С. И. Вайнштейн, Л. П. Потапов, Н. А. Сердобов [Потанин 2007; Грумм-Гржимайло 2007; Кон 2007; Аристов 2007; Дулов 1956; Вайнштейн 1957; Потапов 1969; Сердобов 1970], а также в исследованиях современных тувинских ученых Е. В. Айыжы, А. А. Конгу, А. К. Канзая, Л. Д. Дамба, Л. С. Кара-оол, А. М. Монгуша [Айыжы, Конгу 2013; Канзай 2018; Дамба и др. 2019; Кара-оол, Кормушин 2022; Монгуш, Айыжы 2023].

Вопросы становления фамилий и отчеств у тувинцев в результате паспортизации довольно детально рассмотрены тувинскими учеными-филологами З. Б. Чадамба, Н. Д. Сувандии, М. В. Бавуу-Сюрюн [Чадамба 1993; Сувандии 2015а; Сувандии 2015б; Бавуу-Сюрюн 2000]. Ключевые исторические даты и события паспортизации в Туве впервые приводятся в работах Ч. К. Ламажаа, М. М.-Б. Харуновой [Харунова 2009; Ламажаа 2021а; Ламажаа 2021б].

С опорой на указанных авторов приняты попытки осветить вопрос исследования, а также с учетом малоизученности темы внимание уделено архивным документам времен Тувинской Народной Республики (далее — ТНР) и советской Тувы 40-х гг. XX в. Особую значимость для исследуемой темы представляет пофамильный состав тувинцев, проживающих в Эрзинском районе Республики Тыва, полученный авторами из информационной системы образования «Дневник.ру» в 2023 г. [ГИС «Дневник.ру» 2023], на примере, которого будут рассмотрены трансформационные процессы, при-

ведшие к исключению названий родовых групп из именных формул современных тувинцев.

2. Особенности именованья в годы ТНР

Как мы уже говорили, в прошлом тувинцы, помимо знания своего имени, должны были знать хорошо название своей родоплеменной группы и имени отца, поскольку принято было идентифицировать человека по отцу и принадлежности к родоплеменной группе, а также к территории проживания. Об этой древней традиции идентификации тувинцев М. Б. Кенин-Лопсан в монографии «Традиции тувинской культуры» пишет, что на вопрос «Чей ты сын?» или «Чья ты дочь?» отвечали следующим образом: «Сын Монгуша Чамбала» или «Дочь Сарыглар Чечек» (исключение — при удочерении девочки бездетной и незамужней женщиной) [Кенин-Лопсан 2021: 56]. Кроме этого, обязательно было указание территориальной принадлежности, «где они живут и к какому кожууну принадлежат территориально» [Кенин-Лопсан 2021: 57].

Об этой особенности идентификации Л. С. Кара-оол и И. В. Кормушин в своей статье «Название родовых групп тувинцев» пишут «с давних времен тувинцы идентифицировали себя в соответствии с родовой принадлежностью *төрөл-аймак*¹, каждый воспринимал себя как представитель определенного „рода-племени“» [Кара-оол, Кормушин 2022: 1256]. Ученые отмечают, что территориальная принадлежность как признак идентификации играет важную роль и в наше время. К примеру, на вопрос «Из какого ты рода?» могут ответить: «Из Кара-Холских хертеков или из Монгун-Тайгинских хертеков» [Кара-оол, Кормушин 2022: 1256].

¹ *Төрөл* — 1. родственник; родственница; 2. род; родовой [ТРС 1968: 419]. *Аймак* — 1. род, родовое деление; 2. племя; 3. аймак (административная единица) [ТРС 1968: 48]. *Төрөл* — это обозначение круга родных людей, который используется в сочетании с дополнительными словами: *төрөл аймак*, *төрөл бөлүк*, *төрөл-дөргүл*, при этом адекватный перевод на русский язык — «родственная группа» вместо «родоплеменная группа» [Ламажаа 2021а: 15].

Из этого следует, что важными структурными компонентами в именовании тувинцев было личное имя человека, имя отца и название родоплеменной группы.

К личному имени тувинцы относились с особым почтением, говорили, что «имя человека — он сам» [Кенин-Лопсан 2021: 57], поэтому соблюдались особые традиции и обычаи при имянаречении детей.

Состав личных имен тувинцев поражает своим многообразием и содержит богатый этнографический материал для всех категорий исследователей. В прошлом имена для детей служили своеобразным оберегом, поэтому старались не давать звучных имен. Давались имена с охранным значением, с отрицательным, чтобы защитить от всего плохого [Сувандии 2015а: 388]. Имена часто и понапрасну не назывались, особенно старших по возрасту — это было неким «табу» [Сувандии 2015а: 389].

В детстве одна из авторов данного исследования сталкивалась с подобного рода «табу» — запретами, которые исходили от бабушки по материнской линии, прожившей довольно длинную жизнь (ушла в «иной мир» в возрасте 93 лет), и были связаны с именем человека. Так, например, бабушка запрещала в темное время суток либо, находясь в лесу, громко окликать человека по имени, разбрасывать листки бумаг с записями своего имени. Когда родная сестра назвала своего новорожденного сына именем отца бабушки, последняя не могла обращаться к своему правнуку по имени. «Наречение детей именами предков, как новое явление в традиции имянаречения, возникло относительно недавно» и, как показывает практика, получила широкое распространение [Сувандии 2015а: 389].

Н. Д. Сувандии отмечает, что в Туве бытовали разные обычаи имянаречения, но каких-либо единых не было [Сувандии 2015а: 388]. Существовал обычай нарекать младенца именем случайного гостя, который приходил в момент рождения ребенка, тем самым придавая случаю особый смысл и таинство [Кенин-Лопсан 2021: 20].

В случае, если имя случайного гостя не нравилось родителям ребенка, его оставляли как прозвище, а имя выбирали другим

способом. Был также распространен обычай участия всех родственников в имянаречении, при котором главная роль отводилась старшим родственникам родителей новорожденного, явно свидетельствующий о значимости роли родовой группы в жизни человека с самого рождения. Такой праздник носил название *уруг дою* (праздник в честь новорожденного), где кто-то из старших родственников давал имя новорожденному. Праздник по обычаю устраивался на седьмой или восьмой день после рождения ребенка.

Дети в процессе взросления получали от старших родственников наставления о традициях и обычаях уважительного обращения ко всем родственникам, исходя из характера и степени родства, о необходимости знать членов родовой группы и свою родословную. Человек впитывал традиции, обычаи, установки, живя в своем родовом сообществе, и становился носителем типичных черт, особенностей родоплеменного сообщества.

Однако социальная политика, развернувшаяся в годы ТНР с 1930 г. и усилившаяся в эпоху советской Тувы, по мнению Ч. К. Ламажаа, является кардинальной и в ряде случаев даже радикальной, приведшей к распаду прежних родовых групп [Ламажаа 2021б: 9].

Наглядным признаком ослабления роли родственных групп являются изменения, коснувшиеся традиций имянаречения в советское время. «Если раньше родители не могли самостоятельно выбирать имя своему ребенку, то начиная с 50-х годов XX века, они уже могли это сделать. Также с этого времени они могли не устраивать *дой* — праздник имянаречения. Работники сельских советов, ЗАГС предлагали родителям интернациональные имена, поэтому большинство родившихся с 1950 г. по 1970 г. XX в. носят имена *Алексей, Иван, Владимир, Зоя, Ирина, Любовь* и т. д. Традиция наречения ребенка самими родителями в значительной мере сохраняется и в настоящее время» [Сувандии 2015а: 388–389].

С конца 80-х гг. XX в., по мнению Н. Д. Сувандии, в обиход, с некоторыми изменениями, тувинцы стали возвращать

прежние традиции имянаречения, с участием узкого круга родственников и друзей, родители организовывали вечеринку по выбору имени для ребенка. С 90-х гг. XX в. с возрождением интереса к буддийской религии стали все чаще обращаться к ламам в выборе имени [Сувандии 2015а: 389]. Свидетельства возврата к прежним традициям являются звеньями единого процесса национально-культурного возрождения, начавшегося практически во всех национальных регионах, в том числе и в Туве, с конца 90-х гг. XX в. и приведшего к восстановлению традиций и обычаев, к росту интереса к истории родного края, рода и родословной. На волне возросшего интереса к своим истокам актуальность приобретает изучение фамилий у тувинцев, появившихся в результате паспортизации, как важного компонента именной формулы.

Известный тюрколог З. Б. Чадамба, анализирувшая в статье «Тувинские имена» имянаречение тувинцев в годы ТНР, отмечала, что «в качестве фамилий служили названия бывших родоплеменных групп типа *ак, бай-кара, бараан, иргит, кара-сал, кол, куулар...*» [Чадамба 1993: 98]. О том, что у тувинцев «фамилии были присвоены в соответствии с «родовой» принадлежностью», также писал Ш. Степановф [Степановф 2009: 131–132].

Тувинцы ранее не знали фамилий и отчеств. В период паспортизации в ТНР вопрос, что подразумевать под фамилией, явно имел решение: преимущественно фамилиями были названия родовых групп. В доказательство этому приводится протокол Президиума Малого Хурала от 21 января 1941 г., который хранится в Национальном архиве Тувы, с решением о приведении в единообразие оформления фамилии. Было принято решение, суть которого сводилась к следующему: под фамилией подразумевать именованную структуру в последовательности *эрги суму ады – адазынын ады – бодунуң ады* (старое название сумона – имя отца – личное имя). В документе приведен пример оформления фамилии: *S. S. Sergej* [НА РТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 277. Л. 12].

Можно также предположить, что в период ТНР понятие «фамилия» интерпре-

тировалось как именная формула, а не как отдельный ее компонент. Интересно, что название сумона и имя отца в приведенной в качестве примера именной структуре оформлялись в виде инициалов, а личное имя писалось полностью, — возможно, тем самым выделялась особая роль имени как первичного идентификатора личности. О том, что «в период Тувинской Народной Республики личность тувинца скорее была известна только по имени, нежели по фамилии», также писала З. Б. Чадамба [Чадамба 1993: 98], указывая на приоритетность имени в структуре общего именованного человека.

Очевидно, что под старым названием сумона (*эрги суму ады*) предполагалось название родоплеменных групп, поскольку в Туве сумоны назывались по имени родоплеменных групп тувинцев, составляющих основное большинство на данной территории. Ученые А. М. Монгуш, Е. В. Айыжы в работе «Тувинский род *монгуш*: к историографии вопроса» со ссылкой на рукопись Е. А. Адамова «Урянхайский вопрос при царском и Временном правительствах» также указывают на то, что в Даа-хошуне имелось 10 сумо¹ (сумонов), носящих название родоплеменных групп: *Хомушку, Сая, Монгуш, Кара Монгуш, Ииты Оржек, Орджек, Ондар, Хабалык, Ирхыт, Хавалык* [Монгуш, Айыжы 2023: 579].

Данное оформление фамилии периода ТНР восходит к традиции идентификации человека по отцу и принадлежности к родоплеменной группе, описанной М. Б. Кенин-Лопсаном в монографии «Традиционная культура тувинцев», о которой упоминалось выше. Действительно именная структура в принятой последовательности как будто отражает структурированный ответ на вопрос *Кымның оглу сен? ‘Чей ты сын?’*, на который отвечали: *Монгуш Чамбалдың оглу* ‘Сын Монгуша Чамбала’ и где в конце носитель добавлял свое личное имя: *Монгуш Чамбалдын оглу Мерген* ‘Сын Монгуша Чамбала Мерген’ либо *Монгуш*

¹ Сумо (сумон), также (сум, суму) — в настоящее время наименьшая административно-территориальная единица в Республике Тыва, в современной Туве используется написание *сумон*.

Чамбал Мерген, где *Монгуш* — название родоплеменной группы, *Чамбал* — имя отца, *Мерген* — личное имя. По такой формуле были структурированы имена первых руководителей ТНР, например, *Салчак Калбак-Хөрек Тока* (*Салчак* — название родоплеменной группы, *Калбак-Хөрек* — имя отца, *Тока* — личное имя), *Хертек Амырбит Анчимаа* (*Хертек* — название родоплеменной группы, *Амырбит* — имя отца, *Анчимаа* — личное имя). Бесспорно, то, что в качестве фамилии преимущественно использовались названия родоплеменной группы, предшествовавшие имени отца и личному имени в именной структуре тувинцев. Однако в паспортах времен ТНР запись именной структуры следовала уже в другой последовательности: после фамилии фиксировалось имя гражданина, а затем имя отца, т. е. отчество (фамилия – личное имя – имя отца (отчество)). Очевидно, что бланки паспортов времен ТНР были сформированы под влиянием советской традиции оформления именной структуры, и «ФИО одерживает победу в официальном поле» [Байбурин 2019: 76]. Хотя, по мнению А. К. Байбурина, в бланках паспортов СССР вплоть до 1974 г. сохранялась последовательность заполнения: имя – отчество – фамилия, тогда как в действующих инструкциях по заполнению паспортов рекомендовали «обязательно ранее писать фамилию, а потом имя и отчество. Получалось, что в графе паспорта требуется один порядок написания, в инструкции — другой» [Байбурин 2019: 75]. Следовательно, структура именованного тувинцев *фамилия (название родоплеменной группы) – имя отца – личное имя*, бытовавшая до паспортизации в ТНР сменилась на именную формулу по паспорту *фамилия – личное имя – имя отца (отчество)*.

Паспорт под номером № 1 был выдан Салчаку Калбак-Херековичу Тока 19 января 1943 г. со сроком действия на 3 года, до 19 января 1945 г. [НМ РТ. КП-6609/1. № ГК 14136493. 18 с.]. Уже к концу марта 1943 г. был выдан паспорт под номером 740¹. Как

¹ Паспорт под номером 740 принадлежал Донгаку Дамдынчапу Ертээл, уроженцу Шагаан-арыга, 1900 г. рождения, проживавшему в сумоне Чааты. Паспорт Тувинской Аратской республики был выдан ему 25.03.1942 г. на ос-

видим, в числе первых паспорта ТНР стали получать высшее руководство государства и, вероятно, также граждане, занятые на управленческих должностях всех уровней и работавшие на производстве. Относительно того, все ли граждане ТНР к началу советской паспортизации получили паспорта, вопрос остается открытым из-за отсутствия каких-либо данных, в силу их действия закона о персональных данных.

Таким образом, в годы ТНР у руководства молодого государства относительно того, что подразумевать под понятием *фамилия* и составными компонентами именной формулы, имелось четкое представление, основанное на традиции именованного, существовавшей у тувинцев с древних времен. Идентификация человека по отцу и принадлежности к роду, а также наличие личного имени, к выбору которого подходили с особой тщательностью, с соблюдением особых традиций имянаречения, вкуче предопределили составные компоненты именной формулы тувинца. Следовательно, до советской паспортизации у старшего поколения тувинцев фамилиями служили старые родоплеменные названия [Справочник 1965: 177]. Именная формула периода ТНР позволяла правильно идентифицировать принадлежность человека к той или иной родоплеменной группе, причем по отцовской линии, что соответствует принципу патрилинейности. При этом личное имя человека остается важным компонентом именной формулы как главный идентификатор личности.

3. Трансформация этнической традиции именованного по советской традиции

В ходе советской паспортизации с 1945 г. выявилась проблема ограниченности названий родоплеменных групп, что приводило к увеличению количества граждановании справки с завода по переработке дерева (вероятно, в сумоне Чааты), был действителен до 1946 г. Первые паспорта выдавались за подписью руководителя отдела милиции Министерства внутренних дел Тувинской Народной Республики Тагбалдая и заведующей паспортного стола Вороновой [НМ РТ. КП-9941/21. № ГК 17530398. 16 с.]. В настоящее время паспорта под номером 1 и 740 находятся в архивах Национального музея имени Алдан-Маадыр Республики Тыва.

дан с одинаковыми фамилиями в одном населенном пункте и, вероятно, затрудняло систему учета населения. Относительно количества родоплеменных групп имеются разные сведения. М. Б. Кенин-Лопсан приводит название 31 родоплеменной группы [Кенин-Лопсан 2021: 57], в «Справочнике личных имен РСФСР» указано 32 названия [Справочник 1965: 177], в статье «Название родовых групп тувинцев» Л. С. Кара-оол и И. В. Кормушин приводят более 40 названий родоплеменных групп, которые делятся на внутренние патронимии [Кара-оол, Кормушин 2022: 1266].

Поэтому для «упорядочения фамилий» [Справочник 1965: 177] решением бюро Тувинского обкома ВКП (б) от 26 мая 1945 г. был предложен ряд вариантов имяназвания, о которых впервые упоминает М. М.- Б. Харунова. Так, взрослому населению советской Тувы старше 16 лет «предоставлялось право выбора новой фамилии и имени, сохранив прежнее отчество. Фамилию можно было выбрать из существующих тувинских фамилий или собственного имени, или имени отца и деда. Если же фамилия бралась по собственному имени, то имя необходимо было брать новое» [Харунова 2009: 155].

Работникам ЗАГС поручалось «оказывать всемерное содействие населению в правильном выборе фамилий и имен» [НА РТ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13. Л. 267], поэтому, как показывают архивные документы, в число паспортистов брали людей, хорошо знающих тувинский и русский языки [НА РТ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 54. Л. 266–267]. Кроме этого, большая роль отводилась широкой разъяснительной работе среди населения, в том числе посредством местных газет [Об обмене паспортов 1945: 4].

Многие для советского паспорта стали выбирать в качестве фамилий названия родоплеменных групп, тем самым реализовав право выбрать фамилию из уже существующих тувинских фамилий: *Саая*, *Салчак*, *Хертек*, *Оюн*, *Ховалыг* и т. д. Часть тувинцев вместо родоплеменных названий выбирали личные имена в качестве фамилий, а этноним их родоплеменной группы, наоборот, становился личным именем, к приме-

ру, *Өнежик Маады Ёнзаковна*, где этноним *Маады* стал личным именем. Некоторая часть тувинцев стала выбирать имя отца в качестве фамилии, а название родоплеменной группы у них становилось отчеством. Например, *Хеймер-оол Мерген Монгушевич*, где отчество *Монгушевич* стало производным от этнонима *Монгуш*. «Многие из тех, кто в качестве фамилий выбирал имена отцов, стали к ним добавлять аффикс *-ов / -ев*, заимствованный из русского языка» [Сувандии 2015б: 171]. К примеру, современные фамилии: *Сарыгбаев* — от имени *Сарыгбай*, *Лакпаев* — от имени *Лакпаа*, *Лопсанов* — от имени *Лопсан*. По мнению Н. Д. Сувандии, подобные аффиксы, скорее всего, давались специалистами по паспортизации другой национальности с согласия самих носителей. Однако «аффикс в тувинском языке не стал продуктивным и в настоящее время для образования тувинских фамилий практически не используется» [Сувандии 2015б: 171]. «Встречались единичные фамилии, которые являются переведенными на русский тувинскими собственными именами типа *Красный* — от имени Кызыл-оол, *Белов* — от имени Ак-оол. В качестве фамилий у некоторых детей выступают личные имена их матерей: *Көк-Кыс*, *Норжуңмаа*» [Сувандии 2015: 171]. В современный период среди среднего и молодого поколения носителей с переведенными фамилиями на русский язык практически не имеется, а носители фамилий из личных имен матерей имеют место быть.

Официально было разрешено брать русские имена, поэтому было распространено имяназвание, когда у гражданина личное имя становилось фамилией и выбирали новое личное имя из числа русских имен. Например, *Сюрюн-оол Василий Тюлюшевич*, при написании в паспорте буквы «ү» в фамилии и отчестве записаны как «ю». Выбор русского имени, вероятно, также происходил не без влияния специалистов ЗАГС и преимущественно на территориях с наибольшим сосредоточением русского населения. В результате национальное имя становилось фамилией, а заимствованное — именем, поэтому в большинстве своем у среднего и младшего поколения в качестве фамилий

числятся имена их предков: *Идам*, *Сүрүн-оол* (*Сюрюн-оол*), *Натпит-оол*, *Шир-оол*, *Кошкар-оол*, *Маадыр-оол*, *Айыжы* и т. д. У граждан с заимствованными русскими именами дети приобретали русские отчества.

Таким образом, внедрение различных вариантов имянаречения в годы советской паспортизации в Туве привели к разнообразию пофамильного состава тувинцев. Какие-то из них порой возникали за счет некоторых искажений в написании, к примеру, *Биче-оол* — *Пиче-оол*, *Донгак* — *Тонгак*, *Даваа* — *Таваа*, *Бавуу* — *Павуу*, *Дулуш* — *Тулуш* — *Тюлюш* — *Дюлюш* — *Дюлуш* и т. д. Объяснение причин подобных ошибок описаны в статье С. Ф. Сегленмей «Тувинские имена в русском языке» [Сегленмей 2016: 30–37]. Были нередки случаи, когда давалось имя следующего характера: *Кенденов Кенден Кенденович* — личное имя носителя становилось одновременно фамилией и отчеством. Подобные и другие искажения во многом были связаны с трудностями в коммуницировании в силу незнания русского языка большинством тувинцев, а также незнанием (пренебрежением) этнических традиций имянаречения.

Новшества с перестановками компонентов именной формулы у тувинцев имели определенные последствия для тувинской антропонимической системы и системы родства. Разное написание фамилий у родных братьев и сестер привело к разрыву родственных связей между их потомками [Ламажаа 2021а: 12]. Утрата позиций в именных формулах этнонимов родоплеменных групп в качестве фамилий привела к их полному исключению из именных формул последующих поколений, что породило некоторые проблемы с родовой идентификацией. «В настоящее время люди среднего и молодого поколения стали забывать, из какого рода они произошли, где жили их предки, чем они занимались, а некоторые не видят разницы между названием этноса и антропонимом» [Кара-оол, Кормушин 2022: 1266].

Изменения именной формулы тувинцев, последовавшие за паспортизацией по советскому образцу, наглядно можно проследить на примере пофамильного состава совре-

менных тувинцев — учащихся школ Эрзинского района. Из 1 356 учащихся с 1-го по 11-й классы (всего 6 школ) у 86 % учащихся в именной формуле название родоплеменной группы в качестве фамилии отсутствует. Лишь у 186 человек фамилиями являются этнонимы родоплеменных групп, которые проживали на территории Тувы еще в начале XX в.: *соян* (27 чел.), *монгуш* (20 чел.), *оюн* (16 чел.), *кыргыз* (15 чел.), *чооду* (13 чел.), *ооржак* (13 чел.), *сат* (13 чел.), *куулар* (12 чел.), *хомушку* (9 чел.), *ондар* (8 чел.), *саая* (7 чел.), *ховалыг* (7 чел.), *донгак* (5 чел.), *иргит* (4 чел.), *салчак* (4 чел.), *маады* (4 чел.), *кужугет* (3 чел.), *хертек* (2 чел.), *сарыглар* (2 чел.), *тюлюш* (2 чел.), всего 20 групп.

Из всего многообразия родоплеменных групп на территории Эрзинского кожууна преимущественно проживали *соян*, *чооду*, *кыргыз*, *иргиты*. История их появления в южной Туве — довольно хорошо изученная тема, по мнению многих известных ученых, таких как Л. П. Потапов, Н. А. Сердобов, в основном были насильственно переселены из других частей Тувы в разные исторические периоды: *сояны* из Тоджи до XVII в. [Сердобов 1970: 89], *чооду* в монгольский период из северо-восточной части [Сердобов 1970: 90], *кыргызы* в 60-х гг. XVII в. и в начале XVIII в. [Потапов 1969: 58], и позже из северо-восточной Тувы переселены были *иргиты* [Сердобов 1970: 82].

Советский ученый-историк Н. А. Сердобов в 70-е гг. XX в. провел исследование носителей этнонимов прежних родоплеменных групп тувинцев и мест их современного расселения, которые были отражены в научной работе «Современное расселение носителей тувинских этнонимов» [Сердобов 1970]. По его данным, на момент изучения (1968 г.), из всех проживавших в Туве семей с фамилией *соян* более 55 % проживали в Эрзинском районе и были распределены следующим образом: в Бай-Дагском сельсовете — 142 семьи, Моренском — 82 семьи, Сарыг-Булуномском — 63 семьи, в Нарынском и Эрзинском — по 37 семей [Сердобов 1970: 88–89].

Нынешняя ситуация с фамилиями школьников показывает, что носителей фа-

милии *соян* оказалось всего 27 человек (из 1 356 чел.), из которых 19 чел. проживают в с. Эрзин, 4 чел. — в с. Бай-Даг, 2 человека — в с. Морен, по одному человеку — в селах Ак-Эрик и Нарын. Как видим, число носителей фамилии *соян* значительно сократилось [ГИС «Дневник.ру»].

Доля эрзинских *кыргысов* к общему количеству семей по Тувинской области, согласно данным исследования Н. А. Сердобова, также была значительной — 30 % (444 семьи) проживали на территории Эрзинского района, в частности: в Нарынском сельсовете — 183, Сарыг-Булунском — 105, Моренском — 88, Эрзинском — 63 семьи, составляя второй массив родоплеменной группы, первый массив находился в Улуг-Хеме [Сердобов 1970: 83].

Современный пофамильный состав молодых носителей фамилии *кыргыс* из школ Эрзинского района указывает, что носителей фамилии *кыргыс* всего 15 чел., в том числе в с. Эрзин — 10 человек, в с. Нарын — 4 чел. с. Морен — 1 человек [ГИС «Дневник.ру»].

Эрзинские *чооду* в общем количестве всех семей Тувы, согласно данным Н. А. Сердобова, составляли 17 % или 67 человек, причем «наибольшее количество семей проживали в Нарынском сельсовете (59)» [Сердобов 1970: 90].

Среди современных школьников с фамилией *чооду* зафиксировано всего 13 человек, из которых 8 чел. живут в селе Эрзин, по 2 человека в селах Бай-Даг и Ак-Эрик, один человек в с. Нарын [ГИС «Дневник.ру»]. Как видим, сейчас в с. Нарын носителей фамилии *чооду* среди молодого поколения практически не осталось.

Родоплеменная группа *иргит* ранее была представлена во многих районах Тувы, в том числе в Эрзинском районе, и преимущественно, по мнению Н. А. Сердобова «локализована в Бай-Дагском сельсовете (113 семей)» [Сердобов 1970: 79]. Из пофамильного состава школьников носителей фамилии *иргит* в с. Бай-Даг совсем не оказалось. В целом с фамилией *иргит* всего 4 чел., из которых трое проживают в с. Морен, один — в с. Эрзин [ГИС «Дневник.ру»].

Таким образом, на примере пофамильного состава учащихся Эрзинского района мы можем увидеть, что число носителей

фамилий *соян*, *чооду*, *кыргыс*, *иргит* значительно сократилось по сравнению с тем количеством, которое указывалось в исследовании Н. А. Сердобова.

В 2013 г. проведенный учет граждан, носящих родоплеменные фамилии, результаты которого приведены А. К. Канзаем в статье «Родоплеменные группы населения Эрзинского кожууна в исторической литературе», также подтверждает факт того, что «численность носителей фамилий родоплеменных групп (по паспортным данным) резко уменьшается» [Канзай 2018: 17]. Как отмечает автор, учетом было охвачено около 2 тысяч жителей Эрзинского района в возрасте 50 лет и выше. По итогам выявилось, что только около 100 человек имеют родоплеменные фамилии, хотя «принадлежность к родоплеменным группам *кыргыс*, *соян*, *иргит*, *чооду* определяли значительное количество опрошенных» [Канзай 2018: 16–17].

Можно предположить, что в процессе паспортизации название родоплеменной группы в качестве фамилии старшее поколение тувинцев брали редко и в преобладающем большинстве выбирали фамилии из существующих в то время тувинских собственных имен либо имени отца или деда. Затем по прошествии времени из именных формул последующих поколений родоплеменные этнонимы были исключены. Глубокие изменения в именных формулах можно увидеть на примере пофамильного состава учащихся школы с. Качык Эрзинского района. В именных формулах ни у одного учащегося из 36 детей, кроме одного ученика с фамилией *Оюн*, не зафиксирована фамилия из родового этнонима, кроме этого, в именных формулах их родителей названия родоплеменных групп тоже не прослеживаются [ГИС «Дневник.ру»].

Однако наличие носителей фамилий *соян*, *иргит*, *чооду*, *кыргыс* на территории Эрзинского района, несмотря на их малочисленность, необходимо рассматривать как положительное свидетельство территориальной преемственности — потомки продолжают жить на землях своих предков. «Это наглядно показывает устойчивость такого признака, как общность этнической территории, а также установившихся с дав-

них времен территориальных связей между группами» [Сердобов 1970: 92].

Разнообразие современных фамилий учащихся эрзинских школ поражает: *Анчымаа, Баданай, Балган, Биликти, Боодей, Борбаанай, Кунгаа, Кунуужап, Ломбу, Норзат, Согаа, Чыргал, Янгыы, Баа-Хоо, Дори, Дешки, Кыныраа, Чымба, Сотпа, Билва, Дупчен, Шактар-оол, Мон, Намчаа, Сарыгбаев, Билва, Худер, Чажытмаа, Ижи, Хуурут, Дак-Хоо, Чудекпен, Нанчыт, Бандан, Насык, Хорчун, Чыдаран, Дойзумаа, Адыяа, Шактар, Ижигин, Хунапай, Шириндиви, Намгай, Кудун, Самбыр* и др., все практически производные от личных имен, преимущественно мужских, редко от женских имен, к примеру *Дойзумаа, Борбаанай, Адыяа* и др. [ГИС «Дневник.ру»].

Надо полагать, что наличие фамилий, отличных от названий родоплеменных групп, вовсе не исключает их принадлежность к родам *соян, иргит, чооду, кыргыз*. Учитывая, что общность этнической территории — довольно устойчивая категория, можно предположить, что носители вышеуказанных современных фамилий, возможно, являются потомками исконных родоплеменных групп Эрзинского района. Не исключено, что в последующем подробное изучение родословных школьников укажут на прямую принадлежность большинства к указанным родоплеменным группам.

4. Заключение

Под воздействием процессов паспортизации формула именования периода ТНР, в основе которой лежала идентификация человека по принадлежности к родоплеменной группе по отцовской линии, претерпела некоторые изменения. На смену, бытовав-

шей именной формуле *фамилия (название родоплеменной группы) – имя отца – личное имя* пришла именная формула по паспорту *фамилия – личное имя – имя отца (отчество)*, причем в период ТНР в качестве фамилий преимущественно использовались названия родоплеменных групп. Личному имени человека отводилась особая роль как первичному идентификатору личности, при этом знание своей родоплеменной группы и имени отца было также важно для самоидентификации. Тувинцы периода ТНР затруднений в наполнении содержания именной формулы, очевидно, не испытывали, четко представляли, что подразумевать под фамилией, знали свое личное имя и имя отца, поскольку еще сильны были традиции знаний о своих предках, далеких и близких, об основах имянаречения.

Особые коррективы в именную формулу внесла советская паспортизация после вступления Тувы в состав СССР. В силу ограниченности названий родоплеменных групп, использовавшихся в качестве фамилий, и во избежание многочисленных однофамильцев, были внедрены разные вариации имянаречения. Тувинцы в качестве фамилий стали использовать личные имена, имена отцов и дедов, тем самым приоритетность названий родоплеменных групп в качестве фамилий отошла на задний план. Все это привело к многообразию пофамильного состава, главным последствием которого стало исключение из именных формул у большинства современных тувинцев упоминаний о родоплеменных группах. Перестановки в именных формулах у тувинцев имели определенные последствия для тувинской антропонимической системы и в дальнейшем, как показывает история, для системы родства.

Источники

- ГИС «Дневник.ру» 2023 — Дневник. Преподавателям [электронный ресурс] // Государственная информационная система «Дневник.ру». 2023. URL: <https://dnevnik.ru/> (дата обращения: 20.11.2023).
- НА РТ — Национальный архив Республики Тыва.
- НМ РТ — Национальный музей Республики Тыва.

Sources

- Dnevnik.ru information system. Available at: <https://dnevnik.ru/> (accessed: 20 November 2023). (In Russ.)
- National Archive of the Republic of Tuva.
- Aldan Maadyr National Museum of the Republic of Tuva.

Об обмене паспортов 1945 — Об обмене паспортов в г. Кызыле // Тувинская правда. 1945. № 117. 18 октября. С. 4.

On exchange of passports in Kyzyl. *Tuvinskaya Pravda*. 1945, October 18. No. 117. P. 4. (In Russ.)

Литература

- Аристов 2007 — *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей, и сведения об их численности // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае–Танну-Туве, урянхайцах-тувинцах, о древностях Тувы: в 7 тт. Т. 2: Племена Саяно-Алтая. Урянхайцы (IV в. – начало XX в.) / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2007. С. 282–353.
- Айыжы, Конгу 2013 — *Айыжы Е. В., Конгу А. А.* Родоплеменные группы тувинцев Тоджинского района Республики Тыва на современном этапе (по материалам полевых исследований) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2013. № 4 (80). Ч. 1. С. 3–10.
- Бавуу-Сюрюн 2000 — *Бавуу-Сюрюн М. В.* Влияние русского языка на образование современных тувинских фамилий и имен // Этносоциальные процессы в Сибири: тем. сб. / под ред. Ю. В. Попкова. Вып. 3. Новосибирск: СО РАН, 2000. С. 204–205.
- Байбурин 2017 — *Байбурин А. К.* Советский паспорт: история – структура – практика. СПб.: Европ. ун-т в Санкт-Петербурге, 2019. 448 с.
- Байбурин 2019 — *Байбурин А. К.* Последовательность элементов именной формулы в русской традиции // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 4. С. 74–82.
- Вайнштейн 1957 — *Вайнштейн С. И.* Очерк этногенеза тувинцев // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, истории и литературы. Вып. V. Кызыл: Тип. Управления культуры, 1957. С. 178–214.
- Вайнштейн 1969 — *Вайнштейн С. И.* Личные имена, термины родства и прозвища у тувинцев // Ономастика. М.: Наука, 1969. С. 125–138.
- Грум-Гржимайло 2007 — *Грум-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Антропологический и этнографический очерк этих стран // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае–Танну-Туве, урянхайцах-тувинцах, о древностях Тувы: в 7 тт. Т. 2: Племена Саяно-Алтая. Урянхайцы (IV в. – начало XX в.) / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2007. С. 496–638.

References

- Aristov N. A. Notes on the ethnic composition of Turkic tribes and peoples, supplemented with their population numbers. In: Shoigu S. K. (comp.) Uryankhay. Tyva Depter: Anthology. In 7 vols. Vol. 2: Tribes of the Sayan-Altai. The Uryankhay, Fourth to Early Twentieth Centuries. Moscow: Slovo, 2007. Pp. 282–353. (In Russ.)
- Aiyzhy E. V., Kongu A. A. Today's Tuvan tribal groups of the Todzha Region of the Republic of Tuva (Based on field studies). *I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*. 2013. No. 4 (80). Pt. 1. Pp. 3–10. (In Russ.)
- Bavuu-Syuryun M. V. Impacts of Russian on present-day Tuvan family and personal names. In: Popkov Yu. V. (ed.) Ethnosocial Processes in Siberia. Collected papers. Vol. 3. Novosibirsk: Siberian Branch of the RAS, 2000. Pp. 204–205. (In Russ.)
- Baiburin A. K. The Soviet Passport: History – Structure – Praxis. St. Petersburg: European University at Saint Petersburg, 2019. 448 p. (In Russ.)
- Baiburin A. K. Element sequence in the name formula in Russian tradition. *Problems of Onomastics*. 2019. Vol. 16. No. 4. Pp. 74–82. (In Russ.) DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.4.045
- Vainshtein S. I. Tuvan ethnogenesis: An essay. In: Scholarly Notes [of Tuvan Institute of Language, History and Literature]. Vol. 5. Kyzyl: [Regional] Department of Culture, 1957. Pp. 178–214. (In Russ.)
- Vainshtein S. I. Tuvan personal names, kinship terms, and nicknames. In: Onomastics. Moscow: Nauka, 1969. Pp. 125–138. (In Russ.)
- Grum-Grshimailo G. E. Western Mongolia and Uryankhay Krai: An essay in anthropology and ethnography. In: Shoigu S. K. (comp.) Uryankhay. Tyva Depter: Anthology. In 7 vols. Vol. 2: Tribes of the Sayan-Altai. The Uryankhay, Fourth to Early Twentieth Centuries. Moscow: Slovo, 2007. Pp. 496–638. (In Russ.)

- Дамба и др. 2019 — Дамба Л. Д., Айыжы Е. В., Монгуш Б. Б., Коротков Н. А., Чернышенко Д. М., Утриван (Петров) С. А., Олькова М. В., Пылев В. Ю., Доржу Ч. М., Балановская Е. В., Балановский О. П. Краткий обзор некоторых родоплеменных групп тувинцев по данным междисциплинарных исследований // Вестник Тувинского государственного университета. 2019. № 2. С. 19–30.
- Дулов 1956 — Дулов В. И. Социально-экономическая история Тувы (XIX – начало XX в.). М.: АН СССР, 1956. 609 с.
- Канзай 2018 — Канзай А. К. Родоплеменные группы населения Эрзинского кожууна в исторической литературе // Локальные особенности традиционной культуры жителей Эрзина: (исследования и полевые материалы) // Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований; Институт истории и археологии АН Монголии. Кызыл: [б. и.], 2018. С. 9–19.
- Кара-оол, Кормушин 2022 — Кара-оол Л. С., Кормушин И. В. Названия родовых групп тувинцев // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 6. С. 1254–1270. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1254-1270.
- Кенин-Лопсан 2021 — Кенин-Лопсан М. Б. Традиционная культура тувинцев / пер. с тув. А. А. Дугержаа, А. С. Дембирель. Кызыл: Тув. кн. изд.-во, 2021. 234 с.
- Кон 2007 — Кон Ф. Я. Экспедиция в Сойотию // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае–Танну-Тыве, урянхайцах–тувинцах, о древностях Тувы: в 7 тт. Т.4: Урянхайский край: перекресток мнений (конец XIX – начало XX в.) / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2007. С. 439–442.
- Ламажаа 2021a — Ламажаа Ч. К. Основные проблемы исследования родства и родственных групп современных тувинцев: паспортизация, терминология и поддержание родства // Новые исследования Тувы. 2021. № 4. С. 6–21. DOI: 10.25178/nit.2021.4.1
- Ламажаа 2021б — Ламажаа Ч. К. Социальные общности и социальные связи тувинцев в XIX – начале XXI в. // Ермолаевские чтения. Кызыл: Национальная библиотека им. Пушкина Республики Тувы, 2021. С. 7–10. DOI: 10.24412/2686-9624-2021-7-10
- Монгуш, Айыжы 2023 — Монгуш А. М., Айыжы Е. В. Тувинский род монгуш. К историографии вопроса // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 3. С. 575–583 DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-575-583.
- Damba L. D., Aiyzhy E. V., Mongush B. B., Korotkov N. A., Chernyshenko D. M., Utrivan (Petrov) S. A., Olkova M. V., Pylev V. Yu., Dorzhu Ch. M., Balanovska E. V., Balanovsky O. P. Summary of some family breeding groups of Tuvans under data of interdisciplinary researches. *Vestnik of Tuvan State University*. 2019. No. 2. Pp. 19–30. (In Russ.) DOI: 10.24411/2077-5326-2019-10003
- Dulov V. I. A Socioeconomic History of Tuva, Nineteenth to Early Twentieth Centuries. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1956. 609 p. (In Russ.)
- Kanzai A. K. Tribes and clans of Erzinsky District in historical narratives. In: Bayarsaikhan B., Dongak A. S. (comps.) *Erzin, Its Residents, and Their Features of Traditional Culture: Surveys and Field Data*. Kyzyl, 2018. Pp. 9–19. (In Russ.)
- Kara-ool L. S., Kormushin I. V. Names of Tuvan clan / tribal groups analyzed. *Oriental Studies*. 2022. Vol. 15. No. 6. Pp. 1254–1270. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1254-1270.
- Kenin-Lopsan M. B. Tuvan Traditional Culture. A. Dugerzhaa, A. Dembirel (transl.). Kyzyl: Tuva Book Publ., 2021. 234 p. (In Russ.)
- Kon F. Ya. Expedition to Soyotia. In: Shoigu S. K. (comp.) *Uryankhay. Tyva Depter: Anthology*. In 7 vols. Vol. 4: *Uryankhay Krai — a Crossroads of Opinions (Late Nineteenth – Early Twentieth Century)*. Moscow: Slovo, 2007. Pp. 439–442. (In Russ.)
- Lamazhaa Ch. K. The main issues of the study of kinship and kin groups of contemporary Tuvans: Passportization, terminology and maintenance of kinship. *New Research of Tuva*. 2021. No. 4. Pp. 6–21. (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2021.4.1
- Lamazhaa Ch. K. Social communities and social ties of Tuvans in the XX — early XXI century. In: *Yermolaev Readings — 2021. Conference proceedings (Kyzyl, 26–27 August 2021)*. Kyzyl: Pushkin National Library of Tuva, 2021. Pp. 7–10. DOI: 10.24412/2686-9624-2021-7-10
- Mongush A. M., Aiyzhy E. V. Tuvan clan Mongush: Approaching the historiography of the issue. *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 3. Pp. 575–583. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-575-583

- Потанин 2007 — *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 годах по поручению Императорского Русского Географического Общества. Выпуск II. Материалы этнографические // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае–Танну-Туве, урянхайцах-тувинцах, о древностях Тувы: в 7 тт. Т. 2: Племена Саяно-Алтая. Урянхайцы (IV в. – начало XX в.) / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2007. С. 374–495.
- Потапов 1969 — *Потапов Л. П.* Этнический состав и расселение тувинцев в XIX и начале XX в. // Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука. 1969. С. 43–78.
- Сегленмей 2016 — *Сегленмей С. Ф.* Тувинские имена в русском языке // Русский язык в Туве. 2016. № 1. С. 30–37.
- Сердобов 1970 — *Сердобов Н. А.* Современное расселение носителей тувинских этнонимов // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, истории и литературы. Вып. XIV. Кызыл: Тип. управления по печати при СМ ТувАССР, 1970. С. 66–107.
- Справочник 1965 — Справочник личных имен народов РСФСР. М.: Советская энциклопедия. 1965. 265 с.
- Степанов 2009 — *Степанов С. Ф.* Метаморфозы родства у тувинцев // Этнографические исследования. 2009. № 4. С. 131–132.
- Сувандии 2015а — *Сувандии Н. Д.* Тувинские личные имена: обычаи и традиции // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 5 (54). С. 387–389.
- Сувандии 2015б — *Сувандии Н. Д.* Становление фамилий и отчеств в тувинском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 12 (54). С. 171–173.
- ТРС 1968 — Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. 646 с.
- Харунова 2009 — *Харунова М. М.-Б.* Тува и СССР: процесс политической интеграции // Новые исследования Тувы. 2009. № 3. С. 154–155.
- Чадамба 1993 — *Чадамба З. Б.* Способы образования тувинских личных имен // Вопросы тувинского языкознания / отв. ред. Д. А. Монгуш, Б. И. Татаринцев. Кызыл: Новости Тувы, 1993. С. 98–105.
- Potani G. N. Essays on Northwestern Mongolia: Results of the 1879–1880 travels for the Imperial Russian Geographical Society. Pt. 2: Ethnographic materials. In: Shoigu S. K. (comp.) Uryankhay. Tyva Depter: Anthology. In 7 vols. Vol. 2: Tribes of the Sayan-Altai. The Uryankhay, Fourth to Early Twentieth Centuries. Moscow: Slovo, 2007. Pp. 374–495. (In Russ.)
- Potapov L. P. The Tuvan: [Their] ethnic composition and inhabited areas, nineteenth to early twentieth centuries. In: Essays on Tuvan Household Life. Moscow: Nauka. 1969. Pp. 43–78. (In Russ.)
- Seglenmei S. F. Tuvan names in Russian discourse. *Russkiy yazyk v Tuve*. 2016. No. 1. Pp. 30–37. (In Russ.)
- Serdobov N. A. Present-day areas inhabited by bearers of Tuvan ethnonyms. In: Scholarly Notes [of Tuvan Institute of Language, History and Literature]. Vol. 14. Kyzyl: [Regional] Print Media Department, 1970. Pp. 66–107. (In Russ.)
- Baskakov N. A. et al. (eds.) Peoples of the RSFSR: A Guide to Personal Names. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya. 1965. 265 p. (In Russ.)
- Stepanoff C. Metamorphoses of kinship among the Tuvan. *Etnograficheskoe Obozrenie*. 2009. No. 4. Pp. 131–132. (In Russ.)
- Suvandii N. D. Tuvan personal names: Customs and traditions. *Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniya*. 2015. No. 5 (54). Pp. 387–389. (In Russ.)
- Suvandii N. D. The formation of surnames and patronymic names in the Tuvanian language. *Philology. Theory & Practice*. 2015. No. 12 (54). Pp. 171–173. (In Russ.)
- Tenishev E. R. (ed.) Tuvan-Russian Dictionary. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1968. 646 p. (In Tuv. and Russ.)
- Kharunova M. M.-B. Tuva and the USSR: The process of political integration. *New Research of Tuva*. 2009. No. 3. Pp. 154–155. (In Russ.)
- Chadamba Z. B. Tuvan personal names: Formation means and patterns. In: Mongush D. A., Tatarintsev B. I. (eds.) Issues of Tuvan Linguistics. Kyzyl: Novosti Tuvy, 1993. Pp. 98–105. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 17, Is. 6, Pp. 1267–1278, 2024
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 316.346.32-053.6(470.57)
 DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1267-1278

Патриотизм как компонент мировоззрения молодежи Республики Башкортостан

Эльза Венеровна Мигранова¹, Айбулат Валиевич Псянчин², Айрат Янсурович Зарипов³

- 1 Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, просп. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
 кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
 0000-0001-8227-2357. E-mail: mig.el[at]mail.ru
- 2 Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, просп. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
 доктор географических наук, профессор, заведующий отделом
 0000-0002-1428-4337. E-mail: psyanchin[at]mail.ru
- 3 Уфимский университет науки и технологий (д. 12, ул. К. Маркса, 450008 Уфа, Российская Федерация)
 доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Академии гуманитарных наук РФ
 0000-0002-4649-3942. E-mail: a-y-zaripov[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Мигранова Э. В., Псянчин А. В., Зарипов А. Я., 2024

Аннотация. *Введение.* Данное исследование посвящено изучению вопросов патриотизма как компонента мировоззрения молодежи Республики Башкортостан. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в последние десятилетия обострилась борьба ценностей на международной арене, расширились возможности влияния на умонастроения общества, в том числе подрастающего поколения. Массированная атака на традиционные ценности требует глубокого философского, культурного, аксиологического анализа и принятия конкретных мер по противодействию ей, поскольку это может привести к катастрофическим последствиям для обществ. Одной из таких идеологических основ, способной противостоять маргинальным ценностям, является патриотизм, пропаганда и воспитание которого становится чрезвычайно ответственной задачей общественного развития. *Целью* данного исследования является выяснение уровня патриотизма у молодежи республики, того, что они вкладывают в это понятие, а также факторов, способствующих воспитанию патриотизма. *Материалы и методы.* Данное исследование выполнено на основе анализа материалов анкетирования, проведенного в 2023–2024 гг. среди представителей молодого поколения Республики Башкортостана в рамках реализации проекта «Укрепление российского патриотизма как фактора обеспечения единства многонационального народа в условиях современных геополитических вызовов». Выбор данной возрастной группы не случаен, поскольку именно от молодежи, от ее активного социального участия и гражданской позиции зависит будущее страны. *Результаты.* В статье дается анализ теоретических подходов к понятию «патриотизм», раскрывается актуальность данной темы, выявляет-

ся уровень восприятия подрастающим поколением современных общественно-политических процессов, прослеживается взаимовлияние идентичностей и патриотизма. Социологические опросы, анкетирование и фокус-группы помогают понять умонастроения той или иной части общества, корректировать подходы и методы воспитания, а также уточнить и конкретизировать понятия, связанные с данной проблематикой. На основе полученных в ходе исследования данных предпринимается попытка уточнения содержания понятия «патриотизм», процессов, влияющих на его формирование и укрепление, рассматривается его соотношение с формами идентичности индивидов, бытующими в современном российском социуме. Исследование позволило получить представление о реальном состоянии и перспективах патриотизма в современной России, понять, как осознают сущность этого явления вовлеченные в его реализацию стороны. По нашему мнению, в конечном счете это поможет систематизировать работу по развитию патриотического движения и получить позитивные результаты этой деятельности.

Выводы. В условиях современных геополитических вызовов патриотизм приобретает особую значимость. Анкетирование, проведенное среди молодежи Республики Башкортостан, показало, что данный вопрос находит среди большинства из них значительный отклик. Так, менее 5 % опрошенных указали, что «патриотизм сегодня не актуален». Исследования последних лет подтверждают тот факт, что укрепление патриотизма в стране идет параллельно с развитием общероссийской идентичности, более того, выступая основой гражданской идентичности и выполняя идентификационную и интеграционную функции, российский патриотизм нацелен на формирование национальной идеи, призванной объединить российское население независимо от этнической и конфессиональной принадлежности, тем самым способствуя сохранению единства страны и установлению гражданского согласия в поликультурном обществе.

Ключевые слова: Россия, Республика Башкортостан, патриотизм, молодежь, воспитание, российская идентичность, государство

Благодарность. Исследование выполнено в рамках проекта «Укрепление российского патриотизма как фактора обеспечения единства многонационального народа в условиях современных геополитических вызовов (на примере республик Башкортостан, Татарстан, Удмуртия, Марий Эл, Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия)» (руководитель — А. В. Псянчин) Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023–2025 гг. (руководитель — академик РАН В. А. Тишков).

Для цитирования: Мигранова Э. В., Псянчин А. В., Зарипов А. Я. Патриотизм как компонент мировоззрения молодежи Республики Башкортостан // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 6. С. 1267–1278. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1267-1278

Patriotism as a Component of Youth's Worldviews: The Case of Bashkortostan

*Elza V. Migranova*¹, *Aybulat V. Psyanchin*², *Ayrat Ya. Zaripov*³

¹ Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., 450054 Ufa, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0001-8227-2357. E-mail: mig.el[at]mail.ru

² Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., 450054 Ufa, Russian Federation)

Dr. Sc. (Geography), Professor, Head of Department

 0000-0002-1428-4337. E-mail: psyanchin[at]mail.ru

³ Ufa University of Science and Technology (12, K. Marx St., 450008 Ufa, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philosophy), Professor

 0000-0002-4649-3942. E-mail: a-y-zaripov[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Migranova E. V., Psyanchin A. V., Zaripov A. Ya., 2024

Abstract. Introduction. The study examines patriotism as a component of Bashkortostan's youth worldviews, which is topical enough since recent decades witness a global struggle of values aggravated

by extended mindset control opportunities, including ones targeted on younger generations. The mass attack against traditional values requires deeper philosophical, cultural, and axiological insights for certain countermeasures, lest its consequences should become catastrophic for involved communities. One such ideological basis instrumental in resisting the marginal trends is patriotism supposed to ultimately serve a crucial driver of social development. *Materials and methods.* The paper analyzes survey materials collected from young individuals residing in the Republic of Bashkortostan in 2023–2024. And it is this age group — their pro-active attitudes and sense of nationhood — that shall determine the country's future. *Results.* The article reviews some theoretical approaches to the concept of patriotism, reveals its significance, shows how younger generations tend to perceive contemporary sociopolitical processes, traces mutual impacts of patriotism and various identities. Such public, questionnaire and focus group surveys make it possible to outline the mindset of a particular social cluster, update approaches and methods of education, clarify and actualize related concepts. The obtained data yield an attempted semantic clarification into the concept of patriotism, substantiate processes that influence its shaping and strengthening, and show its relations with identity patterns observed in present-day Russia. The paper depicts the actual state and prospects of patriotism in contemporary Russia, conveys how involved groups tend to understand the essence of this phenomenon. Ultimately, this may help systematize patriotic endeavors for the latter to deliver vivid results. *Conclusions.* In the context of geopolitical challenges, patriotism gains particular importance. The questionnaire survey of Bashkortostan's youth shows the issue hits chord with most of them, and only less than 5% of respondents indicated that 'patriotism is outdated'. Recent studies confirm the strengthening of patriotism nationwide goes hand in hand with the development of all-Russian identity. Moreover, the former becomes a foundation for civic identity and performs identification/integration functions — expected to shape a national idea that would unite Russia's population regardless of ethnic and religious attributes, this be a key factor to secure the country's unity and civil harmony in the multicultural society.

Keywords: Russia, Republic of Bashkortostan, patriotism, youth, education, Russian identity, state

Acknowledgements. The reported study was funded by scholarly research program 'Investigating Russia's Ethnocultural Diversity and Enhancing All-Russian Identity' (headed by RAS Acad. V. Tishkov, 2023–2025), project name 'Strengthening Russian Patriotism as a Factor to Secure the Multi-ethnic Nation's Unity in the Face of Contemporary Geopolitical Challenges: Republics of Bashkortostan, Tatarstan, Udmurtia, Mari El, Dagestan, and Kabardino-Balkaria' (headed by Dr. A. Psyanchin).

For citation: Migranova E. V., Psyanchin A. V., Zaripov A. Ya. Patriotism as a Component of Youth's Worldviews: The Case of Bashkortostan. *Oriental Studies*. 2024; 17(6): 1267–1278 (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1267-1278

1. Введение

В структуре мировоззрения общества и индивида патриотизм занимает значительное место. В разные периоды общественного развития объем содержания данного понятия менялся, но никогда не исчезал с повестки дня. Патриотизм морально, этически, социально, политически объединяет индивидов в социум, связывает их с государством, формирует у них чувство причастности к Родине [Павлов 2018: 179]. Само понятие «патриотизм» концептуально не определено, но общепринято понимать его как любовь к Родине. В научной среде существует множество мнений по поводу данного явления, но большинство из них сходятся именно на вышеуказанной точке зрения [Осипов и др. 2023: 186; Корж, Каримова 2022: 87].

Индивид может воспринимать патриотизм в нескольких аспектах, среди которых можно выделить следующие: определенное отношение к тому месту, где он родился, вырос, социализировался, чувство гордости и сопричастности к истории, культуре, достижениям предков, наличие гражданской ответственности, позитивных чувств по отношению к своему народу и к своей стране. Важным также является маркер идентификации личности с нацией, государством. В полиэтничном обществе все эти аспекты суммируются, и главенствующим становится последний, политический аспект, который и доминирует в общественном сознании. Патриотизм гражданами воспринимается как необходимое и естественное чувство по отношению к своей Родине, под которой подразумевается

уже государство (Отчизна) [Отюцкий 2023: 186]. Так патриотизм становится неотъемлемой частью идеологии уже государственного уровня.

Отдельные исследования, посвященные патриотизму, возводят его к первобытным обществам [Павлов 2018: 176], другие — к эпохе перехода к буржуазным отношениям [Мартынов и др. 2020: 116]. Как бы то ни было, патриотизм проявляет себя на всех уровнях общественного сознания. И базой его формирования является «малая родина», чувства и отношения к которой в дальнейшем трансформируются и эксплицируются по отношению к государству. В патриотизме соединяются индивидуальное и коллективное [Кашапова 2014: 85]. Государство, стремясь найти поддержку у своих граждан, декларирует и пропагандирует определенные идеи, ценности, традиции, а патриотизм является едва ли не главной ценностью среди них. Привитие патриотизма гражданам — это, прежде всего, стремление получить их лояльность и поддержку, поэтому государства тратят значительные усилия для его укрепления, пропагандируют государственную символику, обращаются к героической истории и деятельности исторических личностей [Письмо Министерства просвещения 2022], транслируют через СМИ важнейшие государственные послы, освещают мероприятия, праздники, торжественные события, спортивные состязания и т. д.

Патриотические чувства граждан зависят не только от усилий пропагандистов, но также связаны с внутренней социально-экономической стабильностью в стране, уверенностью в завтрашнем дне, наличием социальных гарантий и политических свобод, возможностью реализовать потенциал людей. Поскольку патриотизм основан на чувствах, он иррационален, в нем больше эмоций, а не рассудочной деятельности, и, следовательно, все неурядицы в стране сказываются на уровне его бытования, поскольку, когда люди попадают в сложные жизненные ситуации, для них на передний план выдвигается экзистенциальная проблема личного бытия и выживания.

В нашей стране воспитанию патриотизма населения (и особенно подрастающего

поколения) традиционно уделяется значительное внимание. Существуют Федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» национального проекта «Образование», Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года [Федеральный проект 2021; Стратегия 2015] и другие программные документы, которые подчеркивают важность данного направления при работе с молодежью, учитывают вызовы, стоящие перед государством и стремятся выработать у них сознательное и ответственное отношение к своей Родине. Важной стороной политики в области патриотизма и образования также являются приоритеты национальной безопасности и устойчивого развития государства.

Воспитание патриотизма особенно актуально в современную эпоху, когда основные общечеловеческие ценности (дружба, взаимопомощь, добро, честь, благородство, достоинство, свобода, самоценность каждой личности) часто оказываются под угрозой замены на деструктивные псевдоценности постмодернистского мира [Загорская 2021: 85]. Игнорирование выработанных многолетней историей совместного бытия ценностей, прошедших проверку на практике, их замена на сиюминутные, временные, разрушают консенсус морального и нравственного поведения людей в обществах. Подрастающему поколению важно знать и усваивать истинные, общечеловеческие ценности, доказавшие свою универсальность и помогающие обществу совместно пережить сложные периоды своего развития.

Актуальность патриотического воспитания диктуется и тем, что в современном мире идет борьба за умы детей и молодежи. Транснациональные корпорации, интернет продвигают свои собственные идеологические конструкты, направленные на обезличенность, отказ от суверенного мышления и инициативы, формирование поколения потребителей, лишенных государственной идентичности. Как бы банально ни звучал тезис о юношестве как о будущем общества, тем не менее будущее именно за ними. Важно, каким оно вырастет, как сохранит, приумножит и распорядится тем, что было достигнуто предыдущими поколениями.

Проблема патриотического воспитания в нашей стране была востребована практически всегда. В период имперской России и советской страны ей уделялось достаточно много внимания. Писатели, просветители, государственные, общественные и религиозные деятели многократно подчеркивали необходимость развития патриотических идей на государственном уровне [Хромова 2014; Орлов 2014]. В постсоветской России эта тема получила новый импульс в связи с поиском собственных путей развития, пересмотром ценностей и векторов развития, опасением кризиса духовности и возможной потери самобытности многонационального российского общества. Начало XXI в. ознаменовалось тем, что страна стала постепенно отказываться от западных ценностей, осуществлять переход к своей суверенности и идентичности. И патриотические идеи, после десятилетий забвения, вновь оказались востребованными.

В современную эпоху, когда наша страна вновь обрела возможность проводить собственную линию общественного, духовного и политического развития, важно развивать и продвигать идеологию, основанную на признании уникальности и многообразия культур, языков, ментальностей народов России. В период трансформации общественных отношений, борьбы ценностей, значение исторической памяти кратко возрастает. Она становится мерилем гражданской зрелости общества, средством воспитания и образования подрастающего поколения, межпоколенной коммуникации, формирует мировоззрение и социальные идеалы, жизненно важные ориентиры не только у молодежи, но и у всех членов социума.

Современный мир чрезвычайно разнообразен, активен, а порой и враждебен. Существуют экзистенциальные угрозы не только бытию индивидов, но и суверенным государствам. В этих условиях крайне важна коллективная ответственность народов различных стран в деле сохранения мира, культурного и ментального разнообразия. В то же время национализм и шовинизм, как крайние проявления исторической памяти и этнической идентичности, не должны стать

препятствием к достижению глобального консенсуса между народами. Патриотизм, лишенный этнической и национальной окраски, призван помочь сохранить культурное многообразие не только государственного, но и мирового пространства, выработать уважительное отношение друг к другу у государств с различной политической, социальной, духовной структурами и создать глобальную возможность для уверенного движения вперед всему человечеству.

Важной задачей исследования являлось изучение различных уровней патриотизма у молодежи, что, по нашему мнению, может помочь выявить траектории их социально-политического поведения, гражданской активности и, в конечном счете, позволит оценить степень зрелости гражданского общества. Ведь, безусловно, именно эта категория населения составляет важный потенциал, ресурс развития и процветания нации и государства, который может проявляться как в процессах социальной интеграции, так и социальной дифференциации. В рамках данного исследования нам также важно было проследить взаимовлияние идентичностей и патриотизма. В современных условиях глобализации всех сфер человеческой жизни вопрос об идентичности молодого поколения требует особого внимания со стороны представителей гуманитарных наук. Это связано, в первую очередь, с актуальнейшими вопросами устойчивого социально-экономического развития общества и с перспективами государства как национально-территориального образования, с одной стороны, сохраняющего свой суверенитет, а с другой, выступающего субъектом международных отношений [Великая, Дорошина 2021: 32].

2. Материалы и методы

В ходе реализации проекта «Укрепление российского патриотизма как фактора обеспечения единства многонационального народа в условиях современных геополитических вызовов (на примере республик Башкортостан, Татарстан, Удмуртия, Марий Эл, Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия)» Программы научных исследований, связанных с изучением

этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности (руководитель — академик РАН В. А. Тишков)» в 2023–2024 гг. нами было проведено анкетирование представителей молодежи Республики Башкортостан в возрасте от 16 до 35 лет для определения уровня их патриотизма, понимания ими сути данного явления, а также для выявления предпринимаемых ими практических действий патриотической направленности.

Среди более 400 опрошенных были старшеклассники, студенты, а также работающие люди. По гендерному признаку 44,4 % составили парни и 55,6 % — девушки, чуть более половины респондентов являлись горожанами, остальные — сельчанами или жителями райцентров, по национальному признаку 25,2 % — это башкиры, 32 % — русские, 31,3 % — татары, 11,5 % — представители других этносов [ПМА 2023–2024], что в целом характеризует данную выборку как репрезентативную.

Анкетирование позволяет исследовать проблемы патриотизма среди молодежи как на личностном уровне (определить его влияние на формирование их мировоззрения, нравственных идеалов, норм поведения и т. д.), так и на макроуровне — как значимую часть общественного сознания, проявляющуюся в коллективных настроениях, чувствах, оценках, в отношении к своему народу, его образу жизни, истории, культуре, государству, системе его основополагающих ценностей. Представляется также важным выявление уровня морального восприятия подрастающим поколением современных общественных процессов, их отношения к общечеловеческим ценностям, представления о личном и общественном будущем.

3. Отношение молодежи Башкирии к проблемам патриотизма

Анализ ответов показал, что большинство опрошенных ощущают себя россиянами (62,9 %), что согласуется с нашими предыдущими исследованиями, выявившими, что у населения страны в целом и республики в частности в последние годы произошло увеличение количества выбирающих обще-

российскую идентичность [Псянчин и др. 2021: 69; Ешев 2013: 116]. Эта тенденция явно свидетельствует об устойчивом и поступательном процессе сложения конструкта под названием «российская нация», являющегося основой укрепления государства и интеграции ее мультикультурного населения. Гражданская идентичность, как важнейшая составляющая социальной идентичности, является результатом процесса самоотождествления личности с «нацией — государством», становится базисом для развития активной гражданской позиции и проявления его социальной активности. 33 % опрошенных указали, что осознают себя жителями своей республики, 24 % — представителями своего города, села, деревни [ПМА 2023–2024]. Гораздо больший процент молодежи (28,5 %), чем в целом согласно выборке по Республике Башкортостан (5,4 % — по данным нашего этносоциологического исследования 2021 г.) назвали себя «людьми мира», что неудивительно, учитывая специфику глобализирующегося мира, открытость границ, а также высокий уровень образованности и цифровой грамотности данной категории населения. В целом цифры по общероссийской идентичности молодежи и проценту космополитов среди них, полученные в ходе нашего исследования, практически идентичны данным по другим регионам России. В частности в 2021 г. при опросе молодежи Москвы и Московской области по проекту «Политическая идентификация молодежи московского региона», проведенном Центром политологии Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, оказалось, что в качестве «человека мира» самоидентифицируют себя 25,7 %, а как «россияне» и «люди русской культуры» — 69,8 % респондентов [Великая, Дорошина 2021: 33].

Отвечая на вопрос нашей анкеты «Что такое патриотизм?» (можно было выбрать несколько вариантов ответов) абсолютное большинство респондентов выбрали вариант «Любовь к Родине» (85,4 %), отметили, что патриотизм отождествляется с «Гордостью за свою страну» 50,9 %. Между тем достаточно высокий процент набрали ва-

рианты, что «Патриотизм — это любовь к малой родине, родной республике, городу, деревне, дому» (47,9 %), «Любовь к родной природе» (44,2 %), «К своему этносу и своей национальной культуре» (36,3 %) [ПМА 2023–2024], что неудивительно, учитывая проведение опроса в таком многонациональном регионе, как Республика Башкортостан.

Патриотами считают себя 62,3 % молодых людей, не считают 9 %, но при этом, необходимо обратить внимание на достаточно высокий процент затруднившихся ответить на этот вопрос (28,7 %). Это может свидетельствовать о слабой степени гражданской позиции, сформировавшейся в условиях известной неопределенности и неуверенности в завтрашнем дне. Вообще отсутствие такой уверенности негативно сказывается на социальном оптимизме молодого поколения и не побуждает их к долгосрочному планированию своей жизни и активной гражданской позиции, что продемонстрировали не только результаты анкетирования, но и фокус-группы с участием молодежи, проведенные в начале 2024 г. В связи с этим всем вовлеченным в воспитательный процесс необходимо прикладывать больше усилий для формирования у молодежи ценностных ориентаций, связанных с патриотизмом.

Проводя исследование, мы неоднократно задавались вопросом «Может ли патриотизм стать объединяющей национальной идеей?», которая в различные исторические периоды наполнялась разным содержанием. Определенный оптимизм вызывает то, что молодежь не просто абстрактно рассуждает о патриотизме, но и проявляет стремление к труду и служению на благо своей Родины. О высокой значимости данной темы для современного общества свидетельствует факт, что лишь 4,1 % респондентов написали, что «Патриотизм сегодня неактуален» [ПМА 2023–2024]. Эти цифры подтверждают и наглядно демонстрируют, что в сегодняшних реалиях проблематика патриотизма находится на острие общественно-политической повестки.

В рамках нашего опроса нам было важно узнать, считают ли сами молодые люди достаточным внимание, которое уделяется патриотическому воспитанию. Ответ «да»

был получен от 62 %, «нет» — от 11,3 % респондентов [ПМА 2023–2024]. Но при этом почти треть опрошенных, а именно 26,7 %, затруднились с ответом. Большинство (58,3 %) думают, что патриотическое воспитание закладывается в семье. На образовательные учреждения (детские сады, школы и вузы) ответственность возложили 24,2 %. Вклад государственных учреждений в решение этой задачи был оценен всего в 7,5 %, и это, конечно, низкие показатели, которые должны заставить задуматься заинтересованные органы и государственные институты об увеличении мероприятий, проводимых в рамках данного вопроса, и повышении их влияния на подрастающее поколение. На наш взгляд, стоит прислушаться к мнению, высказанному рядом респондентов, что «Основная роль в патриотическом воспитании должна принадлежать государству, но оно должно выполнять эти функции не насильно, а поступками и достижениями в различных областях жизни». Запрос на стремление к социальной справедливости связали с патриотизмом 23,4 % опрошенных [ПМА 2023–2024].

Значение роли телевидения, радио и газет в воспитании патриотизма, по мнению молодежи, составляет всего 3,8 %, что, вероятно, может быть объяснено тем, что эти традиционные СМИ не играют важной роли для указанной категории населения, но и влияние интернета на данный вопрос также было оценено как незначительное (9 %) [ПМА 2023–2024].

Зато, по мнению молодежи, встречи с ветеранами Великой Отечественной и локальных войн, а также с участниками специальной военной операции в значительной степени оказывают влияние на формирование патриотических чувств, равно как и художественные произведения (книги, фильмы), а также мероприятия, проводимые в рамках государственных праздников [ПМА 2023–2024].

Высоко было оценено патриотическое воспитание, которое дается в школьных «разговорах о важном», на уроках истории и литературы. Среди мероприятий патриотического характера были названы также участие в шествии Бессмертного полка и парадах в честь Дня Победы, волонтерские дви-

жения, походы в музеи, в том числе в музей Боевой славы, Вахты Памяти, военно-исторические реконструкции, поиск пропавших без вести во время Великой Отечественной войны, военные сборы, игра «Зарница», просмотры и обсуждения тематических фильмов и театральных постановок, слеты юнармейцев, участие в специальных квестах, научно-практических конференциях, поднятие флага, классные часы и школьные линейки, смотры песни и строя, празднование Дня Защитника Отечества 23 февраля, экологические субботники, спортивные соревнования, детские и студенческие военно-спортивные лагеря и т. д.

Об эффективности патриотического воспитания, однако, заставляет задуматься то, что более двух третей опрошенных (79,8 %) в последние 1–2 года не участвовали или участвовали очень редко в мероприятиях патриотического или военно-патриотического характера, и лишь 20,2 % участвуют в них регулярно или часто [ПМА 2023–2024].

Нам также было важно узнать, чем гордятся молодые граждане России. Ответы в процентах распределились следующим образом (см. табл. 1).

Отрадно, что ответ «гордиться нечем» выбрали всего 2,2 % молодежи. Оптимизм внушает также и то, что подавляющее большинство (68,7 %) не хотели бы уезжать из России в другие страны на постоянное место жительства [ПМА 2023–2024].

В анкете содержался открытый вопрос: «Есть ли среди Ваших знакомых те, кого можно назвать патриотом, и в чем проявля-

ется их патриотизм?», позволяющий получить представление о реальном состоянии и перспективах патриотизма в современной России, понять, как осознают сущность этого явления вовлеченные в его реализацию стороны. Это, в конечном счете, поможет систематизировать патриотическую работу и получить результаты этой деятельности. Так, при ответе на этот вопрос были названы:

- ветераны Великой Отечественной войны, боровшиеся за свободу страны и жертвовавшие собой ради мирного неба, а также те, кто в тылу ковал Победу;

- участники СВО, среди которых — отцы, братья, дяди, учителя опрошенных, а также все, кто помогает бойцам, находящимся на передовой гуманитарной помощью, изготовлением окопных свечей, плетением маскировочных сетей и т. д.;

- представители старшего поколения — родители, бабушки, дедушки и другие родственники, придерживающиеся традиций СССР, гордящиеся прошлыми и настоящими достижениями страны и прилагающие усилия к ее процветанию;

- представители творческих профессий (поэты, писатели, художники, музыканты, режиссеры и др.), которые в своих произведениях прославляют любовь к Родине, природе, своему народу, его культуре и традициям;

- школьные учителя и преподаватели вузов, которые учат истории, приводят примеры гордости за свою страну. В связи со сказанным можно процитировать ответ

Таблица 1. Чем Вы гордитесь как россияне? (возможен выбор нескольких ответов) (%)
[Table 1. What are you proud of as Russians? (multiple choices afforded) (%)]

Победой нашей страны в Великой Отечественной войне	66,4
Историей России	63,4
Природными богатствами страны	60,4
Культурными достижениями России (музыкой, литературой, балетом, живописью и т. д.)	56,7
Культурным наследием народов России	54,1
Открытиями российских ученых	53,0
Победами российских спортсменов	49,3
Принадлежностью к своей национальности, знанием родного языка, культуры и национальных традиций	39,6
Положением России в мировом сообществе	26,9
Гордиться нечем	2,2

одного из ребят, который написал: «Мой преподаватель истории очень горд своей страной, верен ей и в любой момент готов постоять за нее» [ПМА 2023–2024].

Приведем еще несколько высказываний, которые, по мнению представителей молодого поколения, характеризуют патриота: «Патриот — это тот, кто имеет несомненную уверенность в силе страны и гордится ею»; «Патриот готов защищать Родину, служить ей и бороться за свободу и права народов»; «Патриотизм — это готовность отстоять страну с оружием в руках»; «Патриотизм — это беспрекословная любовь к Отчизне, которая была заложена еще в Советском Союзе»; «Моя подруга — патриотка, она с гордостью поет гимн, хочет приносить пользу стране и народу»; «Мой друг Александр очень патриотичен»; «Моя бабушка — патриотка. Она смотрит все, что связано с Россией»; «Патриот — это тот, у кого слезы на глазах во время исполнения гимна России»; «Патриот — это тот, кто уважает власть и стремится выполнить свой долг перед Отчизной»; «Мои родители — патриоты. Я горжусь ими. Они любят Россию и уважают традиции ее народов»; «Патриот — это тот, кто любит историю, культуру своей страны»; «Патриоты должны пытаться улучшить жизнь в стране. Наша страна нуждается в переменах, преодолении нищеты, нужна также модернизация системы образования»; «Патриот должен иметь осознанную любовь к Родине»; «Патриот любит свою малую родину, уважает ее традиции, заинтересован в защите ее культуры и исторической памяти»; «Патриотизм — это любовь к природе, стремление улучшить экологию России»; «Патриота отличает желание жить в своей стране, знать ее историю, добросовестно трудиться на своем рабочем месте»; «Патриот — это тот, кто за справедливость»; «Некоторые мои знакомые любят свою Родину, несмотря ни на что»; «Патриот — это тот, кто носит значок с флагом или гербом России, георгиевскую ленточку»; «Я сожалею, что патриотизм некоторых моих знакомых больше завязан на ненависти к другим, чем на любви к своим» [ПМА 2023–2024].

В рамках данного опроса нам также было важно определить и знание государ-

ственных символов страны. Правильное расположение цветов на флаге России назвали 87,1 %, на флаге Башкортостана — 67 % опрошенных, автора слов гимна страны назвали 44,3 %, музыки — 32 % молодежи, на порядок ниже оказалось знающих авторов слов и музыки гимна Республики Башкортостан — не более 15 %. При этом были продемонстрированы неплохие знания государственных праздников: 80 % знают, какой праздник отмечается 12 июня, и около 70 % смогли назвать праздник, отмечаемый 4 ноября [ПМА 2023–2024].

Символами России, кроме герба, флага и гимна, по мнению опрошенных, также являются:

- Президент Путин;
- Москва;
- Кремль;
- Красная Площадь;
- Вечный огонь;
- Конституция;
- суверенитет;
- памятник «Родина-мать»;
- границы, очертания России;
- двуглавый орел;
- народ России;
- нефть;
- газ;
- медведь;
- русский язык;
- родная природа;
- природные ресурсы;
- река Волга;
- леса;
- армия страны;
- автомат Калашникова;
- наука;
- хлеб;
- шапка-ушанка;
- балалайка;
- частушки;
- культура страны;
- зима;
- стойкость;
- мир;
- история страны;
- водка;
- береза;
- тополь;
- Урал;
- мед;

- куница;
- Алтай
- певец Shaman и т. д. [ПМА 2023–2024].

Исследование в целом показало достаточно высокий уровень патриотизма и понимания сути данного явления у башкортостанской молодежи, а также, безусловно, имеющийся потенциал в данной сфере. Однако, несмотря на это, данная категория населения остается социально и экономически уязвимой. Ряд объективных факторов, существующих в социально-экономической и общественно-политической сферах страны (высокий уровень безработицы и кредитованности населения, трудности в решении жилищного вопроса, низкие зарплаты, социальная незащищенность, бюрократические препятствия, увеличение количества алко- и наркозависимых представителей молодого поколения и пр.) могут стать дестабилизирующими факторами, препятствующими реализации потенциала молодежи, их активному включению в позитивную деятельность, направленную на улучшение жизни в стране. Для выстраивания адекватных жизненных стратегий, усиления среди них патриотизма молодежи нужна уверенность в завтрашнем дне, которую они могут ощутить лишь при определенных действиях со стороны государства. При этом несомненно, что сегодня молодежь достаточно патриотична и лояльна к государству и готова к совместным с ним действиям, направленным на улучшение положения в обществе и защите своих и государственных интересов.

Воспитание и укрепление патриотизма — это и сохранение исторической памяти общества, трансляция культурных, духовных, социальных, политических и иных достижений последующим поколениям, причем исторической памяти не абстрактной, а конкретизированной в живых

людях, а также в материальных и духовных носителях в виде памятников, мемориалов, книг, фильмов, картин, музеев [Зарипов и др. 2023: 309] и т. д.

Общественная память хранит в своих недрах не только позитивные достижения, но и неудачи, поражения, которые имели место в различные исторические периоды. Важно объективно и критически их оценивать, чтобы не повторять ошибок прошлого, учитывать их в будущей деятельности. Историческая память позволяет обществам подниматься на новую ступень развития, придает моральные и нравственные силы преодолевать возникающие трудности, способствует сплочению людей, побуждает каждого члена общества к выработке гражданской позиции и ответственного отношения к истории своей Родины, активному участию в общественной жизни, саморазвитию и самореализации. Общественные ценности, сохраненные в исторической памяти, способствуют консолидации общества, достижению гражданского согласия, укрепляют социальные связи между поколениями, обеспечивая единство политического, социально-экономического и культурно-исторического пространства.

Исследования последних лет подтверждают факт, что укрепление патриотизма в стране идет параллельно с развитием общероссийской идентичности, более того, выступая основой гражданской идентичности и выполняя идентификационную и интеграционную функции, российский патриотизм нацелен на формирование национальной идеи, призванной объединить российское население независимо от этнической и конфессиональной принадлежности, тем самым способствуя сохранению единства страны и установлению гражданского согласия в поликультурном обществе.

Полевые материалы

ПМА 2023–2024 — Анкетирование молодежи Республики Башкортостан проведено в рамках реализации проекта «Укрепление российского патриотизма как фактора обеспечения единства многонационального народа в условиях современных геополитических вызовов (на примере республик Башкортостан, Татарстан, Удмуртия, Марий Эл, Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия)».

Authors' Field Data

Questionnaire survey of Bashkortostan's youth conducted within the project 'Strengthening of Russian Patriotism as a Factor to Secure the Unity of Our Multiethnic Nation in the Face of Contemporary Geopolitical Challenges: Republics of Bashkortostan, Tatarstan, Udmurtia, Mari El, Dagestan, Kabardino-Balkaria, and Karachay-Cherkessia'. (In Russ.)

Литература

- Великая, Дорошина 2022 — *Великая Н. М., Дорошина А. В.* Самоидентификация молодежи московского региона как фактор конструирования образа будущего России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22. Вып. 1. С. 31–38.
- Ешев 2013 — *Ешев М. А.* Российский патриотизм как основа национальной идентичности // Власть. 2013. Т. 21. № 6. С. 116–118.
- Загорская 2021 — *Загорская О. В.* Ценности «постмодернити» и модернизация современной России // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 7 (109). С. 85–87.
- Зарипов и др. 2023 — *Зарипов А. Я., Псянчин А. В., Мигранова Э. В.* Историческое самосознание и коллективная память общества: роль и значение музеев для подрастающего поколения // Евразийский юридический журнал. № 9 (184). 2023. С. 309–311.
- Кашапова 2014 — *Кашапова А. И.* Патриотизм как социальный феномен: сущность и специфика // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 10. Ч. 1. С. 85–88.
- Корж, Каримова 2022 — *Корж Н. В., Каримова Л. Ф.* Проблема патриотизма среди современной молодежи в условиях геополитической напряженности // Наука. Общество. Государство: электронный научный журнал. 2022. Т. 10. № 4. С. 80–89. DOI: 10.21685/2307-9525-2022-10-4-9
- Мартынов и др. 2020 — *Мартынов М. Ю., Фадеева Л. А., Габеркорт А. И.* Патриотизм как политический дискурс в современной России // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 109–121.
- Орлов 2014 — *Орлов И. Б.* Патриотизм в истории России: государственная идеология и ценностный потенциал // Государственная идеология и современная Россия: материалы Всеросс. науч.-общ. конф. (г. Москва, 28 марта 2014 г.). М.: Наука и политика, 2014. С. 107–114.
- Осипов и др. 2023 — *Осипов Н. Д., Невраева Н. Ю., Кabanov А. М., Яценко О. Ю.* Проблема воспитания патриотизма у молодежи в современных условиях развития российского общества // Педагогический журнал. 2023. Т. 13. № 4А. С. 185–195. DOI: 10.34670/AR.2023.43.56.022

References

- Velikaya N. M., Doroshina A. V. Self-identification of youth in the Moscow region as a factor of constructing the image of Russia's future. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 2022. Vol. 22. No. 1. Pp. 31–38. (In Russ.) DOI: 10.18500/1818-9601-2022-22-1-31-38
- Yeshev M. A. Russian patriotism as a basis for national identity. *Vlast'*. 2013. Vol. 21. No. 6. Pp. 116–118. (In Russ.)
- Zagorskaya O. V. Postmodernity values and modernization of today's Russia. *Mezhdunarodnyj naučno-issledovatel'skij žurnal (International Research Journal)*. 2021. No. 7 (109). Pp. 85–87. (In Russ.) DOI: 10.23670/IRJ.2021.109.7.086
- Zaripov A. Ya., Psyanchin A. V., Migrantova E. V. Historical self-awareness and collective memory of society: The role and importance of museums for the younger generation. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal*. 2023. No. 9 (184). Pp. 309–311. (In Russ.)
- Kashapova A. I. Patriotism as social phenomenon: essence and specifics. *Manuscript*. 2014. No. 10. Pt. 1. Pp. 85–88. (In Russ.)
- Korzh N. V., Karimova L. F. The problem of patriotism among modern youth in the context of geopolitical tensions. *Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2022. Vol. 10. No. 4. Pp. 80–89. (In Russ.) DOI: 10.21685/2307-9525-2022-10-4-9
- Martynov M. Yu., Fadeyeva L. A., Gaberkorn A. I. Patriotism as political discourse in contemporary Russia. *Polis. Political Studies*. 2020. No. 2. Pp. 109–121. (In Russ.) DOI: 10.17976/jpps/2020.02.08
- Orlov I. B. Patriotism in Russian history: State ideology and value potential. In: Sulakshin S. S. et al. (eds.) *State Ideology and Contemporary Russia. Conference proceedings* (Moscow, 28 March 2014). Moscow: Nauka i Politika, 2014. Pp. 107–114. (In Russ.)
- Osipov N. D., Nevraeva N. Yu., Kabanov A. M., Yatsenko O. Yu. The problem of education of patriotism among youth in modern conditions of development of Russian society. *Pedagogical Journal*. 2023. Vol. 13. No. 4A. Pp. 185–195. (In Russ.) DOI: 10.34670/AR.2023.43.56.022

- Отюцкий 2023 — *Отюцкий Г. П.* Культура патриотизма как научное понятие и социальный феномен // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Т. 12. № 5А-6А. С. 185–194.
- Павлов 2018 — *Павлов А. В.* Патриотизм. Очень краткая история идеи // Философская антропология. 2018. Т. 4. № 1. С. 175–191.
- Письмо Министерства просвещения 2022 — Письмо Министерства просвещения РФ от 15 апреля 2022 г. № СК-295/06 «Об использовании государственных символов Российской Федерации» // Гарант.Ру. Информационно-правовой портал. 18 мая 2022. URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 05.12.2024).
- Псянчин и др. 2021 — *Псянчин А. В., Мигранова Э. В., Зарипов А. Я.* К вопросу об этнической и общероссийской идентичности в республиках Башкортостан и Татарстан // Этнокультурное и языковое многообразие народов России (на примере республик Башкортостан, Татарстан, Саха (Якутия), Дагестан) / отв. ред. А. В. Псянчин. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2021. С. 62–75.
- Стратегия 2015 — Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение правительства РФ от 29 мая 2015 г. N 996-р г. // Российская газета. 8.06.2015 г. URL: <https://rg.ru/documents/2015/06/08/vospitanie-dok.html> (дата обращения: 27.05.2024).
- Хромова 2014 — *Хромова М. Н.* Идеи патриотизма в трудах отечественных философов и педагогов // Фундаментальные исследования. 2014. № 5–2. С. 379–382.
- Федеральный проект 2021 — Федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» национального проекта «Образование» // Роспатриот (ФГБУ «Российский центр гражданского и патриотического воспитания детей и молодежи»). URL: <https://rospatriotcentr.ru/rospatriot/patriotic/> (дата обращения: 27.05.2024).
- Otyutskii G. P. Culture of patriotism as a scientific concept and social phenomenon. *Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being*. 2023. Vol. 12. No. 5A-6A. Pp. 185–194. (In Russ.) DOI: 10.34670/AR.2023.73.69.019
- Pavlov A. V. Patriotism. Very brief history of the idea. *Philosophical Anthropology*. 2018. Vol. 4. No. 1. Pp. 175–191. (In Russ.) DOI: 10.21146/2414-3715-2018-4-1-175-191
- Letter (Memorandum) of the Ministry of Education of the Russian Federation of 15 April 2022 no. СК-295/06 on the Use of Russia's National Symbols. On: GARANT legal reference system. Posted on 18 May 2022. Available at: <https://www.garant.ru/> (accessed: 5 December 2024). (In Russ.)
- Psyanchin A. V., Migranova E. V., Zaripov A. Ya. The issue of ethnic and all-Russian identity in the republics of Bashkortostan and Tatarstan revisited. In: Psyanchin A. V. (ed.) *Ethnocultural and Linguistic Diversity of Russia: Republics of Bashkortostan, Tatarstan, Sakha (Yakutia), and Dagestan*. Ufa: Institute of History, Language and Literature (UFRC RAS), 2021. Pp. 62–75. (In Russ.)
- Decree of the Government of the Russian Federation of 29 May 2015 no. 996-p [on the] National Strategy for the Development of Upbringing [Agenda and Patterns] up to the Year 2025. On: Rossiyskaya Gazeta (website). Posted on 8 June 2015. Available at: <https://rg.ru/documents/2015/06/08/vospitanie-dok.html> (accessed: 27 May 2024). (In Russ.)
- Khromova M. N. Ideas of patriotism in works of domestic philosopher and pedagogues. *Fundamental Research*. 2014. No. 5–2. Pp. 379–382.
- Patriotic Upbringing of Russia's Citizens: A federal initiative within the National Project 'Education'. On: Rospatriot (website). Available at: <https://rospatriotcentr.ru/rospatriot/patriotic/> (accessed: 27 May 2024). (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 17, Is. 6, Pp. 1279–1294, 2024
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 316.4

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1279-1294

Экспорт образования: почему иностранцы едут учиться в российские регионы?

Ноган Вячеславовна Бадмаева¹, Ирина Эрдниевна Чимбеева²

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 младший научный сотрудник

 0000-0002-4799-5506. E-mail: [noganabadmaeva\[at\]yandex.ru](mailto:noganabadmaeva[at]yandex.ru)

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 младший научный сотрудник

 0009-0008-6274-6664. E-mail: [chimbeevai\[at\]mail.ru](mailto:chimbeevai[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Бадмаева Н. В., Чимбеева И. Э., 2024

Аннотация. *Введение.* Одна из задач российской системы образования — развитие образовательной мобильности, повышение экспорта российского образования. Однако для государства важно переориентировать потоки образовательных мигрантов из мегаполисов и больших городов в российские регионы. Привлечение иностранных граждан для обучения в Российской Федерации приносит целый ряд социальных, политических и экономических выгод. В последние годы все больше иностранных студентов получают образование или обучаются на факультетах довузовской подготовки в регионах страны, однако между регионами иностранные обучающиеся распределены также неравномерно. На неравномерное размещение иностранных студентов по стране влияют экономические, географические факторы, академическая репутация вузов, образовательная инфраструктура, а также неформальные, культурные связи. *Цель* статьи — на примере Республики Калмыкия и соседних с ней регионов рассмотреть вопросы образовательной миграции в регионы России для иностранных студентов. *Материалы и методы.* Для написания статьи была проанализирована статистика о количестве иностранных студентов и распределении их по регионам России, в частности в таких южнороссийских регионах, как Ростовская, Волгоградская, Астраханская области, Ставропольский край, Республики Калмыкия и Дагестан. Проведен был социологический опрос иностранных обучающихся в Калмыцком государственном университете им. Б. Б. Городовикова. В работе применялся сравнительно-сопоставительный метод исследования. *Результаты.* Анализ представленности иностранных обучающихся в вузах анализируемых нами регионов в 2018–2019 учебном году показал, что наибольшее количество иностранцев обучалось в Ростовской области, однако по доле иностранных граждан в общем количестве студентов первое место заняла Астраханская область, далее — Республика Калмыкия, на третьем месте — Волгоградская область. Практически во всех регионах большая часть иностранцев обучается в медицинских и технических вузах. Проведенный опрос показал, что важными факторами выбора России для учебы являются качество и доступность образования, хорошие условия жизни, а также перспектива дальнейшего обуче-

ния и устройства на работу, получения гражданства. На выбор региона, а именно Калмыкии, влияют в основном советы знакомых, родственников, уже когда-либо обучавшихся в регионе, невысокая по сравнению с другими регионами и большими городами стоимость обучения и стоимость проживания в общежитии. Небольшие размеры столицы Калмыкии — г. Элисты многие иностранные студенты также выделили как преимущество, чтобы не тратить время на дорогу. *Выводы.* Анализ распределения иностранных студентов в анализируемой группе южнороссийских регионов показал, что более крупные регионы, такие как Ростовская область, Волгоградская область, Ставропольский край, Республика Дагестан, не используют свой потенциал по привлечению иностранных студентов в полной мере.

Ключевые слова: иностранные студенты, академическая мобильность, образовательная миграция, привлекательность региона, адаптация, южнороссийские регионы, Республика Калмыкия

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Асимметрично развивающиеся территории перед традиционными и новыми вызовами: исследование динамики социально-экономических процессов и изменчивости экологической ситуации» (номер госрегистрации 122022700133-9).

Для цитирования. Бадмаева Н. В., Чимбеева И. Э. Экспорт образования: почему иностранцы едут учиться в российские регионы? // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 6. С. 1279–1294. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1279-1294

Export of Education: Why Foreigners Prefer to Study in Russian Regions

Nogan V. Badmaeva¹, Irina E. Chimbeeva²

1 Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Junior Research Associate

 0000-0002-4799-5506. E-mail: noganabadmaeva[at]yandex.ru

2 Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Junior Research Associate

 0009-0008-6274-6664. E-mail: chimbeevai[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Badmaeva N. V., Chimbeeva I. E., 2024

Abstract. Introduction. The national education system is supposed to develop mobility and increase exports of Russian education. In the mean time, the government strives to redirect flows of educational migrants from megalopolises and cities — towards regions. Educational services to foreign citizens entail a variety of social, political and economic benefits. Recent years witness increased numbers of students from abroad that choose to attend university-level programs or preliminary ones at Russia's regional institutions, while the former are distributed not that evenly between the latter. This might arise from economic and geographic factors, academic reputations of universities, educational infrastructures, existing informal or cultural contacts. *Goals.* The article examines the Republic of Kalmykia and neighboring federal subjects to articulate some aspects of educational migration to Russia's regions essential for foreign students. *Materials and methods.* The paper analyzes statistical data on foreign students and their distribution across some South Russian regions, such as Rostov, Volgograd and Astrakhan oblasts, Stavropol Region, Kalmykia and Dagestan. The study involves a sociological survey of foreign students at the Gorodovikov Kalmyk State University, a key research method being the comparative analysis one. *Results.* . Our insight into foreign student data for universities of the specified regions (academic year 2018–2019) shows Rostov Oblast hosted the largest number of foreigners, while the latter's share proved utmost in Astrakhan Oblast, with Kalmykia ranked next, and Volgograd Oblast in the third place. In virtually all the regions, the bulk of foreigners take medical and technical university programs. The survey indicates the essential factors in choosing Russia include — quality and accessibility of education, good living conditions, further training and employment prospects, citizenship opportunities. The choice of Kalmykia is usually prompted by the advice from friends and relatives who have already studied in the region, by relatively low tuition fees and dormitory accommodation costs. Another mentioned advantage of Elista (Kalmykia's administrative center) proves its small size and, consequently, reduced home-to-university travel times. *Conclusions.* Our distribution analysis for the examined South Russian regions shows larger territories — such as

Rostov and Volgograd oblasts, Stavropol Krai, and the Republic of Dagestan — somewhat fail to use the full potential of attracting foreign students.

Keywords: foreign students, academic mobility, educational migration, attractiveness of a region, adaptation, regions of South Russia, Republic of Kalmykia

Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700133-9 ‘Asymmetrically Developing Territories to Face Traditional and New Challenges: Exploring Socio-economic Dynamics and Environmental Changes’.

For citation: Badmaeva N. V., Chimbeeva I. E. Export of Education: Why Foreigners Prefer to Study in Russian Regions. *Oriental Studies*. 2024; 17(6): 1279–1294 (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1279-1294

1. Введение

Развитие образовательной мобильности, повышение экспортного потенциала российской системы образования в последние годы являются ключевыми направлениями международного сотрудничества в сфере высшего образования России. Привлечение иностранных граждан для обучения в Российской Федерации приносит целый ряд социальных, политических и экономических выгод.

Для привлечения иностранных студентов правительство страны выделяет квоты на обучение. Квота на обучение позволяет иностранным гражданам получить образование за счет бюджета Российской Федерации [Доклад о реализации 2024: 126]. Количество выделяемых квот на обучение с каждым годом растет [Решение по итогам совещания 2023]. В основном иностранные студенты приезжают учиться на определенные специальности. Наиболее популярными направлениями обучения для иностранных студентов в рамках приемной кампании 2022–2023 академического года оказались такие специальности, как «экономика», «медицина», «управление и право», «лингвистика», «международные связи», «разработка программного обеспечения», «информационные технологии и компьютерная техника», «филология» и «психология» [Решение по итогам совещания 2023].

Цель статьи — на примере Республики Калмыкия и соседних с ней регионов рассмотреть вопросы образовательной миграции в регионы России для иностранных студентов.

2. Материалы и методы

В работе применялись методы анализа статистических данных, социологический опрос, сравнительно-сопоставительный метод исследования. Социологический опрос проведен среди иностранных студентов, обучающихся в Калмыцком государственном университете им. Б. Б. Городовикова [ПМА 2024]. Для оценки численности и социально-демографических данных иностранных обучающихся (пол, возраст, форма обучения, направление подготовки) были проанализированы статистические сведения с 2019 г. по 2024 г., предоставленные Калмыцким государственным университетом им. Б. Б. Городовикова по запросу Калмыцкого научного центра РАН [Исходящее письмо...]. Опрос иностранных студентов проводился в апреле 2024 г. в учебных аудиториях и в общежитиях университета. Всего было опрошено 350 респондентов, представителей более 20 стран. Среди основных анализируемых вопросов в анкете были следующие: причины выбора России для получения высшего образования, причины выбора Республики Калмыкия, планы по трудоустройству и дальнейшему обучению, вопросы по адаптации к стране и региону.

3. Зачем нужна образовательная миграция в Россию

Российская система образования может выполнять функцию эффективного инструмента внешней политики и предоставляет государству различные выгоды от привлечения иностранных студентов.

Геополитическая выгода заключается в распространении влияния России на стра-

ны через так называемую «мягкую силу». Мягкая сила (soft power) — это способность страны влиять на международное сообщество через привлекательность своей культуры, политических идеалов, научных достижений и образовательных стандартов. Одним из важнейших инструментов мягкой силы является образование, поскольку оно привлекает иностранных студентов, формируя позитивное отношение к стране и распространяя её ценности и культуру. Вернувшиеся выпускники становятся своего рода проводниками политики и культуры стран обучения [Рязанцев и др. 2019: 425].

Оценивая перспективу развития «мягкой силы» России в процессе интернационализации высшего образования страны, ректор одного из лучших университетов — МГИМО МИД РФ А. В. Торкунов отмечал: «Образовательный потенциал России традиционно считается одним из важнейших ресурсов развития страны.» [Торкунов 2012: 88].

Российская Федерация имеет большой опыт в области обучения зарубежных студентов. В советское время студенты из многих стран, прежде всего стран социалистического лагеря и развивающихся стран, обучались в СССР и прежде всего в России. Выпускники российских высших образовательных заведений, не только получившие профессиональное образование, но и изучившие русский язык (язык межнационального общения в СССР) и ознакомившиеся с российской культурой, работали во многих странах. Они и являлись проводниками советской и российской культуры. Как отмечал А. В. Торкунов в специальной статье, посвященной образованию как «мягкой силе», «Советский Союз долгое время успешно использовал высшее образование в качестве инструмента геополитики и „идеологического оружия“ в условиях блокового противостояния и холодной войны, еще задолго до возникновения самого понятия „мягкой силы“» [Торкунов 2012: 88–89].

В современном мире конкуренция в области образовательных услуг чрезвычайно высока. Это обусловлено как распространением тренда на интернационализацию образования, так и пониманием ведущими странами роли образования как инструмен-

та мягкого воздействия на геополитические процессы в мире.

Значимость импорта образовательных услуг как инструмента «мягкой силы» отражена в том, что, как отмечал А. В. Торкунов еще в 2012 г., «курс на развитие образования как инструмента усиления позиций России в культурно-образовательном международном пространстве реализуется под непосредственным руководством Министерства иностранных дел Российской Федерации. МИД РФ, в частности, разработал „Основные направления политики России в области международного культурно-гуманитарного сотрудничества“ (в области культуры, образования, науки, спортивных и молодежных связей), утвержденные Президентом России 18 декабря 2010 г. ... Продолжается работа по концептуальному и институциональному оформлению „мягкой силы“ России на международной арене» [Торкунов 2012: 89].

В докладе Министерства науки и высшего образования РФ, который посвящен выполнению государственной политики в сфере высшего и дополнительного профессионального образования за период 2022–2023 учебного года, сообщается, что большинство иностранных учащихся прибыло из таких государств, как Китай, Беларусь, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Вьетнам, Сирия, Афганистан и Киргизия [Доклад о реализации 2024: 127]. Большая часть образовательных мигрантов — студенты из стран Центральной Азии. С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская, В. И. Скоробогатова, В. А. Безвербный отмечают, что такой фокус российской образовательной политики вполне обоснован и логичен, так как данные страны относятся к числу ключевых направлений внешней политики России и являются важными источниками образовательных мигрантов для нашей страны [Рязанцев и др. 2019: 427].

Конкурентоспособность российской системы образования подтверждена десятилетиями практики предоставления образовательных услуг иностранным студентам. Образовательная миграция оказывает значительное воздействие на демографические процессы в период получения образования иностранными студентами. После

получения образования, погруженные в культуры, знающие в совершенстве язык страны обучения бывшие студенты могут являться проводниками культуры той страны, где они получили образование. Кроме того, она может получить форму трудовой миграции в случае продолжения трудовой деятельности иностранного студента после окончания вуза в России. Таким образом, привлечение иностранных студентов также может явиться одним из механизмов пополнения трудовых ресурсов, тогда как в последние десятилетия в нашей стране наблюдается сокращение доли молодого населения и населения трудоспособного возраста [Бежанова и др. 2019: 90; Бадмаева 2023: 177]. Исследователи также отмечают, что прирост доли иностранных студентов в российских вузах вызван и сокращением численности российских студентов [Волох, Гришаева 2017: 81]. На фоне проблемы сокращения численности российских студентов экспорт образовательных услуг играет важную роль в обеспечении занятости профессорско-преподавательского состава, а также сохранения материально-технической базы высших учебных заведений [Лебедева 2022: 29].

Образовательная миграция приносит внушительный доход странам. Экономическая выгода заключается не только в доходах от предоставления образовательных услуг, но и в том, что иностранные студенты приносят также ощутимый доход экономике принимающей страны в виде оплаты расходов на повседневные нужды, продукты пи-

тания, культурные мероприятия и другие услуги.

4. Количество иностранных студентов и где они обучаются

Согласно статистике Министерства науки и высшего образования РФ, количество иностранных студентов в 2023 г. достигло 405,6 тысяч человек. Этот показатель демонстрирует устойчивый рост как общего числа студентов, так и доли иностранных учащихся в российском высшем образовании. Например, с 2017 г. удельный вес иностранных студентов среди всех студентов страны увеличился на 1,7 % (см. табл. 1).

Основной поток иностранных студентов приходится на крупные университеты в мегаполисах и больших городах. Российские регионы также обладают достаточным потенциалом для развития экспорта образовательных услуг высших учебных заведений. В последние годы региональные вузы привлекают все большее количество иностранных обучающихся [Фофанова, Сычев 2018: 3].

Рассмотрим первую десятку университетов — лидеров по количеству иностранных студентов очной формы обучения, а также для сравнения место Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова в этом рейтинге. По данным, представленным в таблице 2, мы видим, что в 2018–2019 учебном году в топ-10 вузах по численности иностранных студентов в столичных вузах обучается больше иностранных студентов, чем в регионах.

Таблица 1. Численность и доля иностранных граждан, проходящих обучение в учреждениях, предоставляющих образовательные услуги по программам высшего образования, в общем количестве студентов Российской Федерации

[Table 1. Numbers and shares of foreign students at university-level institutions of the Russian Federation]

Показатель / год	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Всего студентов, человек	4161672	4068327	4049333	4044203	4130018	4325280
Количество иностранных студентов, тыс. чел.	321,3	342,6	360,7	370,5	398,6	405,6
Доля, в %	7,7	8,4	8,9	9,2	9,7	9,4

Источник: [Распределение численности 2018–2023; Количество иностранных граждан 2018–2021].

Таблица 2. Рейтинг университетов по общей численности иностранных студентов (2018–2019 учебный год) / место Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова в рейтинге

[Table 2. Ratings of universities by foreign student numbers (2018–2019), including that of the Gorodovikov Kalmyk State University]

№	Наименование вуза	Город	Численность иностранных граждан, обучавшихся в 2018/2019 по очной форме, человек
1	Российский университет дружбы народов	г. Москва	12 515
2	Казанский (Приволжский) федеральный университет	г. Казань	7 232
3	Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого	г. Санкт-Петербург	6 543
4	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова	г. Москва	5 511
5	Санкт-Петербургский государственный университет	г. Санкт-Петербург	5 375
6	«Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»	г. Москва	4 060
7	Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина	г. Екатеринбург	3 601
8	Национальный исследовательский университет ИТМО (Университет ИТМО)	г. Санкт-Петербург	3 377
9	Первый Московский государственный медицинский университет им. И. М. Сеченова	г. Москва	3 248
10	Национальный исследовательский Томский политехнический университет	г. Томск	3 016
71	Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова	г. Элиста	1 069

Источник: [Арефьев 2020: 156, 162].

Однако, как было упомянуто ранее, в последнее время все большее количество иностранных студентов получает образование либо проходит курсы по изучению русского языка в различных регионах страны. Вместе с тем распределение иностранных учащихся между этими регионами остается неравномерным.

5. Асимметрия распределения иностранных студентов в российских регионах

На неравномерное размещение иностранных студентов по стране влияют следующие факторы. В первую очередь — экономические факторы, экономическое раз-

витие мегаполисов и регионов значительно различается. В гг. Москве и Санкт-Петербурге сосредоточены престижные учебные заведения, здесь развитая образовательная, социальная, транспортная, жилищная инфраструктура и больше возможностей для трудоустройства, что и привлекает иностранных студентов. Данный аспект рассматривают в своих работах Р. Г.-К. Гусейн-заде, А. А. Деревянченко, Т. В. Лебедева, В. А. Волох, С. А. Гришаева [Гусейн-заде, Деревянченко 2021: 147, 149; Лебедева 2024: 137; Волох, Гришаева 2017: 84–85].

Следующий фактор — это качество образования, академическая репутация вузов, образовательная инфраструктура в целом.

В большинстве своем региональные вузы могут не иметь той же репутации, развитой инфраструктуры корпусов, библиотек, общежитий, что и ведущие учреждения в столичных центрах. Так, Т. В. Лебедева подчеркивает, что: «половину вузов топ-10 представляют организации высшего образования г. Москвы и г. Санкт-Петербурга» [Лебедева 2024: 139].

Важно отметить значение географического положения российских регионов и соседних стран. Е. Н. Алексеева выявила определенную тенденцию в географическом распределении иностранных студентов. В своих исследованиях она отмечает, что учащиеся из азиатских регионов чаще всего выбирают для обучения Дальний Восток, Сибирь, Поволжье и Урал, а также Москву и Санкт-Петербург. Студенты из Северной Африки и Ближнего Востока отдают предпочтение учебным заведениям Южного федерального округа и Центрального региона России. Мигранты из Закавказья обычно направляются в Северо-Кавказские территории, особенно в Ростовскую область, Ставропольский и Краснодарский края [Алексеева 2012: 124–125].

Один из важных факторов — это государственная политика: федеральные программы, правительственные инициативы могут влиять на количество иностранных студентов в том или ином регионе. Направления Концепции государственной миграционной политики РФ до 2025 г. раскрывают в своем исследовании В. А. Суворова и И. А. Бронников [Суворова, Бронников 2019: 137]. На распределение иностранных

студентов могут также влиять культурные, семейные и другие неформальные связи, поскольку студенты часто выбирают учебные заведения ближе к своим соотечественникам или тем регионам, где они могут найти общую со своей культурой.

Эти факторы приводят к тому, что определенные регионы России становятся центрами притяжения для иностранных студентов, в то время как другие остаются менее привлекательными.

6. Распределение иностранных студентов в южнороссийских регионах

Несмотря на то, что многие иностранные студенты по-прежнему отдают предпочтение столичным вузам, региональные учебные заведения с каждым годом привлекают все большее количество иностранных обучающихся. В рамках нашего анализа мы рассмотрим распределение иностранных студентов в вузах южных регионов России, уделяя внимание представленности иностранных студентов в государственных вузах. Для составления таблицы мы использовали данные из статистического сборника Министерства науки и высшего образования «Экспорт российских образовательных услуг», представленные за 2020 г. (т. е. последние данные за 2018–2019 академический год). В связи с этим для расчета доли иностранных студентов общую численность студентов мы также брали за 2018–2019 учебный год (см. табл. 3).

Рассмотрим также долю иностранных студентов в общей численности студентов в регионах (см. табл. 4).

Таблица 3. Иностранные студенты в вузах южнороссийских регионов, человек
[Table 3. Foreign students at universities of South Russia, indiv.]

РЕГИОН	Подготовительное отделение	Бакалавриат	Специалитет	Магистратура	Всего
АСТРАХАНСКАЯ ОБЛАСТЬ	508	2 392	1 780	119	4 982
Астраханский государственный университет	156	1 538	24	43	1 839
Астраханский государственный медицинский университет	65	0	1 720	0	1 873
Астраханская государственная консерватория	1	17	0	3	21

Астраханский государственный технический университет	160	809	30	72	1 088
Астраханский государственный архитектурно-строительный университет	126	28	6	1	161
ВОЛГОГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ	442	1 070	2 541	148	4 408
Волгоградский государственный социально-педагогический университет	51	131	0	13	208
Волгоградский государственный технический университет	198	558	16	70	888
Волгоградский государственный университет	0	165	7	48	339
Волгоградский государственный медицинский университет	173	0	2 497	0	2 698
Волгоградский государственный аграрный университет	20	206	21	16	264
Волгоградская государственная академия физической культуры	0	9	0	1	10
Волгоградская консерватория (институт) искусств им. П. А. Серебрякова	0	1	0	0	1
РЕСПУБЛИКА КАЛМЫКИЯ	298	634	13	57	1 069
Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова	298	634	13	57	1 069
РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ	782	2 579	789	622	5 296
Донской государственный технический университет	281	1 332	98	288	2 044
Южный федеральный университет	337	1 202	68	306	2 326
Ростовский государственный медицинский университет	139	0	543	0	737
Ростовская государственная консерватория им. С. В. Рахманинова	25	26	28	26	116
Ростовский государственный университет путей сообщения	0	19	52	2	73
СТАВРОПОЛЬСКИЙ КРАЙ	85	1 055	1 242	68	2 529
Северо-Кавказский федеральный университет	54	1 039	110	68	1 288
Ставропольский государственный медицинский университет	31	0	1 132	0	1 225
Ставропольский государственный педагогический институт	0	16	0	0	16
РЕСПУБЛИКА ДАГЕСТАН	148	367	233	31	797
Дагестанский государственный педагогический университет	0	63	0	5	68
Дагестанский государственный технический университет	46	49	0	5	102
Дагестанский государственный университет	72	92	1	10	179
Дагестанский государственный медицинский университет	30	0	205	0	247

Дагестанский аграрный университет им. М. М. Джамбулатова	0	130	27	11	168
Дагестанский государственный университет народного хозяйства	0	33	0	0	33

Источник: [Арефьев 2020: 56–57, 59, 61, 64, 79, 85–87, 90, 93–94, 99, 107–109, 116–117, 119].

Таблица 4. Доля иностранных обучающихся в южнороссийских регионах за 2018–2019 учебный год, в %

[Table 4. Shares of foreign students at universities of South Russia in 2018–2019, %]

Регион	Доля иностранных студентов
Астраханская область	16,7
Республика Калмыкия	12,8
Волгоградская область	7,2
Ростовская область	3,9
Ставропольский край	3,5
Республика Дагестан	1,5

В Астраханской области в 2018–2019 учебном году обучалось 29 797 студентов. По данным таблицы (см. табл. 3) мы видим, что наибольшее количество иностранных студентов обучались в Астраханском государственном медицинском университете, на втором месте — Астраханский государственный университет, на третьем — Астраханский государственный технический университет. В 2018–2019 учебном году доля иностранных студентов в образовательных учреждениях составила 16,7 %. Среди них 10,2 % обучались на подготовительных отделениях, 48 % — по программам бакалавриата, 35,7 % — на специалитете и 2,4 % — в магистратуре.

Что касается Волгоградской области, то в 2018–2019 учебном году количество студентов достигло 60 907 человек, при этом доля иностранных обучающихся составила 7,2 %. Наибольшее количество иностранных студентов обучались в медицинском и техническом вузах, на третьем месте — Волгоградский государственный университет. На подготовительных отделениях вузов обучались 10 % иностранцев, по программам бакалавриата — 24,3 %, на специалитете — 57,6 %, в магистратуре — 3,4 %.

В Республике Калмыкия в 2018–2019 учебном году общее количество сту-

дентов составляло 8 337 человек. Доля иностранных студентов составила 12,8 %. В регионе осуществляет свою деятельность только один государственный вуз — Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова. На подготовительном отделении вуза обучались 27,9 % иностранцев, по программам бакалавриата — 59,3 %, на специалитете — 1,2 %, в магистратуре — 5,3 %.

В Ростовской области в 2018–2019 учебном году общее количество студентов составляло 136 325 человек. Доля иностранных студентов составила 3,9 %. Наибольшее количество иностранных студентов обучалось в Южном федеральном университете, на втором месте — Донской государственный технический университет, на третьем месте — Ростовский государственный медицинский университет. На подготовительных отделениях вузов обучались 14,8 % иностранцев, по программам бакалавриат 46 %, на специалитете — 14,9 %, в магистратуре — 11,7 %.

Что касается Ставропольского края, то в 2018–2019 учебном году там обучалось 71 970 студентов, среди которых доля иностранных студентов составила 3,5 %. Наибольшее количество иностранных студентов обучалось в Северо-Кавказском федеральном университете, на втором месте — Ставропольский государственный медицинский университет. На подготовительных отделениях вузов обучались 3,4 % иностранных обучающихся, по программам бакалавриата 41,7 %, на специалитете — 49,1 %, в магистратуре — 2,7 %.

В Республике Дагестан численность студентов в 2018–2019 учебном году составила 52 646 человек. Доля иностранных студентов составила 1,5 %. Наибольшее количество иностранных студентов обучалось в Дагестанском государственном медицинском, Дагестанском государственном и Дагестанском государственном аграрном уни-

верситетах соответственно. На подготовительных отделениях вузов обучались 18,6 % иностранцев, по программам бакалавриата — 48,7 %, на специалитете — 29,2 %, в магистратуре — 3,9 %.

Анализ представленности иностранных обучающихся в вузах анализируемых нами регионов в 2018–2019 учебном году показал, что наибольшее количество иностранцев обучалось в Ростовской области, однако по доле иностранных граждан в общем количестве студентов первое место заняла Астраханская область, далее — Республика Калмыкия, на третьем месте — Волгоградская область.

Практически во всех регионах, кроме Калмыкии (где нет медицинского и технического вузов), большая часть иностранцев обучаются в медицинских и технических вузах. Наибольший процент обучающихся на подготовительных отделениях — в Калмыкии, также в этом регионе наибольшая доля обучающихся иностранных граждан по программам бакалавриата. Наибольшая доля обучающихся по направлению подготовки «специалитет» — в Волгоградской области, Ставропольском крае, Астраханской области. Важно отметить, что в основном это обучающиеся в медицинских вузах, где нет подготовки по программам бакалавриата. По программам магистратуры наибольшая доля обучающихся иностранных граждан — в Ростовской области и Калмыкии.

7. Иностранные студенты в Калмыкии

В 2022 г. в Калмыцком государственном университете им. Б. Б. Городовикова обучалось около 1 400 иностранных студентов. За период с 2018 г. по 2022 г. общая числен-

ность иностранных студентов в университете выросла (см. табл. 5).

Количество выпускников в 2022–2023 гг. на факультете довузовской подготовки и обучения иностранных граждан составило 153 человека. Наибольшую долю среди выпускников факультета составили представители следующих стран: Китая — 22,9 %, Гаити — 13,9 %, Туркменистана — 11,8 %, Афганистана — 11,1 %, Кот-д'Ивуара — 11,1 %, Сирии — 8,3 %, Монголии — 2,8 % [[Исходящее письмо...](#)].

Количество выпускников высшего образования (бакалавриата, магистратуры, аспирантуры, специалитета) в этом же году составило 339 человек. Наибольшую долю среди выпускников заняли представители Туркменистана — 60,2 %, Узбекистана — 15,9 %, Киргизии — 7,1 %, Таджикистана — 5,6 %, Казахстана — 3,5 % [[Информация о количественных 2023](#)].

Среди обучающихся иностранных студентов в 2024 г. наибольшую долю составили представители Туркменистана — 41,7 %, Узбекистана — 26,9 %, Киргизии — 7,8 %, Таджикистана — 6 %, Азербайджана — 3,8 %, Гаити — 2,3 %, Кот-д'Ивуара — 1,7 %, Китая — 1,4 % и др. [[Информация о количественных 2023](#)].

Таким образом, на факультете довузовской подготовки Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова наибольшее количество иностранных студентов представляют страны Восточной Азии, Ближнего и Среднего Востока, а также Африки. В то же время по программам высшего образования (бакалавриат, специалитет, магистратура) на факультетах преобладают студенты из Центральной Азии.

Таблица 5. Численность иностранных студентов в Калмыцком государственном университете им. Б. Б. Городовикова

[Table 5. Numbers of foreign students at the Gorodovikov Kalmyk State University]

Направление подготовки/форма обучения	2018	2019	2020	2021	2022
Бакалавриат	731	1 027	1 216	1 185	1 055
Специалитет	15	25	46	55	58
Магистратура	72	97	118	167	285
Всего	818	1 149	1 380	1 407	1 398

Источник: [[Информация о количественных 2023](#)].

8. Результаты социологического опроса иностранных студентов в Калмыкии

Социологический опрос иностранных студентов Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова был проведен в апреле 2024 г. Всего было опрошено 350 респондентов более чем из 20 стран. Опрос проводился как в учебных корпусах, так и в общежитии для иностранных студентов. Из них респондентов в возрасте 18–24 лет — 70,4 %, 25–29 лет — 22,2 %, 30–35 лет — 7,4 %; мужчин — 67 % (234 чел.), женщин — 33 % (116 чел.) [ПМА 2024].

Практически все опрошенные студенты проживают в общежитии университета. 74 % респондентов не имеют высшего образования, 26 % респондентов отметили, что имеют высшее образование. 23 % респондентов приезжали в Россию ранее, остальные 77 % отметили, что находятся в нашей стране впервые.

Рассмотрим основные причины выбора России в качестве страны обучения (респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа). По результатам исследования было выявлено, что культура нашей страны, русский язык являются привлекательными для иностранных студентов, поскольку 46,3 % опрошенных респондентов выбрали этот вариант ответа. На выбор страны влияют также советы родителей, родственников — этот вариант ответа выбрали 45,4 % респондентов. Российское образование во многих странах является показателем качества, почти треть опрошенных респондентов отметили, что специалистам, которые учились в России, легче найти хорошую работу в своей стране. На выбор России в качестве страны получения образования также влияет стоимость обучения, более 22 % респондентов отметили, что в России учиться дешевле. Немалую роль при выборе страны обучения играет и сотрудничество стран в сфере образования — более 20 % иностранных студентов выбрали этот вариант ответа [ПМА 2024].

По результатам опроса суммарно около 40 % респондентов хотели бы устроиться на работу или продолжить обучение в России после окончания основного обучения [ПМА 2024].

В целом российское образование для опрошенных иностранных студентов является как престижным, так и доступным. Более 68 % респондентов назвали российскую систему образования престижной, и 70 % респондентов выбрали ее как наиболее доступную. Важно также отметить, что, по мнению респондентов, именно российские вузы выбирали и выбирают абитуриенты как в настоящее время (67,6 %), так и во времена, когда их родители заканчивали школу (52,4 %) [ПМА 2024].

Еще раз отметим роль русского языка для иностранных студентов. Английский и русский языки, 44 % и 40 % соответственно, были выбраны респондентами как необходимые для устройства на работу и развития карьеры [ПМА 2024]. Лояльное отношение, доверие к России основывается по результатам опроса на положительном опыте взаимодействия в прошлом, общей истории. Важно отметить, что большую часть опрошенных респондентов составили представители стран Центральной и Восточной Азии, Африки.

Респонденты достаточно хорошо оценивают доходы и качество жизни в России. Они высоко оценивают безопасность проживания (62 %), обеспеченность объектами социальной и транспортной инфраструктур (56,5 % и 59,3 % соответственно), цифровое развитие (64,8 %), уровень экономического развития (56,5 %). На оценку «хорошо» иностранные студенты оценивают уровень доходов населения, жилищные условия, здоровье населения и уровень образования, экологические условия и др.

9. Адаптация в регионе

Более 34,2 % респондентов знали информацию о Калмыкии и Калмыцком государственном университете, 26,9 % опрошенных иностранцев ответили, что «что-то слышали о Калмыкии, в общих чертах» и 38,9 % респондентов никогда не слышали о такой республике в России. Таким образом, можно сказать, что в республику едут иностранные граждане, которые что-либо знали о Калмыкии. Перед приездом в Калмыкию респонденты в первую очередь общались со знакомыми, родственниками, которые

уже бывали в республике (55,6 %), читали информацию о Калмыкии (38,9 %), изучали особенности жизни (30,6 %) и климатических условий (23,1 %) [ПМА 2024].

Респонденты отмечали, что в целом им нравится учиться в республике: их привлекает национальная культура калмыков и менталитет (30,4 %), природа (24,5 %) и местная кухня (22,5 %), компактность города Элиста (21 %). Молодежь Калмыкии иностранные студенты оценивают как активную (56,5 %), творческую (53,7 %), открытую и дружелюбную (49,3 %), образованную (49,1 %), спортивную (48,1 %), воспитанную (46,3 %). Меньший процент респондентов отметили отрицательные качества молодежи: безразличная (25,2 %), пассивная (18,7 %), закрытая (15,9 %), недружелюбная (15,1 %) [ПМА 2024].

Большая часть респондентов отметила, что не испытывала серьезных проблем с адаптацией в республике, сложности возникали только с адаптацией к климату (жара летом, пыльные бури, холодный ветер осенью, зимой и др.). Оценивая свою жизнь в регионе, респонденты отметили, что не сталкивались с серьезными проблемами, выделили только транспортные проблемы республики (32,4 %), остальные предложенные варианты (дорогая аренда жилья, низкий уровень жизни населения, алкоголизм, отсутствие интересного досуга) отметили чуть более 12 % респондентов в совокупности. [ПМА 2024].

10. Выводы

На фоне сокращения общей численности студентов доля иностранных студентов в России растет. Правительство страны поддерживает образовательную систему, выделяя с каждым годом все большее количество квот на обучение иностранцев, а также проводя активную политику по экспорту российских образовательных услуг. Анализ распределения иностранных студентов в вузах Юга России показал, что иностранные студенты в большей мере приезжают учиться в медицинские и технические вузы. В Республике Калмыкия, несмотря на отсутствие медицинских и технических вузов, доля иностранных студентов в общей

численности студентов республики растет. Здесь так же, как в целом по стране, сокращается общая численность студентов [Бадмаева 2023: 182].

Опрос среди иностранных студентов, обучающихся в Республике Калмыкия, выявил, что при выборе России для обучения решающими факторами становятся качество и доступность образования, комфортные условия проживания, а также возможности для продолжения учебы, трудоустройства и получения гражданства. Эти критерии существенно влияют на решение о стране для получения высшего образования. Что касается выбора конкретного региона, например Калмыкии, то здесь важную роль играют рекомендации друзей, родственников или тех, кто уже проходил обучение в данном регионе, невысокая по сравнению с другими регионами и большими городами стоимость обучения по основным программам подготовки (бакалавриат, специалитет, магистратура), стоимость обучения на подготовительном отделении и стоимость проживания в общежитии. Небольшие размеры столицы Калмыкии — г. Элисты многие иностранные студенты также выделили как преимущество, чтобы не тратить время на дорогу. Дружелюбная обстановка в обучающих группах, помощь вуза в первичной адаптации студентов и постоянное кураторство сотрудников международного отдела, а также толерантное отношение местного населения, позволяют иностранным гражданам изучать русский язык или получать специальность в комфортных условиях.

Эти факторы, на наш взгляд, влияют на то, что в республику приезжает учиться все больше иностранных студентов. Калмыкия по доле иностранных студентов среди анализируемых регионов занимает второе место после Астраханской области. Хотя в республике нет медицинского вуза, в 2022 г. в Калмыцком государственном университете открылся медицинский факультет, на котором также обучаются иностранные студенты.

Распределение иностранных учащихся в ряде южных российских регионов свиде-

тельствует о том, что такие крупные субъекты, как Ростовская область, Волгоградская область, Ставропольский край и Республика Дагестан, пока не полностью реализуют свои возможности для привлечения студентов из-за рубежа.

Можно сделать вывод, что современная образовательная система страны, привлекающая иностранных обучающихся, старается распределить их не только между столичными вузами, но и между регионами. На представленность студентов определенных стран в том или ином российском регионе влияет географическое соседство российских регионов и соседних стран. Этот фактор влияет на асимметрию распределения иностранных студентов.

Республика Калмыкия оказывается привлекательной для студентов из-за доступности как обучения, так и проживания, что подтверждается ростом числа иностранных студентов в Калмыцком государственном университете им. Б. Б. Городовикова. Особенно это актуально для студентов из стран Центральной Азии и Африки, которые часто выбирают Калмыкию из-за возможности бесплатного обучения по квоте и низкой стоимости проживания по сравнению с крупными российскими городами. Об этом свидетельствуют и сравнительные данные. Так, численность студентов в Калмыцком государственном университете им. Б. Б. Городовикова намного меньшая, чем в крупных вузах страны, например Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова или Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики». Но при этом по данным, приводимым А. Л. Арефьевым, числен-

ность иностранных студентов в МГУ им. М. В. Ломоносова — 5 522 чел., в НИУ ВШЭ — 4 060 чел., в КалмГУ — 1 069 чел. [Арефьев 2020: 156, 162].

Асимметрия в данном случае может заключаться в том, что иностранцы выбирают Калмыкию для учебы по ряду причин, которые отличают регион от других, более крупных и экономически развитых областей России. Основными факторами привлекательности Калмыкии для иностранных студентов являются:

- стоимость обучения. В Калмыкии существует возможность бесплатного обучения для некоторых категорий иностранных студентов, что делает регион привлекательным для тех, кто ищет доступные образовательные программы;
- стоимость проживания. Проживание в Калмыкии обходится дешевле, чем в столицах и крупных городах России, что существенно снижает общие расходы на учебу и жизнь;
- меньшая конкуренция. В отличие от крупных мегаполисов, где существует высокая конкуренция за места в вузах, в Калмыкии такая конкуренция меньше, что увеличивает шансы на поступление;
- особенности региона. Калмыкия обладает уникальной культурой и историей, что может представлять интерес для иностранцев, стремящихся познакомиться с национальными особенностями и традициями.

Однако стоит отметить, что такая асимметрия может создавать дисбаланс в отношении концентрации иностранных студентов в одном регионе, что потенциально может привести к перегрузке местной образовательной системы и инфраструктуре.

Полевые материалы

ПМА 2024 — Количественный опрос иностранных студентов, обучающихся в Калмыцком государственном университете им. Б. Б. Городовикова по проблеме образовательной миграции, N=350 (г. Элиста, Республика Калмыкия, апрель 2024 г.).

Authors' Field Data

Quantitative survey of foreign students at the Goro-dovikov Kalmyk State University on the issue of educational migration. N=350. Elista (Republic of Kalmykia, Russian Federation), April 2024. (In Russ.)

Литература

- Алексеева 2012 — Алексеева Е. Н. Особенности и перспективы образовательной миграции в эпоху глобальных трансформаций // Вестник Московского университета. 2012. Серия 18: Социология и политология. № 4. С. 113–136.
- Арефьев 2020 — Арефьев А. Л. Экспорт российских образовательных услуг. Статистический сборник. Вып. 10. М.: Мин-во науки и высшего образования, ГИРЯ им. А. С. Пушкина. 2020. 557 с.
- Бадмаева 2023 — Бадмаева Н. В. Численность обучающихся в системе высшего образования: статистический анализ данных по Республике Калмыкия на фоне общероссийских данных // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2023. № 4. С. 173–194. DOI: 10.22162/2587-6503-2023-4-173-193
- Бежанова и др. 2019 — Бежанова Е. Х., Шхажосhev Р. В., Шетов А. А. Анализ и оценка влияния различных факторов на динамику численности студентов вузов России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 4. С. 90–95.
- Волох, Гришаева 2017 — Волох В. А., Гришаева С. А. Международная образовательная миграция в современной России: особенности, проблемы и перспективы // Социальная политика и социология. 2017. Т. 16. № 1. С. 80–87.
- Гусейн-Заде, Деревянченко 2021 — Гусейн-Заде Р. Г.-К., Деревянченко А. А. Иностранцы студенты в российских вузах // Знание. Понимание. Умение. 2021. № 1. С. 139–156.
- Доклад о реализации 2024 — Доклад о реализации государственной политики в сфере высшего образования и соответствующего дополнительного профессионального образования [электронный ресурс] // Правительство Российской Федерации. Министерство науки и высшего образования РФ. 2024 г. URL: <http://static.government.ru/media/files/9FSaRZ2GJ7GRZc1hTICXDQAV9orIaXtI.pdf> (дата обращения: 20.10.2024).
- Информация о количественных 2023 — Информация о количественных и качественных данных о студентах КалмГУ, а также в Башантинском колледже им. Ф. Г. Попова за период с 2018 по 2022/2023 учебный год. ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова». Исх. № 38-12/3047 от 14.07.2023 (сведения предоставлены университетом по нашему запросу).

References

- Alekseeva E. N. Educational migration in the era of global transformations: Peculiarities and prospects. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2012. No. 4. Pp. 113–136. (In Russ.)
- Arefyev A. L. Exports of Russian Educational Services. Statistical digest. Vol. 10. Moscow: Ministry of Science and Higher Education of Russia, Pushkin State Russian Language Institute, 2020. 557 p. (In Russ.)
- Badmaeva N. V. The number of students in the higher education system: Statistical analysis of data for the Republic of Kalmykia against the background of all-Russian data. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2023. No. 4. Pp. 173–194. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2023-4-173-193
- Bezhanova E. Kh., Shkhagoshev R. V., Shetov A. A. Analysis and assessment of the influence of various factors on the dynamics of the number of Russian university students. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2019. No. 4. Pp. 90–95. (In Russ.) DOI: 10.22394/2079-1690-2019-1-4-90-95
- Volokh V. A., Grishaeva S. A. International educational migration in modern Russia: Peculiarities, problems and prospects. *Social Policy and Sociology*. 2017. Vol. 16. No. 1. Pp. 80–87. (In Russ.) DOI: 10.17922/2071-3665-2017-16-1-80-87
- Guseyn-zade R. G.-K., Derevyanchenko A. A. Foreign students in Russian universities. *Knowledge. Understanding. Skill*. 2021. No. 1. Pp. 139–156. (In Russ.) DOI: 10.17805/zpu.2021.1.10
- Report on Implementation of State Policies for Higher Education and Related Extended Educational Programs. On: Government of the Russian Federation (website). Ministry of Science and Higher Education. 2024. Available at: <http://static.government.ru/media/files/9FSaRZ2GJ7GRZc1hTICXDQAV9orIaXtI.pdf> (accessed: 20 October 2024). (In Russ.)
- Informational letter no. 38-12/3047 of 14 July 2023 by the Gorodovikov Kalmyk State University containing quantitative and qualitative data on the University and Popov Bashanta College's students for the period from 2018 to the 2022/2023 academic year (submitted upon the authors' request). (In Russ.)

- Исходящее письмо... — Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова. Исходящее письмо № 14-121818 от 28.03.2024.
- Количество иностранных граждан 2018–2021 — Количество иностранных граждан, обучающихся в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования. 2018–2021 [электронный ресурс] // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59950> (дата обращения: 22.10.2024).
- Лебедева 2022 — Лебедева Т. В. Влияние международной образовательной миграции на развитие современной системы высшего образования в Российской Федерации // Векторы благополучия: экономика и социум. 2022. № 4 (47). С. 23–39.
- Лебедева 2024 — Лебедева Т. В. Особенности современной международной образовательной иммиграции в российских регионах // Проблемы развития территории. 2024. Т. 28. № 1. С. 132–146.
- Распределение численности 2018–2023 — Распределение численности студентов организаций, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования (бакалавриат, специалитет, магистратура), по источникам финансирования в разрезе субъектов Российской Федерации. Форма № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры». 2018–2023 гг. [электронный ресурс] // Минобрнауки РФ. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 20.10.2024).
- Решение по итогам совещания 2023 — Решение по итогам совещания на тему «О повышении привлекательности российского образования для иностранных граждан, обучающихся в образовательных организациях высшего образования Российской Федерации» от 19 апреля 2023 года [электронный ресурс] // Комитет Совета Федерации по науке, образованию и культуре. URL: http://science.council.gov.ru/activity/activities/other_activities/146322/ (дата обращения: 20.10.2024).
- Letter from Gorodovikov Kalmyk State University. Ref. no. 14-121818 of 28 March 2024. (In Russ.)
- Foreign student numbers at [Russian] universities, 2018–2021. On: EMISS (Rosstat). Available at: <https://www.fedstat.ru/indicator/59950> (accessed: 22 October 2024). (In Russ.)
- Lebedeva T. V. Impact of international educational migration for the development of the modern system of higher education in Russian Federation. *Journal of Wellbeing Technologies*. 2022. No. 4 (47). Pp. 23–39. (In Russ.) DOI: 10.18799/26584956/2022/4/1345
- Lebedeva T. V. Features of modern international educational immigration in Russian regions. *Problems of Territory's Development*. 2024. Vol. 28. No. 1. Pp. 132–146. (In Russ.) DOI: 10.15838/ptd.2024.1.129.9
- University student numbers (bachelor, specialty and master programs) by funding source in federal subjects of Russia. Form no. ВПО-1 'Data on University-Level Institutions'. 2018–2023. On: Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (website). Available at: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (accessed: 20 October 2024). (In Russ.)
- Decision of the meeting on enhancing appeals of Russian universities for foreign citizens of 19 April 2023. On: Federation Council Committee on Science, Education and Culture (website). Available at: http://science.council.gov.ru/activity/activities/other_activities/146322/ (accessed: 20 October 2024). (In Russ.)

- Рязанцев и др. 2019 — *Рязанцев С. В., Ростовская Т. К., Скоробогатова В. И., Безвербный В. А.* Международная академическая мобильность в России. Тенденции, виды, государственное стимулирование // Экономика региона. 2019. Т. 15. Вып. 2. С. 420–435.
- Суворова, Бронников 2019 — *Суворова В. А., Бронников И. А.* Международная образовательная миграция как «ресурс мягкой силы» в эпоху глобализации // Управление. 2019. № 4. С. 131–139.
- Торкунов 2013 — *Торкунов А. В.* Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. 2012. №4(25). С. 85–93.
- Фофанова, Сычев 2018 — *Фофанова К. В., Сычев А. А.* К проблеме привлечения иностранных студентов в российские регионы // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2018. № 3. С. 1–8. DOI: 10.24411/2618-8120-2018-00022
- Ryazantsev S. V., Rostovskaya T. K., Skorobogatova V. I., Bezverbny V. A. International academic mobility in Russia: Trends, types, state stimulation. *Economy of Regions*. 2019. Vol. 15. No. 2. Pp. 420–435. (In Russ.) DOI: 10.17059/2019-2-9
- Suvorova V. A., Bronnikov I. A. International educational migration as a “soft power resource” in the globalization era. *Upravlenie*. 2019. Vol. 7. No. 4. Pp. 131–139. (In Russ.). DOI: 10.26425/2309-3633-2019-4-131-139
- Torkunov A.V. Education as a Tool of «soft power» in Russia's Foreign Policy // *The MGIMO Review of International Relations*. 2012. No. 4(25). Pp. 85–93.
- Fofanova K. V., Sychev A. A. Towards the problem of attracting foreign students to Russian regions. *Gumanitarnye i politiko-pravovye issledovaniya*. 2018. No. 3. Pp. 1–8. (In Russ.). DOI: 10.24411/2618-8120-2018-00022

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 17, Is. 6, Pp. 1295–1308, 2024
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 821.512.122

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1295-1308

Традиция «Мавлид» в творчестве поэтов Средней Азии начала XX в.: историко-литературный аспект

Хамидулла Хабибуллаевич Таджиев¹, Майгуль Тулегеновна Шакенова²

¹ Южно-Казахстанский университет им. М. Ауэзова (д. 5, пр. Тауке хана, 160012 Шымкент, Республика Казахстан)

PhD (доктор философии), доцент

 0000-0002-8078-1585. E-mail: [xamidulla_86\[at\]mail.ru](mailto:xamidulla_86[at]mail.ru)

² Южно-Казахстанский университет им. М. Ауэзова (д. 5, пр. Тауке хана, 160012 Шымкент, Республика Казахстан)

кандидат филологических наук, доцент

 0000-0002-1329-4939. E-mail: [maigul1379\[at\]mail.ru](mailto:maigul1379[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Таджиев Х. Х., Шакенова М. Т., 2024

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена исследованию литературной традиции «Мавлид» в творчестве среднеазиатских поэтов начала XX в. на примере казахской и узбекской поэзии. Литература Средней Азии является результатом синтеза ислама и тюркского мира, в ней в религиозно-просветительских целях говорилось об истории возникновения ислама, разрабатывались мотивы, сюжеты, образы из Корана, хадисов и других религиозных текстов. Литературная традиция «Мавлид», посвященная празднованию дня рождения Пророка Мухаммеда (С. А. В.), занимает важное место в мусульманской культуре. В литературе Средней Азии начала XX в. эта традиция приобрела особое звучание, сочетая в себе элементы классической исламской литературы и местные культурные особенности. *Цель* исследования — рассмотреть историю становления литературной традиции «Мавлид», тематическое и жанровое своеобразие произведений о мавлиде, а также роль данных произведений в мире ислама. *Материалы и методы.* В статье проводится историко-литературный анализ произведений о мавлиде казахских и узбекских поэтов исследуемого периода, в частности дастанов муллы Юлдашбая Хилватий «Мавлид-и Шариф» и Шади Жангирулы «Сияр-Шариф». При работе с данными текстами были использованы материалы фонда Института востоковедения Академии наук Республики Узбекистан и рукописного фонда Научно-исследовательского института тюркологии Международного казахско-турецкого университета имени А. Ясави. *Результаты.* Описаны тематика данных произведений, их жанровое и художественное своеобразие, выявлены основные ссылки и реминисценции из Корана и хадисов, раскрыт их большой воспитательный потенциал в передаче религиозных и нравственных ценностей, в укреплении веры и национальной идентичности. *Выводы.* Данные религиозно-литературные тексты внесли значительный вклад в развитие традиций «Мавлид» в узбекской и казахской литературах в начале XX в.

Ключевые слова: Средняя Азия, мавлид, казахская литература, узбекская литература, поэзия, пророк Мухаммед (С. А. В.), дастан

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке Комитета по науке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках проекта «Золотая Орда и казахская литература начала XX века: духовная гармония и преемственность традиций» (AP14972895).

Для цитирования: Таджиев Х. Х., Шакенова М. Т. Традиция «Мавлид» в творчестве поэтов Средней Азии начала XX века: историко-литературный аспект // *Oriental Studies*: 2024. Т. 17. № 6. С. 1295–1308. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1295-1308

The Mawlid Tradition in Works of Early Twentieth-Century Central Asian Poets: Historical and Literary Aspects

*Khamidulla Kh. Tadzhiyev*¹, *Maigul T. Shakenova*²

- 1 Auezov South Kazakhstan University (5, Tauke Khan Ave., 160012 Shymkent, Republic of Kazakhstan)

PhD, Associate Professor

0000-0002-8078-1585. E-mail: xamidulla_86[at]mail.ru

- 2 Auezov South Kazakhstan University (5, Tauke Khan Ave., 160012 Shymkent, Republic of Kazakhstan)

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

0000-0002-1329-4939. E-mail: maigul1379[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Tadzhiyev Kh. Kh., Shakenova M. T., 2024

Abstract. Introduction. The article examines the literary tradition of ‘Mawlid’ in works of early twentieth-century Central Asian poets, the latter be represented by Kazakh and Uzbek authors. Central Asian literature proves a synthesis of Islam and the Turkic world that would articulate the history of Islam for religious and educational purposes, develop motifs, plots, images from the Quran, Hadiths and other religious texts. The literary Mawlid tradition celebrating the Prophet Muhammad’s birthday (PBUH) holds a particular place in Muslim culture. In the literature of Central Asia of the early twentieth century this tradition acquired a special significance since it would combine elements of classical Islamic literature and local cultural features. *Goals.* The study seeks to consider how the literary tradition of Mawlid formed, its thematic and genre originality, and the role of such works in the world of Islam. *Materials and methods.* The article provides a historical/literary analysis into Mawlid-type works by Kazakh and Uzbek poets from the period in question, in particular, dastans by Mulla Yo‘ldosh Xilvatiy (Mawlid [al-] Sharif) and Shadi Zhangiruly (Siyar Sharif). The original texts examined herein are housed at the Institute of Oriental Studies (Academy of Sciences of Uzbekistan) and Institute of Turkic Studies (Manuscript Collection, Ahmet Yassawi University). *Results.* The paper outlines thematic scopes of the texts, their genre and artistic originality, identifies some key references and reminiscences from the Quran and Hadiths, explains their utmost didactic potential in transmitting religious and moral values, in strengthening faith and national identity. *Conclusions.* The religious and literary narratives made a significant contribution to the development of Mawlid traditions in Uzbek and Kazakh literatures in the early twentieth century.

Keywords: Central Asia, Mawlid, Kazakh literature, Uzbek literature, poetry, Prophet Muhammad (PBUH), dastan

Acknowledgements. The reported study was funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Science Committee), project no. AP14972895 ‘The Golden Horde and Early Twentieth-Century Kazakh Literature: Harmony of Spirit — Continuity of Tradition’.

For citation: Tadzhiyev Kh. Kh., Shakenova M. T. The Mawlid Tradition in Works of Early Twentieth-Century Central Asian Poets: Historical and Literary Aspects. *Oriental Studies*. 2024; 17(6): 1295–1308. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1295-1308

1. Введение

История, культура и литература мусульманских народов в изобилии включают элементы традиционной исламской культуры и неразрывно связаны с Кораном, кораническими текстами, хадисами. По этим текстам велось обучение грамоте, они были наиболее читаемыми и переписываемыми в целях укрепления и распространения исламской веры [Османова 2021: 371]. Литература мусульманских народов приобретала ярко выраженные общие признаки, поскольку «разрабатывала одни и те же мотивы, темы, сюжеты, образы», описывала «истории возникновения ислама», «пути его распространения», «жизнеописания пророков, жития святых, халифов, имамов...» [Тажудинова 2015: 113]. Эти традиции также отражаются в религиозной литературе Средней Азии, возникшей на основе ислама в социальных условиях казахского и узбекского народов.

Литература Средней Азии является результатом синтеза традиционной исламской культуры и тюркского познания. Такое литературное наследие отражено в фольклоре и литературе казанских татар, башкир, казахских, узбекских и других народов, живших в составе Российской империи в начале XX в. Среди этого наследия есть литературные традиции, которые предоставляют ценную информацию об истории народов Средней Азии. Одной из таких литературных традиций является традиция «Мавлид», посвященная описанию рождения и жизни пророка Мухаммеда (С. А. В.)¹.

В отчетах представителей Совета по делам религиозных культов в Казахстане Н. Г. Сабитова и Б. Жумашева отмечается, что на территории Казахстана, в том числе среди населения Туркестанского, Жамбылского, Шымкентского регионов, соблюдаются обряды «Мавлид» [Керімбай, Төлеген 2017: 325]. В эти праздники поэты исполняли произведения, посвященные мавлиду, на различных музыкальных инструментах.

¹ *Салляллаху алейхи ва (уа) саллям* ‘мир ему и благословение Аллаха’. Салават добавляется как знак уважения после имени Пророка Мухаммеда (*салляллаху алейхи уа саллям*).

«Поэты, писатели, публицисты и т. д. насыщают свои произведения ссылками и реминисценциями из Корана и хадисов, все чаще обращаются к известным кораническим сюжетам и персонажам» [Тажудинова 2014: 1].

Подобные ссылки и реминисценции также встречаются в произведениях узбекских и казахских поэтов, таких как:

– «Мавлид-и Шариф» («Рождество пророка») муллы Юлдашбая Хилватий;

– «Қирқ хадис» («Сорок хадисов») Мухаммедкула Мухайира;

– «Назым Сияр-Шариф» («Стихотворение о священной дороге») Шади Жангирулы;

– «Мұхаммед галейхи саламның Әбу Жәһилмен күрескені» («Бой Мухаммеда галейхи салама с Абу Джахилем») Нуралы Нысанбайулы;

– «Мұхаммед пайғамбардың қиссасы» («История Пророка Мухаммеда»);

– «Әзіреті Мұхаммед Саллаллаһу әләйһи уәс-сәләм» («Хазрат Мухаммед (да благословит его Аллах и приветствует) Майлыкожа Султанкожаулы);

– «Жаппардың пайғамбарды қонаққа шақырғаны» («Приглашение Джаббара пророку в гость»);

– «Хаятбакшы» («Животворящий»);

– «Миграж» («Мирадж – вознесение пророка»);

– «Мұхаммед пен Әбу Жахил» («Мухаммед и Абу Жахил»);

– «Мұхаммедке пайғамбарлық келгені» («Пророческое пришествие к Мухаммеду»);

– «Пайғамбардың соңғы тілегі» («Последнее желание Пророка»);

– «Пайғамбардың өсиеті» («Наставление Пророка»);

– «Пайғамбардың дүниеден өтуі» («Смерть Пророка»);

– «Пайғамбардың ақтық үні» («Последний голос Пророка»);

– «Расулдың өлімі» («Смерть Пророка») Машхур Жусупа Копейулы [Көпейұлы 2023].

Как мы видим, традиция «Мавлид» имеет глубокие корни в мусульманской

культуре и литературе и выполняет культурно-просветительские цели. Цель настоящего исследования — рассмотреть историю становления литературной традиции «Мавлид», тематическое и жанровое своеобразие произведений о мавлиде, а также роль данных произведений в мире ислама на примере анализа дастанов муллы Юлдашбая Хилватий «Мавлид-и Шариф» [Хилватий 1992] и Шади Жангирулы «Сияр-Шариф» [Жангирулы 2012а; Жангирулы 2012б]. Изучение этих религиозных литературных текстов, которые отражают духовность и культуру народов Средней Азии, накопленных на протяжении веков, является одной из актуальных задач для современных исследований [Хасанов и др. 2022: 208]. Произведения издавались тысячами тиражей в Казани, Оренбурге, Ташкенте в период с 1900 г. по 1917 г.

Новизна исследования состоит в том, что в данной статье впервые рассматривается духовная поэзия Средней Азии начала XX в. как продолжение литературной традиции «Мавлид», выявлены особенности сочетания признаков классической исламской литературы и национально-культурного колорита региона при анализе дастанов муллы Юлдашбая Хилватий «Мавлид-и Шариф» [Хилватий 1992] и Шади Жангирулы «Сияр-Шариф» [Жангирулы 2012б]. В духовной казахской и узбекской поэзии традиция «Мавлид» приобрела особое звучание. Исследование духовного наследия, получение информации об истории, культуре, литературе мусульман Средней Азии чрезвычайно актуально в контексте двух противопоставленных друг другу трендов: ускоряющейся глобализации, с одной стороны, и стремления сохранения национальной идентичности, с другой.

2. Материалы и методы

Для исследования используются методы историко-литературного подхода с элементами сравнительного анализа. Основным материалом служат литературные тексты казахских и узбекских поэтов начала XX в. Анализируются поэтические произведения, в которых отражены традиции «Мавлид», их структура, тематика, язык и стиль.

Исследование проводилось на материале произведений казахских и узбекских поэтов начала XX в., внесших свой вклад в развитие традиции «Мавлид» в литературе народов Узбекистана и Казахстана в начале XX в. Нами проведен историко-литературный анализ дастанов муллы Юлдашбая Хилватий «Мавлид-и Шариф» [Хилватий 1992] и Шади Жангирулы «Сияр-Шариф» [Хилватий 1992]. Выявлены основные ссылки и реминисценции из хадисов, описаны ключевые сюжеты, связанные с рождением пророка Мухаммеда и языковые особенности данных художественных текстов. При работе с данными текстами мы использовали материалы фонда Института востоковедения Академии наук Республики Узбекистан [ИВ АНРУ] и рукописного фонда Научно-исследовательского института тюркологии Международного казахско-турецкого университета им. А. Ясави [РФ НИИ МКТУ имени А. Ясави].

3. Мавлид в литературе Средней Азии в начале XX в.

3.1. История и становление традиции «Мавлид»

Мавлид (араб. *دلوم* — «рождение или новорожденный ребенок») — это религиозный праздник в исламской культуре, посвященный дню рождения пророка Мухаммеда. Мусульмане регулярно каждый год в 12-ю ночь месяца рабби-уль авваль отмечают день рождения Посланника Аллаха. В это время мусульмане с особым почтением вспоминают пророка, его жизнь, моральные качества и его вклад в ислам, читают хадисы и мавлиды (поэтические или прозаические произведения, посвященные описанию духовной жизни, деяний и добродетелей Пророка Мухаммеда, а также мусульмане просят божественного благословения [Chih 2019: 100].

В истории исламской литературы существует большое количество сочинений (рассказов и преданий) с коротким сюжетом, глубоким смыслом, в которых описывалось важное событие — рождение Пророка Мухаммеда, ставшее в исламской культуре традицией и известное как «Мавлид» или «Мавлид Наби». В них говорилось, напри-

мер, о том, что в арабской пустыне после продолжительной засухи и жатвы вновь расцвела земля, что дом Амины, матери Пророка, в момент его рождения осветился ярким светом, озарившем все вокруг, вплоть до далеких земель, что рождение младенца было легким и без той боли, которую могут испытывать другие женщины во время родоразрешения, так как младенец в утробе матери — это самое благородное и прекрасное творение, созданное Аллахом. Подобные чудеса для духовного вдохновения и укрепления веры воспевались поэтами разных периодов и регионов исламской культуры на религиозных собраниях, особенно во время празднования мавлид.

Мавлиды, как отмечает исследователь С. Ш. Тажудинова, дают «полную информацию о жизни, деятельности, эпохе пророка Мухаммада, о зарождении, утверждении и распространении мусульманской религии, о своеобразии его мировосприятия, миропонимания, мировоззрения. Они исходят из конкретных исторических и литературных памятников, имеют свою систему изобразительно-выразительных средств, своеобразную структуру стиха, особую стилевую окраску» [Тажудинова 2014: 4].

Мавлиды могут быть написаны в различных жанрах. По мнению тюрколога Ф. Ш. Сибагатова, мавлиды в Российской империи в XIX – начале XX в. назывались «Касыда-и мавлюдан-наби» [Сибагатов 2016: 141]. Об этом также говорит ученый Торали Кыдыр: «Большинство стихов, которые обычно читаются в мавлиде, пишутся в жанре касида» [Кыдыр 2016: 244]. Касидами назывались длинные поэмы, посвященные похвале и прославлению Посланника Аллаха. Они состояли из нескольких строф (бейт), заканчивающихся одинаковой рифмой, которая сохранялась на протяжении всего произведения. При написании произведений о мавлиде авторами также использовались и другие жанры, используемые в Средней Азии и унаследованные из Корана, такие как кисса, хикаят, минажат и др. Литературный жанр киссы представляет собой короткое повествовательное произведение, которое сосредоточено на одной основной теме или событии (в нашем случае — на

рождении или жизни Пророка Мухаммеда. Для жанра киссы свойственны краткость и сосредоточенность. Хикаят (повествование, рассказ) может служить основной сюжетной линией, в которых рассказывается о героях, событиях и приключениях в их судьбах. Минажат — молитва или обращение к Богу, где герои или рассказчик выражают свои духовные переживания, благодарность или просят помощи у Всевышнего. Риваят (предание или рассказ о деяниях и словах) может использоваться для включения исторических или религиозных эпизодов, которые служат для иллюстрации определенных моральных или духовных уроков.

Большинство сочинений Средней Азии о мавлиде, по нашему мнению, написаны в жанре, характерном для литературы Средней Азии, — дастан. Они имеют эпическую и поэтическую форму, объем, свободную рифму, включают детали при описании событий и героев (в нашем случае Пророка Аллаха). В дастанах для эпического повествования, создания богатой и многослойной истории могут быть использованы разные литературные жанры, описанные выше. Включение этих жанров в дастан обогащает его и позволяет сочетать в одном произведении повествовательные, поэтические и духовные элементы.

Дастаны сохраняют свою актуальность и популярность в наши дни благодаря своей духовной, культурной и литературной значимости. Они могут передаваться как в письменной, так и устной формах, что позволяет сохранить ее доступность и популярность среди населения.

Вопросы литературной традиции «Мавлид» всегда интересовали ученых разных регионов и культур в силу своей историко-культурной и литературной значимости. Профессор Нихад Сами Банарлы пишет, что первое произведение о мавлиде — это книга имама Тирмизи «Шамаил-и Шариф» (IX в.) [Banarlı 2013: 12]. Затем активно появляются новые произведения о мавлиде в конце XII в. и первой половине XIII в. Это труды Ибну-л Жаузи:

- «Аль-Арус» («Возбуждение»);
- «Мавлидун-Наби» («Рождество пророка»);

– Ибн Дихьи «Китабут-Тенвир фи мавлидис-сиражил-мунир» («Книга просветления при рождении просветляющей света»);

– Ибну-л Араби «Мавлидул-жисмани уар-рухани» («Рождение двух тел и двух душ»);

– Абул Касима ас-Сабти «Әд-дурул-муназзам фи мавлидин-нәбийил муъаззам» («Организирующая роль в рождении Великого пророка»);

– Мухаммеда бин Айюба «ад-Дурра-тул-фабире» («Роскошная жемчужина»);

– «ар-Равзатун-Назира» («Прекрасный сад»);

– Замланкани «Мавлидун-наби» («Рождение пророка») а также произведения Аль-Бауния, Аль-Хайтами, Аль-Барзанджи, Ахмет бин Мухаммад аль-Кесталани, Мухаммад бин Жагфар Аль-Каттани [Banarlı 2013: 12].

В религиозно-суфийской литературе тюркских народов также написано немало сочинений, рассказывающих о рождении Пророка. Исследователь Дж. С. Тримингэм считает, что авторами первых мавлидов были тюркские писатели [Тримингэм 1989: 169]. Автор статьи «Türk edebiyatında Mevlidler» Хасан Аксой отметил, что на сегодняшний день произведения более семидесяти поэтов, таких как Абди (X / XVI в.), Абдулкадир Нежиб (н.у.), Ахмет, Бехишти (X / XVI в.), Амири (н.у.), Хамидулла Хамди (неизв.), Акшемседдин-заде Ходжаоглы (н.у.), Муради (XI / XVII в.), Нахифи (см. 1151/1738, Мустафа (XII / XVIII в.), Шамси (см. 1006/1597), Висали (X / XVI в.), Яхия (см. 901/1496, Зати (X / XVI в.), посвящены теме «Мавлид» [Aksoy 2006: 759]

В исламской литературе народов Средней Азии активно продолжается литературная традиция «Мавлид». По мнению ученого Торали Кыдыра, мавлид — синкретический жанр, в котором «восхваляется Пророк, произносятся прославление (салаваты), читаются отрывки из его жизни (сияр), прославляется восхождение на небеса среди пророческих мужжиз (миъражнама), пропагандируются особые моральные качества (хилия) и благородный характер (шамаил). Кроме того, мавлид исполняется с определенной мелодической структурой (макам),

где завершается один сюжет или сюжетная линия, Пророку исполняется салават. Отличие мавлида от других религиозных жанров состоит в том, что данное произведение написано стихами читается в определенном макаме [Кыдыр 2016: 244].

Произведения, восходящие к первым векам распространения ислама на центральноазиатскую землю, направленные на популяризацию истории и культуры ислама и знание шариата, на протяжении долгих лет передавались из поколения в поколение. Большое влияние на развитие традиции «Мавлид» в среднеазиатской литературе оказало творчество Жафара Аль-Барзанджи, арабского поэта, имама, автора произведения «Мавлид», и Э. Челеби, турецкого поэта, автора произведения «Василияту-н наджат». Среди тюркских мусульман были известны мавлиды Кади Дарира (XIV в.), Ахмеда (XV в.), Нахифи (1643–1778), Ахмеда Муршиди (1688–1760) и многих других [Сибатагов 2016: 141]. Вдохновленные этими литературными текстами, поэты Средней Азии указанного периода, такие как Юлдашбай Хилватий (1585–1921), Шади Жангирулы (1855–1933), Машхур Жусуп Копейулы (1858–1931), Хазини (1867–1923), Азим Ходжи Ишан (?–1847) др., создали свои произведения, в которых воспели историко-художественный образ Посланника Аллаха в поэтической форме, понятной простому народу, и продолжили литературную традицию «Мавлид», заложенную до них.

Основными реминисценциями в этих литературных текстах являются коранические мотивы о пророческой миссии Мухаммеда, знамени от Аллаха, рассказы о его милосердии и терпении, а также хадисы, в которых в деталях раскрывается нравственный облик Пророка, подчеркивается его статус как идеального примера для подражания. Различия в мавлидах «объясняются уровнем знаний легенд и преданий о пророке каждого из авторов, и тем, что каждый из них, делая общее дело, стремился дополнить другого. Это ещё раз подтверждает своеобразие и оригинальность их произведений» [Акамов 2012: 189].

3. 2. «Мавлид-и Шариф» муллы Юлдашбая Хилватий

Мулла Юлдашбай Хилватий — религиозный деятель и поэт Средней Азии, оставивший значительный след в литературе и духовной жизни своего народа. Он родился в 1858 г. в селе Жидекапа (в настоящее время это село находится в Уйчинском районе Наманганской области Республики Узбекистан). Детство его прошло в суровых и тяжелых условиях, и отец отдал на службу выдающемуся кадию Мулле Азиму старшего из детей — Юлдашбая. Благодаря честному труду, уму, прилежному поведению Юлдашбая, мулла Азим относится к нему как к родному сыну и создает условия для его обучения. С этого момента он начинает учиться у Инаятхана Ленгери, одного из знаменитых учителей своего времени [Таджиев и др. 2020: 334].

В медресе Юлдашбай получил те необходимые знания, которые сыграли важную роль в становлении его личности и творчества. В первые годы он изучал произведения известных классиков Востока, таких как Хафиз Ширази (1325–1389), Захиреддин Мухаммад Бабур (1483–1530), Мулла (Абдурахман) Джами (1414–1492), Алишер Навои (1441–1501), Фузули (Мухаммед б. Сулейман 1494–1556), Баба Рахим Машраб (1657–1711). В это время пробует писать стихи. На становление его мировоззрения оказало влияние общение с такими талантливыми личностями того времени, как Исхакхан Ибрат (1862–1937) и Надим Намангани (1844–1910) [Таджиев и др. 2020: 334–335], и в целом литературно-культурная жизнь Ферганской долины. Жизненный опыт и взгляды знаменитых ученых Востока позволили молодому Хилватий, только что связавшему свою судьбу с «искусством слова», раскрыть новые грани своего литературного таланта.

Одна версия «Дивана» на старом узбекском языке, написанная поэтом, хранится в Институте востоковедения Академии наук Республики Узбекистан, а другая — в личной библиотеке внука Хилватий — Маруфжана Акмалова. Она содержит 7 656 текстов, созданных в различных жанрах: газель, мухаммас, касида, мууашшах, сатира. Из них

6 886 на чагатайском языке, а 770 — на персидском [Исматуллах 2001: 170]. Большинство произведений поэта написано в религиозно-просветительских целях, например, «Сайр-и Жибал» («Горное путешествие») и «Чарағи мактаб» («Школьная лампа»), а также «Мавлид-и Шариф турки», или «Мавлидун-набий саллаллаhu алайхи васаллям» [Хилватий 1992: 4].

Чувствуя необходимость для общества мавлида на тюркском языке, Инаятхан Ленгери поручает своему опытному ученику Хилватию написать произведение «Мавлид-и Шариф». Хилватий охотно и ответственно берется за это дело, успешно выполняя задание своего учителя. «Мавлид-и Шариф» становится источником религиозного воспитания и направлен на формирование и сохранение нравственных ценностей в обществе. Это произведение, получившее в тюркской чагатайской литературе название «Мавлид-и Шариф турки», за короткое время стало очень популярным и неоднократно было опубликовано: в 1899 г. в Стамбуле, в 1908, 1911, 1912, 1916 гг. — в Ташкенте [Таджиев, Кыдыр 2024: 54].

Несмотря на запрет мавлидов в советское время, данная литературная традиция продолжалась. Жизнь и творчество Хилватия стали объектом исследования таких тюркологов, как М. А. Андижани [Хилватий 1992], Х. К. Элтурк [Хилватий 1994], А. Курбанов, А. Исматуллах [Хилватий 2000] и др.

Произведение Хилватий «Мавлид-и Шариф» [Хилватий 1992] структурировано таким образом, чтобы подчеркнуть ключевые моменты жизни Пророка Мухаммеда. В произведении сделан акцент на важных событиях и их духовном значении. Анализ произведения показал, что в экспозиции поэт восхваляет Великого Творца, читает салават Посланнику Аллаха, а затем переходит к основной теме — описанию момента рождения и нравственных качеств Пророка. В описании идеальной личности Пророка используется возвышенная поэтика. Автор использует средства художественного преувеличения (*андалиби гулшани лавлоки ул 'как соловей в цветочном саду', мазхари барча халойиқ нуридур 'свет человечества', бори ёби, боргоҳи кибриё 'дворец в*

макромире', при этом описание воспринимается не как определенное волшебство, а как данность, как само собой разумеющееся [Хилватий 1992: 4]. Из текста ясно, что Пророк обладает необыкновенным умом, великодушием, добротой, отзывчивостью, мужеством и доблестью. Среди достоинств Пророка называется также поразительная глубина его разносторонних познаний.

В произведении подробно рассказывается о мавлиде, прославляются чудесные события при рождении Пророка, также раскрываются такие темы, как важность чтения мавлида, создание света Пророка, приход пророчества и переселение Пророка из Мекки в Медину (хижрат) и др. Эти темы изложены в яркой поэтической форме, чтобы сделать понятным глубокое содержание и донести его до сердец людей.

Например, положение матери Амины в момент рождения Пророка:

*Тузулур тунда замину осмон,
Булди равшан мисли хуришиди жахон.
Сунгра бир оқ қуш учиб томдин тушиб,
Келдию ёнимда ултурди қуниб.
Ғойибдин бир тоифа пайдо булиб,
Барчаси чун ошиқи шайдо булиб.
Манга тутди қадахда шарбати,
Меҳрибонликлар қилиб хам шафқати.
Ташиналик утин учурдим нуш этиб,
Рохат-у ором-у куп тобтим ичиб* [Хилватий 1992: 33].

Смысловой перевод: 'В этот ночь, когда родился Пророк, было много событий, много мудрости. Амина сказала: «В ночь рождения моего ребенка земля и небо были полны света. Одна белая птица прилетела и приземлилась рядом со мной, появились ангелы, почтили меня и предложили щербет в миске. Проявили милосердие и заступничество. Я утолила жажду, выпив щербет, и получила много удовольствия'.

Кроме того, поэт успешно использовал в своем творчестве жанры хикаята, минажат и риваят. Например, он молится Богу, используя жанр минажат. В исповеди он говорит, что он грешник, тратит свою жизнь впустую и просит у Бога прощения:

*Ё, Илохо хастаю бечорамиз,
Фисқ-у исён даштида овворамиз.
Маъсиятдур кеча-кундуз коримиз,*

*Қолмади шарму-хаё-у оримиз,
Умрни беҳудага сарф айладук,
Фикр-и бадга сийнани зарф айладук,
Бир нафас ёдинг қилиб ё Зулжалол...*
[Хилватий 1992: 53]

Смысловой перевод: 'Да, да благословит нас Бог. Мы в сфере коррупции и бунта, день и ночь мы совершаем грех, нет больше стыда, жалости. Мы потратили свою жизнь впустую. Вспоминая твое имя, о Зулджалаль, мы просим тебя простить наши грехи'.

«Мавлид-и Шариф» сочетает в себе эпическую и лирическую поэзию, что придает ему особую выразительность и эмоциональную глубину. Для передачи духовного и религиозного значения описываемых событий, описания особых качеств Пророка Хилватий часто использует метафоры и аллегории. Например, *андалийби гулишани лавлоки ул* 'как соловей в цветочном саду' [Хилватий 1992: 4], *қурбу дарёсида дурри поки ул* 'чистая жемчужина в море' [Хилватий 1992: 4], *икки оламни чирогои зотидур* 'как свет двух миров' [Хилватий 1992: 5], *умматийдур барчадин хайрул умам* 'лучший из умм' [Хилватий 1992: 5], *барча асхоби бирла ул кони нур* 'как руда света' [Хилватий 1992: 8], *шодлигидин шамъи янглиг икки юз* 'лица загораются, как свечи' [Хилватий 1992: 9], *гул каби ким чехраи хандон била* 'красивый, как цветок' [Хилватий 1992: 10].

Произведение муллы Юлдашбая Хилватий «Мавлид-и Шариф» занимает особое место в литературном и духовном наследии узбекского народа. Оно отличается глубоким религиозно-духовным содержанием и воспитательной направленностью, стремлением к сохранению и передаче религиозных и национальных ценностей и традиций.

3.3. «Назым Сияр-Шариф» Шади Жангирулы

Шади Жангирулы — выдающийся поэт, писатель и религиозный деятель Средней Азии, внесший значительный вклад в литературу и духовную жизнь казахского народа. Его творчество охватывает широкий спектр тем, включая религиозные, исторические и социальные вопросы. Он — автор более 30 дастанов и исторических поэм, таких как «Тарихнама» («Историография»),

«Ахуалы қиямет» («Конец света»), Назым Сияр-Шариф» («Стихотворение о священной дороге»), «Хикаят Қамар-Заман» («Рассказ об Камар-Заман»), «Назым фикһи кайдани» («Стихотворение об исламском праве») «Назым хикаят Ибраһим Халилуллаһ» («Поэтический рассказ об Ибрагиме Халилулле») и др. Среди них можно выделить историческую поэму Шади о династии Романовых и их правлении в Российском государстве в течение более 300 лет («Русие патшалығында Романов нәсілінің хукманлық қылған патшаларының тарихлары және ақтабан шұбырыншылық заманынан бері қарай қазақ халқының ахуалы», издание 1-е, 1912 и 2012) («История рода Романовых, правивших Российским государством, и состояние казахского народа со времен Актабан Шубырынды») [Жангирулы 2012а], которая может стать объектом отдельного историко-литературного исследования.

В рамках заявленной нами темы научной статьи мы остановимся на религиозном творчестве Шади Жангирулы, а именно: на анализе дастана «Назым Сияр-Шариф» (см. рис. 1), написанного в духе литературной традиции «Мавлид». В этом произведении отражаются мировоззрение и нравственные приоритеты самого поэта, глубоко преданного исламской вере и посвятившего себя распространению и укреплению духовных ценностей среди казахского народа. Это произведение представляет собой поэтическое жизнеописание Пророка Мухаммеда, его деяний и моральных качеств.

«Назым Сияр-Шариф» состоит из нескольких разделов, каждый из которых посвящен одному из аспектов жизни Пророка Мухаммеда. Произведение начинается с описания его рождения, которое сопровождалось чудесными событиями, затем его детства, юности и начала пророческой миссии. Шади Жангирулы описывает основные его духовные качества, а также ключевые события, такие как откровение Корана и переселение (хиджрат) в Медину.

Поэт в своих произведениях писал, что «Всевышний создал священный свет Пророка Мухаммеда до сотворения мира» [Жангирулы 2012а: 49], в разделе «Создание святого света Посланника Аллаха» Шади

рассказывает следующую историю:

*Әлемнен он сегіз мың әуел бұрын,
Жаратты Пайғамбардың Алла нұрын.
«Авалла ма халақаллаһу нурун» деген,
Хақында дәлел болды хадис мұның.
Аспан-жер, Аршы күрсі, Лаухы қалам,
Сидра мен жәннат, дозақ бәри тамам,
Ол нұрдың тифилинен пайда болды,
Жаралған он сегіз мың барша ғалам* [Жангирулы 2012б: 49].

Смысловый перевод: ‘До сотворения мира Всевышний создал священный свет Пророка. Доказательством этому является хадис Пророка. Небо и земля, Арш и Курси, Лаух и Калям — все они были созданы ради этого света’.

Поэт ссылается на хадис Пророка «Әууәлә мә халақаллаһу нурун» («Первое, что создал Бог – это свет»), рационально используя реминисценцию, а также предоставив информацию о свете пророка.

Мулла Хилватий также пытается передать информацию о сотворении света своими словами. Так, Бог создал свет Пророка перед существующим творением:

*Хақ таоло зоти бор ерди-ю бас,
Узгалар йоқликда тайрун фил қафас.
Ул Мухаммад нуруни уз нурудин,
Халқ этган эрди Роббил оламийн* [Хилватий 1992: 14].

Смысловый перевод: ‘Не было ничего. Был только Аллах, Он создал из своего света свет Пророка Мухаммеда’.

Кроме того, в произведении Шади говорится, что этот свет перешел к его отцу Абдулле, а затем через Амину к Пророку:

*Абдулла сулу еді артық түрі,
Бар еді маңдайында Расул нұры.
Ақырғы Пайғамбардың атасы деп,
Яһудтер айтар еді танып мұны.
Абдулла Амина атты әйел алды,
Ибраһим милләтімен некеленді.
Әуелі жолыққанда Абдолладан,
Расулдың Әминаға нұры барды* [Жангирулы 2012б: 53].

Смысловый перевод: ‘Абдулла был прекрасен, на его лбу светился свет Расула. Евреи узнали его и сказали, что он дедушка последнего Пророка. Абдулла женился на Амине. Никах делали по традиции Ибрагима. Когда Абдулла впервые присоединился

к своей жене, пророческий свет перешел к Амине?.

Шади рассказывает о чудесах в момент рождения Пророка, дополнив историей о матери Амине, о белой птице и слугах:

*Бір ақ құс сол мезгілде келді жетіп,
Сипады қанатымен ізет етіп,
Ағзасы Аминаның тынышталып,
Көңілінен қорыққандығы қалды кетіп.
Сусамақ галыб болды Аминаға,
Ап келді бір кесемен шарбат унға.
Ақтығы қараганда сүт мысалы,
Ләззаты қант, әселден тәтті және.
Әмина ол шарбатты ішті алып,
Ағзасы рахаттанды мейір қанып.
Сол уақытта үйдің іші нұрға толды,
Мысалы, шам жаққандай шұғылаланып.
Есіктен кіріп келді бірнеше қыз,
Ілгері көрмеп еді оларды әр кез.
«Біздерді қызмет үшін жіберді», – деп,
Әдеппен қол құсырып айттылар сөз*

[Жангирулы 2012б: 56].

Смысловый перевод: ‘В это время прилетела белая птица, погладила Амину крыльями, тело ее расслабилось, и страх исчез. Хотела пить, принесли чашку щербета (нектара). Амина выпила, и ее тело наполнилось удовольствием. В то время дом был наполнен светом, словно горела свеча. В дверь вошли несколько девушек, которых она никогда раньше не видела. Они вежливо дали ей руку и сказали: «Нас послали служить»’.

Шади описывает дату рождения Пророка следующим образом:

*Расулдың талас болды туган күні,
Хақиқат дүйсенбінің еді түні.
Раббиғ ул әууәл айдың он екінші,
Түні деп көп имамдар айтты мұны.
Сол уақытта әуел баһар еді жана,
Дүниенің тазаланған бәрі һәмма.
Әртүрлі гийаһтарда гүл ашылып,
Бұлбұлдар айтар еді Хаққа сәна* [Жангирулы 2012б: 55].

Смысловый перевод: ‘Это был день рождения Расула, в ночь на понедельник. Многие имамы подтверждают, что эта ночь была двенадцатым числом месяца Раббиг уль авваль. Это был первый период весны, земля была чистой. Сады расцвели разными цветами, соловьи восхваляли Всевышнего’.

Для достижения главной цели и идеи — раскрытие образа пророка Мухаммада — задействованы выразительные средства, строфика и рифмовки. Как видно из вышеприведенных отрывков, авторы используют одиннадцатисложный размер, характерный стихотворный размер для народной поэзии Средней Азии, например, этим размером написаны и дастаны Машхура Жусупа Копейулы [Копейулы 2003]. Благодаря этой привычной для народа стихотворной форме создается ритмичность, плавность, легкость и певучесть мавлидов.

Если сравнивать это произведение с работой Хилватия, то видно, что если в дастане Шади больше внимания уделяется историческим фактам, то у Хилватия преобладает дидактический аспект. Текст «Сияр-Шариф» тоже написан в поэтической форме, что позволяет автору активно использовать изобразительно-выразительные средства. Стилль данного произведения представляет собой, согласно жанру дастана, сочетание элементов эпической и лирической поэзии, делая его доступным для многих читателей.

Произведение «Сияр-Шариф» можно рассматривать как яркий пример продолжения традиций «Мавлид», так как оно выполняет важные функции передачи и распространения религиозных знаний и нравственных ценностей. «Сияр-Шариф» является памятником культурного наследия, имеющим значительное влияние на духовное развитие казахского народа.

4. Заключение

Мулла Юлдашбай Хилватий и Шади Жангирулы представляют одну из школ духовного образования и духовной литературы в Средней Азии. Именно эти поэты продолжили литературную традицию «Мавлид», широко распространяя среди населения историю рождения Посланника Аллаха, чудесные события, происходящие в этот момент, описывая добродетели Пророка Мухаммеда. Образ Мухаммеда в этих произведениях направлен на воспитание в обществе таких качеств, как честность, нравственность, патриотизм, разносторонность. Их творчество демонстрирует глубокую веру и любовь к Творцу, подражание

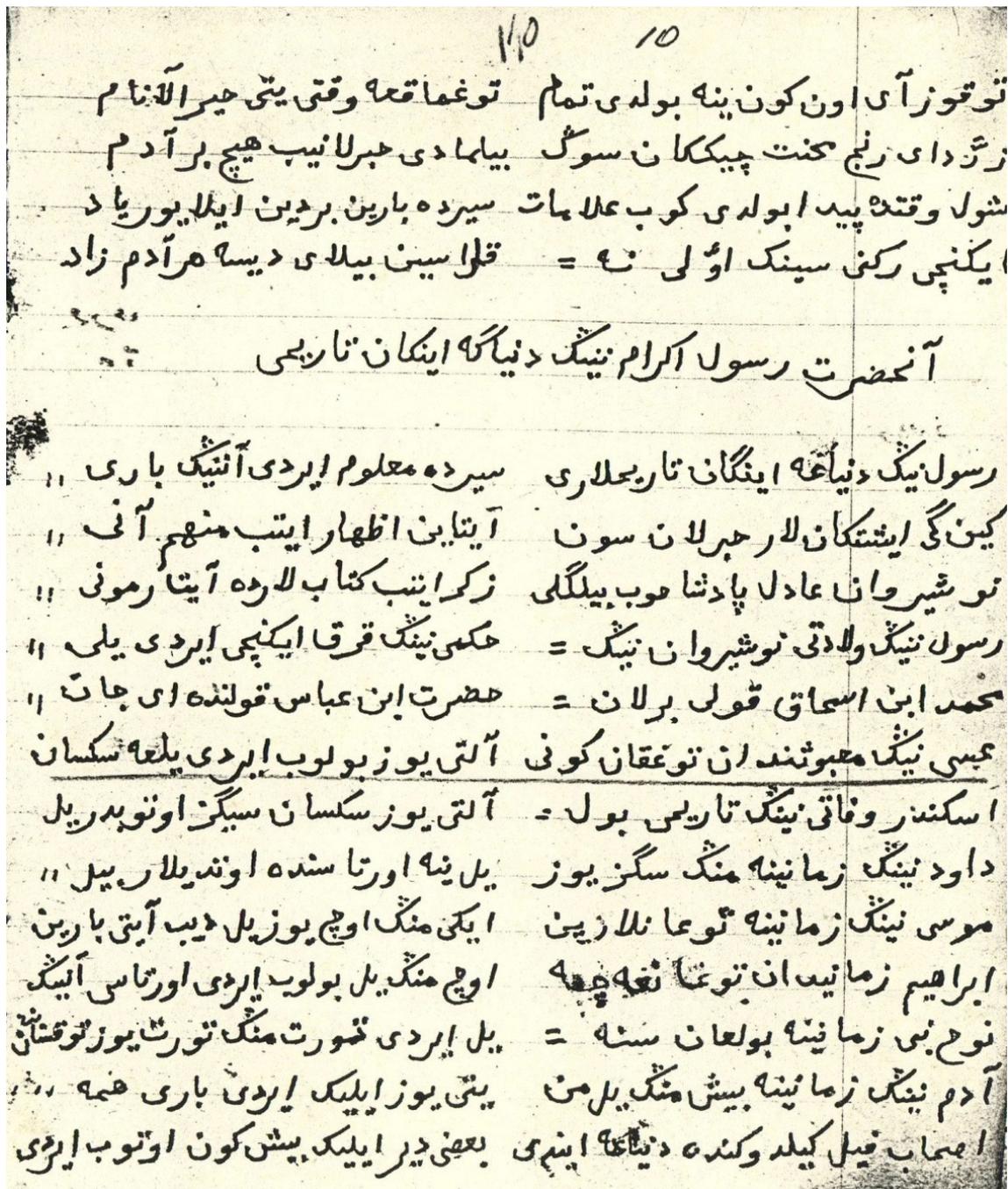

Рис. 1. Образец источника «Назым Сияр Шариф» [РФ НИИ МКТУ имени А. Ясави]

[Fig. 1. Nazym Siyar Sharif. A sample text]

Пророку и служит воспитанию человека через учения шариата.

Таким образом, рассмотренные нами произведения поэтов Средней Азии начала XX в. объединили традиции мусульманской и тюркской культуры, что делает их более близкими и понятными для народов Средней Азии. Они являются инструментом распространения и укрепления ислама и сохранения национальной идентичности народа,

источником религиозного и нравственного воспитания. Традиционные мероприятия «Мавлид» ежегодно проводятся Духовным управлением мусульман Республики Казахстан. В этом случае, безусловно, предстоит проделать работу по популяризации произведений мавлида, написанных казахскими и узбекскими поэтами, которые на сегодняшний день еще недостаточно изучены.

Источники

- ИВ АНРУ — Институт востоковедения Академии Наук Республики Узбекистан. Д. 1870. Л. 507.
- РФ НИИ МКТУ имени А. Ясави — Рукописный фонд Научно-исследовательского института тюркологии Международного Казахско-Турецкого университета имени Ахмеда Ясави. папка Д. 888. Л. 374.
- Жангирулы 2012а — *Жангирулы Ш.* Тарихи жырлар. Русие патшалығында Романов нәсілінің хукмранлық қылған патшаларының тарихлары және ақтабан шұбырыншылық заманынан бері қарай қазақ халқының ахуалы» (= История рода Романовых, правивших Российским государством, и состояние казахского народа со времен Актабан Шубырынды). Многотомник «Қазыналы оңтүстік» / ред.: С. Умирзаков, Х. Таджикиев. Т. 26/1. Алматы: Нурлы Алем, 2012. 320 с.
- Жангирулы 2012б — *Жангирулы Ш.* Назым Сияр Шариф. Многотомник (=Қазыналы оңтүстік) / ред.: Т. Кыдыр, С. Умирзаков. Т. 80/1. Алматы: Нурлы Алем, 2012. 344 с.
- Копейұлы 2003 — *Копейұлы М. Ж.* Поэмы. Т. 3. Павлодар: ПГУ, 2003. 382 с.
- Хилватий 1992 — *Хилватий.* Мавлид Набий (С.А.В.) (Мавлудунабий С. А. В.) / ред.: Мухаммадамин хаджи Мулла Абдусамад Ханафи Андижанский. Андижан: Андижан нашриёти, 1992. 60 с.
- Хилватий 1994 — *Хилватий.* Мавлид / ред. Хайруллах Касым Элтурк. Наманган: Наманган нашриети, 1994. 60 с.
- Хилватий 2000 — *Хилватий.* Мавлид-и шариф / ред.: А. Курбанов, И. Абдуллах. Наманган: Наманган нашриети, 2000. 95 с.

Литература

- Акамов 2012 — *Акамов А.* Особенности жанра мавлида в кумыкской духовной литературе. // Востоковедение (Гуманитарный вектор). 2012. № 4 (32). С. 184–189.
- Исмагуллах 2001 — *Исмагуллах А.* Мулла Йулдош Хилватий. Девон. Ташкент: Фан. 2001. 95 с.
- Керімбай, Төлеген 2017 — *Керімбай С., Төлеген М.* Яссауи Феномені. Отбасы хрестоматиясы (= Феномен Ясави. Семейная антология). Алматы: Орхон, 2017. 456 б.
- Копейұлы 2023 — *Копейұлы М. Ж.* Таңдамалы шығармалар жинағы (= Сборник избранных произведений). Үшінші кітап / Құрастырып, баспаға дайындаған К. Мұстафаева. Алматы, 2023. 336 бет.

Sources

- Institute of Oriental Studies (Academy of Sciences of Uzbekistan). File no. 1870. (In Uzb.)
- Ahmet Yassawi University, Institute of Turkic Studies, Manuscript Collection. File no. 888. (In Kaz.)
- Zhangiruly Sh. A History of the Romanovs, Rulers of Russia, and Conditions of the Kazakh from the Barefooted Flight Onwards (The Sacred South 26/1). M S. Umirzakov, Kh.Tadzhiev (eds.). Almaty: Nurly Alem, 2012. 320 p. (In Kaz.)
- Zhangiruly Sh. Nazym Siyar Sharif (The Sacred South 80/1). T. Kydyr, S. Umirzakov (eds.). Almaty: Nurly Alem, 2012. 344 p. (In Kaz.)
- Kopeyuly M. Zh. Poems. Pavlodar: Toraighyrov University, 2003. Vol. 3. 382 p. (In Kaz.)
- Xilvatiy. Mawlid [al-] Nabi (S.A.V.). M. A. Khanafi Andizhani (ed.). Andijan: Andijan Publ., 1992. 60 p. (In Uzb.)
- Xilvatiy. Mawlid. Kh. K. Elturk (ed.). Namangan: Namangan Publ., 1994. 60 p. (In Uzb.)
- Xilvatiy. Mawlid [al-] Sharif. A. Kurbanov, I. Abdullakh (eds.). Namangan: Namangan Publ., 2000. 95 p. (In Uzb.)

References

- Akamov A. The peculiarities of mawlid genre in Kumyk literature. *Humanitarian Vector*. 2012. No. 4 (32). Pp. 184–189. (In Russ.)
- Ismatullakh A. Mulla Yoʻldosh Xilvatiy. Tashkent: Fan. 2001. 95 p. (In Uzb.)
- Kerimbay S., Tolegen M. The Yassawi Phenomenon: A Family Anthology. Almaty: Orkhon, 2017. 456 p. (In Kaz.)
- Kopeyuly M. Zh. Selected Writings. K. Mustafayeva (ed.). Almaty, 2023. 336 p. (In Kaz.)

- Кыдыр 2016 — *Кыдыр Т.* Мұхаммед пайғамбардың көркем бейнесінің әдебиетте жырлану ерекшеліктері (= Особенности воспеания образа Пророка Мухаммеда в литературе) // ҚазҰУ Хабаршысы. Шығыстану Сериясы. 2016. № 1. Т. 76. Б. 241–245.
- Кыдыр Т. The image of Prophet Muhammad: Some peculiarities of literary praises. *Al-Farabi Kazakh National University Journal of Oriental Studies*. 2016. Vol. 76. No. 1. Pp. 241–245. (In Kaz.)
- Османова 2021 — *Османова М. Н.* Маргиналии рукописных Коранов нагорного Дагестана как исторический источник // Научный диалог. 2021. № 2. С. 371–384. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-371-384.7
- Osmanova M. N. Marginalities of the handwritten Qurans of highland Dagestan as a historical source. *Nauchnyi dialog*. 2021. No. 2. Pp. 371–384. (In Russ.) DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-371-384.7
- Сибгатов 2016 — *Сибгатов Ф. Ш.* Жанр мавлюд в башкирской литературе начала XX в. // Oriental Studies. 2016. Т. 9. № 2. С. 139–145. DOI: 10.22162/2075-7794-2016-23-1-139-145
- Sibgatov F. Sh. The *mavlyud* (*mawlid*) genre in Bashkir literature of the early 20th century. *Oriental Studies*. 2016. Vol. 9. No. 2. Pp. 139–145. (In Russ.) DOI: 10.22162/2075-7794-2016-23-1-139-145
- Таджиев и др. 2020 — *Таджиев Х., Хасанов Н., Кыдыр Т.* Следы Ахмада Яссави в религиозно-просветительской литературе Туркестана конца XIX – начала XX века. // Исследовательский журнал «Тюркская культура и Наси Бекташ Велі». № 96. 2020. Pp. 319–344. DOI: 10.34189/hbv.96.014
- Tadzhiev X., Khasanov N., Kydyr T. The 19th century and the early 20th century Ahmed Yesevî traces in Turkish religious literature. *Turkish Culture and Haci Bektash Veli Research Quarterly*. 2020. No. 96. Pp. 319–344. (In Turk.) DOI: 10.34189/hbv.96.014
- Таджиев, Кыдыр 2024 — *Таджиев Х., Кыдыр Т.* Алтын Орда және XX ғасыр басындағы қазақ әдебиеті: рухани үндестік — дәстүр жалғастығы (= Золотая Орда и казахская литература начало XX века: духовная гармония — преемственность традиции). Шымкент: Қанағат баспасы, 2024. 308 б.
- Tadzhiev Kh., Kydyr T. The Golden Horde and Early Twentieth-Century Kazakh Literature: Harmony of Spirit — Continuity of Tradition. Shymkent: Qanagat, 2024. 308 p. (In Kaz.)
- Тажудинова 2014 — *Тажудинова С. Ш.* К проблеме типологии жанра «Мавлид» в творчестве Али-Гаджи из инхо: историко-литературный аспект [электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=16211> (дата обращения: 31.07.2024).
- Tazhudinova S. Sh. To a genre typology problem “mavlid” in the works of Ali Haji of Inho: Historical and literary aspects. *Modern Problems of Science and Education*. 2014. No. 6. Pp. 1297–1297. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=16211> (accessed: 31 July 2024). (In Russ.)
- Тажудинова 2015 — *Тажудинова С. Ш.* Образ Пророка Мухаммада в «Мавлиде» Али-Гаджи из Инхо // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2015. № 1. С. 113–115.
- Tazhudinova S. Sh. Prophet Muhammad’s character in the “Mawlid” by Ali Haji of Inkho. *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences*. 2015. No. 1. Pp. 113–115. (In Russ.)
- Тримингэм 1989 — *Тримингэм Дж. С.* Суфийские ордены в исламе / пер. с англ. М.: Наука, 1989. 328 с.
- Trimingham J. S. The Sufi Orders in Islam. Moscow: Nauka, 1989. 328 p. (In Russ.)
- Хасанов и др. 2022 — *Хасанов Н., Кыдыр Т., Таджиев Х.* Взгляд на религиозно-просветительскую литературу Туркестана конца XIX - начала XX веков (на примере Сарями, Мухайира, Хазини) // Тюркская культура и Наси Бекташ Велі. № 101. 2022. Pp. 187–210. DOI: 10.34189/hbv.101.006
- Khasanov N., Kydyr T., Tadzhiev X. The end of the 19th and the beginning of the 20th century an overview Turkistanian religious and enlightenment literature (Saryami, Muhayyir, Hazini example). *Turkish Culture and Haci Bektash Veli Research Quarterly*. 2022. No.101. Pp. 187–210. (In Turk.) DOI: 10.34189/hbv.101.006
- Аксой 2006 — *Aksoy H.* Türk Edebiyatında Mevlidler. Türkler. Т. 12. Ankara: Yeni Türkiye Yayinevi, 2006. Pp. 758–760.
- Aksoy H. Mawlid-type texts in Turkish literature. In: *The Turks*. Vol. 12. Ankara: Yeni Türkiye, 2006. Pp. 758–760. (In Turk.)

Banarlı 2013 — *Banarlı N. Büyük Nazireler Mevlid Ve Mevlid’de Milli Çizgiler // Marmara Üniversitesi İlahiyat Fakültesi Dergisi. 1. Sy. 1 (Aralık, 2013). DOI: 10.15370/muifd.29098*

Banarlı N. Büyük Nazireler Mevlid Ve Mevlid’de Milli Çizgiler [Mawlid and Its National Lines by Büyük Nazireler]. *Marmara Üniversitesi İlahiyat Fakültesi Dergisi 1. 2013 (December). No. 1. (In Turk.) DOI: 10.15370/muifd.29098*

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 17, Is. 6, Pp. 1309–1330, 2024
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 930:81'373(571.6)
 DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1309-1330

Топонимическое пространство новых городов Забайкалья: советское наследие и современные номинации

Николай Сергеевич Байкалов¹, Юлия Николаевна Варфоломеева²

- ¹ Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (д. 24а, ул. Смолина, 670000 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор исторических наук, доцент

 0000-0002-2511-9003. E-mail: [baikalov\[at\]bsu.ru](mailto:baikalov[at]bsu.ru)

- ² Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления (д. 40в стр. 1, ул. Ключевская, 670013 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор филологических наук, доцент

 0000-0003-2914-5804. E-mail: [yulvar83\[at\]mail.ru](mailto:yulvar83[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Байкалов Н. С., Варфоломеева Ю. Н., 2024

Аннотация. *Введение.* Топонимическое пространство новых городов Забайкалья не получило достаточной разработки в научной литературе, несмотря на значительный объем ономастических исследований региона. *Целью* работы является комплексное изучение особенностей формирования и развития топонимического пространства новых городов Забайкалья, которое проанализировано на ойконимическом, урбанонимическом и эргонимическом уровнях. *Материалы и методы.* Эмпирическую базу работы составили официальные названия городских объектов шести городов двух административно-территориальных единиц Забайкалья (Республики Бурятия и Забайкальского края), выявленные в документальных, публицистических, изобразительных и устных источниках. В исследовании топонимии новых городов Забайкалья были использованы этимологический, семантический, сравнительно-исторический, статистический методы. *Результаты.* В ходе исследования были проанализированы и систематизированы ойконимы, урбанонимы и эргонимы новых городов региона, выявлены особенности складывания топонимикона для трех городских поселений — транспортных и промышленных, а также молодых, показаны основные этапы государственной топонимической политики, причины и последствия актов переименований. *Выводы.* Анализ всех трех уровней топонимического пространства новых городов Забайкалья позволяет сделать вывод о его системной организованности, целостности и преемственности в условиях перехода от единой советской топонимической политики к современной номинативной дифференциации.

Ключевые слова: новые города, Забайкалье, топонимическое пространство, ойконимы, урбанонимы, годонимы, эргонимы, топонимическая политика, переименование

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Новые города Забайкалья, 1920-1990–е гг.: исторический опыт становления и развития» (№ 24-28-01656, <https://rscf.ru/project/24-28-01656>).

Для цитирования: Байкалов Н. С., Варфоломеева Ю. Н. Топонимическое пространство новых городов Забайкалья: советское наследие и современные номинации // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 6. С. 1309–1330. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1309-1330

Toponymic Environments of New Urban Settlements in Transbaikalia: Soviet Legacy and Contemporary Nomenclature

Nikolay S. Baikalov¹, Yulia N. Varfolomeeva²

¹ BanzarovBuryat State University (24a, Smolin St., 670000 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0002-2511-9003. E-mail: baikalov[at]bsu.ru

² East Siberia State University of Technology and Management (40в/1, Klyuchevskaya St., 670013 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Associate Professor

 0000-0003-2914-5804. E-mail: yulvar83[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Baikalov N. S., Varfolomeeva Yu. N., 2024

Abstract. *Introduction.* Despite studies in Transbaikalia's onomastics are voluminous enough, the toponymic environments of its urban settlements remain somewhat understudied. *Goals.* The work attempts a comprehensive insight — at oikonymic, urbanonymic and ergonymic levels — into how the specified field formed and developed. *Materials and methods.* The empirical basis comprises official names of urban objects within a total of six towns/cities located in two administrative territorial units of Transbaikalia (Republic of Buryatia and Zabaykalsky Krai), the former be identified across a variety of documentary, journalistic, pictorial and oral sources. The toponymic study of new towns and cities in Transbaikalia employs the etymological, semantic, comparative historical and statistical methods. *Results.* The paper analyzes and systematizes oikonyms, urbanonyms and ergonyms of the region's new towns and cities, reveals some distinctive features of toponymic formation for three types of urban settlements — transport, industrial and youth ones, shows key stages of state toponymic policies, hypothesizes as to causes and consequences of renaming arrangements. *Conclusions.* The analysis into the three levels of Transbaikalia's urban toponymic environments makes it possible to conclude that the latter remains systemically organized and — in the context of the transition from a unified Soviet toponymic policy to present-day nominative differentiations — maintains its integral and continuous essentials.

Keywords: new and young cities and towns, Transbaikalia, toponymic environments, oikonyms, urbanonyms, hodonyms, ergonyms, toponymic policies, renaming

Acknowledgments. The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 24-28-01656 'New Towns and Cities of Transbaikalia, 1920s–1990s: Historical Experiences of Formation and Development'. Available at: <https://rscf.ru/project/24-28-01656>.

For citation: Baikalov N. S., Varfolomeeva Yu. N. Toponymic Environments of New Urban Settlements in Transbaikalia: Soviet Legacy and Contemporary Nomenclature. *Oriental Studies*. 2024; 17(6): 1309–1330. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1309-1330

1. Введение

Язык города на настоящий момент представляет собой очень сложное многостороннее явление, исследуемое с социологической, культурологической, этнологической, исторической и лингвистической сторон [Вайрах 2011: 8]. Как правило, при его изучении объектами анализа становятся речь горожан, сфера городских номинаций и текстов городской среды [Подберезкина 1998: 91–98].

Топонимическое пространство города выступает основой городских номинаций. Оно организует восприятие пространства города и историко-культурную идентичность горожан. В современной научной литературе отсутствует единство в понимании топонимического пространства. Ряд исследователей определяет его как совокупность топонимических единиц определенной территории [Кичикова и др. 2018: 82]. Другие рассматривают топонимическое простран-

ство в качестве единой системы упорядоченных элементов (топонимов) [Мкртычян, Заонегина 2023: 59]. Компромиссным является подход, согласно которому топонимическое пространство рассматривается как территориально организованный набор всех видов топонимов, используемых в определенном регионе и тесно взаимосвязанных друг с другом. При этом важно обращать внимание не только на способы соединения топооснов и топоформантов, но и на специфику их восприятия [Рублева 2016: 35].

Цель данной работы состоит в комплексном изучении особенностей формирования топонимического пространства новых городов Забайкалья. Под новыми городами мы понимаем населенные пункты, образованные в советский период на свободной или слабозаселенной территории и переведенные из категории поселков сельского и городского типов в статус городов.

Территориальные границы исследования охватывают забайкальский регион, который мы рассматриваем как самостоятельный экономический район, занимающий промежуточное положение между Восточной Сибирью и Дальним Востоком. В административном отношении на территории Забайкалья располагаются Республика Бурятия (до 1992 г. — Бурятская АССР) и Забайкальский край (до 2008 г. — Читинская область и Агинский Бурятский автономный округ).

С точки зрения функционально-генетической типологии [Трубе, Хорев 1970; Перцик 1999: 245–246] изучаемые населенные пункты распределены по трем группам: новые транспортные города (с выраженным преобладанием транспортных функций) — Хилок, Шилка, Борзя, Могоча; новые промышленные города (с доминированием промышленных функций) — Закаменск, Балей, Гусиноозерск; молодые города (возникшие в районах пионерного освоения во второй половине XX в.) — Краснокаменск, Северо-байкальск.

Несмотря на большое количество работ по топонимике Забайкалья [Башкуев 1965: 346–352; Географические названия 2006; Гурулев 1989; Жамсаранова 2002; Мельхеев 1969; Пушкарева, Доржиева 2016; Федотова 2017], топонимическое пространство новых

городов региона не получило систематического научного исследования. Отдельные работы касались различных аспектов, таких как годонимия городских поселений зоны БАМ, неофициальная микротопонимика г. Закаменска и др. [Балданова, Дарбанова 2017: 13–17; Байкалов, Поплевина 2019: 19–23]. Между тем необходимость выделения в качестве особой разновидности систем урбанонимов молодых городов неоднократно подчеркивалась специалистами. Так, Р. В. Разумов обращает внимание на такие особенности топонимического пространства новых городов, как частое отсутствие улиц и замена последних кварталами и микрорайонами с номерными названиями, высокая концентрация в топонимиконе местных меморативов и т. д. [Разумов 2016: 124].

2. Материалы и методы

Топонимическое пространство города является многослойным, многомерным и многофункциональным феноменом. В нем пересекаются и взаимодействуют эпохи, поколения, культуры и субкультуры [Никитина 2018: 181]. Сегодня исследователями предлагаются различные подходы к структурированию топонимического пространства городских поселений. Например, интересным представляется опыт изучения топонимического пространства как полевой модели [Супрун 2000], которая применительно к малым городам включает в себя слова-классификаторы и различные виды топонимов, распределенных по ядерной и периферийной зонам на основе их хронологической устойчивости и функциональности с учетом способов номинации и образования [Мкртычян, Заонегина 2023: 139]. Перспективными являются модели топонимического палимпсеста, позволяющие объединить подходы новой культурной и критической географии, семиотики пространства, критической топонимики и геоконцептуализации [Митин 2021: 80].

В данной работе, опираясь на исследования уральской ономастической школы и их последователей [Вепрева, Харитоновна 2023; Качалкова 2013; Голомидова 2023], мы предлагаем трехуровневую организацию топонимического пространства, включающую

ойконимический, урбанонимический (годонимический) и эргонимический уровни.

Эмпирическую базу составили официальные названия городских объектов шести городов двух административно-территориальных единиц Забайкалья (Республика Бурятия и Забайкальский край). В ходе исследования было проанализировано 1 153 годонима. Сформированная картотека эргоурбонимов составила более 1 500 единиц.

Исторические и современные топонимические данные были выявлены в письменных, устных и изобразительных источниках. Письменные сведения содержатся в нормативно-правовых актах, материалах делопроизводства, архивных документах. Прежде всего, это указы Президиума Верховного Совета РСФСР об образовании нового населенного пункта, присвоении статуса города, материалы сессий городских Советов депутатов трудящихся, документация архитектурных отделов и управлений, протоколы топонимических комиссий и пр. К исследованию привлекались местные периодические и историко-краеведческие издания, справочники, адресные книги. Устные источники составили воспоминания горожан, собранные в ходе полевых работ в указанных населенных пунктах. К группе изобразительных источников относятся генеральные планы и планы детальной планировки поселений, карты городов, включая бумажные носители и геоинформационные системы.

В последние десятилетия особо актуальным является комплексный подход к изучению топонимического пространства, при котором топонимы, бытующие на определенной территории, рассматриваются как элементы единой системы. В исследовании топонимикона новых городов Забайкалья были использованы этимологический, семантический, сравнительно-исторический, статистический методы.

3. Ойконимы новых городов Забайкалья

Первый уровень топонимического пространства представлен городскими ойконимами (астионимами). Имя города имеет особое значение, задавая лингвокультурологические координаты восприятия населенного

пункта. Появление и употребление того или иного варианта астионима служат маркером идентификации горожан, отражают их отношение к занимаемой территории, фиксируют изменения в социально-политической жизни [Вепрева, Харитоновна 2023: 189].

Не ставя перед собой задачи анализа имеющихся классификаций ойконимов, считаем необходимым отметить, что в рамках данного исследования использовался лексико-семантический подход, с помощью которого были выделены следующие группы: названия, относящиеся к природным объектам (в первую очередь гидронимы и оронимы), имена, отражающие особенности хозяйственной деятельности и культуры населения. При этом большинство изучаемых ойконимов восходят к другим собственным именам, которые, в свою очередь, происходят от нарицательных имен тунгусо-маньчжурского, тюркского, монгольского и славянского языковых субстратов.

3.1. Ойконимы транспортных городов

Формирование сети новых транспортных городов Забайкалья происходило на рубеже XIX–XX вв. одновременно со строительством Транссибирской железной дороги. В 1895 г. основана станция Хилок, в 1897 г. — Шилка, в 1901 г. — Борзя, в 1914 г. — Могоча.

Возникнув как поселения при железнодорожных станциях, данные населенные пункты начали быстро разрастаться. Транссибирская магистраль стимулировала появление новых промышленных предприятий: в Хилке развивалась лесная и лесоперерабатывающая отрасли; в Борзе был открыт мясокомбинат; Шилка и Могоча стали перевалочными пунктами к месторождениям Балейских и Амазаро-Урюмских золотоносных приисков.

Интенсивное развитие промышленности и транспорта в новых поселениях обусловило рост их политической роли. В ходе административной реформы 1926 г. они стали центрами образовавшихся Хилокского, Борзинского, Шилкинского и Могочинского районов. Послевоенная реконструкция Забайкальской железной дороги повысила значимость транспортных узлов как по-

средников между минерально-сырьевыми и сельскохозяйственными районами Читинской области, что привело к преобразованию ряда новых поселков в города. В 1950 г. статус города районного подчинения был присвоен поселкам Борзя и Могоча [Аксиненко 2020; Балдандоржиев 2011]. Указами Президиума Верховного Совета РСФСР в 1951 г. городами стали Хилок и Шилка [Петров, Москалева 2024; 70 лет 2021].

Свои названия пристанционные поселки, а впоследствии новые города, заимствовали от находившихся неподалеку сел и казначьих станиц.

Ойконим Хилок большинство специалистов связывает с одноименным гидронимом. Река Хилок упоминается при изложении событий монгольской истории конца XII – начала XIII вв. в «Сокровенном сказании монголов» (Килго-река) и «Алтын тобчи» (Килху-река) [Козин 1941: 101]. Русские первопроходцы XVII в. называли реку Килка (1653) или Хилок (1668). В бурятских летописях Т. Тобоева и В. Юмсунова река упомянута в форме Хёлго и Kilyosohg [Бадмаева 1987: 65].

В бассейне реки Хилок имеются точильные камни, поэтому название могло произойти от эвенкийского *килгэ* ‘брусок, точильный камень’. Кроме этого, гидроним соотносится с эвенкийским *хола* ‘река, вытекающая из озера’ [Федотова 2017: 119].

Существует предположение, что имя произошло от монгольского *хил* или бурятского *хилэ*, означавших «границу», «рубеж», поскольку по реке Хилок проходила граница между тунгусскими и бурят-монгольскими племенами [Куликов, Балабанов 1957: 72].

С. А. Гурулев считает гидронимические теории происхождения ойконима Хилок ошибочными. Он высказывает предположение, что Хилок — это русское слово, означающее «южный ветер, приносящий ненастье». Оно произведено от русских слов *хиль* ‘хворь, болезнь’ и *хилина* ‘ненастье, слякоть’. Прозвище *Хилок* носили также люди. Из русских летописей известен князь Иван Федорович Хилок Хрипунов Ряполовский, от которого происходят князья Хилковы. Современное произношение топонима Хилок, вероятнее всего, связано с прозви-

щем князей Василия Ивановича и Ивана Андреевича Хилковых, бывших сибирскими воеводами в середине XVII в. [Гурулев 1989: 75].

Топоним Борзя встречается в ряде форм начиная с XVIII в. Вскоре после подписания Буринского договора (1727) вблизи кочевий агинских бурят на реке Борзе у соленых озер возникло поселение. В 1870-х гг. в источниках упоминается сторожевой пост казаков от Чиндантской крепости, именованной «Борзинский пикет». В ходе строительства Забайкальской железной дороги был основан железнодорожный поселок, которому в 1900 г. было дано название Суворовский в честь столетней годовщины русского полководца генералиссимуса А. В. Суворова. Однако оно не прижилось, за поселком сохранилось название станции Борзя [Поспелов 2008: 120].

Этимология топонима «Борзя» до сих пор остается неясной. В Топонимическом словаре Забайкальского края приводятся шесть версий происхождения: 1) от бурятского названия соле-грязевых урочищ Борзинской степи (*бооржа*, *бооржатай*); 2) от эвенкийского *борсами* (‘убить медведя’); 3) от эвенкийского *бори* (‘небольшая сопка, холм’); 4) от эвенкийского *боро*, означавшего ‘серый’ (предположительно, цвет воды); 5) от эвенкийского *борза* — ‘снежная, белая’; 6) от русского слова *борзая*, т. е. быстрая, полноводная река [Федотова 2017: 30].

Ойконим Шилка, известный с 1765 г., происходит от гидронима Шилка, который имеет эвенкийское происхождение. По одной из версий слово возникло от эвенкийского *силькарь* ‘узкая долина, падь’, что особенно справедливо для нижнего течения реки, зажато крутыми склонами гор. По другой, название происходит от эвенкийского *шилька*, которое, наоборот, означает «широкая река» [Федотова 2017: 130].

Нет ясности с происхождением топонима Могоча. Е. М. Поспелов связывает данный ойконим с одноименным гидронимом, этимология которого восходит к эвенкийскому слову *монгочи*, где *монго* — род эвенков, а *-чи* — суффикс обладания [Поспелов 2008: 293]. Т. В. Федотова приводит две вер-

сии. По одной из них, слово связано с эвенкийским *могоча* — ‘золотое дно, золотая долина’, что может объясняться близостью месторождений золота. По другой версии, топоним образован от эвенкийского слова *мого*, которое означает «холм», «торфяной бугор», «бугристое место». Такое толкование может быть вызвано бугристым рельефом местности [Федотова 2017: 81].

3.2. Ойконимы промышленных городов

Транспортное освоение Забайкалья обеспечило доступ к наиболее неосвоенным районам, изобилующим полезными ископаемыми. К началу XX в. силами геологоразведочных экспедиций были открыты месторождения цветных металлов, угля и золота, однако последовавшие затем революция и Гражданская война не позволили реализовать данные проекты. В период первых пятилеток потребности страны в минерально-сырьевых ресурсах резко возросли [Офицерова 2017: 28]. Это приводит к появлению качественно иного типа новых городов — промышленных (сырьевых) центров. В Забайкалье в 1930-е гг. появляются три таких поселения — Закаменск, Балей и Гусиноозерск. Во второй половине XX в. к ним добавились два молодых города — Краснокаменск и Северобайкальск.

В 1934 г. по приказу Главного управления промышленности редких металлов Наркомата тяжелой промышленности СССР был подписан приказ об организации треста Джидастрой, который должен был осуществлять строительство Джидинского вольфрам-молибденового комбината на юго-западе Бурятской АССР в центральной части Джидинского хребта [Батуева 2004: 156]. Поселение горняков получило название «поселок Джидастрой», связанное с оронимом Джида, который восходит к монгольским *зэс*, *джэс*, *джэд* или тюркскому *джез*, означавшим «медь» [Мельхеев 1969: 124–125].

В 1944 г. поселок Джидастрой получил статус города и был переименован в Городок [Батуева 2004: 156]. В это время он находился в ведении Джидлага (Джидинского ИТЛ), входившего в систему ГУЛАГ. Хрущевская десталинизация вызвала волну переименований по всей стране. С позиций се-

миотических трансформаций смена ойконима «сигнализирует о рубеже между старым и новым», «символически маркирует начало грядущего этапа, в котором будут заданы ориентиры конструирования обновленной городской социокультурной реальности» [Голомидова 2023: 30].

29 июля 1959 г. указом Президиума Верховного Совета РСФСР Городок получил свое современное название Закаменск [Как наш город 1974: 2]. Примечательно, что при отказе от джидлаговского Городка было выбран исторический топоним. Согласно наиболее распространенной версии, название Закаменск возникло в XVIII в. от русского Закамень — «за камнем», под которым подразумевалась территория, расположенная за отрогами Джидинского хребта и Малого Хамар-Дабана [Мельхеев 1969: 128]. Такое же значение имеет эвенкийская версия, согласно которой эвенкийское *камнига* можно перевести как «скала, утес» [Болдырев 2000: 276].

Б. В. Башкуев предположил, что название Закаменск получилось в результате переосмысления в русском языке бурятского названия *Захайн-аман* — «крайняя (пограничная) застава», связанного с близостью границы с Монголией [Башкуев 1965: 347].

Похожая история прослеживается у другого промышленного города Забайкалья — Гусиноозерска. В 1938 г. в Бурятской АССР началась разработка Гусиноозерского угольного месторождения, что привело к возникновению нового рабочего поселка с названием Шахты. В годы войны Гусиноозерское угольное месторождение было передано в ведение Объединенного государственного политического управления Народного комиссариата внутренних дел. В 1953 г. рабочему поселку Шахты был присвоен статус города районного подчинения с названием Гусиноозерск [Указ 1953].

Данный астионим был образован методом калькирования с бурятского языка лимнонима *Галуута нуур* ‘Гусиное озеро’, названного так «по необыкновенному изобилию в прошлом водоплавающих птиц, особенно гусей, которые здесь, очевидно гнездовали» [Мельхеев 1969: 122–123]. Со-

гласно традиции, «гусиными» у бурят было принято называть места, где происходили линька птиц и выводок птенцов [Мельхеев 1969: 122–123]. Таким образом, как и в случае с Закаменском, при выборе нового ойконима для Гусиноозерска власти обратились к местному топонимикону, сформированному под воздействием природно-географического и этнокультурного факторов.

Еще один промышленный город Забайкалья, возникший в период довоенной модернизации, Балей, смог избежать постсталинских переименований. Населенный пункт берет начало с села Новотроицкого Читинской области, рядом с которым в 1926 г. было организовано предприятие «Балейзолото». Наличие золота обусловило рост и специализацию поселения, которое вскоре получило название Новотроицкий промысел. Интенсивное освоение Балейского месторождения золота, связанное с открытием в 1935 г. золотоизвлекательной фабрики комбината «Балейзолото», привело к разрастанию поселка, который поглотил ряд близлежащих деревень и станиц (Каменка, Голготай, Кокуй, Новотроицкая, Новогеоргиевская) и стал называться Балей. В 1938 г. рабочий поселок Балей был преобразован в город районного подчинения [Постановление 1938] и сохранил свое название вплоть до наших дней, несмотря на передачу градообразующего предприятия «Балейзолото» в управление Балейского ИТЛ в 1947–1953 гг.

Топоним Балей связан с местным урочищем Балейская горка (ныне — Золотая горка), по вопросу происхождения которого существует несколько гипотез. Согласно одной из них, название заимствовано из эвенкийского языка, где есть слово *бэлэ-ми* ‘помогать; защищать’. Сторонники другой версии считают, что *балей* — даурское слово, означающее «светлое место» [Федотова 2017: 24]. Город расположен на южном склоне хребта в солнечной долине. Местные краеведы и горожане переводят слово как «золотая горка». По мнению Б. С. Куликова и В. Ф. Балабанова, населенный пункт назван Балеем в честь Золотой горки, которая ранее называлась Балейской горкой [Куликов, Балабанов 1957: 68].

3.3. Ойконимы молодых городов

Со второй половины 1960-х гг. в Бурятской АССР и Читинской области осуществлялись крупные комсомольские стройки всесоюзного и республиканского значения, в ходе которых на карте Забайкалья появилось еще два новых города — Краснокаменск и Северобайкальск.

Краснокаменск возник как поселок геологов Сосновской экспедиции после открытия Стрельцовской группы урановых месторождений в Читинской области. В 1968 г. началось строительство Приаргунского горно-химического комбината Министерства среднего машиностроения СССР, который стал градообразующим предприятием нового населенного пункта. 16 июля 1969 г. указом Президиума Верховного Совета РСФСР был образован город областного подчинения Краснокаменск [Город 2019: 18–20].

Название город получил по имени одной из расположенных неподалеку скал Аргунского хребта, приобретающих красный цвет на закате. По воспоминаниям геолога В. Зенченко, название городу дал именно он: «когда открыли первое месторождение, вокруг была безводная степь. И лежал примечательный камень с лимонитовыми натечками, который в лучах заходящего солнца становился красноватым. Поэтому я взял и написал на колышке карандашом „п. Краснокаменск“. Так и закрепилось это название» [Федотова 2017: 68]. Сегодня эта версия является наиболее популярной и вошла в большинство топонимических словарей.

Самый молодой город Забайкалья Северобайкальск возник как рабочий поселок строителей бурятского участка Байкало-Амурской магистрали в 1975 г. Первоначально поселок, расположенный на северном побережье Байкала (мыс Курлы) получил неофициальное название Новогодний, однако уже 29 сентября 1975 г. указом Президиума Верховного Совета Бурятской АССР был зарегистрирован как Северобайкальск. 5 ноября 1980 г. указом Президиума Верховного Совета РСФСР он был преобразован в город республиканского подчинения [Указ 1980].

Ойконим Северобайкальск происходит от географического термина север, форман-

та *-о*, лимнонима Байкал и форманта *-ск* [Березовский 2018: 372]. Данное название присутствовало в топонимиконе с 1925 г., обозначая Северо-Байкальский аймак (с 1977 г. — район) Бурятии. При преобразовании в астионим оно утратило дефис и приобрело слитное написание.

Таким образом, анализ ойконимов новых городов Забайкалья показал, что степень стабильности имен зависела от времени их появления. Первыми сформировались названия транспортных городов региона. Они возникали из топонимов, прежде всего, гидронимов, сложившихся в более ранние исторические эпохи на основе языковых субстратов коренных народов Сибири и Дальнего Востока (эвенков, бурят). Данные астионимы являлись семантически нейтральными по отношению к советской идеологии и не подверглись раннесоветскому и постсталинскому переименованиям.

Названия новых промышленных городов формировались в реалиях становления социалистического государства, интенсивного индустриального освоения края, поэтому первоначально отражали в своей семантике хозяйственную специализацию, ведомственную принадлежность и другие модернизационные символы. Однако децентрализация 1950-х гг. привела к тому, что многие ойконимы данной группы, ассоциировавшиеся с гулаговским прошлым, были заменены на более нейтральные природно-географические. Процесс переименований совпал с переходом многих населенных пунктов из статуса поселков городского типа в города. При этом важно подчеркнуть, что новые названия были образованы на досоветской топонимической основе с этнической и исторической семантикой с использованием форманта *-ск*.

В последнюю очередь во второй половине XX в. складывался корпус имен молодых городов региона, в семантике которых была окончательно утрачена связь как с топонимами на основе коренных субстратов, так и с атрибутами социалистической индустриализации. Астионимы данной группы были в большей степени ориентированы на прагматическую функцию, выраженную в преобладании природно-географических значений.

4. Урбанонимы (годонимы) в городском топонимическом пространстве

Формирование городского топонимического пространства продолжается в системе номинаций отдельных городских топообъектов, которые не только организуют физическое пространство, выполняют навигационные функции, концентрируют историко-культурную информацию о городе и его жителях.

В широком смысле урбанонимы охватывают корпус собственных имен «любого внутригородского топографического объекта» [Подольская 1988: 139]. В их число входят названия улиц, площадей, парков, районов, станций метро, отдельных зданий, жилых комплексов и пр. Однако, по мнению исследователей, многие из перечисленных имен занимают «промежуточное место» в ономастической системе, поскольку выступают и названиями городских топообъектов, и рекламными именами одновременно [Разумов, Горяев 2018: 76].

По этой причине мы присоединяемся к тем исследователям, которые рассматривают городские урбанонимы в более узком значении как названия линейных объектов (годонимов). Линейная номенклатура городов достаточно разнообразна и включает несколько слов-классификаторов: улица, переулок, аллея, проспект, бульвар, шоссе и т. д. При этом за редким исключением основная нагрузка ложится на термин «улица».

Годонимы занимают центральное место в топонимическом пространстве города. Наименования улиц являются отражением всех групп топонимов, участвующих в формировании названий городских топообъектов: ойконимов, гидронимов, оронимов, дримонимов, дромонимов и т. д. Кроме того, годонимы представляют собой наиболее стабильные элементы топонимикона, нечасто подвергающиеся изменениям. Таким образом, названия улиц несут в себе информацию об истории и культуре территории, ее географическом положении и культурной самобытности территории, способствуют формированию образа города и коллективной идентичности горожан.

Данные геоинформационных систем позволили нам выявить более тысячи линей-

ных урбанонимов. На настоящий момент, согласно ресурсу MapData, в Балее насчитывается 168 улиц, Борзе — 165, Гусиноозерске — 147, Закаменске — 114, Краснокаменске — 90, Могоче — 106, Северобайкальске — 177, Хилке — 95, Шилке — 91 [MapData].

Существуют разные виды классификаций урбанонимов, в основе которых лежат словообразовательные, лексико-семантические, лингвокультурологические, исторические критерии [Гладышева, Якоба 2015: 2–3]. Опираясь на опыт исследователей городской топонимики, а также исходя из выявленного топонимического материала изучаемых объектов, мы разработали лексико-семантическую классификацию, включающую 12 групп. Следует отметить, что границы между выделенными группами достаточно условны, в отдельных случаях встречаются урбанонимы, занимающие промежуточное положение, которые можно отнести сразу к нескольким группам.

К первой группе можно отнести идеологически мотивированные топонимы, отсылающие, в первую очередь, к советской эпохе: улицы Коммунистическая, Комсомольская (Закаменск, Гусиноозерск, Шилка), улица Советская (Закаменск, Гусиноозерск, Борза, Северобайкальск, Балей, Хилок, Могоча), переулок Советский в Шилке, улица Красноармейская в Могоче, улица Октябрьская в Балее, улица Пионерская в Закаменске, Борзе, Шилке, Хилке, переулок Пионерский в Северобайкальске и др.

Следует отметить, что в транспортных городах представлено немного топонимов данного типа (в Борзе — 4, Шилке — 5, Могоче — 9, Хилке — 11), что связано с более ранним формированием корпуса имен данных поселений. Наиболее высокая частотность имен-советизмов наблюдается в промышленных городах, процесс градообразования которых пришелся на период социалистической индустриализации. В Закаменске таковых 12, в Гусиноозерске — 10, в Балее — 14. В группе молодых городов топонимы, связанные с советской эпохой, также представлены достаточно полно: улица 18-го Съезда ВЛКСМ, улица 60 лет ВЛКСМ, проспект 60 лет СССР в Северобайкальске.

В Северобайкальске, который являлся площадкой Всесоюзной ударной комсомольской стройки БАМ, есть названия, отсылающие к строительству магистрали: улицы 25-летия БАМ, Бамовская, переулок Бамовский.

Ко второй группе относятся топонимы, обусловленные географическим положением населенного пункта: улицы Заречная, Речная, Джидинская в Закаменске, улицы Заозерная, Селенгинская в Гусиноозерске, улица Приаргунская, переулки 1-й Восточный, 2-й Восточный, Шилкинский в Борзе, улица Аргунская, микрорайон Аргунь в Шилке, улицы Амурская, Ангарская, Иркутская, Красноярская в Балее и др.

Чаще всего такие названия ассоциированы с Сибирью, озерами, реками и сторонами света: улицы Байкальская, Северная в Закаменске, Гусиноозерске, Борзе, Северобайкальске, Шилке, переулок Восточный в Борзе, улица Западная (Шилка, Балей), улица Речная в Закаменске, переулок Сибирский в Борзе, улицы Сибирская и Тыйская (по гидрониму Тыйя в Северо-Байкальском районе) в Северобайкальске, улицы Дарасунская (по названию реки и поселка в Забайкалье) и Даурская (по названию хребта и далее целого края в Забайкалье), улица Сибирская в Шилке, Балее [MapData].

Некоторые города (Гусиноозерск, Краснокаменск, Северобайкальск) являлись в советский период площадками всесоюзных комсомольскихстроек, что обусловило приток рабочих из разных регионов страны. Так, например, в рамках системы всесоюзного шефства над строительством БАМ город Северобайкальск возводили ленинградские рабочие, что нашло отражение в ряде топонимов (проспект Ленинградский, улица Ленинградская). Реже встречаются наименования, происхождение которых не всегда очевидно: улица Суздальская, улица Уральская и переулок Уральский в Северобайкальске, переулок Санкт-Петербургский в Борзе, улица Камчатская в Могоче. Меньше всего подобных наименований в Краснокаменске (микрорайон Восточный, проезд Северный, проезд Южный).

Встречающиеся в промышленных городах антропонимы и меморативы связаны с

революционерами и советскими вождями (улицы Ленина почти в каждом населенном пункте), писателями-классиками (улицы Пушкина есть в Закаменске, Борзе, Гусиноозерске, Хилке), декабристами (улицы Бестужева в Гусиноозерске, Декабристов — в Закаменске), полководцами (улицы Суворова, Кутузова в Хилке), космонавтами (улица Гагарина в Закаменске, Шилке, Гусиноозерске), учеными (улицы Ломоносова, Мичурин в Гусиноозерске) и др.

В меморативах транспортных городов появляются композиторы (улица Чайковского), строители (улицы Строителя Савватеева, Савватеевская) в Борзе, почетные жители города (улица им С. М. Шлямина в Шилке), современные поэты (улица им. М. Е. Вишнякова в Шилке). Молодые города располагают наименованиями, отсылающими к именам советских летчиков (улица Чкалова в Северобайкальске), авиаконструкторам (улицы Туполева, Сухова в Северобайкальске).

К метафорическим и метонимическим топонимам можно отнести следующие: улицы Апрельская, Звездная, Лунная в Закаменске, переулки Апрельский, Весенний — в Борзе, переулки Юности, Свободы — в Северобайкальске, территория гаражного кооператива (далее — ГК) Орбита, территория ГК Планета, территория ГК Сигнал в Гусиноозерске, улицы Майская, Майская 1-я, Майская 2-я в Балее, улица Рассветная в Хилке и др. [MapData]

Метафорические названия в городах всех групп не слишком востребованы, апеллируют в основном к понятиям советской символики: улицы Мирная в Закаменске, улица Мира — в Гусиноозерске и Шилке, территория ГК Дружба, улица Солнечная и переулок Солнечный в Гусиноозерске, улица Труда — в Северобайкальске.

Социально-демографические топонимы, характеризуют в первую очередь молодежь: улицы Молодежная и Спортивная в Закаменске, Гусиноозерске, Северобайкальске, Краснокаменске, Шилке, улица Молодежная в Могоче, переулок Спортивный в Борзе, улица Студенческая в Северобайкальске и др. Это объясняется особенностями демографического состава населения новых

городов, где на протяжении длительного времени преобладали жители молодых возрастов.

Навигационные топонимы определяют местоположение по отношению к другим объектам инфраструктуры и являются одной из самых объемных групп: переулок Школьный в Северобайкальске; улицы Больничная, Гаражная, Заправочная, Клубная, Почтовая, Школьная в Закаменске, улица Школьная в Могоче; улица Пришкельская в Хилке; переулок Больничный, улицы Заводская, Набережная, Почтовая, Привокзальная, переулок Почтовый в Гусиноозерске; микрорайон Аэропорт, переулок Банный тупик, переулок Стадионный в Борзе; улицы Аптечная, Аэродромная в Балее; улицы Вокзальная, Галерейная в Могоче, переулок Рынок в Хилке, улица Клубная в Закаменске и Шилке и др. К данной группе примыкают урбанонимы, обозначаемые через расположение в пространстве города или относительно других объектов: улица Центральная в Северобайкальске, улица Серединная, переулок Узкий в Гусиноозерске, переулок Угловой в Борзе.

Топонимы, апеллирующие к профессиям, прежде всего, связаны со специальностями, востребованными при возведении новых городов в советский период, а также с градообразующими промышленными предприятиями: улица Строительная в Закаменске и Гусиноозерске, переулки Строительный, Профсоюзный, улицы Рабочая, Торговая в Борзе, улицы Тоннельщиков, Строителей, переулок Строителей в Северобайкальске, Металлургов — в Балее, улица Горняцкая, переулок Горняцкий в Могоче, улица Шоферская и переулок Шоферский в Гусиноозерске и др. В транспортных городах аналогичным образом выделяются наименования, связанные с железнодорожной ориентацией городского хозяйства (улицы Железнодорожная, Железнодорожников, Локомотивная, Магистральная и пр.)

Растительные топонимы представлены достаточно скупо, это, как правило, те, которые можно отнести к характеристике местности: улица Сосновая в Северобайкальске, переулок Тополиный в Борзе, улица Полынная в Гусиноозерске, улица Березовая в За-

каменске, переулки Вишневый, Яблоневоый, улица Ягодная в Гусиноозерске и др.

Этнические отсылают в основном к славянской тематике: улица Славянская в Северобайкальске, проезд Славянский в Борзе, улица Русская в Шилке. Есть также улица Амбонская, переулок Амбонский в Хилке по имени священной для бурят горы (Амбон, Амбом). Годонимы, связанные с коренными этносами региона, представлены в незначительном объеме: например, улицы Загустай, Загустайская (от бурятского *Загаһастай* — рыбное место) в Гусиноозерске. Это связано с тем, что новые города, как правило, возникали в районах пионерного освоения в ходе реализации советских модернизационных проектов. По этой причине связь с местностью, коренным населением досоветской историей края в них прослеживается слабо.

Близкими к ним являются годонимы, происходящие от ойконимов, в основе которых, как было показано ранее, присутствуют тунгусо-маньчжурский, тюркский и монгольский языковые субстраты. Такие имена встречаются в 66,7 % новых городов Забайкалья: улица Закаменская, переулок Закаменский в Закаменске, улица Гусиноозерская в Гусиноозерске, микрорайоны Борзя-2, Борзя-3 в Борзе, улица Балеяская, переулок Балеяский в Балее, улица Могочинская в Могоче.

Годонимы, мотивированные характеристиками местности и природными реалиями, достаточно предсказуемы: улица Таежная в Северобайкальске, улицы Горная, Зеленая, Луговая, Песчаная, Таежная, Таежная 1-я, Таежная 2-я, Таежная 3-я в Закаменске, улицы Овражная, Песчаная, Садовая в Гусиноозерске, улицы Светлая, Тенистая в Борзе. В силу нахождения Северобайкальска в сейсмоопасной зоне есть даже улица Сейсмическая. Годонимы в основном содержат отсылки к свойствам местности (Светлая, Зеленая, Горная и др.).

Наименования, в составе которых есть цифры, обычно представляют собой имя-классификатор и номер: особенно подобные названия распространены в Северобайкальске: 1–6-й, 11-й, 12-й, 19-й, 21-й кварталы, 7–9-й, 11-й микрорайоны, улица 7-го микрорайона 1-я Линия, улица 7-го

микрорайона 2-я Линия, улица 7-го микрорайона 3-я Линия; Линия 16-я, 7-й Квартал в Закаменске; 1-й, 2-й, 6-й, 10-й, 14-й микрорайоны в Гусиноозерске. В молодых городах также встречаются номерные имена с указанием направления или названия дороги, например, улицы Километр Дороги Северобайкальск – Байкальское 1, Километр Дороги Северобайкальск – Байкальское 3, Километр Дороги Северобайкальск – Нижнеангарск 5, Километр Дороги Северобайкальск – Солнечный 3 в Северобайкальске.

Краснокаменск стоит особняком среди прочих городов, названия улиц появились там относительно недавно, и в целом преобладают следующие наименования: Территория Автодорога № 2, Территория Автодорога № 18, Территория Автодорога № 19, Территория Автодорога № 20а, Территория Автодорога № 23 и т. п.; Территория гаражно-строительного кооператива (далее — ГСК) № 1, Территория ГСК № 10, Территория ГСК № 13 и т. п.; 1–8-й микрорайоны. Подобные названия составляют 57 % всех годонимов города.

В целом по всем городам в долевого соотношении доминирующей может быть признана группа, в которой представлены нумерологические годонимы (19,3 %), оговоримся, что 61 % из них приходится на Краснокаменск, особенность которого отмечалась ранее, и 29 % — на Северобайкальск. Далее по степени частотности следуют годонимы-характеристики местности (14 %), навигационные годонимы (13 %) и меморативы (12,8 %), географически обусловленные наименования (10 %), названия, отсылающие к советской эпохе (8,6 %), метафорические и метонимические имена (6,9 %), профессиональные годонимы (6,7 %), фитонимы (2,6 %), социально-демографические наименования (2,3 %), ойконимические названия (1,9 %). Самыми малочисленными группами следует признать этнические годонимы, в среднем занимающие менее одного процента (см. табл. 1).

Если говорить о группах годонимов по городам, то долевого соотношение тех или иных имен выглядит иначе (см. табл. 1). В топонимиконе транспортных городов преобладают географические обусловленные го-

Таблица 1. Долевое соотношение годонимов новых городов Забайкалья, %
 [Table 1. Proportion of hodonyms in new urban settlements of Transbaikalia, %]

Группы годонимов	Города								
	Балей	Борзя	Гусино-зерск	Закаменск	Краснокаменск	Могоча	Северобайкальск	Хилок	Шилка
Антропонимические, меморативные	28,9	27,1	21,5	17,5	7,9	16,7	13,1	45,9	31,6
Географические	16,7	20	6,9	8,7	4,5	24,4	12,5	7	18,4
Природные	12,4	15,8	18	21,5	1,1	25,5	9,7	16,5	11,8
Советские	10,8	5,7	6,9	11,6	1,1	11,5	9,6	12,9	6,6
Функциональные, профессиональные	13,8	7,2	8,3	8,7	8	9	14,9	3,6	9,3
Навигационные	5	8,6	11,8	10,7	2,4	1,3	7,8	8,2	13,1
Метафорические, метонимические	5,9	7,2	8,3	7,8	12,5	3,9	7,8	3,6	5,3
Социально-демографические	0,7	1,4	1,4	2,9	3,4	1,3	2,4	0	2,6
Ойконимические	1,5	2,8	0,7	1,9	0	1,3	2,5	0	0
Растительные	0,7	1,4	3,6	2,9	1,1	1,3	4,2	0	0
Этнические	0	1,4	1,5	2,9	0	0	0,6	2,3	1,3
Нумерологические	3,6	1,4	11,1	2,9	58	3,8	14,9	0	0

донимы и близкие к ним группы, связанные с характеристикой местности, навигационные. В меньшей степени в них представлены советские идеологические наименования, профессиональные и метафорические. Практически отсутствуют номерные названия, а также этнические, этнонимические и ойконимические годонимы, фитонимы. В промышленных и молодых городах сильнее выражены группы, связанные с советской идеологией, хозяйственным освоением региона, градообразующими предприятиями и т. д. При этом в молодых городах, выступавших стройплощадками масштабных промышленных и инфраструктурных проектов позднего социализма, наблюдается самая высокая доля нумерологических названий. Во всех трех группах городских номинаций в большом количестве присутствуют антропонимические и меморативные годонимы, включающие как имена известных исторических и современных государственных, политических, общественных деятелей, так и посвященные местным передовикам, почетным гражданам, лицам творческих профессий наименования [MapData].

Годонимы представляют наиболее стабильный уровень топонимического про-

странства изучаемых городов. Большая часть выявленных имен сформировалась в советское время в период интенсивного хозяйственного освоения региона и появления новых населенных пунктов, что отразилось на семантике линейных урбанонимов. Важно подчеркнуть, что период десоветизации городского ономастикона, начавшийся в годы Перестройки в СССР и достигший апогея в 1990-е гг., практически не коснулся годонимии новых городов Забайкалья. В подавляющем большинстве случаев улицы сохранили прежние названия. Во многом это было обусловлено неразвитостью или отсутствием досоветского исторического нарратива у данных населенных мест, монопрофильной экономической структурой городов, высокой зависимостью местных социумов от градообразующих предприятий.

Исключение составили нумерологические названия в молодых городах, которые в постсоветский период стали заменяться на антропонимические, географические и природно мотивированные годонимы (наиболее выражен этот процесс в современном Краснокаменске), а также наименования, обусловленные размещением ряда промышленных или строительных предприятий, ко-

торые с переходом к рыночной экономике перестали существовать. В последнем случае показателен опыт городских поселений зоны БАМ, в которых с завершением советской стройки микрорайоны мостотрядов, мехколонн, строительно-монтажных поездов и прочих подразделений транспортных строителей стали постепенно утрачивать прежние названия, заменяя их на меморативы и мотивированные природно-географическими реалиями онимы с ярко выраженной местной самобытностью.

5. Эргонимы новых городов Забайкалья

В научной литературе отсутствует единый подход к пониманию природы и сущности эргонимов. Н. В. Подольская определяла данный термин как собственные имена деловых объединений людей, под которыми подразумевались организации, предприятия, учреждения, корпорации, союзы и т. д. [Подольская 1988: 151]. Р. В. Разумов считает, что самым значимым отличием урбанонима от эргонима является топографичность, под которой понимается «точная привязка к определенной точке земной поверхности» [Разумов 2015: 16], способность онима реализовывать адресную функцию. Эргонимы не привязаны к определенному месту, легко изменяются и быстро исчезают, могут переноситься с одного объекта на другой [Разумов 2015: 16].

В советский период эргонимы новых городов Забайкалья, насколько их можно реконструировать по архивным документам, местным газетам и воспоминаниям горожан, отличались однообразием, стилистической нейтральностью, функциональностью, прочными лексико-семантическими связями между именем и обозначаемым объектом. В названиях отражался профиль деятельности предприятия, например, магазины «Сельхозпродукты», «Молоко», «Промтовары», «Гастроном», «Универмаг», «Универсам», киоски «Союзпечать», «Хлеб», павильон «Воды», «Соки», кафе «Мороженое», «Кондитерская», «Торты» и т. д. Исключение составляли распространенные по всем советским городам метафорические эмпоронимы отдельных специа-

лизированных объектов, такие как магазин «Океан», универмаг «Детский мир» и др.

Чтобы различать одинаковые названия, повсеместно была распространена практика нумерации торговых предприятий и объектов общепита. Номера магазинов часто превращались в неофициальные названия, например, продуктовый магазин № 13 в разговорной речи мог именоваться Тринадцатый. Многие из этих прозвищных имен сохранились уже после распада СССР и продолжают использоваться старшими поколениями горожан до сих пор.

В названиях предприятий и организаций новых городов присутствовало много аббревиатур, например, «КБО» — комбинат бытового обслуживания, «ТБЦ» — торгово-бытовой центр, «ОРС» — отдел рабочего снабжения, «РайПО» — районное потребительское общество и производных от них разговорных форм имен: КБОВский (КБОшный) магазин, ОРСовская столовая, РайПОВский киоск и пр.

В промышленных городах большое количество объектов социальной инфраструктуры находилось в управлении градообразующих предприятий (заводские столовые, клубы, библиотеки, детские сады и др.), что также отражалось на эргонимии.

В 1970-е гг. советское общество переживает так называемую «потребительскую революцию». Идея материального изобилия как предпосылки построения коммунизма заняла прочное место в концепции развитого социализма. Отдельные квартиры стали нормой для подавляющего большинства горожан. Джинсы, импортная обувь и предметы роскоши, такие как французские духи, фарфор, хрусталь или ковры, превращались в стандартные атрибуты домашнего интерьера и гардероба [Chernyshova 2013: 202–203].

Это приводит к тому, что эргонимы все больше ориентируются на потребителя, более дифференцированными становятся прямые названия (магазины «Овощи», «Спорттовары»); появляются метафорические названия, связанные с территориальной и культурной самобытностью поселений, например, магазин «Чебурашка», столовая «Волна», кафе «Багульник», фотоателье

«Сибирячка», мастерская по пошиву одежды «Туяна» в Северобайкальске; распространяются уменьшительно-ласкательные и разговорно-бытовые формы имен (магазин «Рябинушка», столовая «Березка»); адресные названия, ориентированные на определенные социальные и возрастные группы (магазин «Ветеран»).

Однако в целом корпус эргонимов новых городов региона советского времени остается стандартизированным, однотипным и маловыразительным. Основная причина этого, по мнению специалистов, состоит в том, что все предприятия в СССР являлись государственными и не конкурировали между собой [Курбанова 2014: 32].

Рост количества разных коммерческих предприятий (парикмахерских, гостиниц, торговых центров и т. п.) в конце XX – начале XXI вв. привел к настоящему буму номинаций. В отличие от годонимов эргонимы очень быстро «откликаются» на текущие изменения. Они выполняют множество функций, в том числе имиджевую и навигационную, состоящие в формировании имиджа территории и способствующие ориентации в городском пространстве, отражают культуру, историю, традиции городских сообществ.

В современной эргонимии молодых городов Забайкалья выделяется ряд тематических групп.

Первую группу составляют эргоурбонимы, реконструирующие советскую стилистику, например: аптека «Советская» (Северобайкальск), кафе «СССР» (Северобайкальск), «Звезда» — в Борзе, магазин «Заря» в Могоче, торговый центр «Народный», «Универмаг» в Краснокаменске.

Вторую группу составляют географически обусловленные названия: «Ольхон», клиника «Байкал», «Баргузин», «Центр Байкальского гостеприимства», «Сувениры», «Сибирский гурман» в Северобайкальске; кафе «Саяны», магазин «Сибирские погребки» в Могоче. Гостиница «Закамна», кафе «Вардзия» (отсылающее к достопримечательности Грузии) в Закаменске, торговый центр «Азия» в Борзе, суши-бар «Япония» в Хилке, кафе кавказской кухни «Кавказ» в Могоче выглядят органично. Название

продовольственного магазина Клондайк в Закаменске скорее можно отнести к метафорическим, чем к географическим. Магазин мужской одежды «Палермо» в Борзе, гостиница «Невская» в Гусиноозерске вызывают вопросы в связи с отсутствием прямой связи между эргонимом и сферой деятельности организации.

Следующую группу эргонимов образуют антропонимы, среди которых названия магазинов и кафе, как правило, даются по имени владельца. Можно выделить следующие подгруппы антропонимических эргонимов:

– греко-славянские имена: магазины «Алёнка», «У Елены» в Гусиноозерске; кафе «У Марины» в Хилке; позная «У Альбины», «Виктория», продуктовый магазин «Руслан» в Северобайкальске; дом быта «Лола» в Краснокаменске, кафе «Светлана» в Могоче; кафе «Мария» в Балее и др.;

– имена коренных народов Забайкалья: позная «Дари» (Северобайкальск), кафе «Батыр» (Закаменск) и др.;

– литературно-мифологические имена: магазин «Крон», клуб-ресторан «Медуза» в Закаменске; продуктовые магазины «Гермес», «Юпитер», парикмахерская «Руслан и Людмила», бар «Пегас» в Северобайкальске; кафе «Садко» в Борзе, продуктовый магазин «Цезарь» в Могоче и др.

Семантическую связь между эргонимом и сферой деятельности организации не всегда можно выявить. Так, в названии парикмахерской «Руслан и Людмила» нет отсылки к произведению А. С. Пушкина, но очевидно, что в ней обслуживают и мужчин, и женщин. В названии магазина продуктов «Гермес» тоже не видно мифологической подоплеки, в отличие от названия обувного магазина «Гермес» в Улан-Удэ.

Четвертая группа эргонимов состоит из наименований, которые возникли на базе метафоры или метонимии: магазин модной одежды «Престиж», магазин мелочей «Теремок», магазин одежды «Новинка», гостиница «Комфорт», торговый дом «Бастион» в Закаменске; магазин мебели «Ренессанс» в Борзе; кафе «Счастливо», кафе «Вкусно», гостиница «Вояж», продуктовый магазин «Охотник» в Гусиноозерске; продуктовые

магазины «Смак», «Молоко+», «Лакомка» в Могоче; магазины «Восторг» или «Находка» в Краснокаменске; парикмахерская «Пчёлка», магазин детских товаров «Мир детства», магазин «Апрель», хозмаркет «БУМ», сеть магазинов «Эконом», магазин парфюмерии «Аромат», рыболовный магазин «Улов», фотоцентр «Премьер», пивные магазины «Пивной Причал» и «Пантограф», детский магазин «Золотой петушок», зоомагазин «Дружок» магазин «Продуктовая корзина» в Северобайкальске и др.

Пятую группу образуют наименования, реализующие навигационную функцию [Варфоломеева 2021: 3760], т. е. обусловленные близким расположением по отношению к некоторому, хорошо знакомому населению объекту: магазин «Продукты на Ленина» в Гусиноозерске; магазин «Центр» в Балее; «Центральная аптека», торговый зал «Проспект» в Северобайкальске и др.

В отдельную группу можно выделить функциональные наименования, распространенные еще с советских времен: «Юрист», «Магазин канцелярских товаров», «Продукты», «Компьютеры», «Цветы», «Бижутерия», «Сумки», «Ремни», «Торговый Центр», «Спорттовары», «Немецкая обувь», «Газеты», «Аптека», «Шашлык», «Овощи-Фрукты», «Ковры», «Автосервис», «Бензоинструмент» в Северобайкальске; «Быстро», «Магазин в Балее»; «Автозапчасти» в Краснокаменске; «Продукты» в Закаменске и др. В настоящее время фиксируется подъем интереса к таким названиям, что можно объяснить не только их прагматичностью, но и топонимической модой на советские номинации. В последнем случае вывески с названиями имеют соответствующее визуальное (графическое и орнаментальное) оформление, отсылающее к советскому прошлому.

Среди иноязычных или транслитерированных эрбонимов доминируют наименования на латинице, например, сервисный центр «DIGIS», магазин натурального мыла «STENDERS», «GARDEROB», турфира «ЭКОЛЭНД», «Sportcity», ателье «MODISTA», магазин «ULTRA» в Северобайкальске; магазин товаров для ремонта «Строй сити» в Закаменске; кафе «Gold

town» в Балее; «Big Daddy», «Фастфуд» в Могоче; торговый центр «Prodmix» в Краснокаменске и пр. К данной группе примыкают брендовые и франшизные названия: «DNS», «МТС», «KARI» в Северобайкальске; «Мегафон», «Связной» в Закаменске; «OZON» в Краснокаменске, магазин «Fix price» в Борзе.

Среди этнических эргонимов наиболее распространенными в новых городах являются названия, отсылающие к славянской культуре: кафе «Изба» в Закаменске, продуктовый магазин «Хлеб Соль» в Борзе, магазин «Русь» в Могоче, ресторан «Русь» в Краснокаменске и др. Этнические названия коренных народов Забайкалья встречаются в новых городах реже, чем славянские, например, бурятские онимы: кафе «Талаан», магазин «Наран», магазин «Урчал», торговый комплекс «Юрты», кафе «Бууза» в Закаменске; магазин «Наран Туяа», кафе «Бууза Да» в Гусиноозерске, кафе «Туяа» в Могоче и т. д. Встречаются названия, связанные с гастрономической культурой представленных в изучаемых городах национальных кухонь: суши-бар «Сан Суши» в Борзе, «Чайхана» в Могоче, «Шашлык» в Северобайкальске и др.

Уменьшительно-ласкательные названия, как правило, относятся к детским объектам, например, детский магазин «Кроха», магазин детских товаров «Пчёлка kids» в Северобайкальске. В других случаях подобные названия могут быть связаны со стремлением выделить именуемый объект из ряда подобных: «Домик продуктов», ателье «Пуговка» в Северобайкальске; магазины «Колбаска» в Борзе; «Гастрономчик», «Хлебушек», «Солнышко» в Гусиноозерске; кафе «Малинка», «1 минутка» в Балее; магазин «Фонарик плюс» в Краснокаменске и др.

Следующую группу представляют наименования с языковой игрой, рифмой, просторечием: «Клёвая точка», «Чудо+Блюда» в Северобайкальске; столовая «Время есть», продуктовый магазин «Ёлки-Палки» в Закаменске; магазин автозапчастей «ЖелеЗяка» в Борзе; кафе «Император БорзOFF» в Борзе; кафе «Вечный Зов», блинная «ХАчублин» в Гусиноозерске; кафе «У Михалыча»

в Хилке; кафе «Сели-Поели» в Могоче; кафе «ЗАКУСИТУ» в Краснокаменске и др.

Фитонимические и анималистические эргонимы, как правило, связаны с природой родного края: кафе «Кедр» в Закаменске и Борзе; магазин «Сагаан Дали» в Закаменске; магазин «Чайка» в Краснокаменске; продуктовые магазины «Саранка», «Ромашка» в Гусиноозерске; кафе «Роза» в Могоче и др. Органично выглядит название продуктового минимаркета «Яблоко» в Северобайкальске, магазина цветов «Орхидея» в Балее. Неожиданным является мини-маркет «Колибри» в Закаменске.

Границы между группами эрбонимов достаточно условны. Так, наименования магазина «Домик продуктов» можно отнести и к метафорическим, и к уменьшительно-ласкательным; «Сувениры Байкала» — к географически обусловленным и функциональным, кафе «Малинка» — к уменьшительно-ласкательным и растительным. Метонимические и метафорические наименования интересны с позиции мотивированности: так, рыболовные магазины с названиями «Улов» или «Клёвая» точка выглядят вполне логично, название же пивного магазина «Пантограф» вызывает вопросы.

Среди эргоурбонимов отсутствуют названия, отсылающие к дореволюционной эпохе (как в городах Улан-Удэ, Кяхта), что обусловлено более поздним появлением городов, а также связанные с историей возникновения городов и градообразующих организаций в советский период. Вероятно, советский корпус наименований не считается владельцами коммерческих предприятий актуальным на данный момент, новые тенденции в области рекламы и маркетинга диктуют обращение к брендовым, иноязычным, метафорическим названиям. Редким исключением являются не относящиеся к эргонимам названия клубных учреждений, которые в прошлом находились в ведении промышленных предприятий и сохранили ведомственно-отраслевую символику в названиях до настоящего времени: Дома культуры «Шахтер» в Гусиноозерске, «Горняк» в Балее, «Железнодорожник» в Северобайкальске, «Строитель» в Краснокаменске, кинотеатр «Горняк» в Закаменске.

Для сравнения самой объемной группой эргоурбонимов города Улан-Удэ выступают иноязычные, метафорические и отсылающие к греко-славянским и литературно-мифологическим именам [Варфоломеева 2021: 3762]. В эргонимии молодых городов доминируют метафорические названия (17,1 %), затем следуют функциональные (13,9 %), далее иноязычные и содержащие имена (по 12 %), географические (10,1 %), уменьшительно-ласкательные и с языковой игрой (по 6,9 %), этнические (4,6 %), растительные (4,5 %), брендовые (4,3 %), реконструирующие советский стиль (3,8 %), навигационные (2,5 %), анималистические (1,4 %).

Таким образом, лексико-семантический состав современных эрбонимов показывает, что в отличие от урбанонимов на данном уровне топонимического пространства новых городов советский (социалистический) корпус названий был вытеснен постсоветским рыночным.

6. Заключение

Топонимическое пространство новых городов Забайкалья формировалось в течение XX столетия в сложных исторических, географических и лингвистических условиях. Оно отличается языковым разнообразием, вобрав в себя элементы тунгусо-маньчжурского, тюркского, монгольского и славянского субстратов. Анализ ойконимического уровня топонимического пространства в проекции трех типов новых городов региона позволил выявить зависимость от времени появления поселений. Самые ранние ойконимы транспортных городов происходят от топонимов (в основном гидронимов и оронимов) коренных народов региона. Промежуточное положение занимают ойконимы промышленных городов, сложившиеся в первой половине XX в. на основе природно-географических и хозяйственных (освоенческих) семантических связей в тесном взаимодействии с топонимами досоветского периода. Молодые города получают свои названия последними, что обусловило преобладание прагматической мотивации в номинациях, ориентированной, прежде всего, на природно-географическую семантику.

Примечательно, что первая и третья группы ойконимов продемонстрировали высокую стабильность на протяжении всего рассматриваемого периода. Имена второй группы оказались в большей степени обусловлены идеологическими значениями и подверглись частичному переименованию и реинтерпретации в период десталинизации.

Урбанонимы представляют наиболее стабильный уровень топонимического пространства изучаемых городов. Основной каркас годонимов и агоронимов составляют имена, созданные в советское время. В урбанонимии новых городов Забайкалья можно выявить несколько номинативных тем, на основании которых выделяются 12 лексико-семантических групп с разным долевым соотношением в зависимости от типов новых населенных пунктов. Среди годонимов транспортных городов преобладают географические обусловленные имена и близкие к ним группы, связанные с характеристикой местности, навигацией и пр. В промышленных и молодых городах широко представлены советские идеологические наименования, профессиональные и метафорические, обнаруживающие связь с хозяйственным освоением региона, градообразующими предприятиями. Характерной чертой молодых городов является высокая концентрация нумерологических названий, что связано с более поздним возникновением традиционного уличного структурирования городского пространства, функции которого выполняли кварталы, микрорайоны, инвентарные рабочие поселки строителей и т. д. Во всех трех типах городов присутствуют антропонимические и меморативные годонимы, при этом состав коммеморативных символов и фигур может различаться.

Демократические процессы второй половины 1980-х – начала 1990-х гг. не привели к пересмотру сложившегося в советское время корпуса урбанонимов. В рассматриваемый период нами не отмечено случаев переименований улиц и других линейных топообъектов новых городов региона. Исключением стали номерные названия и имена, связанные с упраздненными в годы перехода к рыночной экономике градообразующими предприятиями, которые в молодых городах стали заменяться на антропонимические, природно-географические урбанонимы.

Периферию топонимического пространства изучаемых городов составили эргонимы, состав которых в советское время отличался высоким уровнем стабильности, формального и содержательного однообразия в силу отсутствия конкуренции между государственными объединениями и структурами. С переходом к рынку происходит интенсивная коммерциализация эргонимии, которая постепенно теряет топографические связи и сближается с рекламными текстами. Состав современных эргонимов позволил выделить ряд групп, которые в отличие от урбанонимов не сохранили выраженного советского ядра значений, переориентировавшись на потребительских рынок. Вместе с тем анализ лексико-семантических групп эргонимов выявил совпадения в номинативных темах и значениях, что позволяет сделать вывод о целостности топонимического пространства новых городов Забайкалья, границы которого сохранились в условиях перехода от советского централизованного онимотворчества к современным дифференцированным номинациям.

Источники

Аксиненко 2020 — Аксиненко А. Борзя. Городу 50 лет! [электронный ресурс] // Земля КРЕСТЬЯНСКАЯ. 2020. № 26. URL: <https://zemlya-chita.ru/borzya-gorodu-50-let> (дата обращения: 17.09.2024).

Sources

Aksinenko A. Borzya to celebrate 50th anniversary! *Zemlya* ('peasant' newspaper). 2020, June 30. No. 26. On: Zemlya (newspaper's website). Available at: <https://zemlya-chita.ru/borzya-gorodu-50-let> (accessed: 17 September 2024). (In Russ.)

- Петров, Москалева 2024 — *Петров В. Ф., Москалева Г. В.* Историческая справка о г. Хилок [электронный ресурс] // Хилокский краеведческий музей. URL: <https://khilokmuseum.ru/index.php/kraevedenie/istoriya-goroda/48-istoricheskaya-spravka-o-g-khilok> (дата обращения: 18.09.2024).
- Постановление 1938 — Постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета от 15 февраля 1938 г. «О преобразовании рабочего поселка Бaley Бaleyского района Читинской области в город» [электронный ресурс] // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/393392> (дата обращения: 20.09.2024).
- Указ 1953 — Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 15 июня 1953 г. № 731/3 «О преобразовании рабочего поселка Шахты Селенгинского района Бурят-Монгольской АССР в город районного подчинения» // Государственный архив Республики Бурятия. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 1451а. Л. 71.
- Указ 1980 — Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 5 ноября 1980 г. «О преобразовании рабочего поселка Северобайкальска Северо-Байкальского района Бурятской АССР в город республиканского подчинения» // Правда Бурятии. 1980. 8 ноября. С. 3.
- MapData — Карта России с городами, информация о городах и улицах России [электронный ресурс]. URL: <https://mapdata.ru> (дата обращения: 20.09.2024).
- Petrov V. F., Moskaleva G. V. Khilok: A historical message. On: Khilok Museum of Local History and Lore (website). Available at: <https://khilokmuseum.ru/index.php/kraevedenie/istoriya-goroda/48-istoricheskaya-spravka-o-g-khilok> (accessed: 18 September 2024). (In Russ.)
- Decree of the All-Russian Central Executive Committee of 15 February 1938 [on] Converting the Workers' Settlement of Baley (Baleysky District, Chita Oblast) to a City. On: Online Library of Historical Documents. Available at: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/393392> (accessed: 20 September 2024). (In Russ.)
- Order of the Presidium of the RSFSR Supreme Soviet of 15 June 1953 no. 731/3 [on] Converting the Workers' Settlement of Shakhty (Selenginsky District, Buryat-Mongol ASSR) to a District-Level City. On: State Archive of the Republic of Buryatia (website). Coll. P-475. Cat. 1. File 1451a. P. 71. (In Russ.)
- Order of the Presidium of the RSFSR Supreme Soviet of 5 November 1980 [on] Converting the Workers' Settlement of Severobaikalsk (Severobaikalsky District, Buryat ASSR) to a Republic-Level City. *Pravda Buryatii*. 1980, November 8. P. 3. (In Russ.)
- Map of Russia (with indication of cities and streets). Available at: <https://mapdata.ru> (accessed: 20 September 2024). (In Russ.)

Литература

- 70 лет 2021 — 70 лет со дня присвоения Шилке статуса города (1951) // Календарь знаменательных и памятных дат Забайкальского края на 2021 год: справочно-библиографическое издание / сост. Н. П. Тарасова. Чита: Чит. гор. типография, 2021. С. 178.
- Бадмаева 1987 — *Бадмаева Л. Б.* Топонимические названия в летописи Вандана Юмсунова // Исследования по ономастике Бурятии / отв. ред. И. Д. Бураев. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1987. С. 55–74.
- Байкалов, Поплевина 2019 — *Байкалов Н. С., Поплевина А. И.* Годонимы в социокультурном пространстве городских поселений Байкало-Амурской железнодорожной магистрали // Манускрипт. 2019. № 1. С. 19–23. DOI: 10.30853/manuscript.2019.1.3
- Балдандоржиев 2011 — *Балдандоржиев Ж. Б.* «Город золотого песка»: социально-экономическое, социокультурное развитие города Могоча // Молодой ученый. 2011. № 1 (24). С. 79–81.

References

- Shilka to celebrate 70th anniversary as city (1951). In: Tarasova N. P. (comp.) *Zabaykalsky Krai — 2021: Calendar of Remarkable and Memorable Dates*. Book of reference. Chita: Chita City Press, 2021. P. 178. (In Russ.)
- Badmaeva L. B. Toponyms in Vandan Yumsunov's Chronicles. In: Buraev I. D. (ed.) *Buryatia: Studies in Onomastics*. Ulan-Ude: Buryat Branch (SB) of USSR Academy of Sciences, 1987. Pp. 55–74. (In Russ.)
- Baikalov N. S., Poplevina A. I. Hodonyms in sociocultural space of the BAM (Baikal-Amur Mainline) urban settlements. *Manuscript*. 2019. Vol. 12. No. 1. Pp. 19–23. (In Russ.) DOI:10.30853/manuscript.2019.1.3
- Baldandorzhiev Zh. B. 'City of golden sand': Socioeconomic and sociocultural development of Mogocho. *Molodoy uchenyi*. 2011. No. 1 (24). Pp. 79–81. (In Russ.)

- Балданова, Дарбанова 2017 — *Балданова А. Б., Дарбанова Н. А.* Неофициальная региональная топонимика города Закаменска как часть региолекта // *Русский язык и литература в образовательном пространстве Азиатского региона: мат-лы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию со дня образования кафедры русского языка и общего языкознания, кафедры русской и зарубежной литературы Бурят. гос. ун-та / ред. О. А. Колмакова. Улан-Удэ: Бурят. гос. ун-т, 2017. С. 13–17.*
- Батуева 2004 — *Батуева М. С.* Наш городок. Закаменск: Изд-во газеты «Знамя труда», 2004. 258 с.
- Башкуев 1965 — *Башкуев Б. В.* О географических названиях Предбайкалья и Забайкалья // *Известия Всесоюзного географического общества. Т. 97. Вып. 4. Новосибирск: СО АН СССР, 1965. С. 346–352.*
- Березовский 2018 — *Березовский А. Я.* Географические названия озера Байкал и Околобайкалья. Топонимический словарь. Красноярск: [б. и.], 2018. 638 с.
- Болдырев 2000 — *Болдырев Б. В.* Эвенкийско-русский словарь = Эвэды-лүчады турэрук: в 2 ч. Ч. 1: А-П. Новосибирск: СО РАН; Фил. «ГЕО», 2000. 502 с.
- Вайрах 2011 — *Вайрах Ю. В.* Эргоурбонимия города Иркутска: структурно-семантический и лингвокультурологический аспекты исследования: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2011. 24 с.
- Варфоломеева 2021 — *Варфоломеева Ю. Н.* Имиджевая и навигационная функции текстов городской среды (на материале эргоурбонимов г. Улан-Удэ) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2021. Т. 14. Вып. 12. С. 3758–3763. DOI: 10.30853/phil20210613*
- Вепрева, Харитоновна 2023 — *Вепрева И. Т., Харитоновна А. В.* Ономастическое пространство Екатеринбурга: уровневая организация маркеров региональной идентичности // *Вопросы ономастики. 2023. Т. 20. № 3. С. 184–199. DOI: 10.15826/vopr_onom.2023.20.3.037*
- Географические названия 2006 — Географические названия Республики Бурятия: топонимический словарь / сост. И. А. Дамбуев, Ю. Ф. Манжуева, А. В. Ринчинова. Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2006. 241 с.
- Гладышева, Якоба 2015 — *Гладышева Ю. Б., Якоба И. А.* Особенности лексико-семантической классификации урбанонимов (на примере годонимов города Чита) // *Молодежный вестник Иркутского государственного технического университета. 2015. № 2. С. 1–4.*
- Baldanova A. B., Darbanova N. A. Non-official exploration of toponyms in town Zakamensk as part of regional dialect. In: Kolmakova O. A. (ed.) *Russian Language and Literature in the Educational Space of the Asian Region. Jubilee conference proceedings (Ulan-Ude, 13–14 October 2017)*. Ulan-Ude: Banzarov Buryat State University, 2017. Pp. 13–17. (In Russ.)
- Batueva M. S. *Our Town. Zakamensk: Znamya Truda, 2004. 258 p.* (In Russ.)
- Bashkuev B. V. On geographic names in Cis- and Transbaikalia. *Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva*. 1965. Vol. 97. No. 4. Pp. 346–352. (In Russ.)
- Berezovsky A. Ya. *Geographic Names of Lake Baikal and Around: A Toponymic Dictionary*. Krasnoyarsk, 2018. 638 p. (In Russ.)
- Boldyrev B. V. *Evenki-Russian Dictionary*. In 2 pts. Pt. 1: A–P. Novosibirsk: SB RAS, GEO, 2000. 502 p. (In Evenki and Russ.)
- Vayrakh Yu. V. Investigating Urban Ergonyms of Irkutsk: The Structural, Semantic, and Linguocultural Aspects. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Ulan-Ude, 2011. 24 p. (In Russ.)
- Varfolomeeva Yu. N. Image-building and navigational functions of urban environment texts (By the material of Ulan-Ude ergourbonyms). *Philology. Theory & Practice*. 2021. Vol. 14. No. 12. Pp. 3758–3763. (In Russ.) DOI: 10.30853/phil20210613
- Vepreva I. T., Kharitonova A. V. Onomastic space of Yekaterinburg: Level-based markers of regional identity. *Problems of Onomastics*. 2023. Vol. 20. No. 3. Pp. 184–199. (In Russ.) DOI: 10.15826/vopr_onom.2023.20.3.037
- Dambuev I. A., Manzhueva Yu. F., Rinchinova A. V. (comps.) *Geographic Names of Buryatia: A Toponymic Dictionary*. Ulan-Ude: East Siberia State Academy of Culture and Arts, 2006. 241 p. (In Russ.)
- Gladysheva Yu. B., Yakoba I. A. Features of lexico-semantic classification of urbonyms (In the case of Chita town hodonyms). *Young Researchers' Journal of ISTU*. 2015. No. 2. Pp. 1–4. (In Russ.)

- Голомидова 2023 — Голомидова М. В. Екатеринбург – Свердловск – Екатеринбург: образ города в динамике топонимического текста // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14. № 1. С. 29–53. DOI: 10.5922/2225-5346-2023-1-2
- Город 2019 — Город с горячим сердцем. Живая история / отв. ред. Н. А. Нагорская. Краснокаменск: Город Краснокаменск, 2019. 304 с.
- Гурулев 1989 — Гурулев С. А. Реки Байкала. Происхождение названий. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1989. 112 с.
- Жамсаранова 2002 — Жамсаранова Р. Г. Топонимия Восточного Забайкалья: дисс. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2002. 156 с.
- Как наш город 1974 — Как наш город строился // Знамя труда. 1974. 5 октября. С. 2.
- Качалкова 2013 — Качалкова Ю. А. Урбанонимическое пространство современного Екатеринбурга (официальные названия) // Вопросы ономастики. 2013. № 1 (14). С. 88–104.
- Кичикова и др. 2018 — Кичикова Н. А., Манджиева Э. Б., Джамбинова Н. С., Супрун В. И. Топонимическое пространство Калмыкии на современном этапе: результаты лингвистических исследований 2015–2017 гг. // Вестник Калмыцкого университета. 2018. № 39 (3). С. 81–91.
- Козин 1941 — Козин С. А. Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongol un niᠦᠴa tobᠡj an. Юань чао би ши*: Монг. обыденный сборник. Т. 1. Введение в изучение памятника. Перевод, тексты, глоссарии. М.; Л.: АН СССР, 1941. 620 с.
- Куликов, Балабанов 1957 — Куликов Б. С., Балабанов В. Ф. О происхождении названий и времени основания городов и посёлков Читинской области // Забайкальский краеведческий ежегодник. 1957. № 1. С. 67–76.
- Курбанова 2014 — Курбанова М. Г. Эргонимы современного русского языка: семантика и прагматика: дисс. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2014. 191 с.
- Мельхеев 1969 — Мельхеев М. Н. Топонимика Бурятии. История, система и происхождение географических названий. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1969. 188 с.
- Митин 2021 — Митин И. И. Топонимический палимпсест: переименования как символическое (пере)конструирование пространства и места // Псковский регионологический журнал. 2021. Т. 17. № 4. С. 73–83. DOI: 10.37490/S221979310016932-8
- Golomidova M. V. Yekaterinburg – Sverdlovsk – Yekaterinburg: The city image in the dynamics of a toponymic text. *Slovo.ru: Baltic Accent*. 2023. Vol. 14. No. 1. Pp. 29–53. (In Russ.) DOI: 10.5922/2225-5346-2023-1-2
- Nagorskaya N. A. (ed.) The Flaming-Hearted City. Krasnokamensk: Krasnokamensk City Executive Office, 2019. 304 p. (In Russ.)
- Gurulev S. A. Rivers of the Baikal: Etymologies of Toponyms. Irkutsk: Eastern Siberia Book Publ., 1989. 112 p. (In Russ.)
- Zhamsaranova R. G. Toponymy of Eastern Transbaikalia. Cand. Sc. (philology) thesis. Ulan-Ude, 2002. 156 p. (In Russ.)
- How our city was built. *Znamya truda*. 1974, October 5. P. 2. (In Russ.)
- Kachalkova Yu. A. Urbanonymic space of contemporary Yekaterinburg (Official names). *Problems of Onomastics*. 2013. No. 1 (14). Pp. 88–104. (In Russ.)
- Kichikova N. A., Mandzhiyeva E. B., Dzhambinova N. S., Suprun V. I. Toponymic space of Kalmykia at the present stage: Results of linguistic research 2015–2017. *Bulletin of Kalmyk University*. 2018. No. 39 (3). Pp. 81–91. (In Russ.)
- Kozin S. A. The Secret History [of the Mongols]: A Mongolian Chronicle of 1240 Titled ‘Mongolun niᠦᠴa tobᠡj an. Yuan chao bi shi’. Vol. 1: A Research Introduction, Translation, Texts, Glossaries. A. Barannikov (ed.), N. Poppe (foreword). Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1941. 620 p. (In Russ. and Mong.)
- Kulikov B. S., Balabanov V. F. Cities and villages of Chita Oblast: More on origins of toponyms and times of foundation. *Zabaykal'skiy kraevedcheskiy ezhegodnik*. 1957. Vol. 1. Pp. 67–76. (In Russ.)
- Kurbanova M. G. Modern Russian Ergonyms: Semantics and Pragmatics. Cand. Sc. (philology) thesis. Astrakhan, 2014. 191 p. (In Russ.)
- Melkheev M. N. Toponymy of Buryatia: History, Structure and Origins of Geographic Names. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1969. 188 p. (In Russ.)
- Mitin I. I. The toponymical palimpsest: Renaming as a symbolic (re)construction of space and place. *Pskov Journal of Regional Studies*. 2021. Vol. 17. No. 4. Pp. 73–83. (In Russ.) DOI: 10.37490/S221979310016932-8

- Мкртычян, Заонегина 2022 — *Мкртычян С. В., Заонегина В. В.* Моделирование топонимического пространства малого русского города: синхронический аспект // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2022. № 4 (75). С. 138–146. DOI: 10.26456/vtfilol/2022.4.138
- Мкртычян, Заонегина 2023 — *Мкртычян С. В., Заонегина В. В.* Верификация модели топонимического пространства на диахроническом материале // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2023. № 2 (77). С. 59–68. DOI: 10.26456/vtfilol/2023.2.059
- Никитина 2018 — *Никитина Т. Г.* Топонимическое пространство города: «культурные слои» в лексикографическом отображении // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15. № 2. С. 180–193. DOI: 10.15826/vopr_onom.2018.15.2.020
- Офицерова 2017 — *Офицерова Н. В.* Природные ресурсы регионов в советском индустриальном проекте в 1920-х – начале 1930-х годов (на материалах Европейского Севера СССР) // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8. № 1. С. 26–34. DOI: 10.18721/JHSS.8103
- Перцик 1999 — *Перцик Е. Н.* Города мира: география мировой урбанизации. М.: Международные отношения, 1999. 384 с.
- Подберезкина 1998 — *Подберезкина Л. З.* Лингвистическое градоведение (о перспективах исследования языкового облика Красноярска) // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: научно-методич. бюл. Вып. 6. Красноярск; Ачинск: Красноярск. гос. ун-т, 1998. С. 91–98.
- Подольская 1988 — *Подольская Н. В.* Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. 187 с.
- Поспелов 2008 — *Поспелов Е. М.* Географические названия России: топонимический словарь: более 4 000 единиц. М.: АСТ: Астрель, 2008. 523 с.
- Пушкарева, Доржиева 2016 — *Пушкарева Ю. Г., Доржиева Г. С.* Улицы Улан-Удэ: история и современность. Улан-Удэ: ВСГУТУ, 2016. 168 с.
- Разумов 2015 — *Разумов Р. В.* Об упорядочении ономастической терминологии в области урбанонимии // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 2. С. 14–19.
- Разумов 2016 — *Разумов Р. В.* Типология моделей урбанонимических систем Российской Федерации // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2016. № 4. С. 121–125.
- Mkrtychyan S. V., Zaonegina V. V. Toponymic space of a russian town: modelling in synchrony. *Vestnik TvGU. Series: Philology*. 2022. No. 4 (75). Pp. 138–146. (In Russ.) DOI: 10.26456/vtfilol/2022.4.138
- Mkrtychyan S. V., Zaonegina V. V. Diachronic verification of the toponymic model. *Vestnik TvGU Series: Philology*. 2023. No. 2 (77). Pp. 59–68. (In Russ.) DOI: 10.26456/vtfilol/2023.2.059
- Nikitina T. G. The urban toponymic space: “Cultural layers” from the lexicographic perspective. *Problems of Onomastics*. 2018. Vol. 15. No. 2. Pp. 180–193. (In Russ.) DOI: 10.15826/vopr_onom.2018.15.2.020
- Oftserova N. V. Natural resources regions in the Soviet industrialism project in the 1920s and the early 1930s (On materials of the European North USSR). *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*. 2017. Vol. 8. No. 1. Pp. 26–34. (In Russ.) DOI: 10.18721/JHSS.8103
- Pertsik E. N. Cities of the World: Geography of Global Urbanization. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 1999. 384 p. (In Russ.)
- Podberezkina L. Z. Linguistic urban studies: On toponymic research prospects of Krasnoyarsk. In: *Theoretical and Applied Aspects of Speech Communication*. Vol. 6. Krasnoyarsk, Achinsk: Krasnoyarsk State University, 1998. Pp. 91–98. (In Russ.)
- Podolskaya N. V. A Dictionary of Russian Onomastic Terms. Moscow: Nauka, 1988. 187 p. (In Russ.)
- Pospelov E. M. Geographic Names of Russia: A Toponymic Dictionary. Moscow: AST, Astrel, 2008. 523 p. (In Russ.)
- Pushkareva Yu. G., Dorzhieva G. S. Streets of Ulan-Ude: Past and Present. Ulan-Ude: East Siberia State University of Technology and Management, 2016. 168 p. (In Russ.)
- Razumov R. V. On regulating onomastic terminology in the field of urbanonymy. *Verkhnevolzhskiy filologicheskij vestnik*. 2015. No. 2. Pp. 14–19. (In Russ.)
- Razumov R. V. Urbanonymic systems of the Russian Federation: Typology of models. *Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova*. 2016. No. 4. Pp. 121–125. (In Russ.)

- Разумов, Горяев 2018 — *Разумов Р. В., Горяев С. О.* Названия жилых комплексов: между урбанонимами и рекламными именами // Научный диалог. 2018. № 9. С. 76–97. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-9-76-97
- Рублева 2016 — *Рублева О. Л.* Топонимическая система Приморья: аспекты и перспективы исследования // Известия Восточного института. 2016. № 4 (32). С. 35–44.
- Супрун 2000 — *Супрун В. И.* Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград: Перемена, 2000. 172 с.
- Трубе, Хорев 1970 — *Трубе Л. Л., Хорев Б. С.* Новые города на карте Родины. М.: Знание, 1970. 48 с.
- Федотова 2017 — *Федотова Т. В.* Топонимический словарь Забайкальского края. Чита: ЗабГУ, 2017. 272 с.
- Chernyshova 2013 — *Chernyshova N.* Soviet Consumer Culture in the Brezhnev Era. London: Routledge, 2013. 260 p.
- Razumov R. V., Goryaev S. O. Names of residential complexes: Between urbanonyms and advertising names. *Nauchnyi dialog*. 2018. No. 9. Pp. 76–97. (In Russ.) DOI: 10.24224/2227-1295-2018-9-76-97
- Rubleva O. L. Toponymic system of Primorye: Aspects and research perspectives. *Izvestiya Vostochnogo instituta*. 2016. No. 4 (32). Pp. 35–44. (In Russ.)
- Suprun V. I. The Russian Onomastic Field and Its Artistic/Aesthetic Potential. Volgograd: Peremena, 2000. 172 p. (In Russ.)
- Trube L. L., Khorev B. S. New Cities on the Map of Motherland. Moscow: Znanie, 1970. 48 p. (In Russ.)
- Fedotova T. V. Transbaikalia: A Toponymic Dictionary. Chita: Transbaikal State University, 2017. 272 p. (In Russ.)
- Chernyshova N. Soviet Consumer Culture in the Brezhnev Era. London: Routledge, 2013. 260 p. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 17, Is. 6, Pp. 1331–1342, 2024
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811.512.33

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1331-1342

Монгольская лексика материальной культуры, связанная с традиционным скотоводством: названия седел и их элементов

Анна Владимировна Мазарчук¹, Валерий Менкенович Мухаринов²

- 1 Институт лингвистических исследований РАН (д. 9, Тучков пер., 199004 Санкт-Петербург, Российская Федерация)
 младший научный сотрудник

 0000-0003-3679-2858. E-mail: [anja_av\[at\]rambler.ru](mailto:anja_av@rambler.ru)

- 2 Министерство образования и науки Республики Калмыкия (д. 18, ул. А. С. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 ведущий специалист

 0009-0001-0795-0151. E-mail: [vmuharinov\[at\]yandex.ru](mailto:vmuharinov@yandex.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Мазарчук А. В., Мухаринов В. М., 2024

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются термины современного монгольского языка, обозначающие элементы ездового седла (*эмээл*) и вьючных седел, а именно: седла *янгирицаг*, используемого для перевозки грузов на спинах волов и оленей, и седла *хом*, применяемого для навьючивания тюков на двугорбого верблюда. *Цели* исследования: провести этимологический анализ терминов и сделать выводы относительно механизмов сложения исследуемой лексико-семантической группы. *Материалы и методы.* Источниками материала исследования послужили словари монгольских и тюркских языков, а также научные работы по этнографии монголов. Материал был выделен методом сплошной выборки, затем был проведен его этимологический анализ с применением этимологических словарей и лингвистических научных трудов по изучаемой теме. *Результаты.* В монгольском языке используется около 30 терминов, обозначающих элементы ездового седла и вьючных седел. Треть из них представляют собой слова обыденной лексики, употребляемые в переносном или в прямом, но специфицированном значении. Оставшиеся две трети — специальные термины, подавляющая часть которых имеет параллели в тюркских языках. Зачастую трудно установить, является ли слово, обозначающее элемент седла, монголизмом в тюркских языках или тюркизмом — в монгольских. Выделяется на общем фоне единственное заимствование из китайского языка *маюуз* ‘подушечка на седле’. *Выводы.* Основу рассмотренной лексико-семантической группы составляют термины, имеющие глубокие корни. Это единицы либо исконно монгольской лексики, либо тюркизмы. По мере усложнения строения седла появлялись новые термины, источником которых становились повседневная лексика монгольского языка и языки соседних тюркских народов (для одного слова — китайский язык).

Ключевые слова: лексика материальной культуры, монгольские языки, халха-монгольский язык, бурятский язык, калмыцкий язык, тюркизмы, этимология

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта РФ в рамках проекта «Исследование тюркской и монгольской лексики материальной культуры, связанной с традиционным

скотоводством: сравнительно-исторический аспект» (№ 22-18-00060, <https://rscf.ru/project/22-18-00060>).

Для цитирования: Мазарчук А. В., Мухаринов В. М. Монгольская лексика материальной культуры, связанная с традиционным скотоводством: названия седел и их элементов // *Oriental Studies*. 2024. 17. № 6. С. 1331–1342. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1331-1342

Mongolian Material Culture Vocabulary for Traditional Animal Husbandry: Saddles and Their Elements

Anna V. Mazarchuk¹, Valery M. Mukharinov²

¹ Institute for Linguistic Studies of the RAS (9, Tuchkov Lane, 199053 St. Petersburg, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0000-0003-3679-2858. E-mail: anja_av[at]rambler.ru

² Ministry of Education and Science of the Republic of Kalmykia (18, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Leading Specialist

 0009-0001-0795-0151. E-mail: vmukharinov[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Mazarchuk A. V., Mukharinov V. M., 2024

Abstract. *Introduction.* The article deals with modern Mongolian terms for elements of a riding saddle (эмээл) and pack ones, the latter to include янгиуцаг (a cargo saddle for oxen and deer) and хом (a saddle for Bactrian camels to transport bales). *Goals.* The study attempts etymological analyses into the specified terms and concludes on how the lexical/semantic group in question may have formed. *Materials and methods.* The paper focuses on Mongolic and Turkic dictionaries, scholarly works on the ethnography of Mongols. The material was selected through the continuous sampling method for further etymological insights with the aid of etymological dictionaries and works on Mongolic and Turkic etymologies. *Results.* There are approximately 30 Mongolian terms for elements of a riding saddle and pack ones. One third of the former cluster with the colloquial Mongolian vocabulary and are used either in figurative or in direct — but specified — senses. The remaining two thirds are special terms, the overwhelming majority of which have parallels in the Turkic languages. So, it is often difficult enough to establish whether a word denoting an element of the saddle is a Mongolism in the Turkic languages — or a Turkism in the Mongolic ones. The only explicitly distinctive borrowing here is the Sincism мааюуз ‘cushion on the saddle’. *Conclusions.* The bulk of the lexical/semantic group in question is compiled from ancient terms. These are units of either native Mongolian vocabulary or Turkisms. So, introductions of advanced structural elements would give rise to new terms — borrowed from either colloquial Mongolian or languages of neighboring Turks, and only one proves an evident borrowing from Chinese.

Keywords: material culture vocabulary, Mongolic languages, Khalkha, Buryat, Kalmyk, Turkisms, etymology

Acknowledgements. The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 22-18-00060 ‘Investigating Turkic and Mongolic Material Culture Vocabulary for Traditional Animal Husbandry: The Comparative Historical Aspect’. Available at: <https://rscf.ru/project/22-18-00060>.

For citation: Mazarchuk A. V., Mukharinov V. M. Mongolian Material Culture Vocabulary for Traditional Animal Husbandry: Saddles and Their Elements. *Oriental Studies*. 2024; 17(6): 1331–1342. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1331-1342

1. Введение

Материальная культура — это искусственный мир, который человек создает вокруг себя из предметов различной величины и сложности, в первую очередь пытаюсь

оградить себя от опасностей дикой природы и выжить, а затем — удовлетворяя свои потребности более высокого ранга. Фактором, определяющим облик материальной культуры монголов (как, впрочем, в определенной

степени и духовной), всегда было кочевое скотоводство. Содержание табунов лошадей, крупного рогатого скота, овец, коз и верблюдов требовало от монголов ведения определенного образа жизни и обуславливало набор производимых ими артефактов и используемых материалов. От своих животных монголы брали все: шерсть, шкуры, кожу, кости, внутренние и внешние органы, мясо, жилы, рога, копыта, помет. Дополнением к этому служили дары живой и неживой природы: лес, дикорастущие травы и кустарники, солончак, дичь, добытая на охоте, камень, песок, руда. Разумеется, имея военные, торговые, политические контакты и связи с большей частью Евразии, монгольские кочевники обогащали свою аутентичную культуру, в том числе заимствуя те или иные предметы у других народов.

Таким образом, говоря о монгольской лексике материальной культуры, связанной с традиционным скотоводством, следует констатировать, что эта лексика обозначает большую часть предметов, окружавших монгольского кочевника: различные виды хозяйственных построек, загоны для скота, упряжь, кузнечные изделия, орудия труда.

Большое количество монгольской лексики материальной культуры было проанализировано в работах В. И. Рассадина, С. М. Трофимовой, Б. Д. Бальжинимаевой (например, [Рассадин и др. 2017]; [Рассадин и др. 2017]; [Бальжинимаева 2015; Бальжинимаева 2017]) и др. Цель исследования — проведение этимологического анализа терминов современного халха-монгольского языка, обозначающих седла и их элементы, поскольку седло с древних времен является неотъемлемой частью монгольской культуры.

2. Материалы и методы

Исследование осуществлено на материале современного халха-монгольского языка. Лексика для анализа была выделена методом сплошной выборки из словарей монгольского языка ([БАМРС, 1 2001; БАМРС, 2 2001; БАМРС, 3 2001; БАМРС 2002]), «Энциклопедии кочевого быта» [МНТТ 2014] и указанных выше научных статей. Отобранный материал был исследован с по-

мощью метода этимологического анализа. Поиск этимологии осуществлялся в словарях [ДТС 1969; СИГТЯ 2001; ЭСМЯ 2015; ЭСМЯ 2016; ЭСМЯ 2018] и др.

3. Этимологический анализ названий седел и их элементов

Наездники Евразии использовали прототип седла (мягкие кожаные подушки, набитые внутри мехом и тканью) примерно с середины 1-го тыс. до н. э., а уже, согласно последним археологическим находкам, к началу V века н. э. кочевники монгольских степей стали пользоваться седлом со стременами и деревянной рамой [Bayarsaihan et al. 2024: 115]. С одной стороны, оно имеет понятное практическое применение, с другой — может рассматриваться как предмет декоративно-прикладного искусства: настолько изящно оно может быть оформлено.

3.1. Ездовое седло

Слово монг., бур. *эмэл* [БАМРС 2002: 413; БРС 1951: 732], калм. *эмэл* [КРС 1977: 698], письм.-монг. *emegel* < **emeel* [Nugteren 2011: 329] — общемонгольское, было заимствовано в чагатайский в виде *ämäl* [СИГТЯ 2001: 541]. Для деревянного остова седла, которое в основном изготавливают из березы, как и другие деревянные элементы монгольских ездовых и вьючных седел, в современном монгольском языке используется описательный термин: монг. *эмэлийн яс мод* букв. ‘деревянный каркас седла’ [МНТТ 2014: 500].

Монгольское ездовое седло состоит из примерно 20 элементов (точное количество зависит от степени подробности анализа):

1) монг. *жирэм* ‘левая часть подпруги’ [БАМРС, 2: 179]. Представляет собой ремень из плетеной кожи. Термин монг. *жирэм*, бур. *жэрэм* [БРС 1951: 254], калм. *жирм*¹ [КРС 1977: 231], письм.-монг. *ḡirim* < **ḡirim*, возможно, связан с тюрк. **yerim*/**yirim* ‘свежая полоска чего-то’ < **yer-* ‘разрезать, рассекать’ [Nugteren 2011: 389; EDT 1972: 969,

¹ Для калм. *жирм* зафиксировано значение ‘короткий ремень’ [КРС 1977: 231]. Значение ‘подпруга’ указано только для калм. *олң* [КРС 1977: 396].

955; ДТС 1969: 257]. По другим данным, слово было заимствовано в тюркские языки из монгольского [ЭСТЯ 1989: 43];

2) монг. *олом* ‘правая часть подпруги’ [БАМРС, 2 2001: 470] — плетеный из конского волоса ремень с пряжкой, который протягивают справа налево и соединяют с кожаным ремнем *жирэм*: параллели к монг. *олом*, бур. *улам*, *олом* (в некоторых диалектах) [БРС 1951: 367; 479], калм. *олң* [КРС 1977: 396], письм.-монг. *olung* < **olaŋ* [Nugteren 2011: 467] существуют во множестве тюркских языков, их возводят к праформам **qolan*, **olaŋ*, **qoluŋ* [СИГТЯ 2001: 549–550]. Г. Й. Рамстедт считал письм.-монг. *олоу* заимствованием из тюркского, а М. Рясянен — монголизмом в тюркских языках [ЭСТЯ 2000: 47].

Термины монг. *олом* и *жирэм* используются либо как самостоятельные лексические единицы, либо как парное слово *олом жирэм* ‘подпруга’ [БАМРС, 2 2001: 470];

3) монг. *олонцог* ‘обивка седла’ [МНТТ 2014: 499, 500]: монг. *олонцог*, бур. *олонсог*, [БРС 1951: 368], калм. *олнцг* [КРС 1977: 396], письм.-монг. *olunčuy* / *olungčuy* ‘подушка у седла’ [Ковалевский 1846: 403; Lessing 1960: 610]. В слове выделяются корень *olung* ‘подпруга’ и аффикс *-čAy* < тюрк. *-čaq* ‘id’. [СИГТЯ 1988: 465], который мы также видим в письм.-монг. *yanggirčay* ‘вьючное седло для волов и оленей’ и тюрк. *bağırzak* ‘ослиное вьючное седло’ [EDT 1972: 318; СИГТЯ 2001: 540]. Основные значения данного аффикса — ослабление признака, уменьшение, уподобление [Мөнх-Амгалан, Кан Шин 2014: 32], по-видимому, термин письм.-монг. *olunčuy* следует трактовать как «то, что находится рядом или соприкасается с подпругой»: здесь диминутив указывает на соположение объектов, обозначаемых производящей основой и дериватом. В наше время монг. *олонцог* — это тонкая войлочная или суконная подкладка на деревянном сиденье седла, точно совпадающая с ним по размеру. Ее прикрепляют к деревянному остову седла с помощью четырех металлических бляшек *даруулга* [МНТТ 2014: 499, 500];

4) монг. *даруулга* ‘металлические бляшки, при помощи которых прикрепляется обивка седла’ [БАМРС, 2 2001: 40];

монг., бур. *даруулга* [БРС 1951: 206], калм. *даруулһн* [КРС 1977: 185], письм.-монг. *daruyulya* / *daruyulya-a* [Ковалевский 1849: 1664, 1673] — существительное, образованное от каузативной глагольной основы *daruyul-* ‘заставлять придавливать’ [Ковалевский 1849: 1672] < *daru-* ‘придавить, прижимать’ [Ковалевский 1849: 1671]. В монгольских языках когнаты письм.-монг. *daruyulya* / *daruyulya-a* имеют еще несколько значений, помимо указанного: 1) зажим для волос; 2) шест для привязывания сена на возу (бастрык); 3) веревка для привязывания груза; 4) поперечина под зубьями у конных грабель; 5) кожаный плащ, надеваемый поверх кольчуги; 6) рычаг (например, кожемялки) [БАМРС, 2 2001: 40; БРС 1951: 206; КРС 1977: 185]. Все эти значения объединены семей «зажим» и обозначают некий предмет, который что-то придавливает или закрепляет. Существует разновидность зажима *даруулга* — монг. *баавар* [МНТТ 2014: 499, 500];

5) монг. *баавар* ‘бляха у тороков монгольского седла [БАМРС, 1 2001: 202]’, бур. *баабар* [БРС 2006: 98], калм. *баавр* ‘бляха у седельной подушки’, письм.-монг. *bayabur* [ЭСМЯ 2015: 66]. Слово не зафиксировано в словарях письменного монгольского языка [Ковалевский 1846; Голстунский 1894; Lessing 1960; Schmidt 1835]. В словаре калмыцкого языка Г. Й. Рамстедта слово *bāwr* со значением ‘хороший, дорогой вид меха: медвежий или бобровый’ помечено как олетский диалектизм; для дербетского диалекта под вопросом указано значение ‘бобер’ [Ramstedt 1935: 41]. В [БАМРС, 1 2001: 202] дано четыре значения слова монг. *баавар*: 1) бляха у тороков монгольского седла; 2) мнемоническое словосочетание; 3) цветок *Scabiosa silenifolia*; 4) низкосортный, недоброкачественный мех¹. Как мы видим, с зафиксированным Г. Й. Рамстедтом калм. *bāwr* соотносится, хотя и как антоним, четвертое значение монг. *баавар*. Кроме того, в [БАМРС 1, 2001: 202] для первого и четвертого значения приведено разное написание

¹ В [МХТТ 2011: 92] зафиксированы еще два значения слова монг. *баавар*, встречающиеся в разговорном языке: ‘очень крепкий, наваристый чай’ и ‘тщеславный характер’.

на монгольской письменности : 1) *baγubur* и 4) *bubur*, что намекает на разное происхождение омонимов *баавар*¹ и *баавар*⁴. Можно предположить, что название бляшки мотивировано ее схожестью с цветком, но с уверенностью говорить, что эта связь действительно существует, на данный момент не представляется возможным;

6) монг. *маюуз* [БАМРС, 2: 309], бур. *маюуза* ‘подушечка на седле’ [БРС 1951: 312] < кит. 马褡子 *mǎdāzi* ‘перемётная сума, конский вьюк’ [БКРС; Мөнхсайхан 2014: 190]; крепится между передней и задней луками седла поверх обивки *олонцог* с помощью боковых досок седла *хавтас* [МНТТ 2014: 499, 500];

7) *хавтас* ‘боковая доска седла’: монг. *хавтас* [БАМРС 2002: 6], бур. *хавтаһан* [БРС 1951: 530]; для калм. *хавтасн* указано только значение ‘плоский’ [КРС 1977: 562]; письм.-монг. *qabtasun* ‘доска; дощечки для укладки между ними вещей’ < **kabtasun* ‘доска; (часто) боковые доски седла’ [Nugteren 2011: 397]. Исконно монгольское слово, производное от глагольной основы **qabta-* ‘становиться плоским’ > письм.-монг. *qabayi-* ‘быть плоским’; перешло в несколько тюркских языков, где у когнатов развилась семантика «бок» [ЭСТЯ 1997: 268];

8) *бүүрэг* ‘лука седла’: монг. *бүүрэг* (*бүүргэн*) [БАМРС, 1 2001: 311], бур. *бүүргэ* [БРС 1951: 139], калм. *бүүрг* [КРС 1977: 132], письм.-монг. *büürge* ‘передняя седельная лука’ [Ковалевский 1846: 1252] < **büürge* — исконно монгольское слово; было заимствовано в якутский — як. *bürge* [СИГТЯ 2001: 542];

9) монг. *хяр* ‘накладка (на передней и задней луке седла); обруч (луки седла); обруч луки седла’ седла’ [БАМРС 2002: 236]. В бурятском, калмыцком и письменном монгольском не зафиксированы значения, связанные с седлом: бур. *хяра* ‘гребень горы’ [БРС 1951: 634], калм. *kir* ‘горные луга’ [Ramstedt 1935: 232], письм.-монг. *kira* ‘низменный горный хребет’ [Ковалевский 1849: 2546]. В халха-монгольском языке первое значение слова *хяр* — ‘гребень (возвышенности); макушка; горная цепь, предгорье’ [БАМРС 2002: 236]. Для обозначения

элемента седла слово *хяр* ‘гребень’, которое связывают с тюрк. **қыру*: ‘край’ и выделяют как корень монг. *хярга-* ‘стричь ножницами’ [ЭСТЯ 2000: 244], стало использоваться в переносном значении;

10) монг., бур. *ганзага* [БАМРС, 1 2001: 376; БРС 1951: 159], калм. *һанзһ* [КРС 1977: 155], письм.-монг. *γaγjuγa* ‘торока у седла (ремешки у седла для привязывания вьюка)’ [Ковалевский 1846: 980] — исконно монгольское слово, заимствованное из монгольского в тюркские языки, а также в персидский и таджикский и далее [ЭСТЯ 1997: 254–255];

11) монг. *дэвс* [БАМРС, 2 2001: 97]. Значение в современном халха-монгольском языке: трапециевидные накладки из юфти (выделанной кожи), сыромятной кожи, ковра или плотного материала по обе стороны седла, закрывающие верхнюю часть стременного ремня (путище) и защищающие внутреннюю поверхность ноги наездника от натирания о стременную ремень; верхнее основание трапеции, шириной 12–13 см, совпадает с нижним краем боковой доски седла (*хавтас*), а нижнее основание трапеции, шириной 15 см, находится чуть выше пряжки стременного ремня [МХТТ 2011: 429]. Накладки помещают на деревянный остов седла и закрепляют под обивкой седла (*олонцог*). Устаревшее значение: ‘обивка седла’ (*эмээлийн олонцог*) [МХТТ 2011: 429] — в [Ковалевский 1849: 1703; Голстунский 1893: 77; Lessing 1960: 239] зафиксировано письм.-монг. *debse* ‘подушка на седле’. Бур. *дэбэсэ* ‘1) накладки (по обеим сторонам кичима); 2) подушка (на седле)’ [БРС 1951: 231]; калм. (олетский говор) *dewsa* ‘маленькие кусочки кожи, похожие на крылья, с обеих сторон седла, прикрывающие стременные ремни’ [Ramstedt 1935: 90] (ср. дербетские *köptšig* ‘седельные подушечки’ [Ramstedt 1935: 240] (калм. *көвүг* ‘седельная подушка’ [КРС 1977: 310]) < тюрк. *көпжөк* ‘мягкая часть седла’ < *көп* ‘подушка’ [ЭСТЯ 1997: 116]) и *olñšvç* ‘два куска кожи на седле; чепрак; рус. тебеньки’ [Ramstedt 1935: 285]) [Ramstedt 1935: 90, 240, 285]. Г. Нугтерен связывает общемонг. **debse* ‘седельная подушка; подседельник’ с общемонг. **debis-* ‘расстилать’ [Nugteren 2011: 313, 314];

12) монг. *дөрөө* [БАМРС, 2 2001: 64], бур. *дурөө* [БРС 1951: 226], калм. *дөрә* [КРС 1977: 210–211], письм.-монг. *dörüge* ‘стремля’ < **döree* ‘id’. [Nugteren 2011: 319]. Некоторые исследователи предполагают наличие общей алтайской праформы для этого слова. А. Рона-Таш возводит письм.-монг. *dörüge* ‘стремля’ к *dörü* ‘железное или веревочное кольцо в носу крупного рогатого скота’ [СИГТЯ 2001: 549]

Для обозначения путлища (стременного ремня) в современном монгольском языке используется описательный термин *дөрөөний сур* ‘стременной ремень’ [МНТТ 2014: 499].

Стремя состоит из следующих элементов, для наименования которых используются слова монгольского языка, употребляемые в переносном значении:

– *хавирга* ‘дуга стремени’ (букв. ‘ребра’);

– *таваг* ‘подошвы стремян’ (букв. ‘ступня’);

– *зоос* ‘центральная часть подошвы стремени’ (букв. ‘монета’) [МНТТ 2014: 499];

13) для обозначения элементов седла в переносном значении употребляются также слова *хонх* ‘колокол’ / *хонго* ‘подколенная ямка’ и *загас* ‘рыба’: монг. *эмээлийн хонх* / *хонго* ‘полость седла, нижняя его часть, пространство между луками и боковыми досками’ [БАМРС 2002: 106, 114], *эмээлийн загас* ‘небольшой четырехугольный деревянный элемент между луками седла и боковыми досками’ [МНТТ 2014: 501];

14) монг. *гөлөм* ‘чепрак; кичим (кожа, покрывающая подседельный войлок)’ [БАМРС, 1 2001: 444]. В [БАМРС, 1 2001: 444] указано, что это слово имеет омоним со значением ‘невод’, и у этого омонима есть вариант *гөлмий*. В [МХТТ 2011: 280] *гөлөм* и *гөлмий* оформлены в отдельные, не пересекающиеся словарные статьи. В бурятском, калмыцком и письменном монгольском языке есть когнаты монгольского термина *гөлөм* / *гөлмий*, означающие ‘невод, рыболовная сеть’: бур. *гүльмэ* [БРС 1951: 181], калм. *гөлм* [КРС 1977: 146], письм.-монг. *gölmi* / *gölm-e* [Ковалевский 1849: 2606]. Значение ‘чепрак’ для когнатов *гөлөм* / *гөлмий* встречается в тункинском

и бохайском диалектах бурятского языка [БРС 2006: 231]; также оно зафиксировано в калмыцком словаре Г. Й. Рамстедта в написании *gelm^o*, *gölm^o*, *gölm^o*, *gölm_o* (дается отсылка к письм.-монг. *gelüme* и разговорному халх. *Gülma*) [Ramstedt 1935: 132, 138]. В словарях XIX в. мы находим только письм.-монг. *gölmi* / *gölm-e* в значении ‘большая рыболовная сеть, невод; тенеты для зверей и птиц’ [Ковалевский 1849: 2606; Голстунский 1893: 467]. В словаре Ф. Лессинга и ЭСМЯ для написаний *gölim*, *gölm-e*, кроме значения ‘невод’, зафиксированы значения ‘чепрак, попона, подпруга’ [Lessing 1935: 386; ЭСМЯ 2016: 41, 46]. Обобщая сказанное, когнаты монг. *гөлөм* в значении ‘чепрак, кичим’ используются не во всех монгольских языках и диалектах. Другой, более распространенный, термин со значением ‘чепрак’ — монг. *хэжэм* [БАМРС 2002: 207], калм. *кегжэм* [КРС 1977: 288], бур. *хэжэм* [БРС 2008: 514], письм.-монг. *kejim* / *kijim* [Ковалевский 1849: 2490]. Термин письм.-монг. *kejim* был заимствован из монгольского в эвенкийский, персидский и многие тюркские языки, хотя сам он, как считают некоторые исследователи, произошел от др.-тюрк. *kedim* ‘одежда’ > монг. **kedim* ‘чепрак’ > монг. *kejim* ‘id’. [ЭСТЯ 1997: 18–19].

3.2. Вьючные седла

Монголы используют седла не только для верховой езды, но и для перевозки груза. В зависимости от своего назначения и от того, какое животное перевозит груз, седла могут иметь разный вид и названия.

Грузовые седла, используемые для навьючивания волов, яков и северных оленей, монголы и окинские буряты называют *ян-гирцаг*, или *янгиа* [БАМРС 2002: 464; Рассадин, Болд 2015: 102]. Калмыцкий когнат *яңһрцг* переводится как ‘остов седла (без покрытия)’ [КРС 1977: 710]; в словаре Г. Й. Рамстедта для *jangrɨsɨɣ* зафиксировано значение ‘вьючное седло, деревянное седло (без обивки)’ [Ramstedt 1935: 215]. Используемые в современных монгольских языках обозначения вьючного седла восходят к общемонг. **ɨŋgarcag* > письм.-монг. *yanggirčay* [Nugteren 2011: 373]. Параллели к этому сло-

ву можно найти в целом ряде тюркских языков. В тюркских словах выделяется корень *ууур ~ ууу:r ‘седло’ и суффикс *-саq*, который, по-видимому, в данном случае следует толковать как показатель диминутива. Существовали предположения, что общемонг. **ingarcag* было заимствовано из монгольского в тюркские языки, однако В. И. Рассадин утверждает, что это слово, наоборот, имеет исконно тюркское происхождение [Рассадин, Болд 2015: 102; СИГ ТЯ 2001: 539–540; ЭСТЯ 1974: 658–659], поэтому можно сделать вывод, что вариант монг. *янгуа* < письм.-монг. *yanggiya* происходит от тюркского корня *ууур ~ ууу:r ‘седло’.

Седло используется не только для того, чтобы было удобно закреплять и перевозить груз, но и для правильного распределения нагрузки по поверхности спины животного, чтобы избежать травмирования позвоночника и ребер. Под седло любого вида (и грузовые (монг. *янгиуцаг*), и для наездников (монг. *эмээл*)) кладут кусок войлока высокого качества из мягкой шерсти, обшитый по краям красной или зеленой тканью. В монгольских языках этот подседельник называют монг., бур. *тохом* [БАМРС, 3 2001: 235; БРС 1951: 444], калм. *тохм* [КРС 1977: 510], письм.-монг. *тоqom* < **tokum* [Nugteren 2011: 522]. Исследователи считают, что это слово исконно монгольское, заимствованное в тюркские языки [СИГТЯ 2001: 544–545]. Оно образовано от глагольного корня **toku-* > письм.-монг. *тоqo-* ‘подстилать войлок под седло, седлать лошадь’ [Nugteren 2011: 522; Ковалевский 1849: 1798; СИГТЯ 2001: 544–545] с помощью деривационного суффикса *-m* со значением «предмет, над которым производят действие» [Поппе 1937: 98] (семантика действия выражается в глагольной основе).

Чтобы подседельник не пропитывался потом, непосредственно на спину животного, под *тохом*, кладут потник — монг. *хөлсөвч*, или *дэлтэр* (так называют потник западные монголы) [МНТТ 2014: 502]. Этимология халха-монгольского слова *хөлсөвч* прозрачна: *хөлс* ‘пот’ + *-вч* (суффикс, обозначающий покрытие). Слово ‘пот’, восходящее к общемонгольскому **kölesün* ‘пот’, присутствует в подавляющем большинстве

монгольских языках [Nugteren 2011: 426], однако слов со значением «потник», похожих по своему фонетическому облику на монг. *хөлсөвч*, в словарях других монгольских языков не обнаружено. В калмыцком языке используется слово калм. *делтэр* [КРС 1977: 198], *deltr* [Ramstedt 1935: 86], этимология данного слова не ясна.

Луки седла и подпруга обозначаются теми же терминами, что и для ездового седла — *бүүрэг* и *олом жирэм* соответственно [МНТТ 2011: 453].

Если предстоит навьючить твердый и негабаритный груз (например, деревянные части юрты), то на седло кладут кусок войлока, а сверху груз прижимают слоями шкур, стегаными кошмами и т. д. Все это накрывают еще одним куском войлока и перевязывают волосяной веревкой. В некоторых случаях система креплений аналогична верблюжьему грузовому седлу, которое называется монг. *хом* [МНТТ 2014: 453].

Слово монг., бур., калм. *хом* [БАМРС 2002: 102; БРС 1951: 577; КРС 1977: 595], письм.-монг. *qom* / *qoom* < **kom* [Nugteren 2011: 418] имеет несколько значений в современном халха-монгольском языке. Одно из них: войлочная подкладка под верблюжье седло, которая функционально схожа с подседельником *тохом*, подкладываемым под грузовое седло *янгиуцаг*. Другое значение (упомянутое выше) — ‘верблюжье вьючное седло’. Также зафиксированы значения ‘хомут’ и ‘жировые отложения в верблюьем горбу’ [БАМРС 2002: 102]. Аналогично, в калмыцком: *хом* ‘седло; войлок, потник; сальник (жирное место под горбом верблюда)’ [КРС 1977: 595]. В словаре О. М. Ковалевского для письменного монгольского зафиксированы значения ‘хомут, верблюжий потник или войлок, подкладываемый под ношу’, а для самого слова указаны варианты с долгим и кратким гласным: *qom* / *qoom* [Ковалевский 1846: 860]. В бурятском языке, как и в письменном монгольском, слово *хом* используется в значениях ‘войлок, потник (подкладываемый под верблюжий вьюк)’ и ‘хомут (для верблюда)’ [БРС 1951: 577]. Это общемонгольское слово имеет параллели в тюркских языках. В них оно также имеет значения, которые можно разделить на две

группы: 1) верблюжье седло или его элементы ('седло верблюжье вьючное', 'подстилка под вьючное седло', 'войлок, обшитый кожей, который кладут под седло', 'подкладка под седло') и 2) жир верблюда ('жировые утолщения на боковых сторонах горба верблюда', 'спинной жир у верблюда') [СИГТЯ 2001: 541]. Исследователи указывают на генетическую связь монг. **кот* и тюрк. **ко:т*. М. Ряснен считал, что монгольское слово было заимствовано в тюркский язык [ЭСТЯ 2000: 54].

Слово монг. *хом* в значении 'грузовое седло для верблюда' может употребляться в названиях видов верблюжьих вьючных седел: 1) *халзан хом* 'голое седло'; 2) *хоёр ширдэгтэй хом* 'седло с двумя кошмами'; 3) *гурван ширдэгтэй хом* 'седло с тремя кошмами' [МНТТ 2014: 561].

Используемое в этих названиях слово монг. *ширдэг* [БРС 1951: 717], бур. *шэрдэг* [БАМРС 2002: 362], калм. *ширдэг* [КРС 1977: 676], письм.-монг. *sirdeg* 'стеганный войлок, тюфяк' [Ковалевский 1846: 1533] имеет тюркские параллели. В некоторые тюркские языки было заимствовано либо само существительное письм.-монг. *sirdeg*, либо глагол *siri-* 'простегивать, прошивать' [ЭСТЯ 2003: 440–441].

При использовании седла первого вида (*халзан хом*) передний и задний верблюжий горб не оборачивают кошмами — берут два боковых щита из толстого войлока (*бамбай*) и закрепляют их по бокам с помощью специального приспособления *шат* (букв. 'лестница'), состоящего из двух жердей с элементами в форме буквы «П» в центральной части, называемых *эмээл* 'седло', и веревки [МНТТ 2014: 561–562].

Монг. *бамбай* [БАМРС, 1 2001: 225], калм. *бамб* [КРС 1977: 80], письм.-монг. *bambai* 'щит' [Ковалевский 1846: 1080] — по-видимому, исконно монгольское слово. В бурятских словарях слово *бамбай* не зафиксировано как самостоятельное существительное, но указано парное слово бур. *бамбай хуяг* 'кольчуга' [БРС 2006: 113]. Также в бурятском есть слова *бамбай-* 'быть мягким, пушистым, пухлым', *бамбаахай* '1) пушистый, мягкий, пухлый; 2) барашки (белый пух на иве)', *бамбагана-* 'быть пу-

шистым', *бамбагар* 'пушистый, мягкий' (ср. монг. *бамбагар* 'id'.) и т. д. [БРС 1951: 90]. В калмыцком словаре зафиксировано значение 'мягкий' для *бамбр* [КРС 1977: 80]. В монгольском словаре мы находим изобразительные слова *бамбага бамбага* и *бамбас бамбас*, имитирующие колыхание трясины (первая пара) и зыби на поверхности болота (вторая пара), глагол *бамбай-* 'набухать, быть мягким, пушистым; быть пухлым, толстым; разбухать', прилагательное *бамбагар* 'толстый; мягкий, пушистый; пухлый, рыхлый, сыпучий' и производные от них лексемы [БАМРС, 1 2001: 224–225]. Все эти слова объединяет сема мягкости, рыхлости, пружинистости. Возвращаясь к войлочным щитам *бамбай* во вьючном седле верблюда, по внутренней форме слова, по его семантике, это то, что должно смягчить удар.

4. Заключение

В современном монгольском языке существует развитая система терминов, обозначающих ездовые и вьючные седла и их элементы. Среди рассмотренных терминов есть большая группа слов из обыденной лексики, употребляемых для обозначения элементов седла в переносном либо в прямом, но специфицированном значении: *даруулга* 'металлические бляшки, закрепляющие мягкую обивку седла' (букв. 'зажим'), *хавирга* 'дуга стремени' (букв. 'ребра'), *таваг* 'подошва стремени' (букв. 'ступня'), *зоос* 'центральная часть подошвы стремени' (букв. 'монета'), *эмээлийн хонх* / *хонго* 'полость седла, нижняя его часть, пространство между луками и боковыми досками' (*хонх* букв. 'колокол' / *хонго* букв. 'подколенная ямка'), *эмээлийн загас* 'небольшой четырехугольный деревянный элемент между луками седла и боковыми досками' (*загас* букв. 'рыба'), *бамбай* 'элемент верблюжьего вьючного седла' (букв. 'щит'), *ороолт* букв. 'обмотка, шарф' и *ширдэг* букв. 'кошма' (войлок, которым оборачивают верблюжьих горбы), *шат* 'крепление верблюжьего вьючного седла' (букв. 'лестница'). Большинство специальных терминов, обозначающих седла и элементы седел, имеют параллели в тюркских языках. Часть из них была заимствована из

тюркских языков, другая же часть — исконно монгольская лексика, заимствованная в тюркские и другие языки. Зачастую трудно установить, является ли слово монголизмом в тюркских языках или тюркизмом — в монгольских. Выделяется на общем фоне единственное заимствование из китайского языка монг. *мааюуз* ‘подушечка на седле’ < кит. 马褡子 *mǎdāzi* ‘перемётная сума, конский выюк’.

Таким образом, основу рассмотренной лексико-семантической группы составляют термины, имеющие глубокие корни. Это единицы либо исконно монгольской лексики, либо тюркизмы. По мере усложнения строения седла появлялись новые термины, источником которых становились повседневная лексика монгольского языка и языки соседних тюркских народов (для одного слова — китайский язык).

Сокращение

бур. — бурятский;
калм. — калмыцкий;
кит. — китайский;

монг. — монгольский;
письм.-монг. — письменно-монгольский;
тюрк. — тюркский;
як. — якутский.

Литература

- Бальжинимаева 2015 — Бальжинимаева Б. Д. Термины, обозначающие инструментарий дарханов, в монгольских языках // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2015. № 8. С. 16–22.
- Бальжинимаева 2017 — Бальжинимаева Б. Д. Названия тары и емкостей из кожи в монгольских языках // *Oriental Studies*. 2017. Т. 10. № 3. С. 110–116. DOI: 10.22162/2075-7794-2017-31-3-110-116
- БАМРС, 1 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь: В 4 тт. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 1. А–Г. М.: Academia, 2001. 520 с.
- БАМРС, 2 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь: В 4 тт. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 2. Д–О. М.: Academia, 2001. 536 с.
- БАМРС, 3 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь: В 4 тт. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 3. Ё–Ф. М.: Academia, 2001. 440 с.
- БАМРС 2002 — Большой академический монгольско-русский словарь: В 4 тт. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 4. Х–Я. М.: Academia, 2002. 532 с.
- БКРС — Большой китайско-русский словарь [электронный ресурс] // Китай — язык, жизнь, образование, работа, бизнес. БКРС (открытый редактируемый словарь) // URL: <https://bkrs.info> (дата обращения: 20.10.2024).
- БРС 1951 — Бурят-монгольско-русский словарь / сост. К. М. Черемисов; под ред. Ц. Б. Цыдендамбаева. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1951. 852 с.

References

- Balzhinimaeva B. D. Terms denoting darhan's tools in Mongolic languages. *Buryat State University Bulletin. Philosophy*. 2015. No. 8. Pp. 16–22. (In Russ.)
- Balzhinimaeva B. D. Names of leather packages and containers in the Mongolic languages. *Oriental Studies*. 2017. Vol. 10. No. 3. Pp. 110–116. (In Russ.) DOI: 10.22162/2075-7794-2017-31-3-110-116
- Pyurbееv G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 1: А–Г. Moscow: Academia, 2001. 520 p. (In Mong. and Russ.)
- Pyurbееv G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 2: Д–О. Moscow: Academia, 2001. 536 p. (In Mong. and Russ.)
- Pyurbееv G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 3: Ё–Ф. Moscow: Academia, 2001. 440 p. (In Mong. and Russ.)
- Pyurbееv G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 4: Х–Я. Moscow: Academia, 2002. 532 p. (In Mong. and Russ.)
- Unabridged Chinese-Russian Dictionary (BKRS — open-access editable online resource). Available at: <https://bkrs.info> (accessed: 20 October 2024). (In Chin. and Russ.)
- Cheremisov K. M. (comp.) Buryat Mongolian-Russian Dictionary. Ts. Tsydendambaev (ed.). Moscow: GIINS, 1951. 852 p. (In Bur. and Russ.)

- БРС 2006 — *Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М.* Бурятско-русский словарь в двух томах. Т. I. А–Н. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2006. 636 с.
- БРС 2008 — *Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М.* Бурятско-русский словарь в двух томах. Т. II. О–Я. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2008. 706 с.
- Голстунский 1893 — *Голстунский К. Ф.* Монгольско-русский словарь, составленный профессором С.-Петербургского университета К. Ф. Голстунским. Том третий. СПб.: Лит. А. Иконникова, 1893. 491 с.
- Голстунский 1894 — *Голстунский К. Ф.* Монгольско-русский словарь, составленный профессором С.-Петербургского университета К. Ф. Голстунским. Том второй. СПб.: Лит. А. Иконникова, 1894. 423 с.
- ДТС 1969 — *Древнетюркский словарь / ред.: В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак.* Л.: Наука, ЛО, 1969. 677 с.
- Ковалевский 1846 — *Ковалевский О. М.* Монгольско-русско-французский словарь. Т. II. NA–ŠÜ. Казань: Университетская типография, 1846. С. 595–1545.
- Ковалевский 1849 — *Ковалевский О. М.* Монгольско-русско-французский словарь. Т. III. TA–VI. Казань: Университетская типография, 1849. С. 1547–2690.
- КРС 1977 — *Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева.* М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- Мөнх-Амгалан, Кан Шин 2014 — *Мөнх-Амгалан Ю., Кан Шин.* Орчин цагийн монгол хэлний бүтээвэр судлал [Морфология современного монгольского языка]. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2014. 382 с.
- Мөнхсайхан 2014 — *Мөнхсайхан С.* Монгол хэлний хятад гаралтай үг [Монгольские слова китайского происхождения]. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2014. 237 с.
- МНТТ 2014 — *Монгол нүүдэлчдийн тайлбар толь [= Энциклопедия кочевого быта монголов].* Ерөнхий редактор: Г. Сүлд-Эрдэнэ. Улаанбаатар: Монсудар, 2014. 611 с.
- МХТТ 2011 — *Монгол хэлний тайлбар толь [= Толковый словарь монгольского языка] / ред. Х. Б. Баярсайхан, сост. О. А. Янжиндолгор.* Улаанбаатар: Монсудар, 2011. 1890 с.
- Поппе 1937 — *Поппе Н. Н.* Грамматика письменного-монгольского языка. М.; Л.: АН СССР, 1937. 196 с.
- Рассадин, Болд 2015 — *Рассадин В. И., Болд Л.* Тюрко-монгольские лексические параллели в составе названий транспортного использования скота в монгольских языках // *Oriental Studies.* 2015. Т. 8. № 4. С. 99–103.
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. Buryat-Russian Dictionary. In 2 vols. Vol. 1: A–H. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2006. 636 p. (In Bur. and Russ.)
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. Buryat-Russian Dictionary. In 2 vols. Vol. 2: O–Ya. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2008. 706 p. (In Bur. and Russ.)
- Golstunsky K. F. Mongolian-Russian Dictionary. Vol. 3. St. Petersburg: A. Ikonnikov, 1893. 491 p. (In Mong. and Russ.)
- Golstunsky K. F. Mongolian-Russian Dictionary. Vol. 2. St. Petersburg: A. Ikonnikov, 1894. 423 p. (In Mong. and Russ.)
- Nadelyaev V. M., Nasilov D. M., Tenishev E. R., Shcherbak A. M. (eds.) Dictionary of Old Turkic. Leningrad: Nauka, 1969. 677 p. (In Old Turk. and Russ.)
- Kowalewski O. M. Mongolian-Russian-French Dictionary. Vol. 2: NA–SÜ. Kazan: Imperial Kazan University, 1846. Pp. 595–1545. (In Mong., Russ. and Fr.)
- Kowalewski O. M. Mongolian-Russian-French Dictionary. Vol. 3: TA–Ü. Kazan: Imperial Kazan University, 1846. Pp. 1547–2690. (In Mong., Russ. and Fr.)
- Muniev B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)
- Munkh-Amgalan Yu., Kan Shin. Morphology of Modern Mongolian. Ulaanbaatar: Soyombo Printing, 2014. 382 p. (In Mong.)
- Munkhsaikhan S. Mongolian Words of Chinese Origin. Ulaanbaatar: Soyombo Printing, 2014. 237 p. (In Mong.)
- Süld-Erdene G. (ed.) The Nomadic Life of Mongols: An Encyclopedia. Ulaanbaatar: Monsudar, 2014. 611 p. (In Russ.)
- Yanzhindolgor O. A. (comp.) Mongolian Explanatory Dictionary. Kh. Bayarsaikhan (ed.). Ulaanbaatar: Monsudar, 2011. 1 890 p. (In Mong.)
- Poppe N. N. Grammar of Classical Mongolian. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1937. 196 p. (In Russ.)
- Rassadin V. I., Bold L. Turkic-Mongolian lexical parallels within the names of transport use of livestock in the Mongolian languages. *Oriental Studies.* 2015. Vol. 8. No. 4. Pp. 99–103. (In Russ.)

- Рассадин и др. 2017 — *Рассадин В. И., Трофимова С. М., Тувшинтогс Б.* Тюрко-монгольские параллели среди терминов материальной культуры в монгольских языках (на примере терминов одежды, жилища, домашней утвари) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. 2017. № 2 (115). С. 101–106.
- Рассадин и др. 2017 — *Рассадин В. И., Трофимова С. М., Лувсанжавын Ч.* Общемонгольская лексика по разделу «традиционное жилище» в халхаском, бурятском и калмыцком языках // *Oriental Studies*. 2017. Т. 1. № 4. С. 134–140. DOI: 10.22162/2075-7794-2017-32-4-134-140
- СИГТЯ 1988 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 1988. 556 с.
- СИГТЯ 2001 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 2001. 822 с.
- ЭСМЯ 2015 — *Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В.* Этимологический словарь монгольских языков: в 3 тт. / гл. ред. Г. Д. Санжеев, ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадина, Я. Д. Леман. Т. I: А–Е. М.: ИВ РАН, 2015. 224 с.
- ЭСМЯ 2016 — *Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В.* Этимологический словарь монгольских языков. Т. II. G–P. М.: ИВ РАН, 2016. 232 с.
- ЭСМЯ 2018 — *Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В.* Этимологический словарь монгольских языков: в 3 тт. / отв. ред. Г. Д. Санжеев, ред.-сост. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадина, Я. Д. Леман. Т. III: Q–Z. М.: ИВ РАН, 2018. 240 с.
- ЭСТЯ 1974 — *Севортыан Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974. 767 с.
- ЭСТЯ 1989 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й» / ред. Э. В. Севортыан, Л. С. Левитская. М.: Наука, Вост лит., 1989. 292 с.
- ЭСТЯ 1997 — Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на букву «К», «Қ» / авт. сл. статей Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадина; отв. ред. Г. Ф. Благова. М.: Языки русской культуры, 1997. 368 с.
- ЭСТЯ 2000 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Қ» / авт. сл. статей Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадина. М.: Индрик, 2000. 476 с.
- Rassadin V. I., Trofimova S. M., Tuvshintogs B. Turkic and Mongolian parallels among the terms of the material culture in the Mongolian languages (Based on terms of clothing, shelter, household utensils). *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University. Philological Sciences*. 2017. No. 2 (115). Pp. 101–106. (In Russ.)
- Rassadin V. I., Trofimova S. M., Chuluunbaatar L. The Khalkha Mongolian, Buryat and Kalmyk languages: Common Mongolian lexis denoting the traditional home. *Oriental Studies*. 2017. Vol. 10. No. 4. Pp. 134–140. (In Russ.) DOI: 10.22162/2075-7794-2017-32-4-134-140
- Tenishev E. R. (ed.) *Comparative Historical Grammar of the Turkic Languages: Morphology*. Moscow: Nauka, 1988. 556 p. (In Russ.)
- Tenishev E. R. (ed.) *Comparative Historical Grammar of the Turkic Languages: Vocabulary*. Moscow: Nauka, 2001. 822 p. (In Russ.)
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. Etymological Dictionary of the Mongolic Languages. In 3 vols. G. Sanzheev et al. (eds.). Vol. 1: A–E. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2015. 224 p. (In Mong. and Russ.)
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. Etymological Dictionary of the Mongolic Languages. In 3 vols. G. Sanzheev et al. (eds.). Vol. 2: G–P. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2016. 232 p. (In Mong. and Russ.)
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. Etymological Dictionary of the Mongolic Languages. In 3 vols. G. Sanzheev et al. (eds.). Vol. 3: Q–Z. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2018. 240 p. (In Mong. and Russ.)
- Sevortyan E. V. Etymological Dictionary of the Turkic Languages: Common and Intra-Turkic Stems Beginning with Vowels. Moscow: Nauka, 1974. 767 p. (In Turk. and Russ.)
- Sevortyan E. V., Levitskaya L. S. (eds.) Etymological Dictionary of the Turkic Languages: Common and Intra-Turkic Stems Beginning with Ж, Ж, Й. Moscow: Nauka — Vostochnaya Literatura, 1989. 292 p. (In Turk. and Russ.)
- Levitskaya L. S., Dybo A. V., Rassadin V. I. Etymological Dictionary of the Turkic Languages: Common and Intra-Turkic Stems Beginning with K, Қ. G. Blagova (ed.). Moscow: Yazyki Russkoy Kultury, 1997. 368 p. (In Turk. and Russ.)
- Levitskaya L. S., Dybo A. V., Rassadin V. I. Etymological Dictionary of the Turkic Languages: Common and Intra-Turkic Stems Beginning with Қ. Moscow: Indrik, 2000. 476 p. (In Turk. and Russ.)

- ЭСТЯ 2003 — Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С» / ред. А. В. Дыбо; М.: Вост. лит., 2003. 446 с.
- Bayarsaihan et al. 2024 — *Bayarsaikhan J., Turbat T., Bayandelger C., et al.* The Origins of Saddles and Riding Technology in East Asia: Discoveries from the Mongolian Altai. *Antiquity*. 2024. № 98(397). Pp. 102–118.
- EDT 1972 — An Etymological Dictionary Of Pre-Thirteenth Century Turkish / by G. Clauson. Oxford: Clarendon Press, 1972. 988 p.
- Lessing 1960 — Mongolian-English Dictionary / Ed. F. Lessing. Berkeley & Los Angeles: University of California Press, 1960. 1217 p.
- Nugteren 2011 — *Nugteren H.* Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages (Thesis). Utrecht: LOT, 2011. 563 p. (LOT dissertation series).
- Ramstedt 1935 — *Ramstedt G. J.* Kalmükisches Wörterbuch [A dictionary of Kalmyk]. Helsinki: Finno-Ugric Society, 1935. 560 p.
- Schmidt 1835 — *Schmidt I. J.* Mongolisch-Deutsch-Russisches Wörterbuch. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1835. 615 S.
- Dybo A. V. (ed.) Etymological Dictionary of the Turkic Languages: Common and Intra-Turkic Stems Beginning with Л, М, Н, П, С. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2003. 446 p. (In Turk. and Russ.)
- Bayarsaikhan J., Turbat T., Bayandelger C. et al. The origins of saddles and riding technology in East Asia: Discoveries from the Mongolian Altai. *Antiquity*. 2024. Vol. 98. No. 397. Pp. 102–118. (In Eng.) DOI: 10.15184/aqy.2023.172
- Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth Century Turkish. Oxford: Clarendon Press, 1972. 988 p. (In Eng.)
- Lessing F. (ed.) Mongolian-English Dictionary. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1960. 1217 p. (In Eng.)
- Nugteren H. Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages. Thesis. Utrecht: LOT, 2011. 563 p. (In Eng.)
- Ramstedt G. J. Kalmükisches Wörterbuch. Helsinki: Finno-Ugric Society, 1935. 560 p. (In Germ. and Kalm.)
- Schmidt I. J. Mongolisch-Deutsch-Russisches Wörterbuch. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1835. 615 p. (In Mong., Germ. and Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 17, Is. 6, Pp. 1343–1356, 2024
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811.512.3

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1343-1356

Особенности графо-фонетики калмыцкого языка второй половины XVIII – начала XIX в. (на материале словарей Г. Ф. Миллера (1760–1762) и Б. Бергмана (1804–1805))

Саглар Викторовна Мирзаева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-8542-0260. E-mail: kundgabo[at]list.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Мирзаева С. В., 2024

Аннотация. *Введение.* В изучении исторической фонетики калмыцкого языка особую ценность представляют лексикографические источники по старокалмыцкому языку. К наиболее ранним материалам подобного рода можно отнести словники немецких ученых второй половины XVIII – 20-х гг. XIX в., которые в указанный период активно занимались изучением языков народов России, в том числе калмыков. Эти источники представляют особую ценность для лингвистов, поскольку представляют собой записи разговорного языка, сделанные «сторонними» наблюдателями, не знакомыми с правилами передачи устной речи на ойратской (старокалмыцкой) письменности. Такие записи могут более точно отражать фонетические особенности калмыцкого языка рассматриваемого периода по сравнению с письменными памятниками, которые обычно демонстрируют классическую, литературную форму языка. *Цель* статьи — анализ графо-фонетических особенностей калмыцкого языка второй половины XVIII – начала XIX в. *Материалами* исследования выступили словарные списки, составленные Герхардом Дёрфером на основе трудов Г. Ф. Миллера «Sammlung Russischer Geschichte» (1760–1762) и Б. Бергмана «Nomadische Streifereien unter den Kalmücken in den Jahren 1802 und 1803» (1804–1805) и опубликованные им в книге «Ältere Westeuropäische Quellen zur Kalmückischen Sprachgeschichte» (1965). Словники, набранные в формате Excel, содержат авторские написания калмыцких слов, немецкий перевод, современные литературные формы и перевод на русский язык. Материалы были загружены на платформу Lingvodoc для сравнительно-сопоставительного анализа с прамонгольскими рефлексациями и формами современного литературного калмыцкого языка. *Результаты.* Исследование графо-фонетической системы калмыцкого языка, представленной в материалах Г. Ф. Миллера и Б. Бергмана, позволяет сделать следующие выводы: во всех привлеченных в ходе исследования словарях (включая также материалы П. С. Палласа и Ю. Г. Клапрота) присутствуют такие архаичные черты калмыцкого языка рассматриваемого периода, как соответствия *o* — лит. калм. *ø*, *ai* — лит. калм. *a*, *u* — лит. калм. *y*, совпадающие с прамонгольскими формами, и инновационные соответствия *e* — лит. калм. *ø* (ПМонг **ö*), *ä* — лит. калм. *e*, *ï* — лит. калм. *ø* и *o* — лит. калм. *y*, отличающиеся как от прамонгольского, так и от современного калмыцкого языков. Можно предположить, что они были характерны для калмыцкого языка второй половины XVIII – первой половины XIX в. в целом, а не для отдельных диалектов. Что касается согласных, соответствие *k / c* — лит. калм. *x* присутствует

лишь у Г. Ф. Миллера, причем в ряде случаев отмечены двойные варианты написания с [k] и [ch] (например, *kogur / chojor, kori / chori*). Это может говорить о том, что данная архаичная черта начала стираться к 60-м г. XVIII в., а к началу XIX в., т. е. ко времени составления словарей Б. Бергмана и Ю. Г. Клапрота, практически исчезла, поскольку в них данное соответствие встречается только в написании глагольного аффикса *-kō*. Соответствия *tz* — лит. калм. *ч* и *sch* — лит. калм. *ч* выявлены и у Г. Ф. Миллера, и у Б. Бергмана, что позволяет рассматривать их как фонетические особенности калмыцкого языка рассматриваемого периода. Некоторые из установленных на материале словарей соответствий (*б* — лит. калм. *ө, э* — лит. калм. *ө, о* — лит. калм. *ө, и* — лит. калм. *у, ö* — лит. калм. *у, о / oo* — лит. калм. *у*) наблюдаются в современных бузавском и дербетском говорах калмыцкого языка, а также в оренбургском и уральском подговорах.

Ключевые слова: Г. Ф. Миллер, Б. Бергман, словарь, графо-фонетический анализ, калмыцкий язык XVIII–XIX вв., прамонгольский язык, соответствия, Lingvodoc, инновация, архаизм

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).

Для цитирования: Мирзаева С. В. Особенности графо-фонетики калмыцкого языка второй половины XVIII – начала XIX в. (на материале словарей Г. Ф. Миллера (1760–1762) и Б. Бергмана (1804–1805)) // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 6. С. 1343–1356. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1343-1356

On Some Graphophonetic Features of Old Kalmyk, Mid Eighteenth to Early Nineteenth Centuries: Analyzing Kalmyk Wordlists by G. F. Müller (1760–1762) and B. Bergman (1804–1805)

Saglara V. Mirzaeva¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

 0000-0002-8542-0260. E-mail: kundgabof[at]list.ru

© KalmSC RAS, 2024
© Mirzaeva S. V., 2024

Abstract. Introduction. Lexicographic sources in Old Kalmyk are of particular importance for studies of Kalmyk historical phonetics. Such earliest sources include a variety of dictionaries and wordlists compiled by German scholars engaged in the research of Imperial Russia's peoples — including Kalmyks — and languages between the mid-eighteenth and early nineteenth centuries. The definite linguistic value is that those are records of colloquial language made by 'external' observers unfamiliar with oral-to-writing rules inherent to Oirat (Old Kalmyk) Script. If compared to written texts from the same period usually characterized by classical/literary language forms, such records would reflect the then Kalmyk phonetic features in a more accurate manner. **Goals.** The paper attempts an analysis into grapho-phonetic peculiarities inherent to the Kalmyk language throughout the mid-eighteenth to early nineteenth centuries. **Materials and methods.** The study focuses on Kalmyk wordlists compiled by G. Doerfer (*Ältere Westeuropäische Quellen zur Kalmückischen Sprachgeschichte*, 1965) from G. F. Müller's *Sammlung Russischer Geschichte (1760–1762)* and B. Bergman's *Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803 (1804–1805)*. The wordlists have been formatted to MS Excel, each entry to contain the authors' spelling, German/Russian translations, and a modern literary form — to be further uploaded onto the LingvoDoc platform for comparative analysis with Proto-Mongolic and contemporary standard Kalmyk patterns. **Results.** The insight into the Old Kalmyk graphophonetic system articulated in G. F. Müller and B. Bergman's publications makes it possible to conclude as follows. All the involved dictionaries and wordlists (including ones by P. S. Pallas and J. H. Klaproth) contain some archaic features of Old Kalmyk (from the examined period) that coincide with Proto-Mongolic forms (*o* — std. Kalm. *ө, ai* — *a, u* — *у*), and innovative ones (*e* — std. Kalm. *ө* (Proto-Mongolic **ö*), *ä* — *e, ü* — *ө, o* — *у*) that differ from both Proto-Mongolic and modern Kalmyk. It can be assumed that these were characteristic of Old Kalmyk in the mid-eighteenth to mid-nineteenth centuries at large — and not just for individual dialects. As for the consonant system, the correspondence *k/c* — std. Kalm. *x* is present only in G. F. Müller's materials, where one can also

find double spelling patterns for some lexemes with [k] and [ch] (e.g., *kogur / chojor, kori / chori*). This may indicate the archaic feature started to vanish in the 1760s and virtually disappeared by the early nineteenth century, since in materials of B. Bergman and J. H. Klaproth the correspondence can be traced only in spelling patterns of the verbal affix *-kö*. The correspondences *tz — std. Kalm. ч* and *sch — ч* have been discovered in both G. F. Müller and B. Bergman's wordlists, which attests to these be viewed as phonetic features of Old Kalmyk from the period under consideration. Some correspondences identified in the examined wordlists (*b — std. Kalm. в, е — ө, о — ө, i — ү, ö — ү, o / oo — у*) are found in modern Buzava and Dorbet dialects, as well as in Orenburg and Ural subdialects.

Keywords: G. F. Müller, B. Bergman, dictionary, grapho-phonetic analysis, eighteenth-nineteenth century Kalmyk, Proto-Mongolic language, correspondences, LingvoDoc, innovation, archaism

Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198-4 'Universals and Specifics in Traditions of the Mongolian-Speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China'.

For citation: Mirzaeva S. V. On Some Graphophonetic Features of Old Kalmyk, Mid Eighteenth to Early Nineteenth Centuries: Analyzing Kalmyk Wordlists by G. F. Müller (1760–1762) and B. Bergman (1804–1805). *Oriental Studies*. 2024; 17(6): 1343–1356. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1343-1356

1. Введение

XVIII век стал важным периодом для развития востоковедческой науки в России. В это время исследователи немецкого происхождения, приехавшие в страну, начали активно изучать языки многонационального российского государства. Среди них выделяются такие имена, как П. С. Паллас, Г. Ф. Миллер и другие, чьи труды содержат ценные этнографические заметки и лингвистические данные о языках народов России, в том числе о калмыцком языке. Среди авторов словарных материалов по калмыцкому языку, дошедших до нашего времени, можно упомянуть Н. Витсена (1641–1717), Г. Шобера (1670–1739), Ф. И. Страленберга (1676–1747), И. Х. Шнитшера (годы жизни неизвестны), Г. Ф. Миллера (1705–1783), П. С. Палласа (1741–1811), И. П. Фалька (1732–1774), Б. Бергмана (1772–1856), Ю. Г. Клапрота (1783–1835) и Г. А. Цвика (1796–1855). Работы этих авторов были выявлены Г. Дерфером в фондах библиотеки Гёттингенского университета и опубликованы в книге «Ältere Westeuropäische Quellen zur Kalmückischen Sprachengeschichte» [Doerfer 1965]. Эти материалы представляют особую ценность, так как являются записями живого языка того времени, выполненными «сторонними» наблюдателями, не знакомыми с нормами передачи устной речи на старокалмыцком «ясном письме». Поэтому, как мы предполагаем, они более точно отражают фонетические особенности

калмыцкого языка данного периода по сравнению с корпусами письменных текстов, в которых, как правило, представлена классическая, книжная форма языка.

Существующие в современном калмыковедении исследования лексикографических источников посвящены вводу в научный оборот самих памятников и исследованию различных аспектов двуязычных словарей на русском и калмыцком языках [Бембеев 2015; Бембеев, Куканова 2014; Куканова и др. 2012; Куканова, Бембеев 2012; Куканова и др. 2013; Куканова 2013; Мулаева 2012; Мирзаева, Долеева 2022; Долеева, Куканова 2024 и др.]. Тем не менее из перечисленных словарей только словарь П. С. Палласа был подробно рассмотрен в статье [Манджиева, Куканова 2023]. Данная публикация имеет целью продолжить исследование словарных материалов по калмыцкому языку из издания Г. Дёрфера на материале словарей Г. Ф. Миллера¹ (1760–1762) и Б. Бергмана² (1804–1805) в целях дальнейшего более комплексного исследования исторической грамматики калмыцкого языка XVIII–XIX вв. В рамках сравнительно-сопоставительного

¹ Словарь калмыцкого языка Г. Ф. Миллера (1760) [электронный ресурс] // URL: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/8801/1/perspective/8801/2/view> (дата обращения: 15.08.2024 г.).

² Словарь калмыцкий Бергманна 1804–1805 [электронный ресурс] // URL: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/8801/1/perspective/8801/2/view> (дата обращения: 15.08.2024 г.).

анализа также привлечены материалы словников П. С. Палласа¹, датируемых 1771, 1776–1801, 1787–1789 гг., и словника языка олётов Волги и Джунгарии Ю. Г. Клапрота², датируемого 1823 г., в отдельных случаях — И. П. Фалька³ и Ф. И. Страленберга, загруженных на платформу Lingvodoc⁴. Кроме того, в качестве надежной реконструкции прамонгольских лексем использована работа Х. Нугтерена [Nugteren 2011].

2. Материалы

2.1. Словник Г. Ф. Миллера: общая характеристика

Первый из рассматриваемых словников принадлежит перу Герхарда Фридриха Миллера (Мюллера) (1705–1783), путешественника-исследователя, историографа, вице-секретаря Российской академии наук с 1728 г. по 1730 г. Он включает 191 слово (в издании 1760 г. 169 слов, в издании 1762 г. — 21 слово) и составлен Г. Дёрфером на основе многолетнего труда Г. Ф. Миллера «Sammlung Russischer Geschichte» (тома №№ 4 (1760) и 7 (1762)). Как указывает сам Г. Ф. Миллер, в издании 1760 г. он использовал материалы И. Х. Шнитшера, 1762 г. — Г. Шобера [Doerfer 1965: 13–14]. Также он упоминает, что в 3-й том (1758) он включил большой калмыцкий словарь, материалы для которого были собраны им собственноручно в 1733 г.⁵ [Doerfer 1965: 14].

Слова в материалах 1760 г. распределены тематически:

¹ Словарь Палласа калмыцкий 1787-1789 [электронный ресурс] // URL: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/8799/1/perspective/8799/2/view> (дата обращения: 15.08.2024 г.).

² Калмыцкий словарь Klaroth_Ölötisch an der Wolga 1823 [электронный ресурс] // URL: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/8799/1/perspective/8799/2/view> (дата обращения: 15.08.2024 г.).

³ Немецко-калмыцкий словарь Фалька (1785-1786) [электронный ресурс] // URL: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/8815/1/perspective/8815/2/view> (дата обращения: 15.08.2024 г.).

⁴ Поскольку материалы словников загружены на Lingvodoc, страницы с приводимыми примерами не указываются.

⁵ Материалы в 3-м томе 1758 г. издания не обнаружены [Müller 1958]

1) в начале идут обозначения месяцев в соответствии с 12-летним животным циклом: *duker* ‘январь’ (лит. калм. *үкр*), *bars* ‘февраль’ (лит. калм. *бар*), *tolai* ‘март’ (лит. калм. *туула*), *lut* ‘апрель’ (лит. калм. *лу*), *togoi* ‘май’ (лит. калм. *моһа*), *mori* ‘июнь’ (лит. калм. *мөрн*), *choni* ‘июль’ (лит. калм. *хөн*), *meĭin* ‘август’ (лит. калм. *мөчн*), *taka* ‘сентябрь’ (лит. калм. *така*), *nochoi* ‘октябрь’ (лит. калм. *ноха*), *gachai* ‘ноябрь’ (лит. калм. *һаха*), *chuluguna* ‘декабрь’ (лит. калм. *хулһн*);

2) далее следуют числительные: обозначающие единицы — *nege* ‘один’ (лит. калм. *негн*), *chojor* / *kogur* ‘два’ (лит. калм. *хойр*), *gurba* ‘три’ (лит. калм. *хурвн*), *derbö* ‘четыре’ (лит. калм. *дөрвн*), *tabu* ‘пять’ (лит. калм. *тавн*), *surga* ‘шесть’ (лит. калм. *зурһан*), *dolo* ‘семь’ (лит. калм. *долан*), *naima* ‘восемь’ (лит. калм. *нэәмн*), *gessu* ‘девять’ (лит. калм. *йисн*), *arba* ‘десять’ (лит. калм. *арвн*); обозначающие десятки — *korin* ‘двадцать’ (лит. калм. *хөрн*), *gutzy* ‘тридцать’ (лит. калм. *хучн*), *detzy* ‘сорок’ (лит. калм. *дөчн*), *tabu* ‘пятьдесят’ (лит. калм. *тэвн*), *dsera* / *seran* ‘шестьдесят’ (лит. калм. *жирн*), *dala* ‘семьдесят’ (лит. калм. *далн*), *nauya* / *naga* ‘восемьдесят’ (лит. калм. *найн*), *ure* / *gere* ‘девяносто’ (лит. калм. *йирн*); обозначающие сотни — *so* ‘сто’ (лит. калм. *зун*), *kagur so* ‘двести’ (лит. калм. *хойр зун*), *gurbo so* ‘триста’ (лит. калм. *хурвн зун*), *derbe so* ‘четыреста’ (лит. калм. *дөрвн зун*), *tabu so* ‘пятьсот’ (лит. калм. *тавн зун*), *surga so* ‘шестьсот’ (лит. калм. *зурһан зун*), *dolo so* ‘семьсот’ (лит. калм. *долан зун*), *naima so* ‘восемьсот’ (лит. калм. *нэәмн зун*), *gessu so* ‘девятьсот’ (лит. калм. *йисн зун*); обозначающие тысячи — *minga* ‘тысяча’ (лит. калм. *миңһн*), *kagur minga* ‘две тысячи’ (лит. калм. *хойр миңһн*), *gurban minga* ‘три тысячи’ (лит. калм. *хурвн миңһн*);

3) завершают словник базовые фразы для диалога (*menu* ‘привет’ (лит. калм. *менд*), *sayn ödür* ‘добрый день’ (лит. калм. *сән өдр*), *menu amor connevo* ‘Как дела? букв. Хорошо ли Вы спали?’ (лит. калм. *менд амр хонвт?*), *Yo kineta?* ‘Что делаете’ (лит. калм. *ю кенэт?*), *Schi / ta menu beine?* ‘Как ты поживаешь?’ (лит. калм. *Чу / та*

менд *бээнэч / бээнт*), *Ike unete* ‘Очень дорого’ (лит. калм. *ик унтэ*) и т. д.) [Doerfer 1965: 203–206].

Калмыцкие материалы Г. Ф. Миллера 1762 г. издания включают, как указано выше, 21 слово, в числе которых повторяются числительные первого порядка от 1 до 10, причем написания отличаются от словника 1760 г. и более приближены к классическому варианту: *negen, choiür, gurban, dörbön, tabun, ssurgan, dolon, naiman, jessun, arban*, также в него включена общепотребительная лексика: *burchan* ‘Бог, Будда’, *kün* ‘человек’, *tologoi* ‘голова’, *chamar* ‘нос’, *kelek* ‘язык’, *kübiin* ‘мальчик, сын’, *köökön* ‘девочка, дочь’, *zagan* ‘белый’, *nogon* ‘зеленый’, *kokö* ‘синий’, *ulan* ‘красный’ [Doerfer 1965: 206–207].

2.2. Словник Б. Бергмана: общая характеристика

Второй рассматриваемый в данной публикации словник составлен на материале четырехтомного труда Бенджамин Фюрхтеготта Бальгазара фон Бергмана (1772–1856) «Кочевнические скитания среди калмыков в 1802–1803 годах» [Doerfer 1965: 16]. Изучение калмыцкого языка Б. Бергман начал в 1799 г. во время пребывания в колонии гернгутеров в Сарепте под руководством Конрада Нейца. По результатам пятнадцати месяцев, прожитых среди волжских калмыков, им было составлено указанное сочинение, которое было издано в Риге в 1804 г. и сделало автора известным в Европе (см. подробнее: [Митруев 2020]).

Словник включает 299 слов из разных лексико-семантических групп: административная, религиозная, бытовая лексика, наименования продуктов и напитков и пр., отдельные фразы «*Amar tapta mändässun chonobuta*» («Как Ваши дела?», букв. ‘Спали ли Вы хорошо и мирно?’), «*chatsch! chatsch!*» («хач-хач», междометие для подгона верблюдов), «*mändu*» («привет»), «*churruchuru*» («хуру-хуру», слова, произносимые во время ритуала огненного подношения), «*aezägiñ machan idä*» («будь ты проклят!», букв. ‘ешь плоть своего отца!’), «*bassa källä!*» («Скажи еще»), «*baisa! baisa!*» («Постой, постой») и пр. [Doerfer 1965: 238–241].

Словник Б. Бергмана содержит интересные термины, которые могут дать представление об административной структуре буддийских монастырей (*dsurchaitschi* ‘астролог’, *ototschi / aemtschi* ‘врач’, *baktshi* ‘учитель’, *ghäpkü* ‘лама, отвечающий за дисциплину’, *undsad* ‘лама, возглавляющий ритуал, запевала’, *arschaantschi* ‘лама, ответственный за подношение аршана’, *burchatschi* ‘лама, ответственный за уход за алтарем’, *dungatschi* ‘лама, играющий на раковине во время молебна’, *gäzzull* ‘монах-гецул’, *mandschi* ‘послушник’, *ubuschi* ‘практик-мирянин’, *ubussunza* ‘мирянка-практикующая’, *tschäbagantsi* ‘женщина, принявшая монашеские обеты’, *süßükte* ‘верующий’, *dajanntschi* ‘отшельник’), буддийских ритуальных сочинениях (*altan saba* ‘золотой сосуд’, *gärrijn* (правильно *garigiyin*) *jassool* ‘исправление [неблагоприятного с помощью] созвездий’), основных калмыцких праздниках (*sulla* ‘Зул’¹, *zagaan* ‘Цаган [Сар]’², *ueriß* ‘Урюс’³, *schitäni ildkänäj* ‘празднество изображений’⁴, *ussunarschaan* ‘Усн Аршан’⁵), кухне (*budaan* ‘мучная каша’, *boorzäck* ‘пирог’⁶, *bodmanzäck* ‘картошка’, *günätschigan*, *airak*, *bäfbrik*, *köörzick* ‘разновидности кумыса из молока кобылицы’, *aesägä* ‘творог’, *oedmök* ‘закваска на основе перемолотого зерна и молока’⁷) и даже досуге калмыков того времени (*kösör* ‘игральные карты’, *bambil* ‘памфил, карточная игра’⁸, *narr* ‘игра триктрак, разновидность игры в нарды’⁹, *mikbak* ‘китайская игра с камушка-

¹ Празднование Нового года, устраиваемое в 25-й день месяца коровы (нем. Neujahrsfest am 25. des Rindermonats).

² Новый год, отмечаемый в феврале (нем. [Fest] Mitte Februar).

³ Празднование в честь рождения Будды, устраиваемое с 8-го по 15-й день первого летнего месяца (нем. vom 8–15. des ersten Sommermonats, zu Ehren der Empfängnis des Buddha).

⁴ Нем. Bilderfeier.

⁵ Празднование в честь появления на небе одноименной звезды, устраиваемое в начале-середине сентября (нем. Fest zu Ehren des Aufgangs des Gestirnes gleichen Namens, gefeiert Anfang und Mitte des September).

⁶ Нем. Kuchen.

⁷ Нем. Branntweintreber mit frischer Milch vermischt.

⁸ Нем. Pamphil (Art Kartenspiel).

⁹ Нем. Tricktrack-Spiel.

ми¹, *baki* ‘игра с костяшками, альчики (?)’²).

Словник также включает имена будд, бодхисаттв и других божеств буддийского пантеона, что свидетельствует о том, что Б. Бергман использовал как устные записи, так и письменные источники, касающиеся буддийской космологии. Здесь можно встретить не только имена основных будд и бодхисаттв тибето-монгольского буддизма (*Burchan baktshi* ‘Будда Шакьямуни’, *Baidari / Maidari* ‘Майтрея’, *Manschuschari* ‘Манджушри’, *Nidubär uesätschi / Chonschim bodiḡadoh* ‘бодхисаттва Авалокитешвара’, *Nojon Dara aeckä* ‘Зеленая Тара’, *Zagaan Dara aeckä* ‘Белая Тара’, *Otschirbani* ‘Ваджрапани’), но и менее известные в буддологической литературе имена трех будд, предшественников исторического Будды Шакьямуни, в дословном переводе с тибетского: Бергм. *ortschillongjn-äbdüchtschi* — классич. ойр. *orčilonggiyin ebedüqči* (от тиб. санскр. *Krakucchanda*), *altan tschidiktschi* — классич. ойр. *altan čidaqči* (от тиб. *gser thub*, санскр. *Kanakamuni*), *gärräl ssakiktschi* — классич. ойр. *gerel sakiqči* (от тиб. ‘*od srungs*, санскр. *Kāśyapa*).

Особый интерес представляют два примера, иллюстрирующие наличие категории почтительного стиля, характерной только для буддийских текстов, переведенных с тибетского. В данном случае речь идет о двух словах со значением «пища»: *schüßänn* (классич. ойр. *šigüsün*) и *chotto* (классич. ойр. *xoto*), которые Б. Бергман различает как *Speise der Vornehmen* (‘еда для богачей’) и *Speise der Geringen* (‘еда для бедняков’).

Оба словника были загружены на платформу Lingvodoc, где с помощью опции анализа когнатов в диалектах одного языка словоформы были связаны с формами литературного калмыцкого и прамонгольского языков. В результате программа построила ряды фонетических соответствий. В результате анализа полученного материала с использованием описательного и сравнительно-сопоставительного анализа были выявлены отличия от современного калмыцкого языка, которые в случае совпадения лексем в рассматриваемых словниках с прамон-

гольской формой определены как архаизмы и таким образом верифицируют тот факт, что ко времени записи данного материала выявленные переходы в фонетике калмыцкого языка еще не произошли; в случае отличия от прамонгольского и современного калмыцкого — как инновации, которые могут отражать диалектные черты. Выявление аналогичных изменений в других словарях может в дальнейшем комплексном исследовании дать основания предположить наличие особого диалекта калмыцкого языка в период создания этих словников, который не сохранился до наших дней.

Проблемы диалектологии калмыцкого языка XIX–XX вв. рассматривались в работах А. А. Бобровникова [Бобровников 1849], Н. Очирова [Очиров 2002], В. Л. Котвича [Котвич 1929], Б. Я. Владимирцова [Владимирцов 1929], А. Ш. Кичикова [Кичиков 1963], Н. Н. Убушаева [Убушаев 1979; Убушаев 2006], Д. А. Павлова [Павлов 1968] и др.

В современной диалектологии общепринято деление калмыцкого языка на три основных говора (диалекта) — торгутский, дербетский и бузавский, и четыре торгутских подговора — цаатанский, оренбургский, уральский, хошутский [Убушаев 2006: 13–21]. Основные фонетические различия между калмыцкими говорами и подговорами представлены в таблице 1 ниже.

3. Соответствия гласных в словнике Г. Ф. Миллера

В словнике Г. Ф. Миллера были установлены следующие соответствия гласных звуков: Мил. *a*, *oi*, *o*, *ai*, *ä* — лит. калм. лит. *a*; Мил. *a*, *ä*, *e*, *ei*, *ai* — лит. калм. *ə*; Мил. *e*, *ä* — лит. калм. *e*, *э*³; Мил. *i*, *ij* и *e* — лит. калм. *u*; Мил. *o* (*nogon*) — лит. калм. *o*; Мил. *ö*, *ó*, *e*, *u* — лит. калм. *ø*; Мил. *u*, *o* — лит. калм. *y*; Мил. *u* — лит. калм. *y*. От современного калмыцкого языка отличаются следующие:

- 1) Мил. *e* — лит. калм. *ø* (ПМонг **e*): *meçin* — *мөчн* (**meçin*) ‘обезьяна’;
- 2) Мил. *o* — лит. калм. *ø* (ПМонг **o*): *mori* — *мөрн* (**morin*) ‘лошадь’, *choni* — *хөн*

³ Единичный случай соответствия современного гласного *e* букве *i* составляет глагольная форма 2-го лица множественного числа *kineta* ‘делаете’.

¹ Нем. *chinesisches Steinspiel*.

² Нем. *Knöchelspiel*.

Таблица 1. Фонетические соответствия между калмыцкими говорами и подговорами и литературным языком

[Table 1. Phonetic correspondences between standard Kalmyk, its dialects and subdialects]

Торгутский	Хошутский	Цаганский	Оренбургский	Уральский	Дербетский	Бузавский
	то же, что торгутский	лит. калм. <i>ц</i> — цаат. <i>ч</i>	лит. калм. <i>х</i> — оренб. <i>к</i>	лит. калм. <i>л</i> — урал. <i>н</i>	лит. калм. <i>о</i> — дерб. <i>у</i>	лит. калм. <i>ээ</i> — буз. <i>аа</i>
		лит. калм. <i>з</i> — цаат. <i>й</i>	лит. калм. <i>в</i> — оренб. <i>б</i>	лит. калм. <i>һ</i> — урал. <i>з</i>	лит. калм. <i>ө</i> — дерб. <i>ү</i>	лит. калм. <i>ө</i> — буз. <i>э</i>
		лит. калм. <i>й</i> — цаат. <i>г</i>	лит. калм. <i>в</i> — оренб. <i>п</i>	лит. калм. <i>у</i> — урал. <i>и</i>	лит. калм. <i>у</i> — дерб. <i>у</i>	лит. калм. <i>ө</i> — буз. <i>о</i>
		лит. калм. <i>к</i> — цаат. <i>х</i>		лит. калм. <i>р</i> — урал. <i>л</i>	лит. калм. <i>в</i> — буз. <i>б</i>	лит. калм. <i>в</i> — буз. <i>б</i>
				лит. калм. <i>ч</i> — урал. <i>ц</i>	лит. калм. <i>э</i> — буз. <i>э</i>	лит. калм. — буз. <i>х</i>
				лит. калм. <i>һ</i> — урал. <i>н</i>		лит. калм. <i>х</i> — буз. <i>һ</i>

(*konin) ‘овца’, *korin* — *хөрн* (*korin) ‘двадцать’;

3) Мил. *ai* — лит. калм. *a* (ПМонг *ai): *tolai* — *туула* (*taulai) ‘заяц’, *gachai* — *хаха* (*gakaï) ‘свинья’;

4) Мил. *a* — лит. калм. *э* (ПМонг *a): *tabin* — *тэвн* (от *tabin) ‘пятнадцать’;

5) Мил. *e* — лит. калм. *ө* (ПМонг *ö): *detzin* — *дөчн* (*döçin) ‘сорок’, *derbe* — *дөрвн* (*dörben) ‘четыре’;

6) Мил. *ö* — лит. калм. *ү* (ПМонг *ü): *köökön* — *күүкн* (*keüken) ‘девочка, дочь’;

7) Мил. *ä* — лит. калм. *э* (ПМонг *e): *ägedöve* — *эдгэв* (*edege-) ‘выздоровел’;

8) Мил. *ä* — лит. калм. *e* (ПМонг *i): *käd* — *ке[һэ]д* (*kikü) ‘делать’;

9) Мил. *ä* — лит. калм. *э*: *billä* — *билэ* ‘был’;

10) Мил. *ä* — лит. калм. *a*: *ugä / uggä* — *уга* (*ügei) ‘не, частица отрицания’;

11) Мил. *o* — лит. калм. *у* (ПМонг *au): *soh* — *су* (*sau-) ‘садись’, *toh* — *му* (*tau) ‘плохой’, *jom* — *юн* (*yaun) ‘что’.

Первые три соответствия (*e* → *ө* (*e), *o* → *ө* (*o), *ai* → *a* (*ai)) определяются как архаичные черты калмыцкого языка, совпадающие с прамонгольской формой, которые были зафиксированы Г. Ф. Миллером. Относительно соответствия диграфа *ai* современному краткому [a] можно отметить,

что аналогичные соответствия отмечены и в других диграфах: см. Мил. *tologoi* — лит. *tolha* (*tolagaï), *togoi* — лит. калм. *moħa* (*mogai), *nochoi* — лит. калм. *ноха* (*nokaï). Соответствия *e* → *ө* (*ö), *ö* → *ү* (*ü), *ä* → *э* (*e), *o* → *у* (*au) демонстрируют отличие и от прамонгольских, и от современных литературных написаний, что может говорить об особенности калмыцкого языка XVIII в., зафиксированной в словарных материалах Г. Ф. Миллера, которая в современном языке не сохранилась. Используемый Г. Ф. Миллером знак *ä*, который, вероятнее всего, отражает звук, близкий современному калмыцкому [э], свидетельствует о том, что в рассматриваемый период данная фонема, не имевшая отображения в письменной речи (в «ясном письме»), в устной речи уже существовала. Соответствия Мил. *ä* — лит. калм. *э* / *e* (ПМонг *e) и Мил. *ä* — лит. калм. *a* могут указывать на диалектную особенность. Интересно отметить, что соответствия *e* → *ө* (*ö), *o* → *ө* (*o) совпадают с фонетическими особенностями, характерными для бузавского говора.

4. Соответствия согласных в словнике Г. Ф. Миллера

Что касается системы консонантизма калмыцкого языка XVIII в., представленной

в материалах Г. Ф. Миллера, были выявлены следующие соответствия с современным литературным калмыцким языком: Мил. *m* — лит. *m*, Мил. *n* — лит. *n*, Мил. *b* — лит. *b*, Мил. *b* — лит. *v*, Мил. *t* — лит. *m*, Мил. *d* — лит. *d*, Мил. *c* — лит. *x*, Мил. *ch* — лит. *x*, Мил. *k* — лит. *k*, Мил. *k* — лит. *x*, Мил. *g* — лит. *z*, Мил. *g* — лит. *h*, Мил. *s* — лит. *s*, Мил. *s* — лит. *z*, Мил. *s* — лит. *ж*, Мил. *ds* — лит. *ж*, Мил. *z* — лит. *ц*, Мил. *tz* — лит. *ц*, Мил. *tz* — лит. *ч*, Мил. *sch* — лит. *ш*, Мил. *sch* — лит. *ч*, Мил. *v* — лит. *в*, Мил. *r* — лит. *p*, Мил. *l* — лит. *л*, Мил. *ç* — лит. *ч*. Как мы видим, фонетических отличий от литературного языка не так много¹, перечислим выявленные ниже:

1) Мил. *k* / *c* — лит. калм. *x* (ПМонг **k*): *korin* — *хөрн* (**kořin*) ‘двадцать’, *kogur* / *cojer* — *хойр* (**kojar* (?~ *koar*)) ‘два’, *connevo* — *хонв* ‘ночевал’, *burcan* — бурхн ‘Будда’;

2) Мил. *b* — лит. калм. *v* (ПМонг **b*): *gurba* — *гурвн* (**γurban*) ‘три’, *tabu* — тавн (**tabun*) ‘пять’, *arban* — *арвн* (**arban*) ‘десять’, *jobuja* — *йовья* (**yabu-*) ‘идти’;

3) Мил. *ds* / *s* — лит. калм. *ж* (ПМонг **j*): *dsera* / *seran* — *жэрип* (**jiran*) ‘шестьдесят’;

4) Мил. *tz* — лит. калм. *ч* (ПМонг **ç*): *gutzy* — *гучн* (**guçin*) ‘тридцать’, *detzy* — *дөчн* (**döçin*) ‘сорок’;

5) Мил. *sch* — лит. калм. *ч* (ПМонг **ç*): *sch* — *чи* (**çi*) ‘ты’.

Установленные в материалах Г. Ф. Миллера соответствия отражают процесс перехода прамонгольского **k* (в записях Г. Ф. Миллера для передачи этого звука также используется графема *c*) в лит. *x*, поскольку в них встречаются формы одного и того же слова и с *k*, и с *x*, который транскрибируется Г. Ф. Миллером как *ch*: см. *chojor* / *choiür* / *kogur* ‘два’, *chori* / *kori* ‘двадцать’. Второе соответствие *b* → *v* также можно охарактеризовать как архаичную черту калмыцкого языка рассматриваемого периода. Стоит отметить, что в позиции аффикса глагольной

¹ К ним мы не относим соответствия Мил. *g* — лит. калм. *г* / *h* и Мил. *s* — лит. калм. *з*, которые скорее обусловлены особенностями графической передачи калмыцких звуков знаками немецкого письма, нежели отражают какое-либо фонетическое явление.

формы прошедшего времени 1-го лица звук *b* в устной речи начал переходить в *v*, о чем свидетельствуют примеры *connevo* ‘ночевал’, *agedöve* ‘выздоровел’, *allevo* ‘убил’, *tüzservo* ‘устал’. Эти факты подтверждаются самыми ранними источниками на «ясном письме» — письмами калмыцких ханов, датируемыми XVIII в. Д. А. Сусеева, занимавшаяся исследованием данных памятников, называет звук *v* «потенциальной фонемой», не обладавшей в рассматриваемый период статусом самостоятельной фонемы [Сусеева 2011: 27]².

Соответствия Мил. *ds* / *s* — лит. калм. *ж* (ПМонг **j*), Мил. *tz* — лит. калм. *ч* (ПМонг **ç*), Мил. *sch* — лит. калм. *ч* (ПМонг **ç*) могут представлять способ записи звуков [ж], [ц] и [ч] либо отражать одну из диалектных особенностей калмыцкого языка XVIII в. Чтобы исключить вероятность того, что это лишь способ записи, рассмотрим, используются ли другие графемы для передачи данных звуков. В материалах Г. Ф. Миллера сочетание *ds* встречается только в одном слове *dsera* ‘шестьдесят’, графема *s* же используется для передачи звуков [з] (Мил. *so* — лит. зун, Мил. *surga* / *ssurgan* — лит. *зурхан*, Мил. *soos* — лит. *зос*) и [с] (*sosan*, *gessu*). Это позволяет предположить, что диграф *ds* обозначает звук [з]. Несмотря на то, что небольшой объем словника Г. Ф. Миллера не позволяет делать окончательные выводы, аналогичные материалы других немецких исследователей (таких как Ф. И. Страленберг, И. П. Фальк и др.), опубликованные в книге Г. Дёрфера, поддерживают это предположение. Сочетание *tz*, вероятно, представляет один из способов записи звука [ц], для которой Г. Ф. Миллер также использует графему *z* (например, *zagan* ‘белый’ — лит. калм. *цахан*). Диграф *tz* встречается только в словах *gutzy* ‘тридцать’, *detzy* ‘сорок’ и производных от них количественных числительных (31, 32 и т. д., 41, 42 и т. д.); для передачи звука ч Г. Ф. Миллер использует лигатуру *ç* (см. *meçin*). Таким образом, ввиду

² В текстах, относящихся к началу XX в., [в] уже приобретает самостоятельный статус, причем соответствие *b* – *v* имеет диалектный характер (см., например, [Баянова и др. 2016: 134]).

наличия специального знака для звука [ч] и использования графемы *z* для передачи звука [ц] маловероятно, что сочетание *tz* могло использоваться для передачи звука [ч], и, скорее всего, оно обозначало звук [ц].

Для сравнения приведем примеры из материалов других немецких исследователей, зафиксировавших калмыцкую устную речь XVIII в.: Ф. И. Страленберг для передачи звука [ц] также использует *z / tz* (см. *tzasso / zassu* — лит. калм. *цаасн* ‘бумага’), для [ч] — сочетание *tsch / tzch* (*temaetschi* — лит. калм. темэч ‘сторож для верблюдов’, *altatzchi* — лит. калм. *алтч* ‘золотых дел мастер’). Кроме того, у него встречаются примеры соответствия литературному [ч] графем *ts* [ц] и *sch* [ш]: см. *tzunno / tzionu* — лит. калм. *чон* ‘волк’, *bitziachan / bitzechan / bytzychan* — лит. калм. *бичкн* ‘маленький’, *bitziatzchi* — лит. калм. *бичэч* ‘писарь’¹; *artzul* — лит. калм. *альчур* ‘платок’, *abschi* — лит. калм. *авч* ‘взяв’. И. П. Фальк передает [ч] с помощью сочетания *tsch*, [ц] — *ts* (*tsunuk* — лит. калм. *цуунг* ‘свекла’, *zarza* — лит. калм. *царс* ‘дуб’, *tsetsen* — лит. калм. *цецн* ‘еж сибирский’). У него встречаются примеры соответствий *tsch* [ч] литературному [ц] (*tschangis* — лит. калм. *цаңһс* ‘клюква мелкоплодная’, *tschagan / tsahan* — лит. калм. *цаһан* ‘белый’), *sch* [ш] — литературному [ч] (*bischkan* — лит. калм. *бичкн* ‘маленький’); у Ю. Г. Клапрота встречаем два написания слова ‘волк’ в языках олётов Волги (В) и Джунгарии (Дж) — *zono* (В) / *чонó* (Дж), которые свидетельствуют о том, что в языке волжских олётов имелось соответствие ц — лит. калм. ч, что подтверждается материалами других исследователей. Современные исследования в области калмыцкой диалектологии показывают, что для цаатанского подговора характерно соответствие ч — лит. калм. ц; материалы Г. Ф. Миллера, Ф. И. Страленберга, И. П. Фалька, Ю. Г. Клапрота и других свидетельствуют о существовании в калмыцком языке XVIII–XIX вв. и обратных фонетических соответствий, которые могли носить диалектный или, возможно, наддиалектный (общезыковой) характер.

¹ Данный пример интересен тем, что в нем встречаются и звук [ч], и звук [ц], которые на письме обозначены разными способами.

Здесь стоит упомянуть о том, что в классическом «ясном письме», получившем свое название благодаря тому, что в нем устранялась многозначность многих букв классического монгольского алфавита, тем не менее остались две графемы, которые могли читаться двояко, — *c / č* и *ǰ / z*. Как отмечает Д. А. Павлов, они «различались либо орфографическими средствами, в зависимости от позиции (перед гласным и означал [ж] и [ч], перед прочими гласными — [з] и [ц]), либо в соответствии с нормами устного произношения (*чоно* ‘волк’, *цусун* ‘кровь’)» [Павлов 2000: 76–77]. На наш взгляд, полифоничность данных двух знаков может говорить о существовании в период создания Зая-пандитой «ясного письма» разных диалектов ойратского языка, в которых имелись соответствия *ц–ч*, *ж–з*, и отсутствовала единая литературная норма, которую письменность должна была бы зафиксировать. Д. Кара предполагает, что «ясное письмо» создавалось не только для ойратов и подразумевалось как новая общемонгольская письменность, и по этой причине в нем не нашло отражение ойратское развитие аффрикат [Кара 1972: 82].

5. Соответствия гласных в словнике Б. Бергмана

В словнике Б. Бергмана были установлены следующие соответствия гласных звуков: Бергм. *a* — лит. *a*; Бергм. *a, ä, e, ai / aj, ö* — лит. *ə*; Бергм. *e, ä, ö* — лит. *e*; Бергм. *i* — лит. *i*; Бергм. *o, u* — лит. *o*; Бергм. *ö, oe, ü, ä* — лит. *ø*; Бергм. *u, o, oo* — лит. *y*; Бергм. *ü, ue, u, ä, oe, oo, i* — лит. *y*, Бергм. *e, ä, ae* — лит. *э*. От современного калмыцкого языка отличаются следующие:

1) Бергм. *ae* — лит. калм. *э* (ПМонг *e): *aemtschi* — *эмч* (от *em) ‘врач’, *aesän lama* — *эзн лам* (*ejen) ‘лама-владыка’, *aezägijn* — *эцкин* (от *ečige) ‘отца’;

2) Бергм. *ä* — лит. калм. *e* (ПМонг *e): *mändu* — *менд* (*mendü) ‘здоровье’, *gärr* — *гер* (*ger) ‘дом’, *dädschi* — *дееж* (от *deere) букв. ‘вверху, верхнее’, ‘подношение’;

3) Бергм. *a* — лит. калм. *э* (ПМонг *a): *takilijn* — *тэклин* (от *takī-) ‘для подношения’, *tschigan* — *чигэн* ‘кумыс’;

4) Бергм. *ai* — лит. калм. *ə* (ПМонг **ay*): *baisa* — *бээж* (от **bayi-*) ‘быть, ждать’;

5) Бергм. *ä* — лит. калм. *γ*: *bäschmät* — *бүшмүд* ‘нижнее белье’;

6) Бергм. *o* — лит. калм. *ø* (ПМонг **o*): *morin* — *мөрн* (**moḡin*) ‘лошадь’;

7) Бергм. *u* — лит. калм. *γ* (ПМонг **u*): *chubilgan* — *хүвлһн* (от **kubil-*) ‘форма, во- площение’;

8) Бергм. *i* — лит. калм. *γ*: *schitän* — *шутн* ‘опора’;

9) Бергм. *ue* — лит. калм. *γ*: *ueriüß* — *үрүс* ‘празднество с 8-го по 15-й дни первого летнего месяца, в честь рождения Будды’;

10) Бергм. *oo* — лит. калм. *γ*: *sakooßän* — *сэкусн* ‘хранитель, защитник’;

11) Бергм. *oo* — лит. калм. *γ*: *adoon* — *адун* ‘стадо’, *тоо* — *му* ‘плохой’, *jassool* — *ясул* (?) ‘воинский чин’;

12) Бергм. *oo* — лит. калм. *γ*: *toodschi* — *тууж* ‘повесть’, *doonäi* — *дууна* ‘песенный’, *tooli* — *тууль* ‘сказка, сказ’;

13) Бергм. *oe* — лит. калм. *ø*: *oergö* — *өргэ* ‘ставка’;

14) Бергм. *ü* — лит. калм. *ø*: *mütza* — *мөч* ‘миг, мгновение’.

Стоит отметить, что в словнике Б. Бергмана зафиксированы соответствия современным гласным [je] и [e], различающиеся между собой, что не встречается в материалах Г. Ф. Миллера: в частности Б. Бергман использует сочетание *ae* только для передачи звука [e], не [je] (см. *aesägä* — лит. калм. *эсгэ*, *aemtschi* — лит. калм. *эмч*, *aerdäni* — лит. калм. *эрднь*). Соответствия *a* — лит. калм. *ə* и *ai* — лит. калм. *ə* соответствуют выводам Д. А. Павлова об образовании в калмыцком языке долгого [э] как самостоятельной фонемы из двослога *ay* и дифтонга *ai* и краткого [э] как результата эволюции гласного [i] в непервых слогах [Павлов 2000: 117–118]. Соответствия *u* — лит. калм. *γ* и *i* — лит. калм. *γ* можно охарактеризовать как архаичные черты, сохранившиеся в калмыцком языке начала XIX в., когда еще не полностью завершился процесс перелома гласного [i] (возможно, в отдельных диалектах), о чем говорит написание *schitän* (от монг. *šitügen* ‘опора’), в котором сохраняется гласный [i] первого слога, который

под влиянием гласного второго слога [ü] в современном языке переходит в [γ].

Можно предположить, что соответствия *ue* — лит. калм. *γ* и *oe* — лит. калм. *ø* относятся к особенностям графической передачи мягких лабиальных гласных и не отражают какие-либо фонетические особенности устной речи рассматриваемого периода. Соответствия *oo* — лит. калм. *γ* и *уу* могут отражать диалектную особенность дербетского говора, которая частично сохранилась и в современном языке. Н. Н. Убушаев в качестве одного из отличительных признаков дербетского говора указывает наличие среднего лабиального гласного [o] в твердых словах перед губно-губными согласными [м], [в] и пр. вместо литературного [y] [Убушаев 2006: 17]. Вполне вероятно, что Б. Бергман, отправившийся в калмыцкие степи из Сарепты и проживший там пятнадцать месяцев, зафиксировал именно дербетский говор, поскольку эта территория относится к ареалу его распространения.

6. Соответствия согласных в словнике Б. Бергмана

На материале словника Б. Бергмана установлены следующие соответствия с современным литературным калмыцким языком: Бергм. *t* — лит. калм. *м*, Бергм. *n*, *nn* — лит. калм. *н*, Бергм. *b* — лит. калм. *б*, Бергм. *b* — лит. калм. калм. *в*, Бергм. *t* — лит. калм. *т*, Бергм. *d* — лит. калм. *д*, Бергм. *ch* — лит. калм. *х*, Бергм. *k / ck* — лит. калм. *к*, Бергм. *k / ck* — лит. калм. калм. *г*, Бергм. *k* — лит. калм. *h*, Бергм. *k* — лит. калм. *х*, Бергм. *g* — лит. калм. *г*, Бергм. *g* — лит. калм. *h*, Бергм. *g* — лит. калм. *к*, Бергм. *s / ss / ß* — лит. калм. *с*, Бергм. *s / ss / ß* — лит. калм. *з*, Бергм. *z / tz* — лит. калм. *ц*, Бергм. *tz* — лит. калм. *ч*, Бергм. *sch* — лит. калм. *ш*, Бергм. *sch* — лит. калм. *ч*, Бергм. *tsch* — лит. калм. *ч*, Бергм. *dsch / tsch* — лит. калм. калм. *ж*, Бергм. *w / v* — лит. калм. *в*, Бергм. *r / rr* — лит. калм. *р*, Бергм. *l / ll* — лит. калм. *л*. Из перечисленных фонетические отличия следующие:

1) Бергм. *b* — лит. калм. *в*: *chubarak* — *хуврг* ‘монах’, *schalburr* — *шалвр* ‘штаны’, *chabung* — *халвң* ‘вид головного убора’;

2) Бергм. *tz* — лит. калм. *ч*: *mütza* — *мөч* ‘миг, мгновение’;

3) Бергм. *sch* — лит. калм. *ч*: *schimäk* — *чимг* ‘украшение’;

4) Бергм. *k* — лит. калм. *х*: *chudolköllökö* — *худл келх* ‘врать, говорить неправду’.

Они совпадают с соответствиями, выявленными в материалах Г. Ф. Миллера, что может говорить о том, что в словниках Г. Ф. Миллера и Б. Бергмана либо зафиксирован один диалект, либо выявленные соответствия носят наддиалектный характер, причем стоит учитывать, что записи Г. Ф. Миллера и Б. Бергмана разделяет временной промежуток в 30 лет, на протяжении которого установленные фонетические особенности сохранялись в калмыцком языке. Относительно последнего соответствия *k* — лит. калм. *х*, можно отметить, что в словарных материалах Б. Бергмана оно сохраняется только в передаче аффикса причастия будущего времени *-х* (классич. ойр. *-kii*), который передается через *-kö*, причем это касается только мягкорядных основ, т. е. аффикс для основ твердого ряда *-х* (классич. ойр. *-хи*) транскрибируется по другому — как *-cho* (см. *galtaicho* — лит. калм. *һал тәәх*, *taβolcho* — лит. калм. *таслх*, *abcho* — лит. калм. *авх*). Интересно, что то же самое явление встречается у П. С. Палласа (см. *идеку́*, *гюбдю́кю́*, *зю́юку*, но: *цо́коху́*, *муболху*, *чанаху́*) и Ю. Г. Клапрота (см. *keleku*, *idekü*, *biçiki*, но: *ondacho*).

7. Заключение

Сравнение вышеприведенных материалов со словниками П. С. Палласа и Ю. Г. Клапрота, также опубликованными Г. Дёрфером, показывает, что соответствия *o* — лит. калм. *ө*, *ai* — лит. калм. *a*, *u* — лит. калм. *у*, совпадающие с прамонгольскими рефлексациями и соответственно определяемые нами как архаичные черты калмыцкого языка, обнаруживаются во всех словниках, датированных с 1760 г. (словник Г. Ф. Миллера) по 1823 г. (словник Ю. Г. Клапрота). Соответствия *e* — лит. калм. *ө* (ПМонг **ö*), *ä* — лит. калм. *e*, *ü* — лит. калм. *ө*, *o* — лит. калм. *у*, которые отличаются как от прамонгольского, так и от современного калмыцкого, можно охарактеризовать как инновационные процессы, также присутствуют во всех

словниках, что позволяет предположить, что они были характерны для калмыцкого языка второй половины XVIII – первой половины XIX в. в целом, а не для отдельных диалектов.

Соответствие *ä* — лит. калм. *a*, зафиксированное в словнике Г. Ф. Миллера, не обнаружено в других словарях и может представлять диалектную особенность: например, в современном дербетском говоре в качестве одной из отличительных черт выступает употребление в непервых слогах широкого нелабиального согласного [э] дифтонгического происхождения [Убушаев 2006: 18]. Установленное в словнике Б. Бергмана соответствие *ä* — лит. калм. *у* также не встречается в других словарях и не имеет аналогов в современных диалектах калмыцкого языка.

Что касается системы консонантизма, соответствие *k / c* — лит. калм. *х* в корневой основе встречается только у Г. Ф. Миллера, в словнике Б. Бергмана, как и в словниках П. С. Палласа и Ю. Г. Клапрота, оно установлено только в написании аффикса причастия будущего времени *-kö*. Кроме того, присутствие в словнике Г. Ф. Миллера двух вариантов написания слов с *k* и *ch* (*kogur / chojor*, *kori / chori*) указывает на то, что эта архаичная черта в калмыцком языке начала стираться в 1760-е гг. и к началу XIX в., т. е. ко времени написания Б. Бергманом труда по калмыкам, уже практически исчезла, за исключением остаточного проявления в произношении глагольного аффикса. Соответствия *tz* — лит. калм. *ч* и *sch* — лит. калм. *ч* зафиксированы как у Г. Ф. Миллера, так и у Б. Бергмана, что, на наш взгляд, позволяет рассматривать их как фонетические особенности калмыцкого языка рассматриваемого периода. Первое также встречается в словнике Ю. Г. Клапрота, пример из которого (В. *zono* — Дж. *чонó*) показывает разницу между произношением олётов Джунгарии и Волги. Таким образом, можно предположить, что это соответствие носило наддиалектный характер, в отличие от соответствия *sch* — лит. калм. *ч*, которое в других словниках (за исключением словника И. П. Фалька) не обнаружено.

Некоторые архаичные черты, выявленные в словниках и Г. Ф. Миллера, и Б. Бергмана, наблюдаются в отдельных говорах современного калмыцкого языка: например, соответствия *б* — лит. калм. *в*, *э* — лит. калм. *ө*, *о* — лит. калм. *ө* встречаются в бузавском говоре, соответствие *б* — лит. калм. *в* — в оренбургском подговоре, соответствие *и* — лит. калм. *у* — в уральском подговоре [Убушаев 2006: 15–16, 32, 34]. Соответствия лабиальных гласных *ö* — лит. калм. *у*, *о* — лит. калм. *у*, *оо* — лит. калм.

у характерны для дербетского говора, который в калмыцкой диалектологии поэтому и принято называть [о-, ө-] говором [Убушаев 2006: 13]. В рамках проведенного исследования представляется перспективным дальнейшее изучение языковых материалов И. П. Фалька, Ф. И. Страленберга и других авторов, включенных в издание Г. Дёрфера, для описания особенностей фонетической системы калмыцкого языка второй половины XVIII – начала XIX вв. в сравнении с современным состоянием.

Список сокращений

Бергм. — Бергман;
буз. — бузавский говор;
дерб. — дербетский говор;
классич. ойр. — классический ойратский язык;
лит. калм. — литературный калмыцкий язык;
Мил. — Миллер;
монг. — монгольский язык;

нем. — немецкий язык;
оренб. — оренбургский подговор;
ПМонг — прамонгольский язык;
санскр. — санскрит;
тиб. — тибетский язык;
урал. — уральский подговор;
цаат. — цаатанский подговор.

Литература

- Баянова и др. 2016 — Баянова А. Т., Куканова В. В., Бутаева А. О., Горяева Б. Б. Калмыцкие сказки в записи Г. Й. Рамстедта: особенности разговорного стиля // *Oriental Studies*. 2016. Т. 9. № 3. С. 129–139. DOI: 10.22162/2075-7794-2016-25-3-129-139
- Бембеев 2015 — Бембеев Е. В. Сравнительный анализ «ранних» лексикографических памятников старописьменного калмыцкого языка в свете разработки морфологического анализа // *Вестник Тувинского государственного университета. Педагогические науки*. 2015. № 4. С. 107–115.
- Бембеев, Куканова 2014 — Бембеев Е. В., Куканова В. В. Электронные лексикографические базы данных калмыцкого языка // *Актуальные проблемы современного монголоведения и алтаистики: мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию В. И. Рассадина (г. Элиста, 10–13 ноября 2014 г.)*. Элиста: Кал мГУ, 2014. С. 210–216.
- Бобровников 1849 — Бобровников А. А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань: Университетск. тип., 1849. 400 с.
- Владимирцов 1929 — Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л.: Ленинградск. Вост. Ин-та, 1929. 436 с.
- Долеева, Куканова 2024 — Долеева А. О., Куканова В. В. Калмыцкий словарь Ю. Г. Клапрота: графо-фонетический анализ графем а и ä // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 4. С. 644–663. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-73-3-644-663

References

- Bayanova A. T., Kukanova V. V., Butaeva A. O., Goryaeva B. B. Kalmyk Fairy Tales as Recorded by G. Ramstedt: Peculiarities of the Conversational Style. *Oriental Studies*. 2016. Vol. 9. No. 3. Pp. 129–139. (In Russ.) DOI: 10.22162/2075-7794-2016-25-3-129-139
- Bembееv E. V. The comparative analysis of the “early” lexicographic monuments of the old-written Kalmyk language in the light of the development of the parsing program. *Vestnik of Tuva State University. Pedagogical Sciences*. 2015. No. 4. Pp. 107–115. (In Russ.)
- Bembееv E. V., Kukanova V. V. Digital Kalmyk lexicographic databases. In: *Topical Issues of Contemporary Mongolian and Altaic Studies. Jubilee conference proceedings (Elista, 10–13 November 2014)*. Elista: Gorodovikov Kalmyk State University, 2014. Pp. 210–216. (In Russ.)
- Bobrovnikov A. A. Grammar of Kalmyk Mongolian. Kazan: Imperial Kazan University, 1849. 400 p. (In Russ.)
- Vladimirtsov B. Ya. Khalkha and Classical Mongolian: A Comparative Grammar. Leningrad: Leningrad Oriental Institute, 1929. 436 p. (In Russ.)
- Doleeva A. O., Kukanova V. V. Kalmyk Dictionary by Yu. G. Klapproth: Graphic and Phonetic Analysis of the Graphemes A and Ä. *Oriental Studies*. 2023; 17(4): 644–663. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-73-3-644-663

- Кара 1972 — *Кара Д.* Книги монгольских кочевников (семь веков монгольской письменности). М.: Наука, 1972. 229 с.
- Кичиков 1963 — *Кичиков А. Ш.* Дербетский говор (Фонетико-морфологическое исследование). Элиста: Калмгосиздат, 1963. 86 с.
- Котвич 1929 — *Котвич В. Л.* Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. 2-е изд. Ржевнице у Праги: Калм. комиссии культурных работников в Чехословацкой республике, 1929. 418 с.
- Куканова 2013 — *Куканова В. В.* О Национальном корпусе калмыцкого языка // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Мат-лы XIII Междунар. конф. (г. Уфа, 13–14 сентября 2013 г.). Уфа: Институт истории, языка и литературы Уфимского ИЦ РАН, 2013. С. 209–212.
- Куканова и др. 2012 — *Куканова В. В., Бембеев Е. В., Мулаева Н. М., Очирова Н. Ч.* Национальный корпус калмыцкого языка: архитектура и возможности использования // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 3. С. 138–150.
- Куканова и др. 2013 — *Куканова В. В., Бембеев Е. В., Музраева Д. Н.* К вопросу о кодировке UNICODE графической системы «тодо бичиг» и создании базы данных текстов на старокалмыцком языке // Вестник Калмыцкого университета. 2013. № 3. С. 65–75.
- Куканова, Бембеев 2012 — *Куканова В. В., Бембеев Е. В.* К проблеме электронных словарей калмыцкого языка // Информационные технологии и письменное наследие. El' Manuscript-2012: мат-лы IV междунар. науч. конф. (г. Петрозаводск, 3–8 сентября 2012 г.) / отв. ред.: В. А. Баранов, А. Г. Варфоломеев. Петрозаводск, Ижевск: Петрозаводский гос. ун-т, 2012. С. 146–149.
- Манджиева, Куканова 2023 — *Манджиева И. Б., Куканова В. В.* Калмыцкий словарь в работе П. С. Палласа: графо-фонетический анализ гласных // *Oriental Studies*. 2023. № 6. С. 1637–1661. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-70-6-1637-1661
- Мирзаева, Долеева 2022 — *Мирзаева С. В., Долеева А. О.* Обработка словарей старокалмыцкого языка на платформе Lingvodoc: предварительные результаты // *Oriental Studies*. 2022. № 5. С. 1159–1172. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-63-5-1159-1172
- Митруев 2020 — *Митруев Б. Л.* Б. Бергман и его труд о калмыках и калмыцкой культуре // Бюллетень Калмыцкого научного центра Российской академии наук. 2020. № 4. С. 149–175. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-149-175
- Kara D. Books of Mongolian Nomads: The Seven Centuries of Mongolian Writing. Moscow: Nauka, 1972. 229 p. (In Russ.)
- Kichikov A. Sh. The Dorbet Dialect: A Study in Phonetics and Morphology. Elista: Kalmgosizdat, 1963. 86 p. (In Russ.)
- Kotwicz W. L. A Grammar of Spoken Kalmyk. Second edition. Āevnice: Kalmyk Commission of Cultural Workers, 1929. 418 p. (In Russ.)
- Kukanova V. V. On the Kalmyk National Corpus. In: Topical Issues of Dialect Studies in Russia. Conference proceedings (Ufa, 13–14 September 2013). Ufa: Institute of History, Language and Literature (USC RAS), 2013. Pp. 209–212. (In Russ.)
- Kukanova V. V., Bembeev E. V., Mulaeva N. M., Ochirova N. Ch. National Corpora of the Kalmyk Language: Architecture and prospects of usage. *Oriental Studies*. 2012. Vol. 5. No. 3. Pp. 138–150. (In Russ.)
- Kukanova V. V., Bembeev E. V., Muzraeva D. N. On the question of UNICODE encoding of “Todo Script” graphics system and creating of a database of texts on Old-Kalmyk language. *Bulletin of Kalmyk University*. 2013. No. 3. Pp. 65–75. (In Russ.)
- Kukanova V. V., Bembeev E. V. More on digital Kalmyk dictionaries. In: Baranov V. A., Varfolomeev A. G. (eds.) El' Manuscript-2012: Information Technologies and Written Heritage. Conference proceedings (Petrozavodsk, 3–8 September 2012). Petrozavodsk, Izhevsk: Petrozavodsk State University, 2012. Pp. 146–149. (In Russ.)
- Mandzhieva I. B., Kukanova V. V. Kalmyk word list in Linguarum Totius Orbis Vocabularia Comparativa by P. S. Pallas: A graphophonetic analysis of vowels. *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 6. Pp. 1637–1661. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2023-70-6-1637-1661
- Mirzaeva S. V., Doleeva A. O. LingvoDoc platform to process dictionaries of Old Kalmyk: Preliminary results reviewed. *Oriental Studies*. 2022. Vol. 15. No. 5. Pp. 1159–1172. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2022-63-5-1159-1172
- Mitruiev B. L. B. Bergman and his work on the Kalmyks and Kalmyk culture. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 4. Pp. 149–175. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-149-175

- Мулаева 2012 — *Мулаева Н. М.* Русско-калмыцкий словарь Пармена Смирнова как источник изучения лексики калмыцкого языка // Участие калмыков в укреплении российской государственности: мат-лы региональн. науч.-практ. конф., посвящ. 1150-летию российской государственности и Году российской истории (г. Элиста, 29 ноября 2012 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2012. С. 187–191.
- Очиров 2002 — *Очиров Н.* Поездка в Александровский и Багацохуровский улусы астраханских калмыков // Избранные труды Номто Очирова. Элиста: АПП «Джангар», 2002. С. 54–64.
- Павлов 1968 — *Павлов Д. А.* Современный калмыцкий язык (фонетика и графика). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1968. 237 с.
- Павлов 2000 — *Павлов Д. А.* Вопросы истории и строя калмыцкого литературного языка. 2-е изд. Элиста: КалмГУ, 2000. 285 с.
- Сусеева 2011 — *Сусеева Д. А.* Грамматический строй калмыцкого языка XVIII века: морфология и морфология (на материале писем калмыцких ханов и их современников). Элиста: КИГИ РАН, 2011. 200 с.
- Убушаев 1979 — *Убушаев Н. Н.* Фонетика торгутского говора калмыцкого языка. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1979. 196 с.
- Убушаев 2006 — *Убушаев Н. Н.* Диалектная система калмыцкого языка. Элиста: НИИ «Джангар», 2006. 256 с.
- Doerfer 1965 — *Doerfer G.* Ältere Westeuropäische Quellen Zur Kalmückischen Sprachgeschichte (Witsen 1692 bis Zwick 1827) // Asiatische Forschungen. T. 18. Bonn-Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1965. 253 p.
- Müller 1758 — *Müller G. F.* Sammlung russischer Geschichte. Bd. 3. St. Petersburg: Kaiser. Akademie der Wissenschaften, 1758. 612 s.
- Nugteren 2011 — *Nugteren H.* Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages (Thesis). Utrecht: LOT, 2011. 563 p. (LOT dissertation series).
- Mulaeva N. M. Parmen Smirnov's Russian-Kalmyk dictionary as a source to investigate Kalmyk vocabulary. In: Kalmyk Impacts to the Strengthening of Russian Statehood. Jubilee conference proceedings (Elista, 29 November 2012). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2012. Pp. 187–191. (In Russ.)
- Ochirov N. Journey to Aleksandrovsky and Bagatsokhurovsky uluses of Astrakhan Kalmyks. In: Ochirov N. Selected Works. Elista: Dzhangar, 2002. Pp. 54–64. (In Russ.)
- Pavlov D. A. Phonetics and Graphics of Modern Kalmyk. Elista: Kalmykia Book Publ., 1968. 237 p. (In Russ.)
- Pavlov D. A. Standard Kalmyk: Issues of History and Structure. Second edition. Elista: Gorodovikov Kalmyk State University, 2000. 285 p. (In Russ.)
- Suseeva D. A. Eighteenth-Century Kalmyk Grammatical Structure: Morphology and Morphology (Analyzing Letters by Kalmyk Rulers and Their Contemporaries). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2011. 200 p. (In Russ.)
- Ubushaev N. N. Phonetics of Torghut Kalmyk. Elista: Kalmykia Book Publ., 1979. 196 p. (In Russ.)
- Ubushaev N. N. Kalmyk Dialect System. Elista: Dzhangar, 2006. 256 p. (In Russ.)
- Doerfer G. Ältere Westeuropäische Quellen zur Kalmückischen Sprachgeschichte (Witsen 1692 bis Zwick 1827) [Asiatische Forschungen 18]. Bonn, Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1965. 253 p. (In Germ.)
- Müller G. F. Sammlung Russischer Geschichte. Vol. 3. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1758. 612 p.
- Nugteren H. Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages. Thesis. Utrecht: LOT, 2011. 563 p. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 17, Is. 6, Pp. 1357–1368, 2024
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDK811.512.3

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1357-1368

Словарь П. С. Палласа: архаичные и инновационные черты

Инна Бембеевна Манджиева¹

- ¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 младший научный сотрудник
 0009-0009-3027-8605. E-mail: [mandjievai\[at\]yandex.ru](mailto:mandjievai[at]yandex.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Манджиева И.Б., 2024

Аннотация. *Введение.* В данной работе рассматриваются и описываются архаичные и инновационные особенности, выявленные в словнике П. С. Палласа, который опубликован в типографии И. К. Шнора в Санкт-Петербурге в 1787–1789 гг. в работе «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы». Особое внимание уделено характерным особенностям различных диалектных черт калмыцкого языка. *Целью* исследования является описание архаичных и инновационных особенностей на материале калмыцкого словника П. С. Палласа. *Материалы.* В качестве основного материала исследования выступает список калмыцких слов (словосочетаний) словаря П. С. Палласа, состоящий из 531 единицы. В качестве дополнительного материала выступают реконструкция праомонгольского языка, установленные Х. Нугтереном, ранние словари калмыцкого языка XVII–XVIII вв. Г. Ф. Миллера, Б. Бергманна, Ю. Г. Клапрота, опубликованные в книге Г. Дерфера «Ältere Westeuropäische Quellen zur Kalmückischen Sprachengeschichte», «Калмыцко-русский словарь» под редакцией Б. Д. Муниева. *Результаты.* В результате загрузки словаря на платформу LingvoDoc были выстроены ряды соответствий гласных графем по записи в словаре П. С. Палласа, по современному литературному языку, а также по реконструкциям Х. Нугтерена. Выявлены архаизмы и инновации, которые, возможно, относятся к неизвестному диалекту. Данные черты встречаются и в других словарях XVII–XVIII вв. Среди материала имеются черты и дербетского, и торгутского, и бузавского, и оренбургского диалектов.

Ключевые слова: П. С. Паллас, сравнительные словари, лексикография, калмыцкий язык, графема, фонема, вокализм, константизм, реконструкция, диалекты

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).

Для цитирования: Манджиева И. Б. Словарь П. С. Палласа: архаичные и инновационные черты // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 6. С. 1357–1368. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1357-1368

Dictionary of P. S. Pallas: Archaic and Innovative Features

Inna B. Mandzhieva¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0009-0009-3027-8605. E-mail: mandjievai[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Mandzhieva I. B., 2024

Abstract. *Introduction.* The paper examines and describes some archaic and innovative features identified in a word list of P. S. Pallas from the treatise titled ‘Comparative Dictionaries of All Languages and Dialects Collected by the Order of Her Imperial Majesty’ and printed by I. K. Schnor (St. Petersburg) in 1787–1789. Special attention be paid to specific traits once inherent to various Kalmyk dialects. *Goals.* So, the study attempts a description of archaic and innovative features traced in the Kalmyk word list contained in the mentioned work of P. S. Pallas. *Materials.* The analysis focuses on the Kalmyk word list (including word combinations) from the specified dictionary that comprises a total of 531 entries. The former be supplemented with Proto-Mongolic reconstructions by H. Nugteren, seventeenth- and eighteenth-century Kalmyk dictionaries by G. F. Müller, B. Bergmann and J. Klaproth published in G. Doerfer’s *Ältere Westeuropäische Quellen zur Kalmückischen Sprachengeschichte*, The Dictionary of Kalmyk edited by B. Muniev. *Results.* The LingvoDoc-based survey has yielded certain correspondence rows of vowel graphemes compiled from ones in the dictionary of P. S. Pallas, that of modern Kalmyk, and reconstruction works of H. Nugteren. There are some archaisms and innovations that may have been recorded from an unidentified dialect, and the traces can be observed in other seventeenth- and eighteenth-century dictionaries too. The examined materials contain features of both Dorbet, Torghut, Buzav and Orenburg dialects.

Keywords: P. S. Pallas, comparative dictionaries, lexicography, Kalmyk language, graphophonetic analysis, grapheme, phoneme, vocalism, reconstruction, dialects

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198-4 ‘Universals and Specifics in Traditions of the Mongolian-speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China’.

For citation: Mandzhieva I. B. Dictionary of P. S. Pallas: Archaic and Innovative Features. *Oriental Studies*. 2024; 17(6): 1357–1368. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-76-6-1357-1368

1. Введение

Как известно, в калмыцком языке выделяются три диалекта: дербетский, торгутский и бузавский, хотя, на наш взгляд, диалектные черты в своем современном состоянии практически нивелировались в живой речи. Одним из ранних источников, содержащих указания на существование диалектов в калмыцком языке, может служить калмыцкий словник в работе XVIII в. П. С. Палласа¹ под названием «Сравни-

¹ Паллас, Петр Симон (1741–1811) — ученый-энциклопедист, естествоиспытатель, путешественник, находился на службе в Императорской Академии наук [электронный ресурс] // URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Паллас,_Пётр_Симон#Российские_экспедиции_1768—1774_го-](https://ru.wikipedia.org/wiki/Паллас,_Пётр_Симон#Российские_экспедиции_1768—1774_го)

тельные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы» [Паллас 1787; Паллас 1789]. Данный лексикографический источник является одним из недостаточно изученных, хотя, в силу уникальности языкового материала, конечно, он уже привлекал внимание ученых (см. диссертационную работу А. В. Савельева, посвященную диалектным особенностям чувашского языка [Савельев 2014], статью И. П. Новак и С. В. Нагурной по анализу карельского языкового материала [Новак, Нагурная 2023], статью Ю. С. Рутенко о тагальском языке [Рутенко 2011], публикации по албанской лексике Л. Н. Каминской [Ка-

дов (дата обращения: 15.08.2024).

минская 2016а; Каминская 2016б; Каминская 2013; Каминская 2010] и др. Ранее автором настоящей статьи и В. В. Кукановой рассматривалась калмыцкая часть в словаре П. С. Палласа [Манджиева, Куканова 2023]. Фиксация языкового материала на калмыцком языке исследователями без использования классического ойратского письма дает большие возможности для анализа звучащей речи в определенный период [Долеева, Куканова 2024: 646]. Ранее нами была выдвинута гипотеза, что лексический материал, содержащийся в словнике П. С. Палласа, записан от разных информантов в различных местах кочевий калмыков [Манджиева, Куканова 2023: 1643].

Целью исследования является описание архаичных и инновационных особенностей на материале калмыцкого словника, опубликованного в книге П. С. Палласа. В данной работе мы сфокусировались на сопоставлении лексических единиц, приведенных в указанном словаре, с реконструкциями прамонгольского языка и его современным состоянием, что является важным для изучения диалектной системы калмыцкого языка дореволюционного периода.

2. Материалы и методы

Материалом для исследования послужил калмыцкий словник, опубликованный под редакцией П. С. Палласа в книге «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы» [Паллас 1787].

В качестве сравнительного материала выступают реконструкции прамонгольского языка, установленные Х. Нугтереном [Nugteren 2011], а также словарь современного калмыцкого языка под редакцией Б. Д. Муниева [КРС 1977]. Кроме того, привлекались ранние словники калмыцкого языка XVII–XVIII вв. Г. Ф. Миллера, Б. Бергманна, Ю. Г. Клапрота, опубликованные в книге Г. Дерфера «Ältere Westeuropäische Quellenzur Kalmückischen Sprachengeschichte» [Doerfer 1965]. Сопоставление материалов позволило выявить как архаичные явления в языке, зафиксированном в словнике П. С. Палласа, так и инновационные черты.

Калмыцкий словник П. С. Палласа набран в формате Excel и загружен на лингвистическую платформу LingvoDoc¹, а также на его основе создана еще одна вспомогательная таблица, где приведены современные литературные формы калмыцкого языка². Проведена работа по связыванию когнатов в калмыцком словнике П. С. Палласа и в дополнительной таблице с литературными формами.

В работе использовались общенаучные методы: анализ, сравнение, сопоставление. Основным методом в данном исследовании выступил сравнительно-исторический метод, позволивший установить архаичные и инновационные черты, характерные для XVIII в., на материале исследования.

3. Наличие различных диалектных черт в словнике П. С. Палласа

Первые материалы по калмыцкой диалектологии опубликованы в 1910 г. в «Отчете о поездке к Астраханским калмыкам летом 1909 г.» (в «Известиях русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии» [Очиров 1910]) Н. О. Очировым, который являлся носителем дербетского диалекта. В этой работе он описал некоторые особенности дербетского и торгутского наречий³, наличие существенных отличий между ними [Очиров 1910: 72]. Летом 1911 г., во время пребывания в Багацохуровском и Хошеутовском улусах, Н. О. Очиров продолжил исследование калмыцкой народной словесности, а вместе с ней и самого калмыцкого языка. С изучением звуков калмыцкого языка, их сочетанием в словах, ученый изучил и такие явления звучащей речи, как ударение, слог и интонация. Он отметил, что «торгутская речь отличается

¹ См. Словарь П. С. Палласа [электронный ресурс] // URL: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/7903/1/perspective/7903/2/view>; <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/8493/1/perspective/8493/2/view> (дата обращения: 15.05.2024).

² См. Вспомогательный материал по Словарю П. С. Палласа [электронный ресурс] // URL: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/8798/1/perspective/8798/2/view> (дата обращения: 15.05.2024).

³ В тот период ученые еще не разделяли такие термины, как «наречие», «диалект», «говор», «подговор».

от дербетской силою и энергичностью, избилует эмфатическими долготами и усилениями на отдельных слогах, чего не заметно у дербетов, которые говорят вяло и медленно» [Очиров 1913: 83]. В работе Н. О. Очирова приведено несколько примеров различий диалектов в области лексики. Лексемы, приведенные в словнике П. С. Палласа, совпадают с некоторыми из тех слов, которые указаны у Н. О. Очирова и которые характерны для дербетского диалекта:

– «берег» *эрге* [Паллас 1787: 338] (у торгутов *еңге* [Очиров 1913: 86]);

– «пароход (судно)» *керемь* [Паллас 1789: 213] (у торгутов *һалта* [Очиров 1913: 86]);

– «жито» *зарма* [Паллас 1789: 31] (у торгутов *сөг* [Очиров 1913: 87]);

– «рожь» *хара-тарань* [Паллас 1789: 34] (у торгутов — *хара һуйран таран* [Очиров 1913: 85]).

Слово «овес» записано в двух вариантах: дербетском *арбай* [Паллас 1789: 37] и торгутском *сули* [Паллас 1789: 37]. Эти же диалектные слова можно найти [Бардаев 1985: 99].

Целью работы профессора В. Л. Котвича было «не только дать пособие для изучения строя калмыцкого языка, но также, по возможности, содействовать внесению некоторого однообразия в современную калмыцкую орфографию, которая была бы в известной мере приемлема для всех: Дербетов, Торгутов и Бузавов» [Котвич 1929: VII]. «Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка» В. Л. Котвича был издан благодаря Калмыцкой комиссии культурных работников в Чехословацкой республике, Ржевнице у Праги, в 1929 г. и основан на материалах, полученных от представителей всех групп калмыцкого народа, в том числе был записан обширный материал по оренбургскому говору. Существенную помощь в деле ему оказал Н. О. Очиров. В работе приняты во внимание особенности отдельных калмыцких говоров, главным образом торгутского, дербетского и донского; однако во избежание чрезмерного осложнения дела в основу положен (особенно в примерах) торгутский говор [Котвич 1929: IX].

Профессор В. Л. Котвич утверждает, что в употреблении гласных имеются заметные различия между калмыцкими говорами. В донском (бузавском) диалекте гораздо реже, чем в дербетском, употребляется средний гласный *э*, особенно в конце слов (*далэ, моһэ, орна, устэ*), что совпадает с торгутским диалектом: *дала, моһа, орна, уста* [Очиров 1913: 83–84; Котвич 1929: 12; Кичиков 1962: 208–209]. Согласно этому, можно предположить, что слова из словаря П. С. Палласа: *амита* [Паллас 1789: 307] («живо» — совр. лит. *эмтэ*), *тнога* [Паллас 1787: 230] («круг» — совр. лит. *төгэ*) и некоторые другие — записаны у торгутов.

Одной из ярких диалектных черт калмыцкого языка является следующая: там, где дербеты и бузавы употребляют *о, ө* (*овт, сөм*), торгуты произносят *у, ү* (*увт, сүм*) [Котвич 1929: 12; Кичиков 1962: 208–209]. Так, в словнике П. С. Палласа имеется и это диалектное отличие, при этом принадлежащее как дербетскому, так и торгутскому диалектам:

– «брат» *кувынду* [Паллас 1787: 21] — совр. лит. *көвүн дү* [КРС 1977: 309];

– «брови» *комэска* [Паллас 1787: 66] — совр. лит. *күмсг* [КРС 1977: 324];

– «родины» *тюрүкю* [Паллас 1789: 200] — совр. лит. *төрл, төрлһн* [КРС 1977: 514];

– «ресницы» *зубукъ* [Паллас 1787: 70] — совр. лит. *зовк* [КРС 1977: 249].

В словнике встречается пример, который также ярко отражает одну из особенностей торгутского диалекта, а именно соответствие дербетского *ү* торгутскому *у* в положении после заднеязычного согласного [Кичиков 1967: 27], каковым и является звук [к]:

– «топорь» *сука* [Паллас 1789: 140] — совр. лит. *сүк* [КРС 1977: 464];

– «сестра» *кукынду* [Паллас 1787: 25] — совр. лит. *куүкн дү* [КРС 1977: 329];

– «родины» *куүкюльне* [Паллас 1789: 200] — совр. лит. *куүкүлх* [КРС 1977: 329].

Дербетскому *э* соответствует торгутскому *а* в положении перед заднеязычным глухим смычным *к* согласного [Кичиков 1967: 27]: «молнія» *цакилгань* [Паллас 1787: 265] — совр. лит. *цэкүлһн* [КРС 1977: 629],

а также встречается пример, где вместо у произносится звук [и] в положении после губно-губного *б* в торгутском диалекте [Кичиков 1967: 28]: «пояс» *бися* [Паллас 1789: 143] — совр. лит. *бус* [КРС 1977: 130].

Вместе с тем в материале обнаружен пример, где в положении перед среднеязычным согласным *л* употребляется дербетское *а* вместо торгутского *э* [Кичиков 1967: 28–29]: «вѣтръ» *салькинъ* [Паллас 1787: 249] — торг. *салькн* (ср. с записью Г. Й. Рамстедта, который зафиксировал дербетский говор в начале XX в.: *sälkn* ‘ветер’ [Ramstedt 1935: 318]).

К признакам донского (бузавского) диалекта относится наличие исконного *о* [Кичиков 1967: 32], подобные примеры также обнаружены в словнике П. С. Палласа:

- «лошадь» *мóринь* [Паллас 1789: 68] — совр. лит. *мөрн* [КРС 1977: 360];
- «баранъ» *хоинь* [Паллас 1789: 62] — совр. лит. *хөн* [КРС 1977: 603].

К признакам оренбургского подговора относится наличие огубленных гласных во втором слоге [Кичиков 1967: 32], при этом таких лексических единиц множество в словнике П. С. Палласа:

- «под» *дóро* [Паллас 1789: 239] — совр. лит. *дор* [КРС 1977: 207];
- «шар» *дóлдо* [Паллас 1789: 233] — совр. лит. *долда* [КРС 1977: 205];
- «шар» *мóголю́къ* [Паллас 1789: 203] — совр. лит. *моһлүг* [КРС 1977: 353];
- «труд» *зоболонг* [Паллас 1787: 195] — совр. лит. *зовлң* [КРС 1977: 249];
- «теперь» *одó* [Паллас 1789: 450] — совр. лит. *ода* [КРС 1977: 393];
- «судно» *онгоцó* [Паллас 1789: 213] — совр. лит. *оһһи* [КРС 1977: 399];
- «стой» *зоксо* [Паллас 1789: 375] — совр. лит. *зогс* [КРС 1977: 250];
- «голова» *тологóй* [Паллас 1787: 51] — совр. лит. *толһа* [КРС 1977: 502];
- «бить (ударить)» *цокоху* [Паллас 1789: 324] — совр. лит. *цокх* [КРС 1977: 636].

Наличие разных диалектных черт, возможно, может указывать на то, что записи производились собирателями в различных местах кочевий калмыков и, следовательно, у носителей разных носителей диалектов калмыцкого языка.

4. Архаизмы (сохранение прамонгольской рефлексии)

Сопоставление материалов позволило выявить следующие архаичные явления, зафиксированные в словаре П. С. Палласа:

4.1. Соответствие гласной *а* современной [э] < Пмонг. *а, например:

– *арикү* «вино» [Паллас 1789: 155]: ПМонг. **ariki* ‘алкогольный напиток’ [Nugteren 2011: 271]; Клапр. OD *araki* ‘водка, вино’ [Doerfer 1965: 243]; совр. лит. *арк* ‘вино’ [КРС 1977: 69];

– *амиду* «живо» [Паллас 1789: 307]: ПМонг. **amidu* ‘живой’ [Nugteren 2011: 269]; Клапр. OD *amidü* ‘живой, одушевленный’ [Doerfer 1965: 247]; совр. лит. *амд* ‘живой’ [КРС 1977: 65];

– *цакилгань* «молнія» [Паллас 1787: 265]: ПМонг. **čakür* ‘молния’ [Nugteren 2011: 299]; совр. лит. *цэклһн* ‘молния’ [КРС 1977: 629];

– *тариху* «сѣять» [Паллас 1789: 352]: ПМонг. **tari* ‘сеять’ [Nugteren 2011: 512]; совр. лит. *тэрх* ‘сеять’ [КРС 1977: 487].

В данных примерах мы наблюдаем, что в первом слоге произошло опереднение гласной *а* в современном языке под влиянием последующей гласной *и*. Материал П. С. Палласа показывает, что в этот период данный процесс еще не произошел. Кроме того, в словаре Ю. Г. Клапрота, который опубликован гораздо позже (в 1823 г.) и географически записанный не в районе расселения волжских калмыков, а в Китае, также этот процесс не зафиксирован в языковом материале.

4.2. Соответствие гласных *ai* современной [ээ] < Пмонг. *аі, например:

– *даичи* «воинъ» [Паллас 1789: 189]: ПМонг. **dai* ‘война’ [Nugteren 2011: 311]; Бергм. *daitsching tängäri* ‘бог войны’ [Doerfer 1965: 238–241]; совр. лит. *дээч* ‘воин’ [КРС 1977: 188];

– *найма́нь* «восемь» [Паллас 1789: 483]: ПМонг. **nai* ‘восемь’ [Nugteren 2011: 451]; Бергм. *nai* ‘восемь’ [Doerfer 1965: 238–241]; совр. лит. *нээмн* ‘восемь’ [КРС 1977: 371];

– *байне* «есть» [Паллас 1789: 368]: ПМонг. **bai* ‘остановиться’ [Nugteren 2011:

451]; Бергм. *baisa! baisa* 'ждать' [Doerfer 1965: 241]; совр. лит. *бээнэ* 'есть' [KPC 1977: 88].

Материал демонстрирует образование долгой гласной на основе комплекса **aï*, который в словаре П. С. Палласа передается графемами *ai* и *aī*. В современном языке этот комплекс перешел долгую *э* под воздействием гласной *и* на предыдущую гласную, которая «смягчила» *а*. В словаре Б. Бергманна также обнаружен такой комплекс, где не зафиксирован переход в долгую гласную.

4.3. Соответствие гласной *e* (э) современной [ə] < Пмонг. **e*, например:

– *эдюрь* «день» [Паллас 1787: 275]; ПМонг. **edür* 'день' [Nugteren 2011: 325]; совр. лит. *өдр* 'день' [KPC 1977: 412];

– *эбэчинь* «боль» [Паллас 1787: 191]; ПМонг. **ebečin* 'болезнь, недуг' [Nugteren 2011: 322]; совр. лит. *өвчн* 'боль' [KPC 1977: 410];

– *эбдыкъ* «колени» [Паллас 1787: 128]; ПМонг. **ebüdüg* 'колени' [Nugteren 2011: 323]; совр. лит. *өвдг* 'колени' [KPC 1977: 408].

Примеры такой же рефлексии, где переход к совр. лит. *ө* еще не произошел, представлены в калмыцком словнике диалекта олётов в Джунгарии Ю. Г. Клапрота и словнике, составленном Г. Ф. Миллером:

– Клапр. OD *temür* 'железо' [Doerfer 1965: 244]; ПМонг. **temür* 'железо' [Nugteren 2011: 511]; совр. лит. *төмр* 'железо' [KPC 1977: 513];

– Мил. *detzin* 'сорок' [Doerfer 1965: 204]; ПМонг. **döčin* 'сорок' [Nugteren 2011: 318]; совр. лит. *дөчн* 'сорок' [KPC 1977: 212]; Мил. *derbe* 'четыре' [Doerfer 1965: 203]; ПМонг. **dörben* 'четыре' [Nugteren 2011: 318]; совр. лит. *дөрвн* 'четыре' [KPC 1977: 211].

В данном примере отражен достаточно известный переход, который встречается в словарях и Ю. Г. Клапрота (OD), и Г. Ф. Миллера, причем здесь по фиксации материала получается, что в этот период не произошел данный переход, который обусловлен скорее всего спецификой образования соседних согласных (губные, зубные), а не влиянием последующих гласных — *и*, *е*, *у*, поскольку, как видно, по ряду они отличаются.

4.4. Соответствие согласной *b* современной [v] < Пмонг. **b*, например:

– *шобуунь* «птица» [Паллас 1789: 84]; ПМонг. **sibaun* 'птица' [Nugteren 2011: 488]; совр. лит. *шовун* 'птица' [KPC 1977: 678];

– *кюбэнь* «мальчик» [Паллас 1787: 38]; ПМонг. **köbeün* 'мальчик' [Nugteren 2011: 422]; совр. лит. *көвүн* 'мальчик' [KPC 1977: 309].

Примеры такой же рефлексии представлены в калмыцком словнике диалекта олётов на Волге Ю. Г. Клапрота и в словаре, записанном Г. Ф. Миллером:

– Клапр. OW *шобôn* 'птица' [Doerfer 1965: 250]; ПМонг. **sibaun* 'птица' [Nugteren 2011: 488]; совр. лит. *шовун* 'птица' [KPC 1977: 678];

– Клапр. OW *dabašun* 'соль' [Doerfer 1965: 250]; ПМонг. **dabusun* 'соль' [Nugteren 2011: 310]; совр. лит. *давсн* 'соль' [KPC 1977: 174];

– Мил. *arban* 'десять' [Doerfer 1965: 203]; ПМонг. **harban* 'десять' [Nugteren 2011: 350]; совр. лит. *арвн* 'десять' [KPC 1977: 48].

Это известный переход в калмыцком языке, который произошел позднее, по крайней мере, в памятниках XVII–XVIII вв. такие примеры, демонстрирующие данный переход, еще не встречаются. При этом из немногочисленного количества примеров видно, что переход в основном происходил в середине слова, как в интервокальной позиции, так и в позиции после сонорных согласных.

4.5. Соответствие согласной *z* современной [h] < Пмонг. **g*, например:

– *газәрь* «земля» [Паллас 1787: 306]; ПМонг. **gajar* 'земля' [Nugteren 2011: 336]; совр. лит. *газр* 'земля' [KPC 1977: 152];

– *гарь* «рука» [Паллас 1787: 110]; ПМонг. **gar* 'рука' [Nugteren 2011: 337]; совр. лит. *гар* 'рука' [KPC 1977: 157];

– *цагань* «бѣло» [Паллас 1789: 250]; ПМонг. **čagaan* 'белый' [Nugteren 2011: 298]; совр. лит. *цахан* 'белый' [KPC 1977: 622];

– *ногáнь* «зелено» [Паллас 1789: 259]; ПМонг. **nogaan* 'зеленый' [Nugteren 2011: 461]; совр. лит. *нохан* 'зеленый' [KPC 1977: 380].

Примеры такой рефлексии в словарях, записанных Б. Бергманном, Г. Ф. Миллером и Ю. Г. Клапротом, не обнаружены.

Возможно, собиратель не знал, как зафиксировать увулярный согласный и как передать его на письме. В словаре П. С. Палласа последовательно фиксируется *z* во всех словах, где в современном языке имеет место произнесение увулярного согласного.

У Б. Бергманна *z* зафиксирован в соответствующих словах, у Г. Ф. Миллера — через *g*, у Ю. Г. Клапрота — через *g*. Материалы других словарей доказывают, что такой переход произошел позднее, так как словники XVII–XVIII вв. содержат фиксацию слов через *z*, *g*.

Обнаруженные соответствия в словаре П. С. Палласа и литературном калмыцком языке указывают на то, что данные рефлексии в словаре П. С. Палласа являются архаичными, так как совпадают с прамонгольскими.

Наличие одинакового перехода в ряде лексем в трех независимых словарях у П. С. Палласа, Г. Ф. Миллера, Ю. Г. Клапрота, которые при этом являются не единственными, а дублетными рефлексиями для этих слов, указывает на наличие в тот период особого диалекта, в которых присутствовали такие развития.

Это позволяет утверждать, что данные переходы в калмыцком языке во второй половине XVIII в. еще не произошли.

5. Инновационные черты, зафиксированные в словаре П. С. Палласа

Сопоставление материалов позволило выявить следующие инновационные черты:

5.1. Соответствие гласной *o* современной гласной [ə] < Пмонг. **ö*, например:

– *co* «ночь» [Паллас 1787: 278]; ПМонг. **söni* ‘ночь’ [Nugteren 2011: 504]; совр. лит. *cə* ‘ночь’ [КРС 1977: 457];

– *тнога* «круг» [Паллас 1787: 230]; ПМонг. **tögerig* ‘круг’ [Nugteren 2011: 524]; совр. лит. *төгә* ‘круг’ [КРС 1977: 511];

– *кóка* «зелень» [Паллас 1787: 410]; ПМонг. **köke* ‘зеленый’ [Nugteren 2011: 424]; совр. лит. *көк* ‘зеленый’ [КРС 1977: 312]; пример такой же рефлексии представлен в словаре, записанном в калмыцком словнике диалекта олёттов в Джунгарии

Ю. Г. Клапрота: Клапр. ОД *kokö* ‘синий’ [Doerfer 1965: 243]; ПМонг. **köke* ‘синий’ [Nugteren 2011: 424]; совр. лит. *көк* ‘синий’ [КРС 1977: 312].

Последовательно на месте прамонгольского *ö* зафиксирована графема *o*, при этом все гласные в слове являются твердоярными, однако в словаре Ю. Г. Клапрота встретился один пример, где сингармония слова нарушена.

5.2. Соответствие гласной *y* современной [y] < Пмонг. **ü*, например:

– *сука* «топор» [Паллас 1789: 130]; ПМонг. **süke* ‘топор’ [Nugteren 2011: 527]; Клапр. ОВ *sükä* ‘топор’ [Doerfer 1965: 243]; совр. лит. *сүк* ‘топор’ [КРС 1977: 464];

– *тулугá* «очаг» [Паллас 1789: 130]; ПМонг. **tüle-* ‘зажигать’ [Nugteren 2011: 527]; совр. лит. *тулх* ‘жечь’ [КРС 1977: 522];

– *укырь* «корова» [Паллас 1789: 59]; ПМонг. **ünien* ‘корова’ [Nugteren 2011: 541]; Бергм. *uekkär-aedläktschi-tib* ‘земля для откорма скота’ [Doerfer 1965: 239]; Клапр. ОД *ukèr* ‘корова’ [Doerfer 1965: 247]; совр. лит. *үкр* ‘корова’ [КРС 1977: 548];

– *ундióсунь* «корень» [Паллас 1789: 59]; ПМонг. **üundesün* ‘корень’ [Nugteren 2011: 541]; совр. лит. *үндсн* ‘корень’ [КРС 1977: 552].

На месте прамонгольской **ü* в словаре П. С. Палласа зафиксировано *y*, хотя в современном калмыцком языке в данных словах произносится *y*.

5.3. Соответствие гласной *y* современной [ə] < Пмонг. **ö*, например:

– *ыдынь* «перо» [Паллас 1789: 87]; ПМонг. **hödün* ‘перо’ [Nugteren 2011: 360]; совр. лит. *өдн* ‘перо’ [КРС 1977: 412];

– *ындырь* «высоко» [Паллас 1789: 236]; ПМонг. **öndür* ‘высокий’ [Nugteren 2011: 474]; совр. лит. *өндр* ‘высокий’ [КРС 1977: 416].

На месте прамонгольского **ö* в словаре П. С. Палласа зафиксировано *y*, причем такие переходы зафиксированы в начале слова, т. е. в инициальной позиции. Слово меняет рядность, т. е. из мягкорядного слова переходит в твердоярное слово. Такого

рода переходы не зафиксированы в других словарях XVII–XVIII вв.

5.4. Соответствие гласной *ю* современной [y̆] < Пмонг. *ĕi, например:

– *зюрюкы́* «носить» [Паллас 1789: 342]; ПМонг. *j̆ei- ‘носить’ [Nugteren 2011: 386]; совр. лит. *зуух* ‘носить’ [КРС 1977: 262];

– *Юдень* «дверь» [Паллас 1789: 121]; ПМонг. *ĕiden ‘дверь’ [Nugteren 2011: 334]; совр. лит. *үүдн* ‘дверь’ [КРС 1977: 556];

– *кюкьюруулху* «ладь» [Паллас 1789: 196]; ПМонг. *kĕiiken ‘ребенок’ [Nugteren 2011: 422]; совр. лит. *куукнд үг орулх* ‘сватать девушку’ [КРС 1977: 330].

Комплекс *ĕi в современном языке развился в долгую гласную, однако в словаре П. С. Палласа долгота последовательно не отражается при записи: в одних словах долгота отмечается двумя графемами, в других случаях — одной графемой. В качестве примера приведем еще один пример: *батырь* «мочь» [Паллас 1787: 204]; ПМонг. *baatur ‘герой’ [Nugteren 2011: 276]; совр. лит. *баатр* ‘богатырь, герой’ [КРС 1977: 72]. Переход в данном случае демонстрирует, скорее всего, не отсутствие долготы как таковой при произношении, а способ фиксации. К этому времени процесс образования долгих гласных завершился.

5.5. Соответствие гласной *уу* современной [y̆y̆] < Пмонг. *ĭi, например:

– *куукюльне* «родины» [Паллас 1789: 266]; ПМонг. *kĕiiken ‘ребенок’ [Nugteren 2011: 422]; совр. лит. *кууклнэ* ‘родить, рожать’ [КРС 1977: 525].

В этом примере, в отличие от предыдущего примера, отражена долгота гласного. Если вернуться к предыдущим примерам, то можно заметить, что во всех случаях происходит изменение ряда и подъема, а именно переход из мягкорядного в твердорядное.

5.6. Соответствие гласной *а* (*я*) современной [e] < Пмонг. *e.

Приведем два примера с открытым и закрытым гласным:

– *ясе-геджй* «или» [Паллас 1789: 466]; ПМонг. *ese ‘нет’ [Nugteren 2011: 333]; совр. лит. *эс гижэ* ‘или’ [КРС 1977: 704];

– *тянгри* «небо» [Паллас 1787: 6]; ПМонг. *tĕngeri ‘небо’ [Nugteren 2011: 518]; совр. лит. *теңгр* ‘небо’ [КРС 1977: 493].

Данный переход из прамонгольского *e в *a* не обнаружен в других словарях.

5.7. Соответствие гласной *у* (*ю*) современной [o] < Пмонг. *i, например:

– *чулу́, чо́лунь* «камень» [Паллас 1787: 382]; ПМонг. *cĭlaun ‘камень’ [Nugteren 2011: 302]; Клапр. OD *chulü* ‘камень’ [Doerfer 1965: 249]; совр. лит. *чолун* ‘камень’ [КРС 1977: 654];

– *зубукъ* «ресницы» [Паллас 1787: 70]; ПМонг. *j̆ob-ki ‘веко, веки’ [Санжеев 2016: 82]; *zubki* ‘веко’ [Позднеев 1911: 271]; совр. лит. *зовк* ‘веко’ [КРС 1977: 249].

Из прамонгольского *i гласная в современном калмыцком языке развилась в *o*. Первый пример демонстрирует так называемый перелом *i*. Однако в словаре П. С. Палласа вместо литературного современного зафиксировано *у*. Появление *у* на месте прамонгольского *i обусловлено гласной *у* во втором слоге.

5.8. Соответствие гласной *е* (*э*) современной [ø] < Пмонг. *ö, например:

– *дербень* «четыре» [Паллас 1789: 482]; ПМонг. *dörben ‘четыре’ [Nugteren 2011: 318]; совр. лит. *дөрвн* ‘четыре’ [КРС 1977: 211]; Мил. *derbe* ‘четыре’ [Doerfer 1965: 203];

– *нэкэть* «муж» [Паллас 1789: 28]; ПМонг. *nöker ‘супруг’ [Nugteren 2011: 463]; совр. лит. *нөкр* ‘муж, супруг’ [КРС 1977: 383];

– Клапр. OD *mendür* ‘град’ [Doerfer 1965: 245]; ПМонг. *möndür ‘град’ [Nugteren 2011: 448]; совр. лит. *мөндр* ‘град’ [КРС 1977: 357];

– Мил. *detzin* ‘сорок’ [Doerfer 1965: 203]; ПМонг. *döcin ‘сорок’ [Nugteren 2011: 318]; совр. лит. *дөчн* ‘сорок’ [КРС 1977: 212].

На месте прамонгольской *ø* в словаре П. С. Палласа зафиксировано *e* или *э*, что в свою очередь доказывает, что было несколько собирателей, которые использовали разные системы графем для передачи звуков. Данный пример инновационного перехода обнаружен и в словарях

Г. Ф. Миллера и Ю. Г. Клапрота, причем на первый взгляд кажется, что вторая гласная еассимилировала гласную первого слога, однако материалы других словарей, где встретилась эта же инновация, показывают, что вторая гласная, помимо е, может быть *ï* и *i*.

5.9. Соответствие гласной *ю* современной [e] < Пмонг. *ö, например:

- *мюсюнь* «ледь» [Паллас 1787: 271]; ПМонг. **mölsün* ‘лед’ [Nugteren 2011: 447]; совр. лит. *mөсн* ‘лед’ [КРС 1977: 360];
- *мюндырь* «град» [Паллас 1787: 262]; ПМонг. **möndür* ‘град’ [Nugteren 2011: 448]; совр. лит. *mөндр* ‘град’ [КРС 1977: 357];
- *тюгюрыкь* «кругъ» [Паллас 1787: 230]; ПМонг. **tögerig* ‘круг’ [Nugteren 2011: 524]; совр. лит. *tөгрг* ‘круг’ [КРС 1977: 512];
- *кюбю* «берегъ» [Паллас 1787: 338]; ПМонг. **kirbei* ‘край’ [Nugteren 2011: 415]; сткалм. *köbö* ‘берег, край, борт, кайма, оторочка’ [Позднеев 1911: 131]; совр. лит. *көвә* ‘берег, кант, опушка’ [КРС 1977: 308];
- *кюдю* «поле» [Паллас 1789: 25]; ПМонг. **köde-ge?* ‘сельская местность, периферия, провинция; степь, поле, лес, сторона’ [Санжеев 2016: 134]; *ködö* ‘степь || пустыня’ [Позднеев 1911: 289]; совр. лит. *көдә* ‘пустынная местность, степь, поле’ [КРС 1977: 311].

Одной из ярких особенностей дербетского и торгутского диалектов калмыцкого языка является употребление *o* – *y* (*o* – *y*) в словах соответственно. Данный переход отражает это противопоставление. Если исходить из современного деления диалектов, то данный переход близок торгутскому диалекту.

5.10. Соответствие гласной *и* современной [y] < Пмонг. *ï, например:

- *бия* «поясь» [Паллас 1789: 143]; ПМонг. **büise* ‘ремень’ [Nugteren 2011: 295]; совр. лит. *бүс* ‘пояс’ [КРС 1977: 130];
- *зирь* «остро» [Паллас 1789: 263]; ПМонг. **ijüür* ‘наконечник, конец’ [Nugteren 2011: 540]; совр. лит. *үзүр* ‘остриё; верхушка; кончик; конец’ [КРС 1977: 547].

Переход узкой гласной *y* из прамонгольского языка в *и* обнаружен в словаре П. С. Палласа, а также в словнике Б. Бергманна: *бишкур* [Doerfer 1965: 238].

5.11. Соответствие гласной *уу* современной [y] < Пмонг. **au*, например:

- *уурь* «паръ» [Паллас 1787: 220]; ПМонг. **aur* ‘пар; гнев’ [Nugteren 2011: 275]; совр. лит. *ур* ‘пар’ [КРС 1977: 534].

6. Выводы

Сопоставление материалов позволило выявить следующие архаичные явления в языке, зафиксированные в словаре П. С. Палласа:

- совр. лит. *ә* — Палл. *a* (< Пмонг. **a*);
 - совр. лит. *әә* — Палл. *au* (< Пмонг. **ai*);
 - совр. лит. *ө* — Палл. *e* (*э*) (< Пмонг. **e*);
 - совр. лит. *ө* — Палл. *б* (< Пмонг. **b*);
 - совр. лит. *h* — Палл. *z* (< Пмонг. **g*).
- Сопоставление материалов позволило выявить следующие инновационные черты:
- совр. лит. *e* — Палл. *a* (< Пмонг. **e*);
 - совр. лит. *aa* — Палл. *a* (< Пмонг. **aa*);
 - совр. лит. *ө* — Палл. *o*; *e*(*э*); *ю*; *ы* (< Пмонг. **ö*);
 - совр. лит. *y* — Палл. *и*; *y* (< Пмонг. **ü*);
 - совр. лит. *o* — Палл. *y* (*ю*) (< Пмонг. **i*);
 - совр. лит. *yу* — Палл. *y* (*ю*) (< Пмонг. **eü*);
 - совр. лит. *y* — Палл. *yу* (< Пмонг. **au*);
 - совр. лит. *yу* — Палл. *yу* (< Пмонг. **üü*).

Словарь П. С. Палласа по своему наполнению является уникальным источником для научного изучения и позволяет расширить наши знания о калмыцком языке второй половины XVIII в. Среди материала имеются черты и дербетского, и торгутского, и бузавского, и оренбургского диалектов. Возможно, что запись материала производилась у нескольких информантов или диалектное членение в то время было другим, и этот лексический материал, зафиксированный в словнике П. С. Палласа, можно отнести к следам исчезнувшего диалекта в калмыцком языке.

Сокращения

Бергм. — Бергманн;
 Клапр. OD — Клапрот, олеты Джунгарии;
 Клапр. OW — Клапрот, олеты волжские;

Мил. — Миллер;
 Палл. — Паллас;
 ПМонг. — протомонгольский;
 совр. лит. — современный литературный.

Литература

- Doerfer 1965 — *Doerfer G.* *Altere Westeuropäische Quellen Zur Kalmuckischen Sprachgeschichte (Witsen 1692 bis Zwick 1827) // Asiatische Forschungen. T. 18. Bonn-Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1965. 253 s.*
- Nugteren 2011 — *Nugteren H.* *Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages. Utrecht: LOT, 2011. 563 p. (In Eng.)*
- Ramstedt 1935 — *Ramstedt G. J.* *Kamükisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. 560 s.*
- Бардаев 1985 — *Бардаев В. Ч.* *Современный калмыцкий язык. Лексикология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 153 с.*
- Долеева, Куканова 2024 — *Долеева А. О., Куканова В. В.* *Калмыцкий словарь Ю. Г. Клапрота: графо-фонетический анализ графем а и ä // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 4. С. 644–663. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-73-3-644-663*
- Каминская 2010 — *Каминская Л. Н.* *Некоторые наблюдения над албанской лексикой словаря С. Палласа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2010. № 4. С. 125–133.*
- Каминская 2013 — *Каминская Л. Н.* *Об источниках албанской лексики в словаре С. Палласа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2013. № 1. С. 112–122.*
- Каминская 2016а — *Каминская Л. Н.* *К вопросу о фонетической адаптации албанской лексики в словаре Петра Симона Палласа «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы» // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Мат-лы чтений, посвящ. памяти проф. И. М. Тронского (20–22 июня 2016 г., г. Санкт-Петербург). СПб.: Наука, 2016. № 20–1. С. 401–409.*
- Каминская 2016б — *Каминская Л. Н.* *Албанский материал в «Словаре» Петра Симона Палласа: особенности передачи фонетики // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2016. Т. 12. № 3. С. 83–91.*

References

- Doerfer G. *Altere Westeuropäische Quellen zur Kalmuckischen Sprachgeschichte (Witsen 1692 bis Zwick 1827) [Asiatische Forschungen 18]. Bonn, Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1965. 253 p. (In Germ. and Kalm.)*
- Nugteren H. *Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages. Utrecht: LOT, 2011. 563 p. (In Eng.)*
- Ramstedt G. J. *Kamükisches Wörterbuch. Helsinki: Finno-Ugric Society, 1935. 560 p. (In Germ. and Kalm.)*
- Bardaev V. Ch. *Modern Kalmyk: Lexicology. Elista: Kalmykia Book Publ., 1985. 153 p. (In Russ.)*
- Doleeva A. O., Kukanova V. V. *Kalmyk wordbook by J. H. Klaproth: A grapho-phonetic analysis of the graphemes a and ä. Oriental Studies. 2024. Vol. 17. No. 4. Pp. 644–663. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2023-73-3-644-663*
- Kaminskaya L. N. *The Albanian component in linguistic materials of S. Pallas dictionary. Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism. 2010. No. 4. Pp. 125–133. (In Russ.)*
- Kaminskaya L. N. *On the sources of the Albanian component in linguistic materials of S. Pallas dictionary. Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism. 2013. No. 1. Pp. 112–122. (In Russ.)*
- Kaminskaya L. N. *Phonetic adaptation of Albanian lexical material in P.S. Pallas multilingual dictionary “Linguarum totius orbis vocabularia comparativa Augustissimae cura collecta” (1787, 1789). In: Indo-European Linguistics and Classical Philology. Memorial conference proceedings (St. Petersburg, 20–22 June 2016). St. Petersburg: Nauka, 2016. Vol. 20–1. Pp. 401–409. (In Russ.)*
- Kaminskaya L. N. *Albanian data in multilingual dictionary by Peter Symon Pallas: Interpretation of phonetic features. Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies. 2016. Vol. 12. No. 3. Pp. 83–91. (In Russ.)*

- Кичиков 1962 — *Кичиков А. Ш.* Об оренбургском говоре калмыцкого языка // Записки Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. 2. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1962. С. 207–212.
- Кичиков 1963 — *Кичиков А. Ш.* Дербетский говор (Фонетико-морфологическое исследование). Элиста: Калмгосиздат, 1963. 88 с.
- Кичиков 1967 — *Кичиков А. Ш.* Дифференциальные признаки говоров калмыцкого языка // Ученые записки Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. 5. Сер. филологии. Элиста: Респ. тип., 1967. С. 22–38.
- Кичиков 1967 — *Кичиков А. Ш.* О говоре донских (бузава) калмыков // Ученые записки Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. 5. Сер. филологии. Элиста: Респ. тип., 1967. С. 39–51.
- Котвич 1929 — *Котвич В. Л.* Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. 2-е изд. Ржевнице у Праги: Издание калмыцкой комиссии культурных работников в Чехословацкой республике, 1929. 418 с.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- Манджиева, Куканова 2023 — *Манджиева И. Б., Куканова В. В.* Калмыцкий словник в работе П. С. Палласа: графо-фонетический анализ // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 6. С. 1637–1661. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-70-6-1637-1661
- Новак, Нагурная 2023 — *Новак И. П., Нагурная С. В.* Лингвистический анализ карельского языкового материала словаря П. С. Палласа // *Финно-угорский мир*. 2023. Т. 15, № 3. С. 287–300.
- Очиров 1910 — *Очиров Н. О.* Отчет о поездке к Астраханским калмыкам летом 1909 г. // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. № 11. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1910. С. 61–75.
- Очиров 1913 — *Очиров Н. О.* Поездка в Александровский и Багацхуровский улусы Астраханских калмыков // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Сер. 11. № 2. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1913. С. 78–91.
- Паллас 1787 — *Паллас П. С.* Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. Ч. 1. СПб.: Тип. Шнора, 1787. 418 с.
- Kichikov A. Sh. On Orenburg Kalmyk. In: Notes of the Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History. Vol. 2. Elista: Kalmykia Book Publ., 1962. Pp. 207–212. (In Russ.)
- Kichikov A. Sh. Dorbet Kalmyk: A Study in Phonetics and Morphology. Elista: Kalmgosizdat, 1963. 88 p. (In Russ.)
- Kichikov A. Sh. Differential features of Kalmyk dialects. In: Scholarly Notes of the Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History. Vol. 5. Ser. 'Philology'. Elista: Kalmykia Book Publ., 1967. Pp. 22–38. (In Russ.)
- Kichikov A. Sh. On Don (Buzava) Kalmyk. In: Scholarly Notes of the Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History. Vol. 5. Ser. 'Philology'. Elista: Kalmykia Book Publ., 1967. Pp. 39–51. (In Russ.)
- Kotwicz W. L. A Grammar of Colloquial Kalmyk. Second edition. Revnice: Kalmyk Commission of Cultural Workers, 1929. 418 p. (In Russ.)
- Muniev B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Russ.)
- Mandzhieva I. B., Kukanova V. V. Kalmyk word list in Linguarum Totius Orbis Vocabularia Comparativa by P. S. Pallas: A graphophonetic analysis of vowels. *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 6. Pp. 1637–1661. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2023-70-6-1637-1661
- Novak I. P., Nagurnaya S. V. Linguistic analysis of Karelian language material in P. S. Pallas's dictionary. *Finno-Ugric World*. 2023. Vol. 15. No. 3. Pp. 287–300. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.03.287-300
- Ochirov N. O. Astrakhan Kalmyks in the summer of 1909: Travel report. *Izvestiya Russkogo Komiteta dlya izucheniya Sredney i Vostochnoy Azii*. 1910. No. 11. Pp. 61–75. (In Russ.)
- Ochirov N. O. Journey to Aleksandrovsky and Bagatsokhurovsky districts of Astrakhan Kalmyks. *Izvestiya Russkogo Komiteta dlya izucheniya Sredney i Vostochnoy Azii*. 1913. Series 11. No. 2. Pp. 78–91. (In Russ.)
- Pallas P. S. Comparative Dictionaries of All Languages and Dialects Collected by the Order of Her Imperial Majesty. Vol. 1: European and Asiatic Languages. Pt. 1. St. Petersburg: Schnor, 1787. 418 p. (In Lat., Fr., Germ., etc.)

- Паллас 1789 — *Паллас П. С.* Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. Ч. 2. СПб.: Тип. Шнора, 1789. 493 с.
- Позднеев 1911 — *Позднеев А. М.* Калмыцко-русский словарь. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1911. 306 с.
- Рутенко 2011 — *Рутенко Ю. С.* Тагальский язык в «Сравнительном словаре всех языков и наречий» П. С. Палласа // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 г. / отв. ред. Ю. К. Чистов, М. А. Рубцова. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 358–363.
- Савельев 2014 — *Савельев А. В.* Отражение диалектных особенностей в старописьменных памятниках чувашского языка XVIII в. Дисс. канд. наук. 445 с.
- Санжеев 2015 — *Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В.* Этимологический словарь монгольских языков. Т. I. М.: ИВ РАН, 2015. 224 с.
- Санжеев 2016 — *Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В.* Этимологический словарь монгольских языков. Т. II. М.: ИВ РАН, 2015. 232 с.
- Убушаев 2010 — *Убушаев Н. Н.* Проблема сложения диалектной системы калмыцкого языка и ее функционирование: дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2010. 275 с.
- Pallas P. S. Comparative Dictionaries of All Languages and Dialects Collected by the Order of Her Imperial Majesty. Vol. 2: European and Asiatic Languages. Pt. 2. St. Petersburg: Schnor, 1789. 493 p. (In Lat., Fr., Germ., etc.)
- Pozdneev A. M. Kalmyk-Russian Dictionary. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1911. 306 p. (In Kalm. and Russ.)
- Rutenko Yu. S. Tagalog in the Comparative Dictionaries of All Languages and Dialects by P. S. Pallas. In: Chistov Yu. K., Rubtsova M. A. (eds.) Radloff Collection 2010. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography (RAS), 2011. Pp. 358–363. (In Russ.)
- Savelyev A. V. Tracing Dialectal Features in Old Written Chuvash-Language Texts, Eighteenth Century. Cand. Sc. (philology) thesis. Moscow, 2014. 445 p. (In Russ.)
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevermina Z. V. Etymological Dictionary of Mongolic Languages. Vol. 1. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2015. 224 p. (In Mong., Bur., Kalm., etc.)
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevermina Z. V. Etymological Dictionary of Mongolic Languages. Vol. 2. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2015. 232 p. (In Mong., Bur., Kalm., etc.)
- Ubushaev N. N. Kalmyk Dialect System: Its Shaping and Functioning. Dr. Sc. (philology) thesis. Moscow, 2010. 275 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 17, Is. 6, Pp. 1369–1399, 2024
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811.512.3

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1369-1399

Названия ветра в монгольских языках: этимология и семантика

*Анна Владимировна Дыбо^{1,2}, Виктория Васильевна Куканова³,
 Людмила Алексеевна Лиджиева⁴, Евгений Владимирович Бембеев⁵,
 Евгения Владимировна Голубева⁶*

- 1 Институт языкознания РАН (д. 1 стр. 1, Большой Кисловский пер., 125009 Москва, Российская Федерация)
 член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, заведующий отделом
- 2 Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. А. С. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник
 0000-0002-6077-7183. E-mail: [adybo\[at\]mail.ru](mailto:adybo[at]mail.ru)
- 3 Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, директор
 0000-0002-7696-4151. E-mail: [vika.kukanova\[at\]gmail.com](mailto:vika.kukanova[at]gmail.com)
- 4 Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. А. С. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, доцент
 0000-0003-4262-5458. E-mail: [lidzhieva-la\[at\]mail.ru](mailto:lidzhieva-la[at]mail.ru)
- 5 Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. А. С. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, доцент
 0000-0001-9936-221X. E-mail: [galdma\[at\]yandex.ru](mailto:galdma[at]yandex.ru)
- 6 Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. А. С. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, доцент
 0000-0003-3279-0361. E-mail: [lisa101\[at\]yandex.ru](mailto:lisa101[at]yandex.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Дыбо А. В., Куканова В. В., Лиджиева Л. А., Бембеев Е. В., Голубева Е. В., 2024

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена этимологии и семантике названий ветра в монгольских языках. Основная цель исследования — установление этимологических и семантико-типологических особенностей, характерных для рассматриваемой тематической группы обще-

монгольского лексикона. Понятие «ветер» входит в базисную лексику и, в частности, обнаруживается в большинстве языков мира. *Материалы и методы.* Материалом послужили различные словари монгольских языков. Привлекались также этимологические работы по монгольской лексике и отдельные словари других языков алтайской макросемьи; полевые материалы экспедиций по сбору лексических списков Сводеша с контекстами в диалектах монгольских языков. *Результаты исследования.* В монгольских языках зафиксировано 25 наименований для ветра и их разновидностей. Все они являются собственно монгольскими и имеют надежные алтайские параллели. 6 лексем *kei* 'воздух, ветер', **sal-kin* 'ветер, воздух', **kuyi(n)* 'вихрь, смерч', **sihurgan* 'буран, снежная буря', **boruhan* 'буря со снегом или дождём', **serihün* 'прохлада; прохладный; свежий ветерок', восстанавливаются только для прамонгольского состояния; такие лексические единицы как **kabsur-ga* 'холодный суховей', **jibar* 'прохлада, свежесть; ветер', *jüse* 'сильный, внезапный ветер; продолжительный дождь'; **simarga* 'метель с мокрым снегом', **sebsihen* 'свежий, легкий ветерок', **sense* 'лёгкий ветерок' являются, видимо, прасеверномонгольскими новообразованиями. Отмечены также слова, образованные в отдельных монгольских языках от глаголов, выражающих близкие понятия ('веять', 'махать', 'быть прохладным').

Ключевые слова: лексикология, наименования ветра, этимология, семантика, монгольские языки.

Благодарность. Исследование выполнено в рамках реализации научного проекта РФ «Электронный диалектологический атлас монгольских языков России: базисная лексика» (№ 23-18-00518).

Для цитирования: Дыбо А. В., Куканова В. В., Лиджиева Л. А., Бембеев Е. В., Голубева Е. В. Названия ветра в монгольских языках: этимология и семантика // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 6. С. 1369–1399. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1369-1399

Wind-Related Terms in Mongolic Languages: Etymology and Semantics

Anna V. Dybo^{1,2}, Viktoria V. Kukanova³, Liudmila A. Lidzhieva⁴, Evgeny V. Bembeev⁵, Evgenia V. Golubeva⁶

- 1 Institute of Linguistics of the RAS (1/1, Bolshoi Kislovsky Lane, 125009 Moscow, Russian Federation)
Corresponding Member of the RAS, Dr. Sc. (Philology), Head of Department
- 2 Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Professor, Chief Research Associate
 0000-0002-6077-7183. E-mail: adybo[at]mail.ru
- 3 Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Cand.Sc. (Philology), Senior Research Associate, Director
 0000-0002-7696-4151. E-mail: vika.kukanova[at]gmail.com
- 4 Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Associate Professor
 0000-0003-4262-5458. E-mail: lidzhieva-la[at]mail.ru
- 5 Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Associate Professor
 0000-0001-9936-221X. E-mail: galdma[at]yandex.ru
- 6 Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Associate Professor
 0000-0003-3279-0361. E-mail: lisa101[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Dybo A. V., Kukanova V. V., Lidzhieva L. A., Bembeev E. V., Golubeva E. V., 2024.

Abstract. Introduction. The article examines etymologies and semantics of wind-related terms in the Mongolic languages. **Goals.** The study primarily seeks to identify some etymological and semantic–typological features inherent to the specified thematic group of the general Mongolian lexicon. The concept of wind is included in the basic vocabulary and, in particular, can be traced in most languages of the world. **Materials and methods.** The work investigates a variety of Mongolic dictionaries, these be supplemented with etymological insights into the Mongolian vocabulary and certain dictionaries of other Altaic languages, field data of expeditions aimed at compiling context-based Swadesh lists for dialects of Mongolic languages. **Results.** The paper identifies a total of 25 wind names in the Mongolic languages. The analysis shows there are a significant number of proto-Mongolic terms for wind and their varieties. All of them are authentic (i.e., essentially Mongolic) and have reliable Altaic parallels. The six lexemes — *kei* ‘air, wind’, **sal-kin* ‘wind, air’, **kuyi(n)* ‘whirlwind, tornado’, **sihurgan* ‘blizzard, snowstorm’, **boruhan* ‘storm with snow or rain’, **serihün* ‘coolness; cool; fresh breeze’ — are reconstructed only from proto-Mongolic stems. Meanwhile, such lexical units as **kab-sur-ga* ‘cold dry wind’, **jibar* ‘coolness, freshness; wind’, *jüse* ‘strong, sudden wind; prolonged rain’; **simarga* ‘snowstorm with sleet’, **sebsihen* ‘fresh, light breeze’, **sense* ‘light breeze’ are probably proto-Northern Mongolian neologisms. The words formed in some Mongolic languages from verbs expressing similar concepts (‘to fan’, ‘to wave’, ‘to be cool’) have also been traced.

Keywords: lexicology, wind-related terms, etymology, semantics, Mongolic languages

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 23-18-00518 ‘Digital Atlas of Mongolic Dialects in Russia: Basic Vocabulary’.

For citation: Dybo A. V., Kukanova V. V., Lidzhiyeva L. A., Bembeev E. V., Golubeva E. V. Wind-Related Terms in Mongolic Languages: Etymology and Semantics. *Oriental Studies*. 2024; 17(6): 1369–1399. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1369-1399

1. Введение

Настоящая работа продолжает исследование монгольской лексики природного окружения, первые результаты которого были опубликованы в статье «Названия неба в монгольских языках: этимология и семантика» [Дыбо и др. 2022: 1333–1351]. Система метеорологической лексики монгольских языков довольно разнообразна и отражает важные реалии жизни народов. Погодные и климатические условия всегда связаны с бытом людей, их наименования отражены в фольклоре, традициях и обычаях народов.

«Принципы работы с названиями природного окружения — тоже предметной лексической областью — отличаются от специфики анализа названий частей тела, поскольку природное окружение у носителей различных языков часто устроено по-разному. Здесь важное значение приобретает привлечение экстралингвистического материала об ареалах распространения тех или иных природных явлений в наши дни и в праязыковые эпохи» [Норманская, Дыбо 2010: 7].

Имеется ряд лингвистических и этнографических исследований, проведенных на материале урало-алтайских языков

(см. [СИГТЯ 2006: 326–352; Норманская, Дыбо 2010; Куканова 2021; и др.]). В предшествующей работе удалось выяснить, что все засвидетельствованные общемонгольские наименования неба и воздуха имеют контактное происхождение и хорошо очерчивают круг контактов прамонгольского этноса (прежде всего тюркские и китайские). Здесь мы рассматриваем лексику, обозначающую ветер и его различные типы — концепт, максимально близкий к понятию «воздуха» и связанный с ним часто встречающимися в языках мира семантически переносами (см. подробнее литературу в [Дыбо и др. 2022: 1333–1351]). Этот концепт входит в 110-словный список базисных концептов Сводеша – Яхонтова и в списки Leipzig – Jakarta и Jena [Сводеш 1960; Старостин 1989; Haspelmath, Tadmor 2009 (eds.); Heggarty, Anderson (eds.) 2019]; таким образом, мы продолжаем исследования по этимологии базисной лексики монгольских языков.

2. Материалы исследования

Материалом исследования послужили различные словари монгольских языков [Lessing 1960; Haenisch 1939; MA 1938;

Ковалевский 1844; Ковалевский 1849; БАМРС 2001а; БАМРС 2001б; БАМРС 2001в; БАМРС 2002; БРС 2010а; БРС 2010б; Mostaert 1968; Тодаева 2001; КРС 1977; Ramstedt 1935; Тодаева 1986; КДРС 2014; ШЮПМКС 1984; Тодаева 1964; Тодаева 1973; Тодаева 1961; ДКС 2012; и др.), а также материалы полевого сбора списков базисной лексики с контекстами, проводившегося по проекту «Электронный диалектологический атлас монгольских языков России: базисная лексика»

В качестве реконструкции прамонгольского лексикона был взят список лексем, восстанавливаемых в работе [Nugteren 2011], а также использовались реконструкции, произведенные О. А. Мудраком и размещенные на сайте «Вавилонская башня» [Мудрак 1998–2003]. Монгольские этимологии были дополнены ссылками на источники, добавленные авторами данной статьи к источникам Х. Нугтерена.

В отдельных языках южномонгольской и кукунорской группы некоторые лексемы не были обнаружены, но возможно, они имеются в рассматриваемых языках. Описательные номинации методом сплошной выборки отбирались из Большого академического словаря монгольского языка [БАМРС 2001а; БАМРС 2001б; БАМРС 2001в; БАМРС 2002]. Привлекались разные этимологические работы и словари по тюркским языкам, а также этимологический словарь праалтайского языка [EDAL 2003]. Кроме того, в работе использовались данные двух фундаментальных проектов: база данных семантических переходов, разрабатываемой под руководством А. А. Зализняка, [Zalizniak 2016–2022] и база данных колесификаций [CLICS³ 2019]. В работе применяются этимологический, семантический и типологический виды анализа.

3. Лексемы обозначающие «ветер»

Для прамонгольского состояния восстанавливаются следующие названия ветра.

1. *КЕИ ‘воздух, ветер’

См. разбор этимологии в [Дыбо и др. 2022]; к значениям рефлексов добавим шира-юг. *kī* ‘ветер; песчаная буря’ (на основании [Грунтов, Мазо 2015: 250], цити-

рующих [Kuribayashi 1987: 61]); отметим также ошибочное отнесение в [Грунтов, Мазо 2015: 250] к данной этимологии старо-баргутского *xwai* ‘ветер’, правильно протимологизированного Э. В. Афанасьевой (< **quyi*, см. ниже) [Афанасьева 2006: 31]. Х. Нугтерен [Nugteren 2011: 409] в рассматриваемой словарной статье цитирует другую старо-баргутскую форму, *xī*, видимо, в том же значении, из источника, оставшегося нам недоступным [Uuda et al. 1985]. Здесь повторим, что слово, по-видимому, было заимствовано из ср.-кит. 氣 *khī* ‘воздух, атмосфера; газ; пар; дыхание; дух; эфир; жизненная сила; настроение; темперамент; гнев’ в прамонгольский. По монгольскому материалу для прамонгольского состояния первично значение «ветер», которое в центральной зоне постепенно переходит в «воздух», возможно, под влиянием повторных более поздних заимствований из китайского. Многозначность «ветер» ~ «воздух» типологически трактуется как полисемия с ненаправленным развитием значения; вероятно, прамонгольский язык развил у китайского заимствования это новое значение.

2. *SALKĪN ‘ветер’

2.1. Ср. ПМонг **salkin* ‘wind’ (ветер) [Nugteren 2011: 481–482]:

2.1.1. письм.-монг. *salkin* ‘ветер’ [Ковалевский 1846: 1312–1313]:

Употребления:

2.1.1.1. Качества ветра: *ulayan salkin* ‘сильный, порывистый ветер, буря, ураган’ (букв. ‘красный ветер’), *nögelegü salkin* ‘пронзительный ветер’, *xayurai salkin* ‘сухой ветер’, *xara salkin* ‘черная буря, когда небо покрывается черными тучами’ (букв. ‘черный ветер’), *serigün salkin* ‘прохладный ветер’, *nayirtu salkin* ‘тихий ветер’;

2.1.1.2. Направления ветра: *esergü salkin* ‘встречный ветер’, *emüne-yin salkin* ‘противный ветер’;

2.1.1.3. Процессы, связанные с ветром: *salkin bosomui* ‘поднимается ветер’, *salkin degdebe* ‘ветер поднялся’, *salkin salkilamui* ‘дует ветер’, *salkin-u jalgal* ‘течение ветра’, *salkin lübkikü* ‘течение ветра’, *salkin namayraxu* ‘стихает ветер’, *salkin toytonamui* ‘ветер стихает’, *salkin-u čiuᠣᠶᠢᠶ᠋ᠠᠨ* ‘ветер стихает’, *salkin bayiba* ‘ветер перестал’, *salkin*

ančilaxu ‘рассекать воздух, плыть против ветра, лавировать’, *salkin dor nayiyuxu* ‘быть колеблемым ветром’;

2.1.1.4. Прочее: *salkin xalxabči* ‘длинный навес у крыши’, *salkin tasulya* ‘щит от ветра’, *salkin-u temdeg* ‘ветромер, аэрометр, флюгер’, *salkin-u gemnegür* ‘измеритель воздуха, аэрометр’, *salkin dor bayasuγчи* ‘радующийся ветру: верблюду’;

В памятниках доклассического письменного-монгольского и среднемонгольского периода рефлексов слова **salkin* не засвидетельствовано. В значении ‘ветер’ употребляется слово *kei* (см.: [Дыбо и др. 2022: 1343–1344]). Например, ср.-монг. *Horene umere-eče kei boluasū, qarčiqai-bar bariyluqsan naqut qalaoudun odun hūsun ano burqaliq časun metu butaraju keisči iremu* [Козин 1941: 206] ‘При северо-западном ветре летят сюда, словно снежные хлопья по ветру, пух и перья гусей и уток, пойманных соколом [Козин 1941: 82].

2.1.2. халх. *салхи(н)* ‘ветер; воздух’ [БАМРС 2001в: 79–80, БАМРС 2001б: 101];

Диалектные формы: зап.-халх. *salixi*, дариганга *dzalxi* ‘ветер’; *salixi orox* ‘подниматься (о ветре)’; *xuištē salixi bolow* ‘быть сильным (о ветре)’ [Амаржаргал 1988: 142].

В диалектах языков монголов Внутренней Монголии лексема *салхи(н)* ‘ветер; воздух’ встречается в хорчинском, баринском, тумутском говорах как *селх(ин)*, джалайтском, дурбетском — *телх(ин)*; хешиктенском — *селхин, дзелх(ин)* [Тодаева 1981: 190]¹.

Исторические диалектные формы: вѣтръ (№ 79), монг. *салки* [Pallas 1771: 249], *šalki*; *šalkin* ‘ветер’: Монголы у Китайской стены *Salkin*. халх. *Salki* [Klaproth 1823: 275];

Употребления:

2.1.2.1. Качества ветра: *их салхи* ‘тайфун, вихрь, смерч, ураган’ (букв. ‘большой ветер’), *догшин салхи* ‘грозный шквал, шквалистый ветер’, *хар салхи* ‘циклон, буря, ураган; циклонический вихрь; пыльная буря’ (букв. ‘черный ветер’), *далайн хар салхи* ‘ураган на море’, *улаан салхи* ‘песчаный

Здесь и далее мы приводим материал из [Тодаева 1981] в основном ради иллюстрации встречаемости и фонетической формы слов; в словнике Б. Х. Тодаевой не отмечаются небольшие семантические различия рефлексов слов по диалектам.

смерч; сильный ветер, ураган’ (букв. ‘красный ветер’), *хуй салхи* ‘вихрь, смерч, шквал; ураган, дэгдэл салхи ‘вихрь’, *хуйларсан салхи* ‘шквалистый ветер’, *хүчтэй салхи* ‘сильный ветер, грозный шквал’, *шар салхи* ‘ветер с песком, вихрь’ (букв. ‘желтый ветер’), *ширүүн салхи* ‘шквалистый ветер’, *аясын салхи* ‘бриз, легкий ветер; попутный ветер’, *бүлээн салхи* ‘теплый ветер’, *зохилдуу, салхи* ‘попутный ветер, легкий ветер’, *зөөлөн салхи* ‘слабый, легкий ветер’, *сэвшээлэн салхи* ‘лёгкий свежий ветерок’, *сэр-сэр салхи* ‘порывистый легкий ветер’, *жихүүн салхи* ‘свежий, прохладный ветер’, *найртай салхи* ‘ветерок; приятный ветер, теплый, весенний ветер’, *нөөлөх салхи* ‘порывистый теплый ветер’, *сэрүүн салхи* ‘прохладный ветер’, *урьхан салхи / урьхан хонгор салхи* ‘приятный теплый ветерок’, *халуун салхи* ‘знойный ветер, жаркий ветер’ (букв. ‘горячий ветер’), *хий салхи* ‘ветер’ (букв. ‘воздушный ветер’), *хүйтэн салхи* ‘холодный ветер’, *цагаан салхи* ‘слабый ветер’ (букв. ‘белый ветер’) [БАМРС 2001в: 79–80, БАМРС 2001б: 101];

2.1.2.2. Направления ветра: *сөрөг салхи / тэсрэг салхи / эсрэг салхи* ‘встречный ветер, умрын салхи ‘северный ветер’ [БАМРС 2001в: 80], *зүүн зүгийн салхи* ‘восточный ветер’ [РМС 1983: 61], *өрнийн салхи* ‘западный ветер’ [БАМРС 2001в: 40], *зүүн өмнийн салхи / зүүн урд зүгийн салхи* ‘юго-восточный ветер’ [РМС 1982: 820];

2.1.2.3. Процессы, связанные с ветром: *хуй салхи босов / хуй салхи дэгдэв* ‘налетел шквал’, *салхи босно* ‘ветер поднимется’, *салхи буув* ‘подымается ветер’, *салхи дэгдэх* ‘подниматься (о ветре)’, *салхи тавих* ‘подниматься (о ветре)’, *салхи хөдлөх* ‘подняться (о ветре)’, *салхи ширүүсэв* ‘ветер усилился’, *салхи жихүүн болж байна* ‘ветер свежает’, *салхи үлээх* ‘дуть (о ветре)’, *салхи харанхуйлан салхилав* ‘ветер разбушевался’, *салхи хөгжих* ‘усиливаться, разыграться (о ветре)’, *салхи дэлсэх* ‘хлестать, бить (о порывах ветра)’, *салхи сэргигнэнэ* ‘ветер дует порывами’, *салхи лүвхийх* ‘дуть зноем, нести жар (о ветре), суховея’, *салхи исгэрэх / салхи улин исгэрэх* ‘а) свист ветра; б) свистеть, выть (о ветре)’, *салхи үелзэх / салхи үймцэх* ‘выть, завывать (о ветре)’, *салхи шуугих* ‘свистеть,

шуметь (о ветре), *салхи шүнгэнэх* ‘выть, свистеть (о ветре)’, *салхи дөлөөн болох* ‘а) успокаиваться, утихать (о ветре); б) нести зноем, жаром (о ветре), суховей’, *салхи намдах / салхи намжих / салхи намхрах* ‘приутихнуть, понемногу утихать; успокаиваться (о ветре)’, *салхи байх / салхи барах* ‘прекратиться (о ветре)’, *салхи зогсов* ‘ветер прекратился’, *салхи сэнгэнэж байна* ‘продувает’, *салхи дагах / салхи уруудах* ‘идти по ветру’ [БАМРС 2001в: 80];

2.1.2.4. Встречается употребление слова *салхи* в значении ‘воздух’: халх. *эрүүл салхи* ‘свежий воздух’, *эрүүл салхинд явах* ‘прогулка на свежем воздухе’, *салхи орох* ‘проветриваться’ [БАМРС 2001в: 80]. В основном слово встречается в значении «ветер». (Ср. слова, обозначающие «воздух»: халх. *агаар* ‘воздух, атмосфера; воздушный’ [БАМРС 2001а: 36], *уүлний зам* ‘воздух, атмосфера’ [БАМРС 2001в: 429], *хиш(н)* ‘воздух; газ’ [БАМРС 2002: 79]);

2.1.3. бур. *халхин* ‘ветер’ [БРС 2010б: 543]:

Диалектные формы: ново-баргут. *halkʰ* [Афанасьева 2006: 10], старо-баргут. *xalkʰ*, кударин. *xalxin* [Афанасьева 2006: 44] ‘ветер’, эхирит. *halʼcʼan* – *halʼshan* ‘ветер’ [Митрошкина, Семенова 2004: 53], южно-бур. *salʼtʼu* [Будаев 1978: 217], эхирит-булаг. (закам). *háltjij*, хорин. *háltjij*, эхирит-булаг. (бохан.) *halxʰjij* ‘ветер’ [ПМ 2019].

Исторические диалектные формы: *балкинъ* ‘вѣтръ’ (№ 79) [Pallas 1771: 249], *Хуй-Салки* ‘вихрь’ (№ 80) [Pallas 1771: 252], ‘Wind’: нижнеудин. *halkeŋ*, тунк. *halkiŋ*, хорин. *xalkin*, селенг. *salke(i)* [Castren 1857: 222].

Употребления:

2.1.3.1. Качества ветра: *шанга халхин* ‘сильный ветер’, *ордоһолһон доихон халхин* ‘грозный шквал, шквалистый ветер; ураган’, *туйлай шанга халхин* ‘ураган’, *хуйларһан халхин* ‘вихрь, смерч’, *хиш халхин* ‘вихрь’, *нэбтэ* (или *ходоро*) *үлэһэн халхин* ‘сквозной ветер’, *һэршэгэнүүр* (или *ордохотой*) *халхин* ‘порывистый ветер’, *һулахан халхин* ‘легкий ветер, бриз’, *бүлээн халхин* ‘теплый ветер’, *дулаахан зөөлэхэн халхин* ‘приятный теплый ветерок’, *халуун халхин* ‘знойный ветер’ (букв. ‘горячий ветер’), *хүйтэн хал-*

хин ‘холодный ветер’ [БРС 2010б: 543];

2.1.3.2. Направления ветра: *урдаһаань үлэһэн халхин* ‘встречный ветер’, *урдаһаа үлэһэн халхин* ‘южный ветер’, *хойноһоо үлэһэн халхин / хойноһоо болоһон халхин* ‘северный ветер’. В бурятском языке также выделяются названия байкальских ветров, иногда связанные с названиями местностей и рек, откуда они дуют: *баргажан (халхин)* ‘баргузин (северо-восточный, резкий и холодный ветер на Байкале, дующий с Баргузинской долины)’ [БРС 2010а: 117], *сарма* ‘(байкальский северо-западный ветер, дует со скоростью 40–60 м в секунду, из долины реки Сарма) [БРС 2010б: 149], *жабар* ‘ветер-верховик (не сильный, но резкий и очень холодный ветер, обычно дующий с верховьев пади)’ [БРС 2010а: 347];

2.1.3.3. Процессы, связанные с ветром: *халхин бууба* ‘поднялся ветер’, *халхин хүйтэржэ байна* ‘ветер свежеет’ [БРС 2010б: 543], (*халхин*) *соробхилхо* ‘дуть (о ветре)’ [БРС 2010б: 184], *халхин сохихо* ‘хлестать, бить (о порывах ветра)’, *халхин иууяха* ‘свистеть, шуметь (о ветре)’, *халхин эшхэрэн үлээнэ* ‘ветер свищет’, *халхин улин үлээнэ* ‘ветер воет’, *халхин бушаганан хүдэлбэ* ‘ветер разбушевался’, *халхин намдаба* ‘ветер утихает’, *халхин тогтобо* (или *боллобо*) ‘ветер прекратился’, *халхи өөдэ ябах* ‘идти против ветра’, *халхи(и) уруу ябах* ‘идти по ветру’ [БРС 2010б: 543].

2.1.4. хамн. *салаки(н)* ‘ветер’ [Дамдинов, Сундуева 2015: 245], *салаки иуурга* парн. ‘буря’ [Дамдинов, Сундуева 2015: 245]; *аймишитай доихон чинга салаки болоо* ‘был такой свирепый и сильный ветер’ [Дамдинов, Сундуева 2015: 126];

2.1.5. ойр. *салькин (салкин)* ‘ветер; воздух’ [Тодаева 2001: 173–174]:

Диалектные формы: дербет., баят., хотон. *salkān*, дзахч. *salʼkīn*, дерб. *sälkīn*, урянх. *sälkī*, дзахч. *salkīn* ‘ветер’; *salʼkaʼ tsokāxhā* ‘дуть (о ветре)»; *sälʼkīn ayū* ‘сильный ветер’ [Цолоо 1988: 737].

Исторические диалектные формы: *šalki*, *šalkin* ‘ветер’: «Элеты Джунгарии» *Salʼkin* [Klaproth 1823: 275].

Употребления:

2.1.5.1. Качества ветра: *күчтээ салькин* ‘сильный ветер’ [Тодаева 2001: 353], *ике*

салькин ‘сильный ветер’ (букв. ‘большой ветер’) [Тодаева 2001: 173], *догшин салькин* ‘резкий ветер’ [Тодаева 2001: 127], *кецуу салькин* ‘резкий ветер’ [Тодаева 2001: 196], *шүрүүн киштен салькин* ‘резкий холодный ветер’ [Тодаева 2001: 395], *хүү салькин* ‘вихрь’ [Тодаева 2001: 174], *хара салькин* ‘сухой горячий ветер’ (букв. ‘черный ветер’) [Тодаева 2001: 393], *серүүн салькин* ‘прохладный ветер’ [Тодаева 2001: 294], *зекуун салькин* ‘прохладный ветерок’ [Тодаева 2001: 157], *хоңгор салькин* ‘приятный легкий ветерок’ [Тодаева 2001: 401];

2.1.5.2. Процессы, связанные с ветром: *салькин үлээвэ* ‘подул ветер’ [Тодаева 2001: 376], *салькин догширхава* ‘усилился ветер’ [Тодаева 2001: 127], *салькин көдөлнэ* ‘поднимается ветер’ [Тодаева 2001: 205], *сер-сер салькилаха* ‘слегка веять, дуть (о ветре)’ [Тодаева 2001: 294], *серүүн салькин сержэңнэ* ‘повеял прохладный ветер’ [Тодаева 2001: 294]; *салькин тогтонха* ‘ветер утихнет’ [Тодаева 2001: 328];

2.1.5.3. В значении ‘воздух’: *серүүн салькинда хараад бийдэн неге бичкен сергээхе* ‘выйти на свежий воздух и немного проветриться’ [Тодаева 2001: 285].

2.1.6. калм. *салькн* ‘ветер; воздух’ [КРС 1977: 438];

Диалектные формы: элет. *sal'kn*, *sälkn* [Ramstedt 1935: 310; 318] ‘ветер’; дерб. *сал'кын* ‘ветер’ [Кичиков 1963: 21], торг. *sälkn* [Убушаев 1979: 37], цаат. *sälkn* [Убушаев 2006: 49], дерб. *sal'kən*, торг., цаат. *sæl'kən* ‘ветер’ [ПМ 2023].

Исторические диалектные формы: *salkin* ‘ветер’ [Витсен 2010: 369], *salky* ‘wind’ [Strahlenberg 1730: 156, 158], *салкинъ* ‘ветер’ (№ 79) [Pallas 1771: 249], *хурулдадакъ салкинъ* ‘вихрь’ (№ 80) [Pallas 1771: 252], *Леке салкинъ*, *Кучи́ръ салкинъ* ‘буря’ (№ 81) [Pallas 1771: 255], *šalki*, *šalkin* ‘ветер’: элеты на Волге *Salkin* [Klaproth 1823: 275].

Употребления:

2.1.6.1. Качества ветра: *шүрүн салькн* ‘резкий ветер’ [КРС 1977: 686], *эргин салькн* ‘бриз’ [КРС 1977: 701], *күчтэ салькн* ‘сильный ветер’ [КРС 1977: 112], *халв салькн* ‘ураган’ [КРС 1977: 154], *догшин салькн* ‘сильный ветер’ [КРС 1977: 203], *жэңим салькн* ‘пронизывающий ветер’ [КРС 1977:

229], *зекун салькн* ‘прохладный ветерок’ [КРС 1977: 246], *кишн салькн* ‘холодный ветер’ [КРС 1977: 299–300], *сер-сер гисн салькн* ‘легкий ветерок’ [КРС 1977: 438], *хавсрһта салькн* ‘вихрь, порывистый ветер’ [КРС 1977: 562], *халун салькн* ‘знойный ветер’ (букв. ‘горячий ветер’) [КРС 1977: 570], *хар салькн* ‘сильный ветер; беснежный ветер; сухой (весной) (букв. ‘черный ветер’) [КРС 1977: 577], *ху салькн* ‘вихрь, порывистый ветер’ [КРС 1977: 617], *чаңһ салькн* ‘сильный ветер’ [КРС 1977: 645];

2.1.6.2. Направления ветра: калм. *салькна аю* ‘направление ветра’ [КРС 1977: 60], *ар салькн* ‘северный ветер’, *ар һазак салькн* ‘северо-западный’, *ар дотадак салькн* ‘норд-ост’ [КРС 1977: 46], *баруна салькн* ‘западный ветер’ [КРС 1977: 83];

2.1.6.3. Процессы, связанные с ветром: *салькн босв* ‘поднялся ветер’ [КРС 1977: 112], *салькн үлэжэнэ* ‘дует ветер’ [КРС 1977: 208], *салькн сүүгжэнэ* ‘ветер дует’ [КРС 1977: 466], *салькн эклэд чаңһржэна* ‘ветер начал усиливаться’ [КРС 1977: 694], *ора талан салькн догширхв* ‘к вечеру ветер усилился’ [КРС 1977: 203], *салькн шуугад бээнэ* ‘ветер шумит’ [КРС 1977: 684], *салькн арһулдв (номһрв)* ‘ветер стих’ [КРС 1977: 49], *салькн гэтрв* ‘ветер утих’ [КРС 1977: 63], *эрэһн салькн көдлжэнэ* ‘дует тихий ветерок’ [КРС 1977: 69], *салькн сержэңнэд көдлжэнэ* ‘дует легкий ветерок’ [КРС 1977: 451];

2.1.6.4. Анализ употреблений данной лексемы в текстах калмыцкого фольклора выявил важность таких характеристик ветра, как влажность, температура, интенсивность. Не имеют значения его направление, сезонность, продолжительность и т. п. Например, в эпосе «Джангар» отражено особое отношение человека к ‘ветру’: «с одной стороны, это прохлада, которая крайне важна для кочевника Центральной Азии, а с другой — знойный ветер может быть опасным для жизни человека. Легкий ветерок приносит облегчение и путникам-богатырям, и верным их коням, подобных примеров можно найти множество по фольклорным текстам. Однако следует отметить, что чаще всего описывается прохладный ветер, который является поистине спасением в

знойных степях как в Центральной Азии, так и в Нижнем Поволжье» [Куканова 2021: 377]: *сер-сер салькн* ‘свежий ветер’ [Джангар 1990: 10]; *һаң халун салькн* ‘знойный горячий ветер’ [Джангар 1990: 168]; *киитн салькн* ‘холодный ветер’ [Джангар 1990: 244]; *салькни серун* ‘прохлада’ [Джангар 1990: 256]. Лексема имеет как положительную, так и отрицательную коннотацию.

«Особое географическое положение территории проживания ойратов и ее природно-климатические условия, образ жизни, степень зависимости благополучия от данного природного явления обусловили отсутствие многообразия номинаций ветра в калмыцком языке: в эпических текстах используется только лексема *салькн* ‘ветер’» [Куканова 2021: 375].

2.1.7. орд. *salkxin* ‘ветер, воздух’; *salkxi xöönäs xoŋino wān* ‘ветер дует с запада’ [Mostaert 1968: 556];

2.1.8. шира-юг. *salqān* ‘ветер, слабый ветер’; *salqān hog-* ‘дуть (о ветре)’ [ШЮПМКС 1984: 98; Kuribayashi 1987: 101]. Х. Нугтерен упоминает исправление формы в источнике 1988 г. на *salkən* ‘апоплексия’ [Nugteren 2011: 482];

2.1.9. монгол. (хуцзу) *sark’ī* ‘ветер; обычно сильный ветер, который дует продолжительное время, буря’; *sark’ī t’una* ‘ветрено’, *sark’ī uDur* ‘ветренный день’, *sarin sark’ī* ‘холодный ветер’ [SM 1934: 329]; *салкī* ‘ветер’ [Тодаева 1973: 357]; Х. Нугтерен цитирует по источнику 1985 г. *salkī* ‘легкий ветерок’; полагает, что конец слова *-kī* (с долготой) — следствие контаминации с рефлексом **kei* ‘воздух’ [Nugteren 2011: 481];

2.1.10. В дагурском, баоанском, дуньсянском языках рефлексы **salkin* ‘ветер, воздух’ не встречены, значение ‘ветер’ передается рефлексами **kei* (дагур. *xein*, *kein*, *kīn* ‘ветер’; баоан. *kī* ‘ветер’; дунс. *кэи* ‘ветер’ (см.: [Дыбо и др. 2022: 1344; Kuribayashi 1989: 266]) предположительно связывает с письм.-монг. *salki(n)*, дагур. *sugdun* ‘воздух’, но, скорее всего, это маньчжурское заимствование, как предполагается в [Поппе 1930: 91].

2.2. Гипотезу о производности слова внутри монгольской семьи построить не удается: именного суффикса **-KIn* среди

монгольских языков не находим. Этимология EDAL: Палт. **zāli* ‘ветер’, ПТунг. **saldi-* ‘ветер прохладный’; ПМонг. **salki* ‘ветер’; ПТюрк. **jel* ‘ветер’, ПКор. **sar-* ‘слабый, прохладный (о ветре)’, совр. *sallaŋ*, *səlləŋ*, *salgiraŋ* [EDAL 2003: 1508]. Тюркская параллель к монгольскому слову представляет собой также основное название ветра и представлена почти во всех тюркских языках в этом значении; в Южной Сибири рефлексы **jel* сохраняются в значениях ‘поветрие, эпидемия’ и ‘злой дух’; в якутском от этого корня произведено название бури [ЭСТЯ 1989: 174].

2.3. В тюркских языках также имеется набор лексем, условно возводимых как рефлексы к ОТюрк. **salkim/n*; по общепринятому мнению, это монгольские заимствования (см.: [Räsänen 1969: 398b; Егоров 1964: 194–195 и др.]). В. И. Рассадин считает, что «возможно, лексема *салкын* со значением „ветер“, бытующая в сибирских тюркских языках, возникла в них под монгольским влиянием. Здесь прослеживается метафорический перенос семантики по смежности, поскольку в степной безлесной зоне холод и прохлада всегда связаны с ветром» [Рассадин 2019: 564]. Досконально рассмотрено распределение значений заимствованного из монгольского языка тюркского слова *salkin* в работах [СИГТЯ 2001: 16, 22, 41–42; СИГТЯ 2006: 352, 356, 367; Норманская, Дыбо 2010: 86, 87, 90]. Заимствования явно происходили не в общетюркский, а в разные языки в разное время (ср., напр., як. *salyin* с сохранением начального *s-*). В тюркских языках лексема *салқым* употребляется в следующих значениях: в случаях относительно недавнего контакта с монгольскими языками это виды ветра: уйг. диал. *salqin* ‘прохладный ветер’, тув. *salyin* ‘легкий ветерок’, тоф. *salhyn* ‘освежающий ветерок’, кирг. *salqin* ‘легкий ветерок во время жары’, чагат. *salqin* ‘холодный ветер в жаркий день’, сюг. *salqin* ‘холодный ветер’, алт. *salyin* ‘сильный ветер’ [ЭСТЯ 2003: 195; Дыбо 2013: 203–204]; в случае более старых контактов, в центральных и западных языках, слово приобретает температурное значение (таг. *salqin* ‘прохладный’; и даже башк. *halqin* ‘холод, мороз’). Кроме того,

в части языков (ср.-уйг., ср.-кыпч., туркм., ст.-осм., тур., тур. диал.) слово, вероятно, вследствие рифмовки внутри парного слова, замещает собой общетюрк. *saqim* ‘мираж, марево’ (видимо, через семантику движения воздуха). Самая ранняя встречаемость в тюркских языках — др.-уйг. *salqim* ‘прохлада, холод’ [ДТС 1969: 483] в медицинском тексте (совет выставить продукт на ночь «наружу в прохладное место»); текст не ранее XIII–XIV вв., так что, по-видимому, здесь заимствование среднемонгольского (имперского) периода (хотя, как сказано выше, в среднемонгольских памятниках слово не засвидетельствовано).

3. *KUYi(N) ‘вихрь, смерч’

3.1. Слово может быть восстановлено для прамонгольского состояния [Мудрак 1998–2003].

3.1.2. письм.-монг. *qui* ‘вихрь, смерч’ [Санжеев и др. 2018: 65], *qui* ‘ураган, вихрь’ [Lessing 1960: 982], *qui (salkin)* ‘вихрь’ [Lessing 1960: 665]. Ср. письм.-монг. *küi* ‘порывистый ветер, дующий полосой’ [Санжеев и др. 2016: 146]; *kyi salkin* ‘порыв ветра’ [Lessing 1960: 498];

3.1.3. ср.-монг. *quyin* ‘вихрь’ [МА 1938: 313];

3.1.4. халх. *хүй* ‘смерч, вихрь, сильный вихрь’; *догшин хүй* ‘смерч’, *элсэн хүй* ‘песчаный смерч’, *хүй салхи* ‘сильный вихрь’ [БАМРС 2002: 161], *хий хүй* ‘вихрь, ветер; небольшой смерч’ [БАМРС 2002: 79–80];

Ср. *хүй* ‘порывисто’; *хүй хүй салхи* ‘порывистый ветер’; *хүй хүй салхилна* ‘дует ветер порывисто’ [БАМРС 2002: 182].

Диалектные формы: центр.-халх. *хйē* ‘смерч, вихрь’ *хйē sal’xi* ‘смерч’; *elēsen хйē bolox* ‘дуть (о песчаном вихре)’, *хйē bosox* ‘подниматься (о смерче)’. [Амаржаргал 1988: 109].

3.1.5. бур. *хүй* ‘смерч, вихрь’; *хүй халхин гэнтэ бууба* ‘налетел вихрь’; *доихон элэн хүй* ‘песчаный смерч’, *доихон хүй* ‘смерч’ [БРС 2010б: 463];

Диалектные формы: старо-баргут. *xwai* (< *quy) ‘ветер’ [Афанасьева 2006: 31].

Исторические диалектные формы *Куй*, *Хүй-Салки* ‘вихрь’ (№ 80) [Pallas 1771: 252], ‘буря’: Аделунг: бур. 1 *куи* (по: [Будаев 1992:

195]) ‘вихрь’: селенг. *xui*, хорин. *хои* ‘вихрь’. [Castren 1857: 222].

Ср. *хүй-хүй халхилна* ‘дует ветер порывисто’ [БРС 2010б: 484].

3.1.6. хамн. *хүй* ‘смерч, вихрь’; *хүй салаки* парн. ‘вихрь’ [Дамдинов, Сундуева 2015: 331];

3.1.7. ойр. *хүү (хуи)* ‘вихрь, круговорот’; *хүү сальки татаха* ‘поднять вихрь, взвихрить’ [Тодаева 2001: 418];

Диалектные формы: дерб., дзач., торг., элет., урянх., баят., хотон. *хй̄* ‘смерч, вихрь’ [Цолоо 1988: 473]; *ikī хй̄ bosād šorā šūryū bolwā* ‘поднялся сильный вихрь, и была пыльная буря’.

3.1.8. калм. *ху* ‘смерч, вихрь’, *ху сальки* ‘вихрь, порывистый ветер’, *элсн ху* ‘песчаный смерч’ [КРС 1977: 617], *хй̄* ‘вихрь’, *хй̄ salkn̄* ‘вихрь, буря, порыв ветра’ [Ramstedt 1935: 204].

Исторические диалектные формы: *хуу* ‘вихрь’ [Pallas 1771: 252];

3.1.9. орд. *хуй* ‘вихрь, циклон’ [Mostaert 1968: 364];

3.1.10. шира-юг. *xui* ‘вихрь’ [ШЮПМКС 1984: 52].

3.2. Реконструкция для пра-монгольского основана на наличии слова в западно-среднемонгольском и в шира-югурском. В дагурском языке значение ‘вихрь’ передает лексема *хоргеел хэйн* [КДРС 2014: 186]. Таким образом, если в шира-югурском заимствование из какого-то из языков северной группы, следует считать слово пра-северномонгольским. Переход в передний ряд для калмыцкого закономерен; появление переднерядного варианта (с характеристиками изобразительного слова) в халхасском, бурятском и постклассическом письменномонгольском нерегулярно. В преклассических памятниках заднерядный вариант не встретился нигде, кроме [МА 1938: 313]; *küi* имеется только в значении ‘пуп’ (*ötegen-ü küi-dür* ‘в пупе земли’, памятная надпись о принце Хинду, 1362 г., строка 50 [Tumurtogoo 2006: 32; Cleaves 1949: 92]. Этимология EDAL: Палт. **kijǰu* ‘ветер, воздух’, ПТунг. **kije* ‘вихрь, снежная буря (метель, пурга)’, ПМонг. **kij* ‘вихрь’, ПТюрк. **Кај* ‘1. шаманский дух; 2. горловое пение’, ПЯп. **kijǰu-r-* ‘курить, дымить (дымить

(ся)', ПКор. **küri-* 'быть вонючим, вонючим (вонять, пахнуть)' [EDAL 2003: 685–686]. Японское и корейское сопоставления предполагают глаголообразующую суффиксацию; тюркское сопоставление фонетически затруднено (особенно, если включать в него предполагаемую чувашскую параллель, давшую марийское *хоj* 'Gespräch': начальный дифтонг должен был бы вызвать в чувашском переход **k-* > *j-*).

В тюркских языках заимствование, скорее всего, из западно-среднемонгольского (форма, тождественная приведенной в [МА 1938: 313]): чагат. *qijun*, тат. диал. *qõjõn*, башк. *qõjõn*, башк. диал. *qõjõt*; ног., ккалп., каз. *qijun*; кирг., алт., узб. *qijun*; уйг. диал. *qijun*; хак. *xijun*, шор. *qijun*. Во всех источниках «вихрь»; в отдельных — «буря», «смерч», «ураган», «вьюга, метель», «злой дух» (см.: [СИГТЯ 2001: 43]).

Ученые отмечают, что тюрк. *qijun* монгольского происхождения (см.: [ЭСТЯ 2000: 116–117]). По мнению Л. С. Левитской, «во всех тюркских языках, где оно представлено, — как в некоторых современных, так и в средневековых, — оно носит терминологический характер, оставаясь изолированным словом. В монгольских же языках, помимо того, что оно является общемонгольским — ср., например, старомонг. *qii* [Ковалевский 1846: 852], ойр. *xii* [Krueger 1984: 286], ср.-монг. *qiuun* [МА 1938: 313], монг., бур. *хуй*, калм. *хү* 'вихрь, смерч', — это слово участвует в образовании множества производных от него основ» [ЭСТЯ 2000: 117].

4. *SĪHURGAN 'буран, снежная буря'

4.1. Ср. **siurgan* 'буря' [Nugteren 2011: 494]; также [Санжеев и др. 2018: 112]:

4.1.1. письм.-монг. *siyurqa(n)*, *šiyurqa(n)* 'метель, буря с холодным дождем' (и отыменное производное *siyurqa-la-* 'бушевать (о метели)' [Lessing 1960: 701, 758]; *siyurqaun* 'зимняя метель, вьюга, непогода' [Ковалевский 1846: 1472];

4.1.2. В среднемонгольском и преклассическом письменномонгольском рефлексом не обнаружено;

4.1.3. халх. *шуурга(н)* '1. метель, пурга, буран; буря; ураган; вьюга; 2. ураганный'; *далайн шуурга* 'шторм'; *далайн шуурганд тэсэх* 'штормовать'; *догшин шуурга* 'не-

истовая буря', *салхи шуурга* 'метель, пурга', *цасан шуурга* 'пурга, метель, вьюга', *явган шуурга* 'поземка' (букв. 'идущая метель' [БАМРС 2002: 382];

Диалектные формы: уджумчин. *šōrag* 'метель, пурга, буран, буря' [Kara 1963: 34]; *salqi šōrga* 'пурга', *šōrag šūrax* 'бушевать (о буране)' [Амаржаргал 1988: 159].

Диалекты Внутренней Монголии: хорч., шгол. *шўрга*, *шўраг*; джал., дурб., горл., ару-хорч., бар., уцаб., шанд. *шўраг*; харч., тум., сун., орд. *шўрган* 'метель, пурга, буран, буря' [Тодаева 1981: 265].

Диалектные исторические формы: (№ 81) [Pallas 1771: 255]; 'буря': Аделунг: монг. *шурга* 'буран, пурга', монг. *шурга* (по: [Будаев 1992: 208]).

4.1.4. бур. *шуурган* '1. буря; буран, метель, пурга, вьюга; ураган; 2. ураганный'; *шуурга шамарган* 'буря', *шуурган халхин* 'а) буря; б) (качуг.) ветер без снега'; *халхи шуурган бууба* 'поднялась буря'; *сахан шуурган* 'метель, пурга; вьюга', *ябаган шуурган* 'поземка' (букв. 'идущая метель', *бордоһо шуурган* 'буран', *далайн халхи шуурган* 'шторм', *дошхон халхи шуурган* 'неистовая буря; ураган'; *шуурган хүүенэ шууяна* 'завывает буря', *шорой тооһото халхи шуурган* 'пыльные бури (выдувают верхний слой почвы)', *шуурган халхин мэ-тээр буудаха* 'вести ураганный огонь' [БРС 2010б: 624]; отыменной глагол *шуургалха* 'мести, бушевать (о метели)'.
Диалектная форма: баргут. *šv:rag* [Nugteren 2011: 494];

4.1.5. ойр. *шуурхан* 'метель, буран, пурга'; *бораан шуурхан шуурхалажчи* 'замело-завьюжило'; *шуурхан шуурх* 'мести, вьюжить, бушевать' [Тодаева 2001: 464]; *халзуу шуурхан* 'неистовая метель' [Тодаева 2001: 99], *хара шуурхан* 'сильная метель' (букв. 'черная метель') [Тодаева 2001: 347], *элсен шуурхан* 'песчаная буря' [Тодаева 2001: 473]; отыменной глагол *шуурхалаха* 'мести, вьюжить, бушевать (о метели)' [Тодаева 2001: 464].

Диалектные формы: *kütštā tsasān šūryā šūrūxxā* 'бушевать о сильной метели' [Цололо 1988: 795];

4.1.6. калм. *šūrvən* 'буря со снегом или с дождем, степная непогода'; *šūrvən šūrdžēn*

‘бушует буря’ [Ramstedt 1935: 370]; *шуурһн* ‘метель, буран, пурга’; *шуурһн шуурчана* ‘метель метет’; *шуурһн-боран* ‘непогода’ [KPC 1977: 684].

Диалектные формы: торгут. *šūryun* ‘буран, метель’ [Убушаев 1979: 43].

Историческая диалектная форма: *Churingan* ‘буря’ [Витсен 2010: 369] (описка вместо **Schuringan Ch* у Н. Витсена регулярно используется для обозначения [χ], ср. *Chura* ‘дождь’) [Витсен 2010: 369];

4.1.7. орд. *šūrgan* ‘холодная буря, буря с холодным дождем или со снегом’; *k’ūt’ō šūrgā borōn* ‘холодный дождь с сильным ветром’; *džasutā šūrgan* ‘снежная буря’ [Mostaert 1968: 635];

4.1.8. дагур. *š:rcy* ‘буря’ [Nugteren 2011: 494]; *fo:rgə* [MGCD 1990: 724];

4.1.9. шира-юг. *šūrgan* ‘метель, пурга’ [ШЮПМКС 1984: 126];

4.1.10. монгол. *šūrga* [MGCD 1990: 724].

4.2. Форма представляет собой отглагольное производное с суф. -GAn (отглагольные имена, абстрактные или предмет действия [Poppe 1964: 45, № 149]). Производящая основа, впрочем, может быть прослежена только для северномонгольских языков: поздний письм.-монг. *siyur-* (*шуур-*) ‘разбушеваться о буре’ [Lessing 1960: 701]; у О. М. Ковалевского только квазиомонимичный глагол *siyura-* ‘разорваться, прорваться’; халх. *шуурах* ‘мести, бушевать (о метели); свирепствовать (о ветре)’; диалекты Внутренней Монголии: хорч., джал., дурб., горл., архорч., бар., шгол., уцаб., чах., орд. *шūr-* ‘тж.’ [Тодаева 1981: 265]; бур. *шуураха* ‘ломаться (о льде)’ (скорее, к омонимичному глаголу *шуур-* ‘рваться (о ткани, бумаге)’) [BPC 2010б: 624]; ойр. *шуурха* ‘мести, вьюжить, бушевать’ [Тодаева 2001: 464], ойр. диал. *šūrīxxā* (дерб., дзахчин., торг., элет., урянх., баят., хотон.) ‘свирепствовать, мести, бушевать (о метели)’ [Цолоо 1988: 795]; калм. *шуур-* ‘бушевать о буре’, *šūrхв* ‘бушевать, раздражаться (о буре)’ [Ramstedt 1935: 370]; ордос. *šūr-* ‘подниматься (о буре)’, *šūrgā šūrtš’i wān* ‘поднялась холодная буря’; *χūraqār šūrtš’i wān* ‘поднялась холодная буря без снега’ [Mostaert 1968: 635]; дагур. *шуаагыгу* ‘вить, завывать, гудеть (о ветре)’, *шуаар* ‘звукоподр. шуму ветра’. *шуур* ‘звуч-

коподр. шуму ветра, грохоту едущей повозки’ [КДРС 2014: 220, 221]. Ср: [Санжеев и др. 2018: 112] (халх., калм.). Тем не менее в такой ситуации кажется странной попытка объяснить выделяемый корень **šiyur-* как заимствование из тюркских языков звукоподражательной основы **siḱir-* ‘свистеть’ [ЭСТЯ 2003: 412–415; Clauson 1972: 815], предпринятая в [Рассадин 2019: 604–605].

Алтайская этимология EDAL: Палт. **sigi* ‘метель, дождь, туман’: ПМонг. **siyur-* ‘бушевать (о метели)’, **siyur-ga* ‘метель’, ПТунг. **sig-* ‘туман, мгла; туман густой; осень’; ПЯп. **sinkúrai* ‘осенний моросящий дождь’ [JLTT 1987: 523; EDAL 2003: 1242]. Уточнение тунгусо-маньчжурского сопоставления см. в [Дыбо 2013: 201–202]. Возможным тюркским сопоставлением может быть огузо-кыпчакское **sir-* ‘дуть, мести (о ветре со снегом)’ (если < **sijir-* < **sigir-*) [ЭСТЯ 2003: 445].

4.3. Вероятно, заимствованы из монгольских языков тат., маньчж. *surga-*; эвенк. *sigir* ‘дождь с ветром’.

5. *BORUHAN ‘буря со снегом или дождём’

5.1. Этимология разобрана Г. Дёрфером в [TMN 1963: 219–221]. На основании ранних употреблений, а также значений заимствований этого слова в классических персидских памятниках и в тюркских языках Г. Дёрфер реконструирует для прамонгольского значение ‘снежная буря’. В [Грунтов, Мазо 2015: 236] слово рассматривается как одно из основных обозначений дождя. Значение «дождь» реконструируется и в [Nugteren 2011: 285] (**boraan*). Насколько можно судить, представлены следующие формы и значения (использована цитированная работа [Грунтов, Мазо 2015: 236]).

5.1.1. письм.-монг. *boroḡa(n)* [Lessing 1960: 121] ‘дождь’; [Ковалевский 1846: 1214]; в преклассических памятниках не встречено;

5.1.2. ср.-монг. в «Сокровенном сказании» *boro’an*, *boro’on*, *boroqan* ‘снежная буря’ [Haenisch 1939: 19] (противопоставляется *xura* ‘дождь’); арабо-монгольский словарь XIV в. *borauḡn* [x’w n lire br’wn] «tourbillon, rafale de neige» [Ligeti, Kara 2012: 142];

5.1.3. халх. *бороо(н)* — основное «сводешовское» слово для обозначения «дождя»; качества дождя выражаются различными эпитетами. Ср., однако, употребление в пословице: *үг сөрвөл хэрүүл, үүл сөрвөл бороо* ‘если противоречить кому-л., то будет ссора, если туча идет против ветра, то будет буря’ [БАМРС 2001a: 266].

Диалектные формы: центр.-халх. *бороо* ‘дождь’ [Амаржаргал 1988: 77].

Диалекты Внутренней Монголии: хорч., джал., дурб., горл., архорч., бар., онн., найм., харч., тум., шгол. уцаб. *борō*; чох., орд. *борōн* ‘дождь’; отыменной глагол хорч., джал., дурб. *борōши-*; архорч., бар., орд. *борōло-* ‘становиться дождливой о погоде, падать о дожде’ [Тодаева 1981: 124].

Исторические диалектные формы: Миллер: монг. *кейбороо* ‘буря’, *бороо* ‘дождь’, Паллас: монг. *кейбараан* ‘буря’, *борō* ‘дождь’, Аделунг: монг. *кейборо* ‘буря’, монг. *бороо* ‘дождь’ (по: [Будаев 1992: 194, 195]);

5.1.4. бур. *бороо* ‘дождь, дождик’; *бороо хура*, *хура бороо парн.* ‘дождь, дождик’; *бороо нойтон парн.* ‘дожди; ненастье’; *бороон* ‘дождь, дождик’ [БРС 2001a: 196–197].

Бурятские диалектные формы: агин. *бороон* ‘дождь, дождик’, эхирит. ‘затяжной дождь, ненастье’; *бороо-до-һон эхир.* ‘вьюга, метель’ [БРС 2010a: 196–197]; ново-баргут. *borō*; старо-баргут. *borō* ‘дождь’; старо-баргут *xur borō* ‘сильный ливень’, *xur* отдельно не употребляется [Афанасьева 2006: 10, 22, 107, 113]; олг. *borō*; эхирит-булаг. (бохан.) *хурл* ‘дождь’, хорин., эхирит-булаг. (закам.) *b^wэрс:η*, цонг.-сарт., эхирит-булаг. (эхирит-булагат.) *b^wэрс:* ‘дождь’ [ПМ 2019].

Бур. исторические формы *borōddohung* ‘Wind’ [Messerschmidt, II 1964: 183] (15 декабря 1723 г., долина у истока ручья Ишин, примерно кударинск. (тождественно совр. эхирит. *бороддоһон* ‘вьюга, метель’); буря *borōgon* [Clark 1976: 65]; Аделунг: *борогон*, *борогодон* ‘буря’, Миллер: *борогон* ‘буря’ (по: [Будаев 1992: 195]), *борогон* ‘буря’ (№ 81) [Pallas 1771: 255]. У Кастрена: хорин. *borō* ‘дождь’, селенг. *boro*, *boro хури* ‘дождь’; *kibaraη* нижеудинск. ‘север’, хорин. ‘дождливая погода’ [Castren 1857: 113; 208], композит **kei + *boragan* (бур. письм. *boroγon*) (отмечено также в словаре И. Ро-

дионова как *хии бараан* ‘нехорошая погода, балаганское наречие’ [Будаев 1992: 152];

5.1.5. хамн. *бороо(н)* ‘дождь’; *бороо хура* ‘дождь’; *борооной усу тодчи аба* ‘надо собрать дождевую воду’; отыменной глагол *борооджиху* ‘часто идти — о дожде; моросить’ [Дамдинов, Сундуева 2015: 65];

5.1.6. ойр. *бораан* ‘ненастье, непогода, дождливая погода’; отыменные глаголы *бораа-та-*, *бораа-ла-*, *бораа-ши-* ‘наступать о непогоде’ [Тодаева 2001: 72].

Диалектные формы: *borāη* ‘дождь’ (дерб., элет., урянх.) (но торгут. и дзахч. *хура* ‘дождь’) [Цолоо 1988: 110]. Хош. *borō* ‘несколько более слабый дождь, чем *xur*’ [Грунтов, Мазо 2015: 236];

5.1.7. калм. *боран* ‘ненастье, непогода, дождь’; *borān* ‘непогода, буря с дождем или снегом; дождливая погода’ [Ramstedt 1935: 51].

Калм. диал. торг. *borān* ‘метель’ [Убушаев 2006: 112], *хурл* ‘дождь’, *mændər* ‘дождь’; *хурл* ‘дождь’, дерб. *хур* ‘дождь’ [ПМ 2023];

5.1.8. орд. *borōn* ‘дождь’, отыменной глагол *borō-la-* ‘идти о дожде’ [Mostaert 1968: 81];

5.1.9. шира-юг. *bərs:n* ‘осадки, дождь или снег’ [Nugteren 2011: 285], *boro:n* ‘дождь’ [Kuribayashi 1987: 13];

5.1.10. монгор. (хуцзу) *burōn* ‘слабый продолжительный дождь, дождливая погода’ [SM 1933: 36];

5.1.11. баоан. *bora [asxajī]* [Потанин 1893: 413] ‘дождь брызжет’ (У Б. Х. Тодаевой как ‘дождь’ в баоанском приведено *бура*, *бура* [Тодаева 1964: 138]; рефлексов **boruhan* не обнаружено; в [Fried 2010: 282] единственное упоминание о дожде — глагол *orə* ‘to rain’);

5.1.12. могол. *boron* [W 1972: 161] ‘дождь’ (возможно, обратное заимствование из перс. *bārān*, см. [Ligeti 1974: 302]);

5.2. Мы, вслед за Г. Дёрфером, реконструируем значение ‘буря с дождем’, тем более, что для прамонгольского может быть восстановлено другое слово с основным значением ‘дождь’, **kura* (см. [Грунтов, Мазо 2015: 236]). Слово формально может быть отглагольным именем на -GAn (отглагольные имена, абстрактные или предмет действия [Poppe 1964: 45, № 149]). Но производящая основа в монгольских языках

не обнаруживается. Отмеченная в EDAL и [Санжеев и др. 2016: 117] основа *burga-*: бур. *бурга-*, халх. *burga-* ‘падать, порошок (о снеге)’, халх. *burgana-* ‘падать, идти (о снеге при ветре)’ явно принадлежит к другому корню: Палт. **bõru* ‘пыль; дым, вихрь’, ПМонг. **burgi-* ‘подниматься, клубиться’, письм.-монг. *burgi-(ra-)* [Lessing 1960: 138], *bürgi-ni-*, ср.-монг. *burqalix* ‘whirlwind’ [Haenisch 1939], халх. *burgi-*, бур. *burja-*, *borjol-* (цонгол), калм. *bürgn-*, *bürgән-* [Ramstedt 1935: 68], орд. *burgila-*, *burgi-*, монгол. *pužirā-* [SM 1933: 306], связанному с ПТМ. **bure-ki-n* ‘пыль, пороша’, ПКор. **pãrã-m* ‘ветер’ [EDAL 2003: 375].

Возможная алтайская этимология [EDAL 2003: 1105]: Палт. **põru* ‘идти о снеге, дожде’: ПТМ. **pur-* ‘моросить (о дожде), выпадать (о первом снеге)’: ОТюрк. **bora-* ‘обильно падать (о снеге)’: ПЯп. **pür-* ‘идти (о дожде, снеге)’: ПКор. **pora* ‘снежная буря’ (слово встречено только в совр. корейском и в принципе может быть средневековым монголизмом). Ср. также [Sinor 1977];

5.3. Заимствования из монгольских языков в тюркские, тунгусо-маньчжурские, иранские и др. см. в [TMN 1963: 219–221].

6. *SERIHÜN ‘прохлада; прохладный’; эпитет к ‘ветру’

6.1. Слово реконструируется для прамонгольского состояния, ср. **seriün* ‘прохладный’ [Nugteren 2011: 487]. Само по себе оно, возможно, первоначально не относилось к погодным терминам, ср. ниже среднемонгольское употребление.

6.1.2. письм.-монг. *seregün* ‘прохладный, прохладительный, свежий’ [Ковалевский 1846: 1370]; *seregün salkin* ‘легкий ветерок’ [Ковалевский 1846: 1372];

6.1.3. ср.-монг.: Сокровенное сказание (265) — отыменной глагол *seri’ut-* [Haenisch 1939: 134] ‘охладиться (о коже)’ (имеется в виду выздоровление от лихорадки). Хуа-и и-юй *seri’ün*, *seri’ün* ‘бодрствующий’ [MA 1938: 320]; *serigün (seri’un)* [Kara 2009: 258];

6.1.4. халх. *сэрүүн* ‘прохладный, свежий, освежающий; прохладно, свежо’ [БАМРС 2001в: 161];

Диалекты Внутренней Монголии: хорч., архорч., бар., харч., тум., шгол., уцаб., чах., орд. *серүүн*; джал., дурб. *терүүн* ‘прохлад-

ный’; отыменной глагол хорч., горл. *серүүи-*, джал., дурб. *терүүи-*, архорч., бар., орд. *серүүчи-* ‘освежаться, охлаждаться; проветриваться’ [Тодаева 1981: 197].

6.1.5. бур. *хэрюун* ‘прохладный, свежий; прохлада, свежесть; неспящий, бодрствующий’; *хэрюун гэр* ‘прохладное помещение’; *хэрюу орохо* ‘наступать (о прохладе, свежеть)’; *хэрюухэнээр хэбишээлхэ* ‘веять легкой прохладой’ [БРС 2010б : 587];

6.1.6. ойр. *серүүн* ‘прохлада, свежесть; прохладный, свежий; прохладно, свежо; отыменной глагол *серүүцехе* ‘освежиться, проветриваться’ [Тодаева 2001: 295]; *серүүн салькин* ‘прохладный ветер’ [Тодаева 2001: 285];

6.1.7. калм. *серүн* ‘прохлада, свежесть; прохладный, свежий’; *серүн орх* ‘стало прохладно’; *серүн өрүн* ‘прохладное утро’; отыменной глагол *серүүцх* ‘освежаться, охлаждаться; проветриваться’ [КРС 1977: 451];

Диалектные формы: торг. *seriün* ‘свежий, прохладный’ [Убушаев 1979: 124].

Исторические диалектные формы: *серринь* ‘воздух’ [Паллас 1787: 348]

6.1.8. орд. *сэрүн* ‘прохлада, свежесть; прохладный, свежий’ [Тодаева 1981: 197];

6.1.9. дагур. *seriŋ (сэрүн)* ‘прохлада, свежесть’ [Поппе 1930: 90; Тодаева 1986: 163]; *səru:n* ‘прохладный’, отыменной глагол *səru:ŋe* ‘наслаждаться прохладой’ [Эньхэбаты 1983: 219];

6.1.10. шира-юг. *sürün* ‘прохладный’; *sürüide* ‘наслаждаться прохладой’ [ШЮПМКС 1984: 103];

6.1.11. монгол. *sarin (сарин)* ‘прохладный, свежий’; отыменной глагол *sarinlie(-sarinlie-)* ‘стать прохладным, свежим’ [SM 1933: 328–329; Тодаева 1973: 357]; *sarəŋ* ‘прохладный’ [MD 1985: 133];

6.2. Слово — формально отглагольное производное (суф. -GUn, образующий от глаголов названия качеств или абстрактные имена [Poppe 1964: 46, № 154]). Н. Н. Поппе считает его производным от глагола **seri-* ‘пробуждаться’; в таком случае производящий глагол также реконструируется для прамонгольского состояния: **seri-* ‘пробуждаться’ ~ **sere-* ‘чувствовать’ [Nugteren 2011: 486]. Однако в северно-монгольских

языках мы находим некоторое количество глаголов, в частности, видимо, непроизводных, с корнем, подходящим для предположения о производности рассматриваемого слова от него, и с «погодной» семантикой:

**seri-*: халх. *сэрэх* ‘слегка дуть, веять (о лёгком ветерке)’ [БАМРС 2001в: 162]; калм. *сер-* ‘слегка продувать; быть прохладным (в жаркое время года), освежающим (о воздухе)’ (= элетское *ser-* (редко) [Ramstedt 1935: 325]). См. [Санжеев и др. 2018: 103], там же примечание: «Не смешивать с глаголом *сере-* (‘пробуждаться’. – А. Д.), невзирая на явления конвергенции и разные случаи фонетического развития» [Санжеев и др. 2018: 103].

Очевидно, от этого глагола образовано общесеверомонгольское изобразительное слово: халх. *сэр*: *сэр сэр* ‘выражает дуновение ветра’; *сэр сэр салхи* ‘легкий ветерок’; *сэр сэр салхилах* ‘легкое дуновение ветерка; веять (о ветерке)’ [БАМРС 2001в: 158]; бур. *хэр*: *хэр-хэр халхилна* ‘слегка веет ветерок, слегка дует’ [БРС 2010б : 586]; ойр. *сер-сер салькилаха* ‘слегка веять, дуть (о ветре)’ [Тодаева 2001: 294]; калм. *сер-сер* ‘слабое дуновение (ветра)’; *сер-сер гихэд салькн көдлжэнэ* ‘ветер дует слабо’ [КРС 1977: 451]; орд. *ser ser* ономат. идея свежести, прерывистого дождя [Mostaert 1968: 573]. Ср. также в дунсянском *sir sir* (ономат.) ‘шипение, слабый и холодный ветер’ [Ма Гочжун, Чэнь Юаньлун 2001: 404].

**seri-ge-* (каузатив к предыдущему): только бур. *хэрве-* ‘продувать, обдавать холодком’ (в [Санжеев и др. 2018: 103] опечатка *хэрве-*).

**seri-ji-gine-*: халх. *сэржигэнэ-*, калм. *сержңи-* ‘дуть прохладой; развеиваться по ветру’; бур. *хэршигэнэ-* ‘дрожать, трепетать, шелестеть (от холода, ветра)’ [Санжеев и др. 2018: 103]; орд. *serDžigine-* ‘веять (о слабом ветре)’ [Mostaert 1968: 574].

**ser-kire-*: калм. *серкхэ, серкхэ* ‘веять прохладой (о ветре)’ [Ramstedt 1935: 326]; орд. *серкхере-* ‘веять о слабом свежем ветре’ [Mostaert 1968: 575].

Учитывая, что самая ранняя встречаемость (Сокравенном сказании) стандартного производного от рассматриваемого слова означает ‘стать прохладным’ в смыс-

ле ‘излечиться от лихорадки’, можно было бы предположить, что глагольный корень погодной семантики либо является в новых монгольских языках вторичным образованием, либо, по крайней мере, претерпел позднейшее семантическое влияние отглагольного имени. Для принятия окончательного решения необходимы дополнительные материалы [Haenisch 1939: 134].

Этимология EDAL: Палт. **sari-* ‘простужаться, замерзнуть’, ПМонг. **ser-* ‘прохладный, свежий’, ПТюрк. **sArak / *sArk-* ‘1. неметь, цепенеть; 2. иней; 3. холодный ветер’; монг. **seriyün* ‘прохлада’ > *evk. serun*, *man. serguwen* etc. (см.: [Doerfer 1985: 119; Rozycki 1994: 178]); > *turk. serin*, ПТюрк. *seröviün* etc. (см.: [EDAL 2003: 1219; СИГТЯ 2001: 16; ЭСТЯ 2003: 17]).

6.3. Параллели в тюркских языках: турк., тур., гаг. *серин* / аз. *сарин* / тат. диал. *сарин* / турк. *сергин* / аб. *серен* / леб., шор. *саран* / кюэр. *саряун* / кирг., алт. *серү:н* и др. ‘прохладный’ почти во всех источниках [ЭСТЯ 2003: 261]. Как предполагается в [Норманская, Дыбо 2010: 88], это, вероятно, послеимперское монгольское заимствование в разделенные тюркские языки.

Следующие названия ветра восстанавливаются только для пра-северномонгольского состояния.

7. *KABSUR-GA ‘сухой ветер, суховой’

7.1. Ср. **kabsar-ga* ‘холодный ветер, пурга’ [Мудрак 1998–2003]; *qabsarya* (*qabsarya*): халх. *хавсрага* ‘холодный пронизывающий ветер’; бур. *хавсаргаан* ‘мороз со снежной метелью’ [Санжеев и др. 2018: 15].

7.1.1. письм.-монг. *qabsurya-a* ‘пронизывающий холодный ветер’; *qabsurya-a talbixu* ‘наступление холодной и ветреной погоды’; *qabur un qabsurya-a* ‘холодная ветренная весенняя погода’; отыменной глагол *qabsurya-da-* ‘страдать от холодной непогоды’ [Lessing 1960: 899] (у О. М. Ковалевского (758–759) только *qabsurya* ‘соединение’ от *qabsur-* ‘соединять’) [Ковалевский 1846: 757–759].

7.1.2. халх. *хавсрага* ‘холодный’; *хавсрага тавих* ‘подниматься (о сухом ветре с пылью)’ [БАМРС 2001в: 173]; *хавсарга* ‘сухой ветер с пылью, холодный пронизывающий ветер, суховой’; *салхи хавсарга* ‘ветер; хав-

рын хавсарга ‘весенняя ветреная погода’; шуурга хавсарга ‘сухой ветер, сухая буря’; хавсарга тавих ‘ненастье, наступление холодной ветреной погоды, поднимается суховей’ [БАМРС 2002: 5].

7.1.3. бур. хабсаргаан ‘мороз со снежной метелью’; үбэлэй хабсаргаан хүйтэн тунк. ‘самые сильные морозы’ [БРС 2010б: 372];

7.1.4. калм. хавсрһа высок. ‘вихрь’; цасна хавсрһа ‘снежный вихрь’ хавсрһа ‘порывистый’; хавсрһа салькн ‘порывистый ветер’ [КРС 1977: 562]. В [Ramstedt 1935] нет.

7.2. Слово представляет собой отглагольное производное на *-GAn* (результат или имя действия). Действительно, в северомонгольских языках имеем: письм.-монг. *qabsur-* ‘дуть (о пронизывающем холодном ветре)’ [Lessing 1960: 899], халх. *хавсар-дуть* (о сухом, холодном, пронизывающем ветре), ср. QABSAR- [*qab-sa-r-?] [Санжеев и др. 2018: 15]. Этимология EDAL: ПМонг. **kabsara-* ‘1. дуть (о холодном ветре); 2. холодный ветер, пурга’: ПТюрк. **Kasirku* ‘whirlwind – вихрь; ПЯп. **kánsá-i* ‘wind (ветер)’ [EDAL 2003: 642]. В монгольской этимологии, однако, смущают слабая представленность и глагола, и имени по языкам и диалектам, и помета «высок.» в современном калмыцком словаре, а также абсолютная омонимия со значительно лучше представленным глаголом **kabsur-* ‘соединять, складывать; помогать’, предположительно, заимствованным из др.-уйг. *qavšur-* «тж.» [Санжеев и др. 2018: 15] (ср. центр.-монг. *hawsar-*; дариганга *gawsar-* [Амаржаргал 1988: 606], орд. *gawsur-* [Mostaert 1968: 282]), и образованным от него именем **kabsur-ga* ‘соединение; помощь’. Семантическую связь здесь могло бы обеспечивать отмеченное у О. М. Ковалевского употребление *Buda Anurada büütüküi qabsurya-yin edür* ‘день соединения планеты Будха (Меркурия) и созвездия Анурадха (β, δ и π Скорпиона)’ [Ковалевский 1846: 758]; соответствующее астрономическое событие падает на начало ноября, для которого такая погода в Монголии характерна.

7.3. Возможно, из монгольского заимствовано кирг. *капсалан* ‘обильный снегопад и буран’ [Санжеев и др. 2018: 15].

8. *ЇВАР ‘прохлада, свежесть; ветер’

8.1. См. *jibar* [Санжеев и др. 2016: 70]:

8.1.1. письм.-монг. *jibar ködelügsen čay* ‘время заморозков’ [Голстунски, 3 1993: 354; Голстунский 1896:76] слова нет у F. D Лессинга и О. М. Ковалевского.

8.1.2. халх. *жавар* 1) ‘ветер-верховик (не сильный, но резкий и очень холодный ветер, дующий с верховьев пади); хиус; холодный ветер; холодок’; *жавар нүүр хайрна* ‘ветер леденит лицо’; *жавар салхи* ‘холодный ветер’; *жавар үлээх / жавар хөдлөх* ‘потянуть холодком; 2) ‘мороз, холод; хлад’; *өглөөний жавар* ‘утренний мороз, утренник (о ветре)’; *ташуур (уурга) алдам жавар* ‘трескучий мороз; пронизывающий холод, собачий холод (букв. такой холод, что можно упустить из рук кнут (укрюк)’; *жавар орох* ‘подмораживать’; 3) ‘стужа, стынь’; *өвлийн жавар* ‘зимняя стужа’; 4) ‘прохлада, свежесть, свежее дуновение [БАМРС 2001б: 152]; отыменной глагол *жавар-ла-* ‘дуть о ветре-верховике’.

Диалектные формы: [Амаржаргал 1988: 121] *džiäwar* (Гобийский Алтай, Сартуул, Баянхонгор) ‘жавар: ветер-верховик (не сильный, но резкий и очень холодный ветер, дующий с верховьев пади)’; *xondin džiäwar* ‘ветер из долины’; *yadā džiäwartā bāēna* ‘снаружи ветрено’;

формы внутренне-монгольских диалектов по [Тодаева 1981: 149]: хорч., джал., дурб., горл., архорч., бар., онн., найм., тум. *джабар*; хеш., харч. *джибар*; шгол., уцаб. *джавар*; чахар., орд. *дживар*; имеются и рефлексы отыменного глагола **jibar-la-* ‘дуть о ветре-верховике’.

8.1.3. бур. *жабар* 1) ‘жабар, хиус обл., ветер-верховик (не сильный, но резкий и очень холодный ветер, обычно дующий с верховьев пади)’; *жабар нюур хайрана* ‘ветер-верховик леденит лицо’; 2) ‘мороз, холод’; *үглөөнэй жабар* ‘утренний мороз, утренник (о ветре)’; *жабар ороо* ‘подморозило’; 3) перен. ‘свежесть, прохлада’ [БРС 2010а: 347]; кударинск. *јабар* ‘хиус’, ветер-верховик’ [Митрошкина, Семенова 2004: 38]; производный глагол *жабарлаха* ‘дуть (о ветре)’ [БРС 2010а: 347].

Исторические диалектные формы: Wind: тунк. *žabar*, селенг. *žabar* [Castren 1857: 222].

8.1.4. ойр. *жживер* (*жжибер*) ‘холодный ветер-верховик’; *серүүн жживер* ‘прохладный верховой ветер’ [Тодаева 2001: 141].

Диалектные формы: *džiwiŕ* (дерб., баят., хотон.), *žiwiŕ* (дзахч., торгут., элет., урянх.) 1. ветер; *džiwiŕ salkan* ‘холодный ветер’; 2. стужа, холод; *kitiŕ žiwiŕ* ‘холодный ветер’; 3. свежесть, прохлада; *asxānā džiwiŕ* ‘вечерняя роса’; *džiwiŕ nebtrēxxguā kerēm gidži bādguā* ‘нет стены [крепостной стены] непроницаемой для ветра’ [Цолоо 1988: 220];

8.1.5. калм. *жживер* редко ‘свежесть, прохлада; *хаврин жживер серүн* ‘весенняя прохлада’ [КРС 1977: 225]. *džiwiŕ* ‘свежая прохлада, свежий; свежий утренний ветер (недостовверно, вероятно *džawŕ*)’; = *džawŕ* (с пометой ‘недостовверно, элетское’) [Ramstedt 1935: 108, 114];

8.1.6. орд. *Džiwar* ‘холод, сопровождаемый ветром; холод вообще’, *Džiwar-la-* ‘быть холодно’, *Džiwar-tā* ‘холодный и ветренный; холодный’ [Mostaert 1968: 205].

8.2. Слово вполне может быть восстановлено как прасеверомонгольское, но дальнейшая этимология затруднена. В принципе может быть первоначально было заимствование из тюркского языка кыпчакской группы рефлекса пратюркского слова **jīpar* ‘аромат; мускус’ [ЭСТЯ 1989: 284; TMN 1965: 2–3]. Возможность развития значения ‘аромат’ > ‘свежесть’ поддерживается названием эдельвейса (цветка с травянистым запахом): тур. диал. *yīpar*, венг. (< дун.-булг.) *gyopár*; ср. также класс. перс. *īpar* ‘тимьян, майоран’. В базах данных семантических переходов переход не отмечен, но, по данным CLICS, оба концепта, FRESH и FRAGRANT, имеют общий частотный коллексификат SWEET, а FRESH также частотно коллексифицируется с COLD и WIND. См. также [Räsänen 1969: 201], где алт. *jubar* ‘лёгкий ветерок’ отнесено к рефлексам ПТюрк. **jīpar* ‘аромат; мускус’;

8.3. В. И. Рассадин отмечает заимствование данной лексемы в диалекты алтайского языка: «*жыбар* ‘тихий ветер’: туб. *дыбар* ‘душной запах’ (но это, скорее, по семантике рефлекс тюрк. **jīpar*: — А. Д.), алт. *дыбар* ‘тихий ветер’, теленг. *дыбар* ‘ветер, дующий с боковых гор’, телеут. *дыбар* ‘легкий, летний ветер’» [Рассадин 2019: 161]; судя по

семантике, скорее ойратское заимствование. Г. Й. Рамстедт отмечает чагат. *čibar* ‘мокрая погода’ — также монголизм;

9. JÜSE ‘сильный, внезапный ветер; продолжительный дождь’

9.1.1. письм.-монг. *jüse* ‘сильный, внезапный ветер’ [Санжеев и др. 2016: 96]; *jüse*, *jüsün* ‘наводнение, разлив воды, дождь’ [Ковалевский 1849: 2412], *züse(n)* ‘наводнение, продолжительный или сильный дождь’, *züse(n) boruŕa* ‘ливень’ [Lessing 1960: 1085].

9.1.2 халх. *зүс бороо* ‘продолжительный дождь’ [БАМРС 20016: 248];

9.1.3. бур. исторические диалектные формы селенг. *зүс*. ‘слабый дождь’ [Castren 1857: 208]

9.1.4. калм. *зүс* ‘дождливый ветер’ [Санжеев и др. 2016: 96]; *züsⁱⁱ* ‘дождливая погода, дождливое время’ (редко — в элетском); *züsⁱⁱ хур* ‘продолжительная дождливая погода, летние дожди’ [Ramstedt 1935: 484].

9.2. По-видимому, значение ветра укавано в [Санжеев и др. 2016: 96] ошибочно? Оно не засвидетельствовано в доступных письменно-монгольских источниках. Калм. значение ‘дождливый ветер’ [Санжеев и др. 2016: 96] появилось едва ли не в результате контаминации рус. *ветер* и нем. *Wetter* ‘погода’ в [Ramstedt 1935]; все идиомы дают устойчиво ‘продолжительный дождь’, так что слово не относится к концепту ветра.

9.3. Монг. слово заимствовано в тел. *jüzā* ‘непрерывный (летний дождь)’ [Ramstedt 1935: 484].

10. *SIMARGA ‘метель с мокрым снегом’

10.1. SIMARҮА [**sima-ɣa*] [Санжеев и др. 2018: 115]: халх. *шамрага* ‘весенняя метель’; бур. *шамарган* ‘весенний снег’; калм. *шамph* ‘мокрый снег’.

10.1.1. письм.-монг. *simarya* [Lessing 1960: 709], *šamaray* [Lessing 1960: 751] ‘снежный занос; мокрый снег’. Прекласс. монг. *šimarya* [Tumurtogoo 2006: 562] (Bur. 39a, XIV в.); контекст «Монгольская версия «12 деяний Будды Шакьямуни»): *Naran-a čilge:gdebe:sü ber kei-e keyi:skegdebe:sü ber šimary-a qur-a-da širbigdebe:sü ber šimuyu:l sona-da idegdebe:sü ber nemüri dalda ülü eriküi-e:če yar-ıya:n daldalaysan ber ügei*. ‘Хоть и солнце его испепеляло, воздух ис-

сушивал, ужасный ураган [вперемешку] с дождем [мокрым снегом] изводил, черви и нечисть его искусывали, несмотря ни на что, он не пошевелил рукой...'

10.1.2. халх. *шамарга*, *шамрага* 'метель (весною), мокрый снег, мокрые хлопья снега' [БАМРС 2002: 338]. Отыменные глаголы: *шамаргала*- 'идти (о мокром снеге), мети (о снеге, метели)'; *шамрагда*- 'бушевать (о метели)'

Диалектные формы: *šamiryа* (центр.-халх.), *šimirig* (уджумчин.), метель (весною) [Амаржаргал 1988: 298]; *tsasān šamiryа* 'снежная метель'; *nōēton šimirig* 'мокрая метель'; [Kara 1963: 33];

10.1.3. Ойратское диалектное слово *šamrāyān* (дерб., дзахчин., торгут., элет., урянх., баят., хотон.) метель /весною /; *tsasān šamrāyān bolūw* 'была снежная метель'; [Цолоо 1988: 769];

10.1.4. калм. *шамрһн* 'снег весною' [КРС]; *šamrūv* (элет.) 'мокрый снег' [Ramstedt 1935: 348];

10.1.5. бур. *шамарган* '1) снег весной; метель'; *саһа шамарган* 'весенний снег'; 2) парн. к *шуурган* [БРС 2010б: 603];

10.1.6. орд. *šimarga* (Джазак), *šimarḡaq* 'мелкий град; мокрая снежная крупа', отыменные глаголы *šimargala*-, *šimarḡagla*- 'идти о мелком граде, крупе' [Mostaert 1968: 617].

10.2. Слово выглядит как отглагольное производное на -rgA (ср. [Санжеев и др., 2018: 115] или -GA. Основу, выглядящую как производящий глагол, находим только в халх.: *шамрах II* 'бушевать (о метели)' [БАМРС 2002: 344]. Все же можно попытаться — связать слово с корнем производного глагола, восстанавливаемого для прамонгольского: **sim-ta-ra*- (отглагольные аффиксы -tA- Pass. и -rA- Med. [Poppe 1964: 62, 64]) 'становиться слабым, тупым' в центральных языках и 'размягчаться, таять' в широнгольских [Nugteren 2011: 490–491], ср. также МА *šim-ta*- 'таять' [Nugteren 2011: 490–491]. Внешняя этимология EDAL: Палт. **siḡmī* 'мокрый снег, иней', тунг. > эвенк. **sumu* 'мокрый снег, дождь со снегом', ПЯп. **simə* 'иней, холодный дождь'; сопоставление, по крайней мере, заслуживает внимания.

11. SEBSIHEN 'свежий, легкий ветерок'

11.1. Ср. SEBSIYEN (**seb²-si-yen*): халх. *сэвиээ*, бур. *һэбиээн* 'свежий, легкий ветерок' [Санжеев и др. 2018: 96]

11.1.1. письм.-монг. *sebsiyen* 'легкий ветерок' [Санжеев и др. 2018: 96]; у О. М. Ковалевского нет; у Ф. Д. Лессинга отыменной глагол *sebsiye-le-* (*сэвиээ-лэ-*) 'дуть о легком ветерке' [Lessing 1960: 679]. Ср. также [Голстунский 1894: доп. 30] *sabsijaqu*, *sabsiqu* 'дуть, колыхаться (ветер)'

11.1.2. халх. *сэвиээ салхи* 'свежий ветерок; легкий ветер; зефир'; *үүрийн сэвиээ салхи сэвэлзэв* 'потянул предраассветный ветерок' [БАМРС 2001в: 151]; отыменной глагол *сэвиээлэ-* 'дуть о легком ветре'

11.1.3. бур. *һэбиээн* 1) 'свежий ветерок, легкий ветер'; *һэбиээ һалхигүй* 'безветренный'; *үүрэй һэбиээн һэбиээлбэ* 'потянул предраассветный ветерок'; *үдэшийн һэбиээн буугаа* 'подул вечерний ветерок'; 2) 'дуновение, веяние'; *һулахан һэбиээн* 'легкий ветер, бриз'; *агаарай һэбиээн* 'ток воздуха' [БРС 2010б: 581].

11.1.4. калм. отыменной глагол: *сэвиш* 1) 'веять, дуть (о легком ветре)'; *намрин хоңһр салькн сэвишэд сальклэж бээнэ* 'тихо веет лёгкий осенний ветерок'; 'просыхать' [КРС 1977: 446].

11.2. Слово *seb-si-yen* - отглагольное имя на -hAn от основы на -si-, производной от сев.-монг. глагола **sebe-* 'махать, обдывать ветром'¹: письм.-монг. *sebe-*, *sebi-* 'махать' [Ковалевский 1846: 1344; Lessing 1960: 679; Голстунский 1894: 322], халх. *сэв-* 'махать; обдывать ветром, остужать' [БАМРС 2001в: 151], ойр. *сэвхе* 'махать' [Тодаева 2001: 291], калм. *sewi-* 'обмахивать', *sew_l-* 'проветривать' [Ramstedt 1935: 327], орд. *sewe-* 'веять; проветривать, просушивать' [Mostaert 1968: 577]. Ср. **sebe-* 'дуть (о легком ветре); вы-

¹ В грамматиках говорится только об отыменном глаголообразовании на *-si-, например в [Poppe 1964: 65]. Но ср., например, аналогичное отглагольное образование *egsi-* (← *ege²-si-*): халх., калм. *эги-* 'сохнуть, высохнуть'; бур. *эгшэ-* 'остывать, сохнуть (о потных животных)' [Санжеев и др. 2015: 209] при *ege²-*, *egege-*, халх., калм. *ээ-*, бао. *һэ-*, монгол. *хэ-* 'жечь, греть; согреваться (на огне, солнце)' [Санжеев и др. 2015: 207].

носить на ветер (для охлаждения, просушки) [Санжеев и др. 2018: 96]. В калмыцком языке от глагола образована также изобразительная основа: калм. *сев гих* ‘понижаться о температуре’ [КРС 1977: 446].

Возможная внешняя этимология EDAL: Палт. **sep'a-* (~ *-o*) ‘махать, качаться’, ПТунг. **sep-* ‘качать (ветвями)’; ПМонг. **sebe-* ‘махать’; ПТюрк. **sapi-* ‘махать, развевать, взбалтывать’ [EDAL 2003: 1232].

12. *SENSE ‘лёгкий ветерок’

12.1. письм.-монг. *sengse* ‘ветерок’ [Голстунский 1894: 320]; *sengse* ‘ветерок’, *sengsedu segiüder* ‘прохладительная тень’ [Ковалевский 1846: 1342].

12.2. халх. *сэнс* ‘лёгкий ветерок’, *сэнс манан* ‘туман при лёгком ветерке’ [БАМРС 2001в: 157]; вероятно, *сэнс(эн)* ‘винт; вентилятор’.

12.3. Калм. отыменной глагол *seŋsɫ-* ‘качаться на ветру’, *seŋsɫŋ sälkŋ* ‘освежающий ветер’ [Ramstedt 1935: 325].

12.4. Орд. *seŋse* ‘легкий освежающий ветер’, *seŋse mana* ‘легкий туман, сопровождаемый свежим ветерком’ [Mostaert 1968: 573];

12.5. Очевидно, производное от изобразительного корня: халх. *сэн* [письм. *seng*]: *сэн хийх* ‘бросаться в нос’ (т. е. давать почувствовать запах). Ср. халх. глагол *сэнгэнэх* [письм. *sengine-*] ‘обдавать прохладой (*салхи аятайхан сэнгэнэж байна* ‘ветер приятно продувает’; *энд сэнгэнэнэ* ‘здесь дует’; *сэнгэнэсэн салхи* ‘приятный, прохладный ветер; испускать приятный запах’ (отыменной суффикс *-ginA-* см. [Poppe 1964: 67]); ср. выше семантическое развитие **jibar*; орд. причастие от такого же глагола *seŋgenesē salχin* ‘освежающий ветерок’ [Mostaert 1968: 573].

Наконец, следующие названия ветра попались только в отдельных монгольских языках или же в отдельном языке и письменно-монгольском словаре.

13. *NÖHELGE ‘порывистый ветер’ (халх.)

13.1. Слово, по-видимому, отглагольное производное, но отождествление производящего глагола оказывается нетривиальной задачей. О. А. Мудрак для прасеверомон-

гольского состояния восстанавливает производящий глагол **nöye-le-* ‘дуть порывами (о ветре)’ [Мудрак 1998–2003]. Очевидно, что ‘дуть порывами (о ветре)’ и ‘плевать дымом (о печи с плохой тягой)’ — довольно близкие значения и могут принадлежать одному и тому же глаголу. Обратим внимание на разнообразие записи основы, предположительно, производящего глагола в различных письменно-монгольских источниках.

13.1.1. письм.-монг. *nögele-* ‘идти порывами’, *nögele-kü salkin* ‘порывистый’ (о ветре) [Lessing 1960: 592]; *nügül-kü* ‘дымиться, метать, выкидывать дым (о печи)’ [Ковалевский 1846: 700]; *nügelekü salkin* ‘ветер, дующий через горы и завертывающий снизу вверх’ [Голстунский 1894: 45], *nügülkü* ‘не выходит дым из трубы от ветра, выкидывает дым из печи, завоевает дым ветром’ [Голстунский 1894: 46]. В преклассических и среднемонгольских источниках не обнаруживается;

13.1.2. халх. *нөөлөг* [письм. *nögelge*] 1. ‘сильный внезапный ветер, вихрь (дующий в теснинах)’; *нөөлөг салхи* ‘вихрь, сильный порывистый ветер’; ‘плохая тяга в печи’; *нөөлөг* ‘костёр’ [БАМРС 2001б: 420] от глагола *нөөлөх* [письм. *nögel-kü*] ‘дуть порывисто (о ветре)’ [БАМРС 2001б: 420]; *нүүлэх* [письм. *neüle-kü*] ‘тянуть плохо (о печи)’ [БАМРС 2001б: 608];

13.1.3. Ср. калм. *nölæg* ‘костер’ [Ramstedt 1935: 280].

13.2. Как мы видим, разноречивой источников в монгольской письменности не позволяет установить, является ли производящий глагол отыменным на *-la-* [Poppe 1964: 65] или архаичным каузативом (отглагольным) на *-l-* [Poppe 1964: 61]. Во втором случае было бы соблазнительно связать его как каузатив (+ метафорический переход «заставлять кочевать > заставлять беспорядочно двигаться в разных направлениях») с прамонгольским глагольным корнем **nehü-* ‘кочевать’ [Nugteren 2011: 455]. Однако большая часть примеров говорит за гласную *ö* в современном монгольском рефлексе корня, а это указывает на праязыковое **öhe-*, тогда как в рефлексах корня **nehü-* ‘кочевать’ мы видим закономерное *ü* — см. [Poppe 1987: 68, 73]. С прасеверомонгольским корнем

**nöye-* ‘сохранять, откладывать’ слово несопоставимо из-за семантической разницы. Внешняя этимология EDAL: Палт. **njābo* ‘буря, стихийное бедствие’, тунг. **nō[be]-kte* ‘облако, туча, ливень, град’; тюрк. **jubug* (~ **jabug*) ‘камни, несомые потоком; оползень’; яп. **nāw(u)i* ‘землетрясение’ [EDAL 2003: 983]; тюркская параллель определенно не подходит, поскольку это стандартное производное от глагола **jub-* ‘катиться’, см. [Clauson 1972: 871, 873]. Приведенная в [Санжеев и др. 2016: 205] другая внешняя параллель — изолированное эвенк. *нонготто* ‘мороз’; *нонгото-* ‘замерзать, оледенеть’ [ССТМЯ 1975: 606], скорее всего, диалектный вариант эвенк. *доюто* ‘мороз’ < ПТунг. **доюто* тж. [ССТМЯ 1975: 216]. Этимологизация остается под вопросом.

14. °UGULJA ‘самум, песчаный буран’ (халх.)

14.1. Прасев.-монг. **ugulji* ‘самец архара; орнамент в форме рогов архара’: халх. *угалз*, бур. *угалза*, калм. *уһлз* ‘самец архара; узор, орнамент дугообразный (стилизация под рога архара)’; халх. ‘песчаный буран в пустыне’ [Санжеев и др. 2018: 193]; ср. внутр.-монг. хорч., архорч., уаб., чак. *угалдж*; шгол. *угалдз* ‘узор, орнамент’ [Тодаева 1981: 213]; бур. *угалза* ‘вышивка, узор’ [БРС 2010б: 285]; орд. *ugulDži* ‘вышивка в форме спирали’ [Mostaert 1968: 725].

14.1.1. Халх. *угалз* ‘песчаный буран в пустыне’ [БАМРС 2001в: 302].

Халх. диалектные формы: *уҗалдз’* (дариганга) ‘самум, песчаный буран’ [Róna-Tas 1960: 38].

14.2. Очевидно, метафорическое название вихря по спиралевидной форме.

15. °EMENELČIN ‘теплый ветер’ (бур.)

15.1. Письм.-монг. (реально не засвидетельствованная форма) *emetelčin* ‘теплый ветер’, возможно, из **emiye-re-čin* [Санжеев и др. 2015: 214].

15.1.1. бур. *эмээлиэн* (редко), *эмээришэн* ‘теплый ветер, дующий с востока летом и зимой’ [БРС 2010б: 664];

Диалектные формы: нижнеудин. *эмээршэн*, тунк. *имээлиэн* ‘теплый ветер, дующий с востока летом и зимой, т. е. земляной ветер’ [Будаев 1978: 269];

Исторические диалектные формы: [Castren 1857: 93] нижнеудин. *emērsej*, тунк. *imēlsej* ‘Landwind’ (т.е. ‘ветер с суши’).

15.2. Приводят как параллель др.-тюрк. *emin* ‘теплый’ [Санжеев и др. 2015: 214]. Но др.-тюрк. *emin* значит не ‘теплый’, а ‘надежный’ [Clauson 1972: 161]; существует ср.-тюрк. *e/imik* ‘мягкий, теплый (о погоде)’ [Clauson 1972: 161]; с современным рефлексом *imik* (анат.-тур.), который не подтверждает начального **e-*. Скорее всего, *эмээлиэн* калька с русского регионального (байкальского) ‘верховик 1) верховой человек, тот, кто ездит верхом 2) верховой ветер’, ср. бур. *эмээл* ‘седло; верховой’. Суф. *-шин* (< **-čin*) оформляет отыменные имена со значением профессиональных занятий.

16. Бур. *хүрилөөн* ‘вихрь’; *һалхинай хүрилөөн* ‘порыв ветра’ [БРС 2010б: 497]. Очевидное производное от глагола *хүрилхэ* ‘кружиться (о ветре)’; ср. *хүрилэн мушхарха* ‘вихрить (о снеге)’; *хүрилхэн* ‘вихревой’ [БРС 2010б: 497].

17. Бур. *хуйлаадаһан* ‘вихрь (снежный)’, *хуйлааһан* хорин. ‘вьюжный ветер’. Производные от глагола *хуйлаха* ‘вихрить(-ся), дуть (о вихре)’ — отыменном по названию вихря *хуй* (см. выше) [БРС 2010б: 463].

18. Бур. *дорообшон* бох. ‘весенний ветер (дующий вверх по течению реки)’. Производное по *доро* ‘низ, нижний’ (ветер, дующий с низовой реки) [БРС 2010а: 293].

19. Бур. *һэльеэн* ‘легкий ветер, свежий ветерок; прохлада’ [БРС 2010б: 584].

19.1.1. Письм.-монг. (незасвидетельствованная форма) *selgiyen* производная от *sel* ‘порывистый, резкий (о ветре)’ [Санжеев и др. 2018: 99];

19.1.2. Бур. *һэльеэн* ‘легкий ветер, свежий ветерок; прохлада’; *һүнишин һэльеэдэ* ‘в ночной прохладе’ [БРС 2010б: 584].

19.2. Очевидно, производное по глаголу *һэлихэ* ‘переворачивать, заменять’. По этому же глаголу образована изобразительная основа: бур. *һэл* ‘порывистый, резкий (о ветре)’; *һэл-һал* ‘порывистый, резкий (о ветре)’ [БРС 2010б: 583];

19.3. Приводимая в [Санжеев и др. 2018: 99] параллель эвенк. *сэлды* ‘легкий ветерок’ (барг.), *шалди* (сев.-барг.) [ССТМЯ 1977: 59], скорее всего, монголизм.

20. Ойрат. диал. *džilín* (дерб., баят., хотон.), *žilín* (дзуч., торг., элет., урянх.) ‘холодный ветер’; *xara džilínɣar šūrah* ‘бушевать о холодном ветре’ [Цолоо 1988: 207]. Ср. элет. *жџилм* ‘открытый, ровный, голый (о местности)’ [Санжеев и др. 2016: 75]; калм. *džilɣ*, *džilm* ‘тощий; открытый и лысый’ = *džildm* [Ramstedt 1935: 111].

21. Ойр. диал. *xūgūr* ‘ветер’; *inī hawār xūgūr tāwād ōd nar uzūldüggüā* ‘В этом году дует сильный ветер, и это будет нелегко’ [Цолоо 1988: 467]. Очевидно, инновационное производное от глагола *χūg’χe* ‘шуметь, реветь (о ветре, потоке)’, композитом, слившимся из *χū deχə* (первый компонент — звукоподражание). Ср. халх. *хуугих* ‘шуметь, свистеть (напр. о ветре)’; *хуугиж салхилах* ‘сильно дуть (о ветре)’.

22. В книге [Bastian 1881: 270], со ссылкой на П. С. Палласа, находим калмыцкое название вихря: *Doroki-mandral*¹. Нам не удалось обнаружить источник в трудах П. С. Палласа, однако в [Pallas 1771: 339] находим *Kimandral* ‘буря, ураган’ (мифол.)², в русском переводе — кимандраль³. Очевидно, первое словосочетание буквально означает ‘нижняя мандала’, а второе — ‘воздушная мандала’ (приходится предположить, что сам П. С. Паллас, не владея тибетским и калмыцким языками, мог ошибочно написать *mandral*, употребив согласную ‘р’. Как известно, его переводчиком и спутником в калмыцких степях и последующем был И. Иериг [Дюльденко 2017: 42]. В словаре А. М. Позднеева находим *mandal* ‘стихия’ [Позднеев 1911: 229], К. Ф. Голстунского — *mandal* ‘круг, окружность, возвышение;

¹ “Anmerkungen zu S. 74–75. Nachdem die von dem Burchan Diwong Chara hervorgebrachte Welt vergangen, entstand die jetzige (welcher die Maidari's folgen wird), indem der Wirbelwind (Doroki-mandral) verdickte Finsterniss (Chubi-Sajagar) zusammentrieb, und bei dem unter den assarischen Tänggri ausbrechenden Streit wanderten aus dem Reich sieben Stämme (Aimak) fort”.

² “Endlich soll ein Sturmwetter oder Orkan (Kimandral) die Seelen aus der Hölle wieder bringen”

³ Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российской империи [электронный ресурс] // URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus6/Pallas_4/text8.htm (дата обращения: 15.11.2024 г.).

сфера, элемент, серебряное блюдо, на котором выковано изображение всего мира по понятию буддийской космологии’ [Голстунский 1893: 202].

23. баоан. *dzaxtu* ‘буря (шуурга)’ [MGCD 1990: 724]. По-видимому, производное с суф. *-tu* (Comit.) от заимствованного из тюрк. (нуйг.?) *jay* ‘дождь’.

24. Ср.-монг. *burhalih* ‘вихрь’ [Haenisch 1939: 22]: локальное производное на -IG от существительного *burka(n)* ‘божество’ [Nugteren 2011: 291]. Что касается семантического развития, ср. тоф. *hэйрфан* ‘облако’ из монг. **kajirakan* ‘милостивый’ > ‘божество’. Возможна также контаминация с производными сев.-монг. глагола **burga-*: халх. *burga-* ‘падать, порошить (о снеге)’, *burgana-* ‘падать, идти (о снеге при ветре)’, бур. *бурга-* ‘падать, порошить (о снеге)’ [Санжеев и др. 2015: 117], связанными с ПМо **burgi-* ‘подниматься, клубиться’, письм.-монг. *burgi-(ra-)* [Lessing 1960: 138], *bürgi-ni-*, халх. *burgi-*, бур. *burja-*, *borjol-* (Цонгол), калм. *bürgn-*, *bürgəñ-*, ордос. *burgila-*, *burgi-*, монгор. *pužirā-* [SM 1933: 306; Ramstedt 1935: 68]. Непосредственная производность от глагола невозможна, так как суффикс только отыменной [Poppe 1964: 42].

25. Ср.-монг. (1264–1294) *dongqodu* ‘буря’ [Ligeti 1990: 262], *duŋqodun* 1) ‘гром, гроза’ [HY 1949: 11]. Вероятно, к ПМонг. **dongud-* ‘шуметь’, письм.-монг. *doŋɣud-* [Lessing 1960: 261]; ср.-монг. *dunɣoɣ-* ‘мешать, препятствовать’ [MA 1938: 436 (IM)]; халх. *doŋgodo-*, *dongoso-*, бур. *dongodo-*, калм. *dongəd-*, ордос. *dongod-*, дунс. *донду-* ‘петь (о птицах)’, монгор. *doŋGordi-* ‘звонить, греметь’ [SM 1933: 61; Ramstedt 1935: 95; EDAL 2003: 891; Санжеев и др. 2015: 191].

4. Выводы

В монгольских языках зафиксировано двадцать пять наименований ветра; из них в качестве основных («Сводешевских», гиперонимических) наименований функционируют два: собственное **salkin* и заимствованное из среднекитайского **kei*; оба восстанавливаются на прамонгольский уровень. Еще 3 прамонгольских наимено-

вания — это типы ветра, ‘вихрь’, ‘буря со снегом’ и ‘буря с дождем’ (‘прохладный’, скорее, первоначально относилось к чисто температурной сфере). Два последних, скорее всего, представляют собой отглагольные производные на прамонгольском уровне. Все они имеют правдоподобные алтайские этимологии. Наличие в прамонгольском таких концептов говорит скорее за степную, чем за таежную гипотезу прародины монгольских народов (а наличие температурного слова ‘прохладный’ с положительной коннотацией, скорее, за довольно теплую климатическую зону обитания). Для прасеверомонгольского восстанавливается еще 5 названий типов ветра, два

из них, ‘суховей’ и ‘прохладный ветерок’, представляют собой вторичные семантические переносы; ‘снежная буря с талым снегом’ может быть связана с корнем со значением ‘таять’, а ‘легкий ветерок’ — с глаголом ‘веять’. В отдельных монгольских языках мы находим отдельные наименования типов ветра, связанные отношениями производности с именами и глаголами, выражающими соответствующие понятия (направление и форма, порывистость, производимый шум). В базах семантических переходов такие переходы не зафиксированы, поскольку в них пока мало уделяется внимания словообразовательным, особенно транспонирующим изменениям.

Полевые материалы

- ПМ 2019 — Полевые материалы П. П. Дамбуевой, запись 2019 г.
 ПМА 2023 — Полевые материалы Л. А. Лиджиевой, запись 2023 г.

Authors' Field Data

- Field Data of P. P. Dambueva, 2019.
 Field Data of L. A. Lidzhieva, 2023.

Сокращения

аб. — абаканский;
 аз. — азербайджанский;
 алт. — алтайский;
 архорч. — арухорчинский;
 баоан. — баоанский;
 бар. — баринский;
 баргут. — баргутский;
 башк. — башкирский;
 баят. — баятский;
 бохан. — боханский;
 бур. — бурятский;
 бур. письм. — бурятский письменный;
 венг. — венгерский;
 внутр. монг. — внутренний монгольский;
 гаг. — гагаузский;
 горл. — горловский;
 дагур. — дагурский;
 дерб. — дербетский;
 джал. — джалайтский;
 дзахч. — захчинский;
 др.-тюрк. — древнетюркский;
 др.-уйг. — древнеуйгурский;
 дун.-булг. — дунайско-булгарский;
 дунс. — дунсянский;
 дурб. — дурбетский;
 закам. — закаменский;
 зап.-халх. — западно-халхаский;
 каз. — казахский;
 калм. — калмыцкий;
 кирг. — киргизский;
 ккалп. — каракалпакский;
 класс. — классический;

кударинск. — кударинский;
 кюэр. — кюэрикский (чулымский);
 леб. — лебединский;
 маньчж. / ман. — маньчжурский;
 монг. — монгольский;
 монгор. — монгорский;
 найм. — найманский;
 нем. — немецкий;
 нижеудин. — нижеудинский;
 ново-баргут. — новобаргутский;
 ойр. — ойратский;
 онн. — оннотский;
 ононат. — ононатопея;
 орд. — ордосский;
 ОТюрк. — общетюркский;
 ПАлт. — праалтайский;
 перс. — персидский;
 письм.-монг. — письменно-монгольский;
 ПКор. — пракорейский;
 ПМонг. — прамонгольский;
 пра-сев.-монг. — прасеверомонгольский;
 прекласс. — преклассический;
 ПТМ — пратунгусо-маньжурский;
 ПТунг. — пратунгусский;
 ПТюрк. — пратюркский;
 ПЯп. — прапонский;
 рус. — русский;
 сев.-барг. — северо-баргузинский;
 сев.-монг. — северомонгольский;
 селенг. — селенгинский;
 ср.-кит. — среднекитайский;
 ср.-кыпч. — среднекыпчакский;
 ср.-монг. — среднемонгольский;

ср.-тюрк. — среднетюркский;
 ср.-уйг. — среднеуйгурский;
 старо-баргут. — старо-баргутский;
 старомонг. — старомонгольский;
 ст.-осм. — староосманский;
 сун. — сунитский;
 сюг. — сорыг-югурский;
 тат. — татарский;
 теленг. — теленгитский;
 телеут. — телеутский;
 торг. — торгутский;
 тоф. — тофаларский;
 туб. — тубаларский;
 тув. — тувинский;
 тум. — туметский;
 тунг. — тунгусский;
 тунк. — тункинский;
 тур. — турецкий;
 турк. — туркменский;
 тюрк. / *turk.* — тюркский;
 уджумчин. — уджумчинский;
 узб. — узбекский;
 уйг. — уйгурский диалект;
 урянх. — урянхайский;
 уцаб. — уланцабский;
 хак. — хакасский;

халх. — халхаский;
 хамн. — хамниганский;
 харч. — харчинский;
 хеш. — хешиктенский;
 хорин. — хоринский;
 хорч. — хорчинский;
 хотон. — хотонский;
 хош. — хошутский;
 цаат. — цаатанский;
 центр.-монг. — центрально-монгольский;
 центр.-халх. — центрально-халхаский;
 чагат. — чагатайский;
 чахар. — чахарский;
 шанд. — шандский;
 шгол. — шилингольский;
 шира-юг. — шира-югурский;
 шор. — шорский;
 элет. — элетский;
 эхирит. — эхиритский;
 эхирит-булаг. — эхирит-булагатский;
 южно-бур. — южнобурятский;
 як. — якутский;
 яп. — японский;
 эвенк. / *evk.* — эвенкийский;
 MTurk. — среднетюркский.

Литература

- Амаржаргал 1988 — *Амаржаргал Б.* БНМАУ дахь монгол хэлний нутгийн аялгууны толь бичиг: халх аялгуу. Улаанбаатар: БНМУ-ын ШУА Хэл Зохиолын Хүрээлэн, 1988. 718 х.
- Афанасьева 2006 — *Афанасьева Э. В.* Исторические связи бурятского и баргутского языков (на примере фонетики и грамматики) / отв. ред. В. И. Рассадин. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2006. 148 с.
- БАМРС 2001a — Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х тт. / под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамбы. Т. 1: А–Г. М.: АCADEMIA, 2001. 520 с.
- БАМРС 2001б — Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х тт. / под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамбы. Т. 2: Д–О. М.: АCADEMIA, 2001. 536 с.
- БАМРС 2001в — Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х тт. / под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамбы. Т. 3: Ө–Ф. М.: АCADEMIA, 2001. 440 с.
- БАМРС 2002 — Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х тт. / под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамбы. Т. 4: Х–Я. М.: АCADEMIA, 2002. 532 с.

References

- Amarzhargal B. A Dictionary of Mongolian Dialects in the Mongolian People's Republic: Khalkha Mongolian. Ulaanbaatar: Institute of Linguistics (MPR Academy of Sciences), 1988. 718 p. (In Mong.)
- Afanasyeva E.V. Historical Ties between Buryat and Barghut: Phonetics and Grammar. V. Rassadin (ed.). Ulan-Ude: Banzarov Buryat State University, 2006. 148 p. (In Russ.)
- Pyurbееv G. Ts. et al. (eds.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 1: А–Г. Moscow: Academia, 2001. 520 p. (In Mong. and Russ.)
- Pyurbееv G. Ts. et al. (eds.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 2: Д–О. Moscow: Academia, 2001. 536 p. (In Mong. and Russ.)
- Pyurbееv G. Ts. et al. (eds.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 3: Ө–Ф. Moscow: Academia, 2001. 440 p. (In Mong. and Russ.)
- Pyurbееv G. Ts. et al. (eds.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 4: Х–Я. Moscow: Academia, 2002. 532 p. (In Mong. and Russ.)

- БРС 2010а — Бурятско-русский словарь: в 2-х тт. / сост. Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. Т. I: А–Н. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010. 636 с.
- БРС 2010б — Бурятско-русский словарь: в 2-х тт. / сост. Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. Т. II: О–Я. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010. 708 с.
- Будаев 1978 — *Будаев Ц. Б.* Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. Новосибирск: Наука, 1978. 303 с.
- Будаев 1992 — *Будаев Ц. Б.* Бурятские диалекты (опыт диахронического исследования). Новосибирск: Наука, 1992. 217 с.
- Витсен 2010 — Витсен Н. Северная и Восточная Тартария / перевод с голландского языка В. Г. Трисман. Т. 1. Амстердам: Pegasus, 624 с.
- Голстунский 1893 — *Голстунский К. Ф.* Монгольско-русский словарь, составленный профессором С.-Петербургского университета К. Ф. Голстунским. Т. III. СПб.: лит. А. Иконникова, 1893. 291 с.
- Голстунский 1894 — *Голстунский К. Ф.* Монгольско-русский словарь, составленный профессором С.-Петербургского университета К. Ф. Голстунским. Том II. СПб.: Лит. А. Иконникова, 1894. 423 с.
- Голстунский 1896 — Дополнения к «Монгольско-русскому словарю», составленному профессором Санкт-Петербургского университета К. Ф. Голстунским. СПб.: Лит. А. Иконникова, 1896. 89 с.
- Грунтов, Мазо 2015 — *Грунтов И. А., Мазо О. М.* Классификация монгольских языков по лексикостатистическим данным // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Филология. Вопросы языкового родства. 2015. № 3 (13). С. 205–255.
- Дамдинов, Сундуева 2015 — *Дамдинов Д. Г., Сундуева Е. В.* Хамниганско-русский словарь. Иркутск: Отгиск, 2015. 364 с.
- Джангар 1990 — Джангар: Калмыцкий героический эпос. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 287 с.
- ДКС 2012 — Дунсянско-китайский словарь / 2-е изд. Ланьчжоу: Изд. дом национальностей Ганьсу, 2012. 548 с.
- ДТС 1969 — Древнетюркский словарь / В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, 1969. 715 с.
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. (comps.) Buryat-Russian Dictionary. In 2 vols. Vol. 1: A–H. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2010. 636 p. (In Bur. and Russ.)
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. (comps.) Buryat-Russian Dictionary. In 2 vols. Vol. 2: O–Y. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2010. 708 p. (In Bur. and Russ.)
- Budaev Ts. B. Buryat Dialect Vocabulary: A Comparative Historical Perspective. Novosibirsk: Nauka, 1978. 303 p. (In Bur. and Russ.)
- Budaev Ts. B. Buryat Dialects: A Diachronic Study. Novosibirsk: Nauka, 1992. 217 p. (In Russ.)
- Witsen N. Noord en Oost Tartarye. V. Trisman (transl.). Vol. 1. Amsterdam: Pegasus, 2010. 624 p. (In Russ.)
- Golstunsky K. F. Mongolian-Russian Dictionary. Vol. 3. St. Petersburg: A. Ikonnikov, 1893. 291 p. (In Mong. and Russ.)
- Golstunsky K. F. Mongolian-Russian Dictionary. Vol. 2. St. Petersburg: A. Ikonnikov, 1894. 423 p. (In Mong. and Russ.)
- Golstunsky K. F. Mongolian-Russian Dictionary. Supplements. St. Petersburg: A. Ikonnikov, 1896. 89 p. (In Mong. and Russ.)
- Gruntov I. A., Mazo O. M. Lexicostatistical classification of the Mongolic languages. RSUH/RGGU *Bulletin. Series Philology. Issues of Language Proximity*. 2015. No. 3 (13). Pp. 205–255. (In Russ.)
- Damdinov D. G., Sundueva E. V. Khamnigan-Russian Dictionary. Irkutsk: Ottisk, 2015. 364 p. (In Kham. and Russ.)
- Jangar: Kalmyk Heroic Epic. Elista: Kalmykia Book Publ., 1990. 287 p. (In Russ.)
- Dongxiang-Chinese Dictionary. Second edition. Lanzhou: Gansu Nationalities Press, 2012. 548 p. (In Dong. and Chin.)
- Nadelyaev V. M., Nasilov D. M., Tenishev E. R., Shcherbak A. M. Dictionary of Old Turkic. Leningrad: Nauka, 1969. 715 p. (In Turk. and Russ.)

- Дыбо 2013 — *Дыбо А. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Т. 9 (дополнительный). Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков / составитель Дыбо А. В. Астана: Prosper Print, 2013. 616 с.
- Дыбо и др. 2022 — *Дыбо А. В., Куканова В. В., Мирзаева С. В., Бембеев Е. В., Мушаев В. Н., Хонинов В. Н.* Названия неба в монгольских языках: этимология и семантика // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 6. С. 1333–1351. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1333-1351
- Дюльденко 2017 — *Дюльденко А. А.* Иоганн Иериг: исторический портрет представителя российской академической науки второй половины XVIII века: монография. Ставрополь: Ставролит, 2017. 276 с.
- Егоров 1964 — *Егоров В. Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 356 с.
- КДРС 2014 — Краткий дагурско-русский словарь / сост. Г. Тумурдэй, Б.Д. Цыбенков; отв. ред. Ж.Б. Бадагаров. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2014. 236 с.
- Кичиков 1963 — *Кичиков А. Ш.* Дербетский говор (фонетико-морфологическое исследование). Элиста: Калмгосиздат, 1963. 87 с.
- Ковалевский 1846 — *Ковалевский О. М.* Монголо-русско-французский словарь. В 3 тт. Т. 2. Казань: В университетской типографии, 1846. 595–1545 с.
- Ковалевский 1849 — *Ковалевский О. М.* Монголо-русско-французский словарь. В 3 тт. Т. 3. Казань: В университетской типографии, 1849. 1547–2668 с.
- Козин 1941 — *Козин С. А.* Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongγol=un niγuča tobčiyān*. Юань чао би ши. М.; Л.: АН СССР, 1941. 620 с.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / отв. ред. Б.Д. Муниев. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- Куканова 2021 — *Куканова В. В.* Архаические представления о ветре в калмыцком фольклоре: междисциплинарный подход // *Новый филологический вестник*. 2021. № 2(57). С. 371–391.
- МА 1938 — *Поппе Н. Н.* Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. Часть I–II. М.; Л.: Наука, 1938. 453 с.
- Dybo A. V. (comp.) *Etymological Dictionary of the Turkic Languages. Vol. 9 (Supplement): Etymological Dictionary of Basic Turkic Vocabulary*. Astana: Prosper Print, 2013. 616 p. (In Turk., Russ., etc.)
- Dybo A. V., Kukanova V. V., Mirzaeva S. V., Bembeev E. V., Mushaev V. N., Khoninov V. N. Words denoting the sky in Mongolic languages: Etymology and semantics. *Oriental Studies*. 2022. Vol. 15. No. 6. Pp. 1333–1351. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1333-1351.
- Dyuldenko A. A. Johann Jähriг: A Historical Portrait of the Russian Academic, Mid-to-Late Eighteenth Century. Stavropol: Stavrolit, 2017. 276 p. (In Russ.)
- Yegorov V. G. *Chuvash Etymological Dictionary*. Cheboksary: Chuvashia Book Publ., 1964. 356 p. (In Chuv. and Russ.)
- Tumurdey G., Tsybenov B. D. (comps.) *A Concise Dagur-Russian Dictionary*. Zh. Badagarov (ed.). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (RAS), 2014. 236 p. (In Dag. and Russ.)
- Kichikov A. Sh. *Dorbet Kalmyk: A Study in Phonetics and Morphology*. Elista: Kalmgosizdat, 1963. 87 p. (In Russ.)
- Kowalewski O. M. *Mongolian-Russian-French Dictionary*. In 3 vols. Vol. 2. Kazan: Imperial Kazan University, 1846. Pp. 595–1545. (In Mong., Russ. and French)
- Kowalewski O. M. *Mongolian-Russian-French Dictionary*. In 3 vols. Vol. 3. Kazan: Imperial Kazan University, 1849. Pp. 1547–2668. (In Mong., Russ. and French)
- The Secret History: A Mongolian Chronicle of 1240 Titled Mongγol-un Niγuča Tobčiyān*. Yuan' Chao Bi Shi. S. Kozin (study, translit., transl., text prep., etc.). Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1941. 620 p. (In Russ. and Mong.)
- Muniev B. D. (ed.) *Kalmyk-Russian Dictionary*. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In kalm. and Russ.)
- Kukanova V. V. The archaic beliefs about wind in the Kalmyk folklore: An interdisciplinary approach. *New Philological Bulletin*. 2021. No. 2 (57). Pp. 371–391. (In Russ.)
- Poppe N. N. *Mongolian Vocabulary of the Muqaddimat al-Adab*. Pts. 1–2. Moscow, Leningrad: Nauka, 1938. 453 p. (In Mong. and Russ.)

- Ма Гочжун, Чэнь Юаньлун 2001 — 马国忠, 陈元龙. 东乡语汉语词典. 兰州: 甘肃民族出版社. 2011. 500 p.
- Митрошкина, Семенова 2004 — *Митрошкина А. Г., Семенова В. И.* Языковые особенности эхиритских и булагатских бурят. Иркутск: Иркут. ун-т, 2004. 72 с.
- Мудрак 1998–2003 — *Mongolian Etymology.* База данных по монгольским языкам [электронный ресурс] // URL: <https://starling.rinet.ru/cgi-bin/response.cgi?root=config&morpho=0&basename=\data\alt\monget&first=1> (дата обращения: 01.12.2023)
- Норманская, Дыбо 2010 — *Норманская Ю. В., Дыбо А. В.* Тезаурус: Лексика природного окружения. М.: Тезаурус, 2010. 363 с.
- Паллас 1787 — *Паллас П. С.* Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. Ч. 1. СПб.: Тип. Шнора, 1787. 418 с.
- Позднеев 1911 — *Позднеев А. М.* Калмыcko-русский словарь. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1911. 306 с.
- Поппе 1930 — *Поппе Н. Н.* Дагурское наречие. ИАН СССР. Л.: Изд-во Акад. наук СССР. 1930. 178 с.
- Потанин 1893 — *Потанин Г. Н.* Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия». Т. 2. СПб.: Типогр. А. С. Суворова, 1893. 437 с. + XIX.
- Рассадин 2019 — *Рассадин В. И.* Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности / под ред. А. В. Дыбо. СПб.: Нестор-История, 2019. 608 с.
- РМС 1982 — *Дамдинсурэн Ц., Лувсандэндэв А.* Русско-монгольский словарь. Русско-монгольский словарь. / под ред. акад. Ш. Лувсанвандана. Изд. 2-е. Улан-Батор: Госиздат, 1982. 840 с.
- Санжеев и др. 2015 — *Этимологический словарь монгольских языков.* В 3-х тт. / отв. ред. Г. Д. Санжеев, ред.-сост. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадина, Я. Д. Леман. Т. I: А–Е. М.: ИВ РАН, 2015. 224 с.
- Санжеев и др. 2016 — *Этимологический словарь монгольских языков.* В 3-х тт. / отв. ред. Г. Д. Санжеев, ред.-сост. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадина, Я. Д. Леман. Том II. G–P. М.: ИВ РАН, 2016. 232 с.
- Ma Guo Zhong, Chen Yuan Long. *Dongxiang-Chinese Dictionary.* Lanzhou: Gansu Nationalities Press, 2001. 500 p. (In Dong. and Chin.)
- Mitroshkina A. G., Semenova V. I. *Some Features of Ekhirit and Bulagat Buryat.* Irkutsk: Irkutsk State University, 2004. 72 p. (In Russ.)
- Mudrak — *Mongolian Etymology.* Database on Mongolic Languages. Available at: <https://starling.rinet.ru/cgi-bin/response.cgi?root=config&morpho=0&basename=\data\alt\monget&first=1> (accessed: 1 December 2023). (In Mong., Russ., etc.)
- Normanskaya Yu. V., Dybo A. V. *Thesaurus: Nature-Related Vocabulary.* Moscow: Thesaurus, 2010. 363 p. (In Russ.)
- Pallas P. S. *Comparative Dictionaries of All Languages and Dialects Collected by the Order of Her Imperial Majesty.* Vol. 1: European and Asiatic Languages. Pt. 1. St. Petersburg: Schnor, 1787. 418 p. (In Lat., Fr., Germ., etc.)
- Pozdneev A. *Kalmyk-Russian Dictionary.* St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1911. 306 p. (In Kalm. and Russ.)
- Poppe N. N. *Dagur Mongolian.* Leningrad, 1930. 178 p. (In Russ.)
- Potанин G.N. *Tangut-Tibetan Peripheries of China and Central Mongolia.* Vol. 2. St. Petersburg: A. Suvorov, 1893. 437 p. + XIX. (In Russ.)
- Rassadin V. I. *The Shaping of Turko-Mongolic Language Community: Historical Essays.* A. Dybo (ed.). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2019. 608 p. (In Russ.)
- Damdinsuren Ts., Luvsandendev A. *Russian-Mongolian Dictionary.* Sh. Luvsanvandan (ed.). Second edition. Ulaanbaatar: State Publ. House, 1982. 840 p. (In Russ. and Mong.)
- Sanzheev G. D. et al. (eds.) *Etymological Dictionary of Mongolic Languages.* In 3 vols. L. Kontsevich, V. Rassadin, Ya. Leman (comps.). Vol. 1: A–E. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2015. 224 p. (In Mong., Russ., etc.)
- Sanzheev G. D. et al. (eds.) *Etymological Dictionary of Mongolic Languages.* In 3 vols. L. Kontsevich, V. Rassadin, Ya. Leman (comps.). Vol. 2: G–P. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2016. 232 p. (In Mong., Russ., etc.)

- Санжеев и др. 2018 — Этимологический словарь монгольских языков. В 3-х тт. / отв. ред. Г. Д. Санжеев, ред.-сост. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. Том III. Q- Z М.: ИВ РАН, 2018. 240 с.
- Сводеш 1960 — *Сводеш М.* Лексикостатистическое датирование доисторических этнических контактов // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1960. С. 23–53.
- СИГТЯ 2001 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / отв. ред. Э. Р. Тенишев. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001. 822 с.
- СИГТЯ 2006 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. М.: Наука, 2006. 909 с.
- ССТМЯ 1975 — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимол. словарю: В 2 тт. / Отв. ред. В. И. Цинциус. Т. 1: А–Н. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. 672 с.
- ССТМЯ 1977 — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимол. словарю: В 2 тт. / отв. ред. В. И. Цинциус. Т. 2: О–Э. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. 992 с.
- Старостин 1989 — *Старостин С. А.* Сравнительно-историческое языкознание и лексикостатистика // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. М., Наука, 1989. С. 3–39.
- Тодаева 2001 — *Тодаева Б. Х.* Словарь языка ойратов Синьцзяна (по версиям песен «Джангар» и полевым записям автора). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 497 с.
- Тодаева 1961 — *Тодаева Б. Х.* Дунсянский язык. М.: Вост. лит., 1961. 151 с.
- Тодаева 1964 — *Тодаева Б. Х.* Баоаньский язык. М.: Наука, 1964. 158 с.
- Тодаева 1973 — *Тодаева Б. Х.* Монгорский язык. Исследование, тексты, словарь. М.: ГРВЛ, Наука, 1973. 392 с.
- Тодаева 1981 — *Тодаева Б. Х.* Язык монголов Внутренней Монголии. Материалы и словарь. М.: Наука, 1981. 276 с.
- Тодаева 1986 — *Тодаева Б. Х.* Дагурский язык. М.: Наука, 1986. 190 с.
- Убушаев 1979 — *Убушаев Н. Н.* Фонетика торгутского говора калмыцкого языка. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1979. 196 с.
- Sanzheev G. D. et al. (eds.) Etymological Dictionary of Mongolic Languages. In 3 vols. L. Kontsevich, V. Rassadin, Ya. Leman (comps.). Vol. 3: Q- Z. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2018. 240 p. (In Mong., Russ., etc.)
- Swadesh M. Lexico-statistic dating of prehistoric ethnic contacts. In: The New in Linguistics. Moscow: Progress, 1960. Pp. 23–53. (In Russ.)
- Tenishev E. R. (ed.) Turkic Comparative Historical Grammar: Vocabulary. Second edition, suppl. Moscow: Nauka, 2001. 822 p. (In Russ.)
- Tenishev E. R., Dybo A. V. (eds.) Turkic Comparative Historical Grammar: Proto-Turkic. Worldviews of Proto-Turks according to Language Data. Moscow: Nauka, 2006. 909 p. (In Russ.)
- Tsintsius V. I. (ed.) Comparative Dictionary of Tungus-Manchu Languages: Etymological Materials. In 2 vols. Leningrad: Nauka, 1975. Vol. 1: A–N. 672 p. (In Manchu, Russ., etc.)
- Tsintsius V. I. (ed.) Comparative Dictionary of Tungus-Manchu Languages: Etymological Materials. In 2 vols. Leningrad: Nauka, 1977. Vol. 2: O–E. 1977. 992 p. (In Manchu, Russ., etc.)
- Starostin S. A. Comparative-historical linguistics and lexicostatistics. In: Linguistic Reconstruction and Ancient History of the East. Moscow: Nauka, 1989. Pp. 3–39. (In Russ.)
- Todaeva B. Kh. Dictionary of Xinjiang Oirat: Compiled from Jangar Songs and Author's Field Data. Elista: Kalmykia Book Publ., 2001. 497 p. (In Oir. and Russ.)
- Todaeva B. Kh. Dongxiang. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1961. 151 p. (In Russ.)
- Todaeva B. Kh. Bonan. Moscow: Nauka, 1964. 158 p. (In Russ.)
- Todaeva B. Kh. Monguor: Study, Texts, Dictionary. Moscow: Nauka — GRVL, 1973. 392 p. (In Russ. and Mong.)
- Todaeva B. Kh. Mongolian of Inner Mongolia: Materials and Dictionary. Moscow: Nauka, 1981. 276 p. (In Mong. and Russ.)
- Todaeva B. Kh. Dagur. Moscow: Nauka — GRVL, 1986. 190 p. (In Russ.)
- Ubushaev N. N. Phonetics of Torghut Kalmyk. Elista: Kalmykia Book Publ., 1979. 196 p. (In Russ.)

- Убушаев 2006 — Убушаев Н. Н. Диалектная система калмыцкого языка / отв. ред. Э. У. Омакаева. Элиста: Джангар, 2006. 256 с
- Убушаев N. N. Kalmyk Dialect System. E. Omakaeva (ed.). Elista: Dzhangar, 2006. 256 p. (In Russ.)
- Цолоо 1988 — *Цолоо Ж.* БНМАУ дахь монгол хэлний нутгийн аялгууны толь бичиг (Диалектологический словарь монгольского языка). Т. II. Ойрд аялгуу (Ойратское наречие) / ред. Х. Лувсанбалдан. Улаанбаатар: ИЯЛ АН МНР, 1988. xvi, 944 х.
- Tsoloo Zh. The Mongolian Dialect Dictionary. Vol. 2: Oirat Mongolian. Kh. Luvsanbalдан (ed.). Ulaanbaatar: Institute of Language and Literature, 1988. XVI, 944 p. (In Mong.)
- ШЮПМКС 1984 — Шира-югурский письменно-монгольско-китайский словарь. 1984. 180 с.
- Eastern Yugur – Classical Mongolian – Chinese Dictionary. 1984. 180 p. (In Yug., Mong. and Chin.)
- Эньхэбату 1983 — *Эньхэбату.* Да Хань сяо цыдянь (= Малый дагурско-китайский словарь). Хух-Хото: Синьжун, 1983. 249 с.
- Enkhebatu. A Concise Dagur-Chinese Dictionary. Hohhot, 1983. 249 p. (In Dag. and Chin.)
- ЭСТЯ 1989 — *Севортян Э. В., Левитская Л. С.* Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й» / авт. сл. статей Э. В. Севортян, Л. С. Левитская. М.: Наука, 1989. 290 с.
- Sevortyan E. V., Levitskaya L. S. Turkic Etymological Dictionary: Common and Intra-Turkic Stems Beginning with Ж, Ж, Y. Moscow: Nauka, 1989. 290 p. (In Turk., Russ., etc.)
- ЭСТЯ 2000 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву 'К' / авт. сл. статей Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин. М., 2000. 261 с.
- Levitskaya L. S., Dybo A. V., Rassadin V. I. Turkic Etymological Dictionary: Common and Intra-Turkic Stems Beginning with 'K'. Moscow, 2000. 261 p. (In Turk., Russ., etc.)
- ЭСТЯ 2003 — Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». / Авторы словарных статей: Л. С. Левитская, Г. Ф. Благова, А. В. Дыбо, Д. М. Насилов, Е. А. Поцелуевский. М.: Вост. лит., 2003. 446 с.
- Levitskaya L. S., Blagova G. F., Dybo A. V., Nasilov D. M., Potseluevsky E. A. Turkic Etymological Dictionary: Common and Intra-Turkic Stems Beginning with L, M, N, P, S. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2003. 446 p. (In Turk., Russ., etc.)
- Bastian 1881 — *Bastian A.* Die Heilige Sage Der Polynesier: Kosmogonie und Theogonie. Bremen, 1881. 320 s.
- Bastian A. Die Heilige Sage Der Polynesier: Kosmogonie und Theogonie. Bremen, 1881. 320 p. (In Germ.)
- Castren 1857 — *Castren M. A.* Versuch einer burjätischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis, herausgegeben von Anton Schiefner. St. Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften. 1857. 244 p.
- Castren M. A. Versuch einer burjätischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis, herausgegeben von Anton Schiefner. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1857. 244 p. (In Bur. and Germ.)
- Clark 1976 — *Clark L. V.* Two Eighteenth Century Buryat Glossaries // *Mongolian Studies*. 1976. Vol. 3. Pp. 53-82.
- Clark L. V. Two Eighteenth Century Buryat Glossaries. *Mongolian Studies*. 1976. Vol. 3. Pp. 53-82. (In Eng.)
- Clauson 1972 — *Clauson G.* An etymological dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: Clarendon Press. 1972. 1019 p.
- Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: Clarendon Press. 1972. 1019 p. (In Turk. and Eng.)
- Cleaves 1949 — *Cleaves F. W.* The Sino-Mongolian Inscription of 1362 in Memory of Prince Hindu. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. Vol. 12. No. 1/2 (Jun., 1949). Pp. 1-133.
- Cleaves F. W. The Sino-Mongolian inscription of 1362 in memory of Prince Hindu. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. Vol. 12. No. 1/2 (June 1949). Pp. 1-133. (In Eng.)

- CLICS³ 2019 — The Database of Cross-Linguistic Colexifications, reproducible analysis of cross-linguistic polysemies. [электронный ресурс] // URL: <https://clics.clld.org> (дата обращения: 01.12.2023). DOI: 10.1038/s41597-019-0341-x
- Doerfer 1985 — *Doerfer G.* Mongolo-Tungusica. (Tungusica, 3.) Wiesbaden: Otto Harrassowitz. 1985. vi+307pp.
- EDAL 2003 — *Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A.* An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Brill, 2003. 1556 p. (In Eng.)
- Fried 2010 — *Fried R.* A Grammar of Bao'an Tu, A Mongolic Language of Northwest China. Doctoral dissertation, State University of New York at Buffalo: ProQuest, UMI Dissertation Publishing, 2011. 366 p.
- Haenisch 1939 — *Haenisch E.* Wörterbuch zu Manghol-un Niuča Tobčaan (Yüan-ch'ao pi-shi), Geheime Geschichte der Mongolen. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1939. 190 p.
- Haspelmath, Tadmor (eds) 2009 — *Haspelmath M., Tadmor U.* Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook. Berlin: Mouton de Gruyter. 2009. 1081 p.
- Heggarty, Anderson (eds) 2019 — *Heggarty P., Anderson C.* (eds.) Cognacy in Basic Lexicon (CoBL). Jena: Max Planck Institute for the Science of Human History. 2019. p.
- HY 1949 — *Lewicki M.* La langue mongole des transcriptions chinoises du XIV-e siècle. Le Houa-yi yi-yu de 1389. Wrocław, 1949. 228 p.
- JLTT — *Martin S. E.* The Japanese Language Through Time. New Haven; London, 1987. 961 p.
- Kara 1963 — *Kara G.* Un glossaire üjümčün. АОН XVI (1963). Pp. 1-43.
- Kara 2009 — *Kara G.* Dictionary of Sonom Gara's Erdeni-yin Sang (A Middle Mongolian version of the Tibetan Sa skya Legs bshad. Mongol-English-Tibetan). Leiden Boston: E. J. Brill, 2009. 337 p.
- Klaproth 1823 — *Klaproth J.* Asia Polyglotta. Schubert, Paris, 1823. 152 p.
- Krueger 1984 — *Krueger J. R.* Materials for an Oirat-Mongolian to English citation dictionary. Bloomington, 1984. 466 p.
- Kuribayashi 1987 — *Kuribayashi H.* Written Mongolian Index to The Shera-Yöğur Vocabulary. Tokyo University of Foreign Studies, 1987, pp.xxi + 132.
- Rzymiski C, Tresoldi T. et al. Database of Cross-Linguistic Colexifications. Available at: <https://clics.clld.org> (accessed: 1 December 2023). (In Eng.) DOI: 10.1038/s41597-019-0341-x
- Doerfer G. Mongolo-Tungusica (Tungusica 3.) Wiesbaden: O. Harrassowitz. 1985. VI + 307 p. (In Germ.)
- Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Brill, 2003. 1556 p. (In Eng.)
- Fried R. A Grammar of Bao'an Tu, a Mongolic Language of Northwest China. Doctoral dissertation. State University of New York. Buffalo: ProQuest, UMI Dissertation Publishing, 2011. 366 p. (In Eng.)
- Haenisch E. Wörterbuch zu Manghol-un Niuča Tobčaan (Yüan-ch'ao pi-shi), Geheime Geschichte der Mongolen. Leipzig: O. Harrassowitz, 1939. 190 p. (In Germ. and Mong.)
- Haspelmath M., Tadmor U. Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook. Berlin: Mouton de Gruyter. 2009. 1081 p. (In Eng.)
- Heggarty P., Anderson C. (eds.) Cognacy in Basic Lexicon (CoBL). Jena: Max Planck Institute for the Science of Human History, 2019. (In Eng.)
- Lewicki M. La langue mongole des transcriptions chinoises du XIV-e siècle. Le Houa-yi yi-yu de 1389. Wrocław, 1949. 228 p. (In Fr.)
- Martin S. E. The Japanese Language Through Time. New Haven, London, 1987. 961 p. (In Eng.)
- Kara Gy. Un glossaire üjümčün. Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1963. Vol. 16. Pp. 1-43. (In Mong. and Fr.)
- Kara Gy. Dictionary of Sonom Gara's Erdeni-yin Sang (A Middle Mongolian version of the Tibetan Sa skya Legs bshad. Mongol-English-Tibetan). Leiden Boston: E. J. Brill, 2009. 337 p. (In Mong. and Eng.)
- Klaproth J. Asia Polyglotta. Paris: Schubert, 1823. 152 p. (In Germ.)
- Krueger J. R. Materials for an Oirat-Mongolian to English Citation Dictionary. Vol. 2. Bloomington, 1984. 466 p. (In Oir. and Eng.)
- Kuribayashi H. Written Mongolian Index to The Shera-Yöğur Vocabulary. Tokyo: Tokyo University of Foreign Studies, 1987. XXI + 132 p. (In Mong. and Eng.)

- Kuribayashi 1989 — *Kuribayashi H.* Comparative Basic Vocabularies for Mongolian (Chakhar), Dagur, Shera-Yögur, Monguor, Bao-an and Dungshang. “Studies of Linguistic and Cultural Contacts“. 1989. No.1. Pp. 153–383.
- Lessing 1960 — *Lessing F. D.* Mongolian-English Dictionary. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1960. XV + 1086 p.
- Ligeti , Kara 2012 — Ligeti L., Kara G. Vocabulaires Mongols Des Polyglottes De Yemen. *Acta Orientalia Hung.* 2012. Volume 65 (2), 137–221. DOI: 10.1556/AOrient.65.2012.2.2
- Ligeti 1974 — *Ligeti L.* [Review of] Michael Weiers, Die Sprache der Moghol der Provinz Herat in Afghanistan. *AOH* 28, 1974. Pp. 291–305.
- Ligeti 1990 — *Ligeti L.* Un vocabulaire sino-mongol des Yuan: Le Tche-yuan yi-yu / Éd. Par G. Kara // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* 1990. T. 44, fasc. 3. Pp. 259–277.
- MD 1985 — Monggor kelen-ü üges (Mongghul – Written Mongolian – Chinese dictionary 1985. Collection of Studies of Mongolic languages and dialects. Vol. 14. 247 p.
- Messerschmidt, II 1964 — *Messerschmidt D. G.* Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. Tagebuchaufzeichnungen. T. II. Berlin Akademie Verlag, 1964. 270 p.
- MGCD 1990 — Menggu yuzu yuyen cidien. Qinghai 1990. 844 p.
- Mostaert 1968 — *Mostaert A.* Dictionnaire Ordos. New York; London: Johnson Reprint Corporation, 1968. 964 p.
- Nugteren 2011 — *Nugteren H.* Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages. Utrecht, 2011. 563 p. (In Eng.)
- Pallas 1771 — *Pallas P. S.* Reise durch verschiedene Provinzen des russischen Reichs, 1. Theil. SPb, 1771. 566 s.
- Poppe 1964 — *Poppe N.* Grammar of Written Mongolian. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1964. 198 p.
- Poppe 1987 — *Poppe N.* Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki: Suomalais-urilainen Seura, 1987. 301 p.
- Ramstedt 1935 — *Ramstedt G. J.* Kamükisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. 560 s.
- Kuribayashi H. Comparative basic vocabularies for Mongolian (Chakhar), Dagur, Shera-Yögur, Monguor, Bao-an and Dungshang. *Studies of Linguistic and Cultural Contacts.* 1989. No.1. Pp. 153–383. (In Eng.)
- Lessing F. D. Mongolian-English Dictionary. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1960. XV + 1086 p. (In Mong. and Eng.)
- Ligeti L., Kara Gy. Vocabulaires mongols Des Polyglottes De Yemen. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* 2012. Vol. 65. No. 2. Pp. 137–221. (In Fr.) DOI: 10.1556/AOrient.65.2012.2.2
- Ligeti L. [Review of] Michael Weiers, Die Sprache der Moghol der Provinz Herat in Afghanistan. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* 1974. Vol. 28. Pp. 291–305. (In Fr.)
- Ligeti L. Un vocabulaire sino-mongol des Yuan: Le Tche-yuan yi-yu / Éd. Par G. Kara. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* 1990. Vol. 44. No. 3. Pp. 259–277. (In Fr.)
- Monggor kelen-ü üges [Mongghul — Written Mongolian – Chinese dictionary 1985] (Collection of Studies of Mongolic Languages and Dialects 14). 247 p. (In Mong. and Chin.)
- Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. Tagebuchaufzeichnungen. Pt. 2. Berlin: Akademie Verlag, 1964. 270 p. (In Germ.)
- Menggu yuzu yuyen cidien. Qinghai, 1990. 844 p. (In Eng.)
- Mostaert A. Dictionnaire Ordos. New York, London: Johnson Reprint Corporation, 1968. 964 p. (In Mong. and Eng.)
- Nugteren H. Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages. Utrecht, 2011. 563 p. (In Eng.)
- Pallas P. S. Reise durch verschiedene Provinzen des russischen Reichs. Pt. 1. St. Petersburg, 1771. 566 p. (In Germ.)
- Poppe N. Grammar of Written Mongolian. Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1964. 198 p. (In Eng.)
- Poppe N. Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki: Finno-Ugric Society, 1987. 301 p. (In Eng.)
- Ramstedt G. J. Kamükisches Wörterbuch. Helsinki: Finno-Ugric Society, 1935. 560 p. (In Kalm. and Germ.)

- Róna-Tas 1960 — *Róna-Tas*. A Dariganga vocabulary. Acta Orientalia Hung. 13: 147–174.
- Róna-Tas A. A Dariganga vocabulary. Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1961. Vol. 13. No. 1/2. Pp. 147–174. (In Eng.)
- Rozycki 1994 — *Rozycki W*. Mongol Elements in Manchu. Bloomington, Indiana. 1994. 312 p.
- Rozycki W. Mongol Elements in Manchu. Bloomington: Indiana University Press, 1994. 312 p. (In Eng.)
- Räsänen 1969 — *Räsänen M*. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkssprachen. Helsinki, Suomalais-Ugrilainen seura, 1969. XVI + 533 s.
- Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkssprachen. Helsinki: Finno-Ugric Society, 1969. XVI + 533 p. (In Germ. and Turk.)
- Sinor 1977 — Sinor D. An Altaic word for «snowstorm». Studia Orientalia, Helsinki. 1977. V. 47. Pp. 219–231.
- Sinor D. An Altaic word for “snowstorm”. Studia Orientalia Electronica. 1977. Vol. 47. Pp. 219–231. (In Eng.)
- SM 1933 — *Smedt A. Mostaert. A*. Le Dialecte Monguore parlé par les mongols du Kansou occidental. III partie. Dictionnaire Monguor-Français. Pei-p’ing; Univ. cath. 1933. 521 p.
- Smedt A.de, Mostaert. A. Le Dialecte Monguore parlé par les mongols du Kansou occidental. Pt. 3: Dictionnaire Monguor-Français. Beijing: Catholic University, 1933. 521 p. (In Fr. And Mong.)
- Strahlenberg 1730 — *Strahlenberg Ph. J.* von. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm: In Verlegung des Autoris, 1730. 438 s.
- Strahlenberg Ph. J. von. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm: Strahlenberg, 1730. 438 p. (In Germ.)
- TMN 1963 — *Dörfer G*. Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. Band I. Mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden: FRANZ STEINER VERLAG GMBN, 1965. 559 p.
- Doerfer G. Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. Vol. 1: Mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH, 1965. 559 p. (In Germ.)
- TMN 1965 — *Doerfer G*. Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. Band II: Türkische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden: FRANZ STEINER VERLAG GMBN, 1963. 671 p.
- Doerfer G. Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. Vol. 2: Türkische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH, 1963. 671 p. (In Germ.)
- Tumurtogoo 2006 — *Tumurtogoo D.* with the collaboration of G. Cecegdari. Mongolian monuments in Uighur-Mongolian script (XIII–XVI centuries). Introduction, transcription and bibliography. Taipei: Institute of Linguistics, Academia Sinica, 2006. 723 p.
- Tumurtogoo D., Cecegdari G. Mongolian Monuments in Uighur-Mongolian Script (XIII–XVI Centuries): Introduction, Transcription and Bibliography. Taipei: Institute of Linguistics, Academia Sinica, 2006. 723 p. (In Eng. and Chin.)
- Uuda et al. 1985 — *Baryu aman ayalyun-u üges = Ba’erhu tuyu cihui* 巴尔虎 土语词汇 [=Лексика баргутского говора] [Mongyol töröl-ün keke ayalyun-u sudulul-un çuburil 003]. Kökeqota: Öbör Mongyol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 1985. 10, 226 p.
- Uuda et al. Baryu aman ayalyun-u üges = Ba’erhu tuyu cihui 巴尔虎 土语词汇 [Barghut Vocabulary] (Mongyol töröl-ün keke ayalyun-u sudulul-un çuburil 003). Hohhot: Inner Mongolia People’s Publishing House, 1985. 10, 226 p. (In Chin. and Mong.)
- W 1972 — *Weiers M*. Die Sprache der Moghol der Provinz Herat in Afghanistan. Abhandlungen der Rheinisch-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, Band 49, 1972. 190 p.
- Weiers M. Die Sprache der Moghol der Provinz Herat in Afghanistan (Abhandlungen der Rheinisch-Westfälischen Akademie der Wissenschaften 49). Opladen: Westdeutcher Verlag, 1972. 190 p. (In Germ.)

Zalizniak 2016–2022 — The Database of Semantic Shifts. M.: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2016–2022 [электронный ресурс] // URL: <https://datsemshift.ru> (дата обращения: 01.12.2023).

Zalizniak A. et al. Database of Semantic Shifts. Moscow: Institute of Linguistics (RAS), 2016–2022. Available at: <https://datsemshift.ru> (accessed: 1 December 2023). (In Eng.)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ORIENTAL STUDIES

2024. Т. 17. № 6

Главный редактор – Куканова В. В.

Дата выхода: 27.12.2024.

Формат бумаги 60x84¹/₈. Усл. печ. л. 26,97.

Тираж 100 экз. Заказ 33-2024.

Подписной индекс 10236. Цена свободная.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»
(Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8)

Адрес редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,
Тел. +7(84722) 3-55-06

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com
сайт: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8